

Л. Е. ГРИНИН

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

**(Опыт философско-социологического анализа
некоторых общественных законов и построения
теории всемирно-исторического процесса)**

ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Издание 3-е, переработанное и дополненное

Издательство «Учитель»

Гринин Л. Е.

Г 85 Философия, социология и теория истории. (Опыт философско-социологического анализа некоторых общественных законов и построения теории всемирно-исторического процесса): Пособие для студентов по социальной философии и социологии. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - Волгоград: Учитель, 2003.-357 с.

ISBN 5-7057-0051-2

Пособие представляет собой оригинальную философско-социологическую концепцию. Автор, опираясь на лучшие традиции отечественной общественной науки и достижения западных ученых XX в., строит цельную теорию исторического процесса, вскрывает его важнейшие взаимосвязи и движущие силы. Пособие будет весьма полезно не только студентам, изучающим философию, социологию, историю и другие общественные науки, но и преподавателям, аспирантам, всем интересующимся проблемами философии, социологии, теории истории.

ББК 87.6 я 73

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всего пособия или любой его части, а также реализация тиража запрещаются без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7057-0051-2

© Гринин Л. Е., 1995-1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это пособие создавалось в то время, когда я был еще «ученым-в-себе», поскольку по не зависящим от меня причинам не мог публиковаться и никому не был известен. За время, прошедшее с момента выхода в свет первого издания этой книги, в моей научной биографии произошли большие изменения. Данный труд прочитало много специалистов, и можно сказать, что мои идеи оказались востребованными. Кроме того, я защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации и, так сказать, официально вошел в научное сообщество. Но главное, я начал издавать специальный журнал по философии и теории истории — «Философия и общество». Подобного издания весьма не хватало, и потому в нем стали сотрудничать наши известные теоретики. Таким образом, я получил трибуну, через которую могу знакомить обществоведов со своими изысканиями.

Вероятно, с сегодняшних позиций «Введение», в котором уделено большое место рассказу о моем достаточно необычном и трудном жизненном пути, я написал бы по-иному. Но все внимательно перечитав, я решил, что правильнее будет оставить его без серьезных изменений. Я и сегодня уверен, что чем больше знает читатель об авторе, тем лучше поймет его мысли. Поэтому тот, кто захочет, пусть прочтет, почему и как я пришел к изложенным в этой книге выводам, почувствует, что они не просто плод академических размышлений, но буквально выстраданы.

Во втором и третьем изданиях, помимо стилистических правок, я также сделал кое-какие вставки и изменения, поскольку за это время и мои собственные представления претерпели существенные коррективы. С другой стороны, я несколько облегчил текст. Это можно было сделать еще и потому, что теперь мне проще разделить учебные и научные задачи. Ведь большинство проблем, излагаемых здесь, более глубоко и основательно исследуются в моей книге «Формации и цивилизации», которая публикуется в журнале «Философия и общество»¹. Поэтому всех, кто хотел бы увидеть более обстоятельный анализ тех или иных вопросов, я отсылаю к этой работе.

¹ См. журналы за 1997–2002 гг. и все последующие. См. также мою книгу: Гри-нин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. М.: Теис, 2000.

ВВЕДЕНИЕ,

в котором автор рассказывает о себе и своих идеях

...Во всякой философии истории... важно прежде всего определить цель.

Реймон Арон

Иногда предисловие оказывается скучнее самого произведения. Здесь введение, напротив, должно облегчить читателю вхождение в сложные проблемы, предварить восприятие некоторых дальнейших выводов. Оно помещено не из тщеславия, а чтобы стало понятнее, как родились идеи, изложенные в книге, и почему автор считает их важными.

Это пособие — не конспект для скорейшего выучивания философии. Оно действительно способно помочь на экзамене, поскольку в нем рассматривается большинство разделов программы. Но следует хорошо понять, что ответы и выводы здесь во многом необычны. Для успешной же сдачи экзамена всегда, а при нынешней разноголосице программ и учебников особенно, самым лучшим пособием были лекции преподавателя. Каков он? Вам знать лучше. Если из тех, кто не хочет, чтобы студенты «высовывались», значит, держите полученные сведения при себе: беднее не станете. Но если он любит свою науку, новое от учащегося воспримет как свою победу: значит, сумел заинтересовать вас и вы стали, употребляя образное выражение Маркса, самостоятельно карабкаться по каменистым кручам науки. Я же хочу — помимо вашего успеха на экзамене, — чтобы и вы поняли то, что сам я уяснил давно и твердо: содержание того, что раньше называлось историческим материализмом (истматом), а сегодня представляет пеструю смесь его с различными западными учениями, не отвечает современному уровню общественной науки, есть вчерашний день и философии, и истории. Я же весьма серьезно отношусь и к той и к другой, поэтому не могу — как ни хотелось облегчить жизнь студентов и сделать для них простенькую шпаргалку — писать то, что считаю неверным.

Эту книгу я задумал давно. Она для тех, кто хочет разобраться в сложнейших вопросах и проблемах философии и теории истории, исторического пути человечества и отдельных стран. Я прекрасно знаю, что таких мало. Но они есть! Ведь и в самые мрачные и темные времена находились люди и руки, что принимали переданный им

факел знаний. Бывали периоды, когда он еле тлел, дымил, но его сохраняли, чтобы потом он превратился в яркое пламя. Если вы пройдете со мной по этим страницам, то, возможно, сумеете обрести путеводную нить по трудной, но интереснейшей науке об обществе. И если в будущем вы сами сумеете «спрясть» новую, более прочную нить, это будет прекрасно, потому что в науке нельзя останавливаться. Я буду рассказывать вам (здесь и иногда в отдельных главах), как и почему пришел к созданию собственной теории, потому что убежден: чем больше знаешь о творческом пути автора, тем лучше поймешь его идеи. Как сказал прекрасный французский историк Марк Блок: «Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включенных в самые важные места и озаглавленных примерно так: «Каким образом я смог узнать то, о чем буду говорить?» [10; 41]².

Я тоже был таким, как и вы, и учился на историческом отделении пединститута. Обладая пытливым умом, все больше и больше замечал логические противоречия в изучаемых науках. Большой заслуги здесь не было: они буквально кишели ими. И уже на втором-третьем курсах я понял, хотя мои знания по истории на тот момент были весьма скудными и искаженными, что существующая теория исторического материализма и собственно история сильно разнятся между собой.

В этом мне очень помогла книга советского историка А. Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе», которую, кстати, наш преподаватель упорно не советовала нам читать, чтобы «не затемнять голову». Когда же познакомился с книгой В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история», в моем историческом мировоззрении произошел буквально переворот. Не потому, что сам автор написал нечто особое, но потому, что он ввел меня в проблему дискуссий об азиатском способе производства, длящихся аж с 20-х годов по сию пору. Я узнал множество исторических фактов, не укладывающихся в т. н. «пятичленную» теорию («пятичленку») общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. И уже одно только то, что феодализм — в теории третья формация — долгое время уступал по развитию производства и культуры рабовладельческому Риму, наглядно демонстрировало неспособность нашей философии объяснить историю.

Позже новым открытием для меня стало то, что истмат — лишь односторонний марксизм. Большой вклад в превращение в догму

последнего сделал уже Ленин, но в окончательном виде он сложился в работах популяризаторов марксизма в 20–30-е годы под руководством Сталина. И хотя «пятичленка» выросла из трудов Маркса и Энгельса, сами они ее в законченном виде не излагали, как не создали вообще системных работ по всему комплексу проблем исторического материализма. Многие идеи истмата, разрабатываемые нашими советскими учеными, были взяты из черновиков и ранних работ Маркса и Энгельса. Нередко они противоречили опубликованным вариантам или более поздним трудам. Марксизм представал неоднородным и поддающимся разным толкованиям.

Наконец докопался я и до одной из самых главных ошибок в истмате — исключительно преувеличенной роли собственности на средства производства. Она выступала как ведущая причина эксплуатации и неравенства и одновременно как основной признак общественной формации и всей «пятичленной» теории. Однако я видел, что в СССР прекрасно обходились иными, чем частная собственность, способами угнетения. Выяснилось, что и во многих древних и средневековых обществах главную роль играли налоги, государственное принуждение или военный грабеж, а не собственность. В раннегосударственную же пору у многих народов не собственность на средства производства определяла положение человека в обществе, а, напротив, знатность и общественная роль делали его собственником. Сравнивая то, что мне становилось известным о западных теориях, я видел, что в некоторых случаях более верно отражали действительность они, а в других — марксизм.

Мучительные попытки примирить противоречия неожиданно родили собственную совершенно оригинальную идею о том, что собственность, налоги, государственное распределение, военный или колониальный грабеж и др. — суть способы, с помощью которых в разных обществах по-своему перераспределяют произведенное. Следовательно, их можно объединить в одну категорию — **распределительные отношения**. Марксова теория собственности входила бы в эту как частный случай. Значит, снималось неразрешимое теоретическое противоречие между реальной историей и рядом марксистских и немарксистских постулатов. Это могло походить на то, как физические законы, верные при определенных условиях, включались в более объемную теорию (например ньютоновские законы в теорию относительности Эйнштейна). Позже я прочитал, что физик Бор вывел общеметодологический закон,

согласно которому прежние теории, если в определенных ситуациях они верны, полностью не отбрасываются, а становятся предельным случаем более широких научных конструкций. В моем случае было именно так: ведь Маркс создавал свое учение, прежде всего, чтобы объяснить капитализм. Отсюда и натяжки в отношении других эпох. Так проникся я убеждением, что теоретик должен пытаться объяснить и систематизировать все факты, имеющие существенное отношение к делу, которые ему известны. А если какие-то из них не поддаются толкованию в рамках его логики, их ни в коем случае нельзя отбрасывать или игнорировать. Нужно стараться развить или изменить свою теорию так, чтобы она объясняла их более удовлетворительно, попытаться найти в них новые аспекты и стороны. Мне нередко удавалось таким образом углубить собственное понимание законов или сделать более широкие обобщения. Факты, которые не укладываются в конструкцию ученого или «притягиваются им за уши», должны стать его проклятием, тем пунктиком, к которому он постоянно возвращается; только таков путь к развитию любого учения и науки в целом. В нашей же философии, в чем я убеждался все больше, игнорировали ради устаревших догм не просто часть фактов, а большинство их, иллюстрируя его «законы» меньшинством, превратно излагая даже эти моменты.

Отсюда и следовал неизбежный вывод о том, что марксизм может быть использован только творчески. И всякие его выводы, явно не соответствующие историческим фактам, нужно беспощадно отбросить.

Сохранить же необходимо некоторые методы, идеи, подходы и творческий дух научного марксизма. Отвергать его с порога полностью — глупость. Этого не делают даже в западной науке, на которую Маркс оказал немалое влияние. Один из самых системных его критиков Арон писал: «Когда речь идет о вкладе Маркса в общественные науки, мы готовы сказать, что все мы немножко марксисты» [4; 170]. Он же назвал Марксово учение неоднозначным и неисчерпаемым. Без труда можно привести подобные высказывания и ученых других направлений. Сам я считал и считаю огромным вкладом Маркса и Энгельса в философию истории анализ экономического фактора, исторический подход к явлениям, попытку научной периодизации истории и многое другое. Учитывая, что за Марксом стоят Гегель, А. Смит, Рикардо, Сен-Симон и другие выдающиеся умы, вряд ли стоит отказываться от марксизма «не

глядя», лишь по политическим мотивам. В нашей стране не одно поколение ученых выросло на нем: усвоило его дух и метод, терминологию и проблематику. Почему же нам не иметь эту философскую школу? Разумеется, творческую, а не догматическую.

Однажды я вычитал, что многие серьезные открытия были сделаны учеными в очень молодом возрасте. Затем они бились над выражением, развитием и проверкой своих идей, но сам момент прозрения состоялся именно в юности. Объясняется ли это тем, что молодой, талантливый ум не успевает закрепоститься, перегрузиться информацией и оттого взгляд его более свеж и нетрадиционен, не знаю. Однако я тоже сделал первый шаг к своей теории в 20 лет. И с тех пор не знал покоя.

По совету друга я стал записывать свои мысли и вновь убедился в их важности. Но сразу же мне стал виден тяжелый жизненный крест, который я выбирал. По мытарствам своих родителей я хорошо знал, что опубликовать вообще что-либо в нашей стране без покровительства невероятно сложно. Его у меня не имелось ни в издательствах, ни в научном мире. Надежды же напечатать что-то, противоречащее официальной идеологии, не было вовсе никакой. Наконец, это было и просто опасно.

В то же время как молодой романтик я мечтал своими идеями перевернуть мир. Правда, без такой веры я не смог бы выдержать долгие годы, занимаясь трудным, бесперспективным и рискованным делом. Значительно позже я понял, что мир перегружен информацией, и если в теории нет сенсационности, то без хорошей рекламы ей трудно стать достоянием публики. В первое же время я был крайне удивлен, что сделанное мной открытие пришло в голову только мне. «Этого не может быть! — думал я. — Скорее всего мне просто неизвестно, что кто-то уже высказал подобное или доказал его абсурдность». И принялся перелопачивать все, что мог найти (в переводах, переложениях, «критике», из вторых и третьих рук) западных и дореволюционных авторов: в целом горы литературы. Но если отдельные мысли действительно не всегда были оригинальны, то ничего похожего на свою теорию я не находил. А она все расширялась. Нашупанный мною метод искать более широкие обобщения, которые бы объединяли не только многообразие фактов, но и противоположные теории, позволял делать открытие за открытием. Одновременно прояснилось, что многие западные ученые предпочитают более частные, прагматичные (или сенсационные)

подходы, считая бесплодным поиск общеисторической теории. С одной стороны, это пугало: «А вдруг я изобретаю велосипед?», с другой — сильнее убеждало в возможности и необходимости такой теории.

Сначала меня удивляло еще и то, что некоторые мои мысли совпадали с выводами других ученых, хотя те исходили совсем из иных методологий и основ. Так, я убедился, что теории делятся не на единственную правильную и остальные ложные, а на более и менее верные. А познавать мир, действительность можно различными путями, с разных позиций. Важную роль в этом прояснении сыграли книги английского историка и философа Робина Коллингвуда «Идея истории» и «Автобиография», показавшие мне, что между разными учениями нет пропасти. Это понимание ни в коем случае, однако, не снимало с повестки дня вопрос о том, какое учение вернее и точнее объясняет реальность, лучше поможет исследователю в его поиске; напротив, делало соревнование идей увлекательным.

Кроме Коллингвуда, укажу еще нескольких зарубежных ученых, которые произвели на меня большое впечатление. Заметный след в плане общей методологии философии оставила книга французского антрополога Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека», о которой еще будет речь. Вершина, на мой взгляд, зарубежного марксизма XX в. — монументальная монография Карла Каутского «Материалистическое понимание истории» — много помогла мне в вопросах движущих сил истории и происхождения государства. Процесс возникновения, старения и смены научных теорий (парадигм) прояснила книга американца Томаса Куна «Структура научных революций». Поразила ясность мысли английского логика и философа Бертрانا Рассела в его «Истории западной философии» и других книгах. Уже много лет спустя книга Рудольфа Карнапа «Философские основания физики» позволила мне вникнуть в теорию познания (гносеологию), понять, каков механизм научных обобщений, без чего я не смог бы разобраться в проблемах законов истории.

После окончания института я учительствовал пять лет в селах и хуторах. Жизнь в глуши имела и свои преимущества: оставалось много времени для творчества. Но это увлечение приходилось тщательно скрывать, поскольку власти «развитого социализма» душили всякую живую мысль и строго наказывали «мыслителей». Однажды институтский товарищ при встрече в Волгограде напугал меня вопросом, почему это мной интересуются «органы». После этого

я закопал в землю один экземпляр рукописи, на случай, если отберут. О своей работе я говорил лишь с закадычным другом.

Надежд на публикацию в СССР не было никаких, но дать жизнь своему детищу хотелось мучительно. Я все чаще думал о том, чтобы напечататься за границей. Однако никаких выходов ни туда, ни к тем, кого называли диссидентами, у меня не было. С одним известным оппозиционным историком в Москве встретиться все же удалось, но помочь мне он отказался.

Духовный кризис несколько разрядила перестройка. Появился шанс хоть по кускам, выжимками, но без боязни репрессий пытаться пробиться легально. Но это был тернистый путь. Сил для пробивания нужно было гораздо больше, чем для написания. И без того я был перегружен семьей и работой ради заработка. Отнимая время у сна и отдыха, я писал; урывая из крошечного семейного бюджета — несколько раз в год летал в Москву.

Теперь я ближе познакомился с научным миром. Ученые-москвичи произвели на меня неприятное впечатление людей, делавших вид, что чрезмерно заняты. Практически не было каких-либо серьезных обсуждений моих идей. Все же несколько достаточно видных научных работников высоко оценили их, даже попытались сделать некоторые шаги, чтобы помочь. Самым заманчивым оказалось обещание организовать публикацию в серьезном журнале. Один бог знает, сколько умственных сил мне потребовалось, чтобы втиснуть сотни страниц текста в 30 страничек статьи. Но вышла она сильной и толковой.

Никогда — ни до, ни после этого — я так не переживал: возьмут или не возьмут статью в журнал? Наконец (о радость!) ее приняли и редактор пообещал, что через год (такова очередь) ее опубликуют. Год казался мне — нетерпеливому — астрономическим сроком. Однако уже через месяц меня постиг удар: статью неожиданно вернули с отпиской, что она не по профилю журнала. Много было всяких разочарований, долго рассказывать обо всех остальных моих попытках так или иначе пробиться. А выдумки у меня хватало... Дальше чем сказать: «Вы — талантливый человек!» — дело не шло. Один профессор после неудачных попыток помочь мне высказал то, что я уже и сам понял: «Леонид Ефимович! Ничего сделать невозможно, в журналах кругом — мафия».

Встречались мне и интересные ученые, и «серые мыши». Были и монстры, которых никакая сила не могла сдвинуть с окаменевших

догм. «Попы социалистического прихода», высиживающие десятки лет каждую запятую у Маркса, называл таких Франц Меринг. Они производили впечатление «парка юрского периода». В 1988 г. (!) один профессор заявил мне: «Что это вы пишете, что базисом нужно считать не производственные отношения, а производительные силы? Так вы скажете еще, что и диктатура пролетариата не нужна!»

После двух лет таких мытарств я ясно понял, что увидет вся жизнь, прежде чем появится надежда на успех. Без блата окончательно провалились и все мои потуги пробиться в «науку» — в праве работать в институте и писать диссертацию мне было отказано³.

И вот все чаще я стал думать о судьбе немецкого археолога Генриха Шлимана. С юности он уверовал в реальное существование гомеровской Трои, но никто не поддержал его. Тогда Шлиман занялся торговлей, разбогател и стал независимым. А затем — вопреки всем — на свои деньги организовал экспедицию и открыл Трою. У нас уже распространялись первые кооперативы. И я решился. Впрочем, терять мне было нечего.

Особая статья описывать, сколько сил, нервов и ума потребовалось, чтобы создать и наладить свое предприятие — частное издательство. Мы стали выпускать учебную литературу. Трудностей здесь было не меньше, чем на научной стезе, но результат выходил иной. Дело наладилось. Бизнес захватил меня: и потому, что он представлял вид творчества, и, конечно, по материальным мотивам. Интересно было и создавать совершенно новые пособия по обучению сочинениям. Года через два уже имелось достаточно средств, чтобы печатать мои изыскания по философии. Но требовалось несколько месяцев, чтобы все переосмыслить и изложить в нужной форме. Времени же не было: предприятие невозможно было просто оставить. Несколько позже — когда уже можно было говорить учащимся правду — я взялся за написание очень нужных пособий по истории России.

Все эти годы я не забывал о главном своем призвании — как я его понимал — научном. Помнил я и о том, что не в богатстве только смысл жизни и не хлебом единым жив человек. Однако казалось страшным вновь поднимать такую глыбу. Суворов говорил, что крепость, подобную Измаилу, можно решиться штурмовать лишь один раз в жизни. То, что я пытался сделать, — тоже.

Все же пришло время, когда я почувствовал себя внутренне готовым к этому, тем более что и досуга стало побольше. Перечитав все свежим взглядом, я убедился, что работа была сделана новаторская и по-

прежнему крайне необходимая. Я сам слишком долго наощупь искал путь к истине, пусть облегчится поиск других. Однако я стал более зрелым, сказался пережитый общественный опыт перестройки. Очень многое пришлось переосмыслить и переделать. Особенно в представлении о том, что такое общественные законы, какова должна быть методология исследования. (Впрочем, процесс изменения и эволюции взглядов идет постоянно.) Тем не менее очень многое и сохранилось. Работа отлежалась, и мне удалось разрешить ряд проблем, прежде не поддающихся, что сделало теорию более основательной.

Перечитал я и новые учебники по социальной философии. Они, безусловно, сильно переменились по сравнению с прошлым. Исчезла социалистическая фразеология, Маркс и Ленин в основном поставлены в ряд с другими философами. Полезны широкие историко-философские подборки и справки, они позволяют многое узнать о разных точках зрения. Пособия различаются между собой. Написанные одним автором обычно лучше тех, что сделаны коллективно. Но все же — больше или меньше — основой этих учебников остается марксизм. Причем мертвый марксизм. Фактически учебные пособия представляют собой смесь (эклетику) старого истмата и выхолощенных идей западных ученых самых разных направлений. Главное же, внутренне, логически они мало связаны⁴. Разумеется, это коренным образом лучше того, что было в мое время. Однако все же такие учебники либо возвращают нас к философии вчерашнего дня, либо больше напоминают словари-хрестоматии по философии, некую информативную справку.

Между тем ни словарь, ни энциклопедия не могут сформировать мировоззрение. Да и трудно студенту, и вообще читателю разобраться в такой пестроте, не имея путеводной нити, не обретая инструмента для анализа истории. По-прежнему нужны, как воздух, стройные, логичные, непротиворечивые теории, объясняющие известные факты, вводящие в коренные проблемы философии и показывающие возможные их решения. Именно такие концепции требуются думающему человеку, чтобы он мог выработать собственную точку зрения. Мировоззрение, способное верно понимать жизнь, дается упорным трудом и основывается на внутренне цельных идеях. Я буду рад, если и мой труд поможет в этом. Тем более что убежден: когда общество немного отпустят острые экономические болезни, в некоторой его части неизбежно усилится тяга к философии, и сейчас

уже заметная.

Теперь несколько слов о том, на что обратить внимание. Я прежде всего старался ввести в суть проблем и показать вариант их решения. Поэтому ограничивал критику и дискуссии, в которых тонет мысль. По этой же причине и из экономии места я часто привожу в сносках те или иные высказывания и цитаты без комментариев. Иногда такие сноски даются для иллюстрации сказанного, иногда — для подтверждения моей мысли. В последнем случае не следует автоматически ставить знак равенства между сказанным мной и вынесенной цитатой. Я просто оставляю за читателем возможность самому понять разницу. Для лучшего усвоения написанного можно посоветовать читать работу в два приема: сначала просто авторский текст, чтобы понять суть дела, во второй раз — обращать внимание на сноски и приложения.

Я старался сделать все, чтобы быть предельно ясным, облегчить восприятие написанного. Но надо помнить, что такое чтение не бывает приятным отдыхом — это неизбежный труд.

Возможно, иной читатель подумает, что я знаю ответы на все вопросы. Отнюдь... В юности мечтаешь перевернуть мир, открыть философский камень. Теперь же мне все чаще вспоминается великий Ньютон. В то время как другие считали, что его теория объясняет весь мир, сам он говорил, что видит себя только мальчиком на берегу океана, подбирающим разноцветные камушки...

Но все равно — в путь к этому океану знаний.

Глава 1. ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Если старые хроники вновь обрели в наших глазах свою прелесть, то широкие конструкции философии истории остаются настойчивой потребностью нашего ума.

Франсуа Гизо,
французский историк XIX в.

§ 1. Философия и история

В древности в греческом городе Элея в Италии жил философ Зенон, названный «изобретателем диалектики». Он прославился своими парадоксами, в которых ставил под сомнение мыслимость движения.

Так, он доказывал, что Ахилл не догонит черепаху, летящая стрела стоит на месте и др. С точки зрения здравого смысла, такая «диалектика» нелепа. Однако для философии эта проблема долго была неразрешимой. Она наглядно показывает, что между реальным миром и нашим осмыслением нет полного совпадения.

Длительный спор о возможности теоретического анализа истории мне нередко представляется современным парадоксом Зенона. В XIX веке, которому предрекали стать веком истории, возникли идеи о полной специфичности истории, у которой, по высказыванию Артура Шопенгауэра, «отсутствует фундаментальная характеристика науки» и ей под силу «только представить простую координацию зарегистрированных ею фактов». Здравая мысль о том, что история занимается единичными и уникальными фактами, была, как водится, доведена до абсурда и логического кризиса (уже в XX веке). Один из виднейших представителей этого подхода, немецкий философ Генрих Риккерт, называя историю «идио-графической» наукой, то есть о неповторимом, индивидуальном, утверждал, что «могут существовать науки, которые вовсе не интересуются законами».

Возможно, это была реакция на достаточно многочисленные в XIX–XX вв. попытки найти «архимедову точку зрения», по которой весь мир исторических явлений обзревается зараз» [35; 10]. Такие подходы — безусловно, имевшие под собой важную правоту — слишком часто страдали односторонностью, а то и вовсе претендовали предсказывать будущее. Они могли предстать в виде реализовывающего себя в истории «мирового духа» (Гегель) или в виде различных определяющих ее факторов: географической среды (В. Кузен, К. Риттер), производительных сил (Маркс), способов мышления (О. Конт), законов эволюции (Г. Спенсер) и др.

Итак, истории со стороны глобальных теорий грозили игнорирование фактов, предначертанность в будущем (фатализм), а со стороны блюстителей уникальности — расползание, превращение в грудку фактов, которые каждый историк волен комбинировать по своему вкусу. В конце XIX — начале XX века эти крайности пытались примирить методология истории, желавшая объяснить, как же все-таки историк создает свое произведение, как отбирает факты, толкует их, связывает между собой и т. п. Отрицая широкие схемы, это направление заключало, однако, что ни причинность, ни возможность построения теоретических моделей в истории отвергнуть нельзя. Один из ведущих социологов XX в. Макс Вебер писал по поводу попыток

игнорировать проблемы причинности и других: «Если история хочет подняться над уровнем простой хроники, повествующей о значительных событиях и людях, ей не остается ничего другого, как ставить такого рода вопросы» [15; 465].

В то время как в СССР исторический материализм искажал и душил живую историю, на Западе, в том числе и как реакция на это, активно предпринимались попытки выбросить не только философию истории (равно как и вообще «метафизическую философию»), но даже и общую социологию, растворив ее в частных дисциплинах. Вместе с этим постоянно возникали те или иные теории, стремившиеся дать картину всемирной истории, все равно признававшие или нет наличие в ней закономерностей. В послевоенные годы в связи с осязаемым переходом в новую технологическую эпоху стали возникать теории единого, нового индустриального, технотронного и других «обществ». Эти теории включали в себя и периодизацию истории, опирающуюся на характер производства. Это их существенно сближало с марксизмом. Начавшаяся и усиливающаяся научно-техническая революция сужала возможность представлять историю как чистую науку, повествующую «о значительных событиях и людях».

Канадский исследователь А. Дюбюк на одном из конгрессов исторических наук (в 1970 г.) отмечал, что с 20-х годов XX в. усилились сближение истории и общественных наук, их взаимное обогащение. «С одной стороны, — говорил он, — общественные науки должны были поставит перед историками новые проблемы, которые предстояло разрешить. С другой стороны, с получением определенного познавательного багажа общественные науки позволили историкам отделаться от каких-то предубеждений и неосознанных представлений».

Итак, становится очевидно, что простое собирание фактов, попытка писать историю «просто, как оно было», на практике неосуществимо. Да и в самом деле, как отобрать из тысяч и тысяч фактов наиболее значимые, важные, как расположить их, определить, где причина, а где следствие, где закономерность и случайность, где предопределенность прошлым или свободная игра исторических сил?.. И бесчисленные иные вопросы... Следовательно, историк не может быть полностью свободен от всякой философии, или, как ее нередко называют на Западе, идеологии. Поэтому гораздо вернее стремиться к наиболее научной философии истории (как бы ее ни именовали: социологией, социальной философией, методологией и т. п.). По

верному выражению одного ученого, она является одновременно синтезом и интерпретацией истории. На мой взгляд, она должна пытаться соединить прошлое и настоящее так, чтобы, во-первых, объяснить настоящее из прошлого, во-вторых, не игнорировать реальные факты и не сбиться на бессмысленное теоретизирование. Важнейшей ее задачей является помощь в установлении правильного взгляда на историю, с одной стороны, как науку конкретную, об индивидуальном, каждый момент которого неповторим и своеобразен, с другой — ошибочности попыток представить ее как чисто фактологическую (эмпирическую). Это мало что дает истории, не позволяет автору и читателю увидеть описываемые события в правильном контексте, перспективе, ракурсе, аналогиях и т. п. К такому методу весьма удачно подходят слова Иммануила Канта о праве. «Чисто эмпирическая наука о праве, — пишет он, — это голова (как в басне Федра), которая может быть очень красивой, но, к сожалению, без мозгов». Чтобы без мозгов не оказалась и история, она должна базироваться на какой-то теории⁵.

Уже упоминавшийся Р. Дж. Коллингвуд считал, что те, кто утверждает, будто вообще не опираются ни на какую философию, на самом деле становятся рабами худшей смеси обрывков разных философий⁶. В своей «Автобиографии» он писал, что делом его жизни было добиться сближения философии и истории, в результате чего он пришел к выводу о необходимости создания философии истории.

Делом моей жизни также стало желание создать философию истории. Однако я подходил с другого конца, чем Коллингвуд. Если он боролся с мнением, что историк может вовсе обойтись без теории, то я, напротив, мысленно постоянно спорил с попытками втиснуть историю в жесткую схему. Мне было до боли очевидно, что насаждение догм исторического материализма губит живую душу истории, укладывает ее в прокрустово ложе. И — что самое губительное для исторической науки — заставляет искажать и неверно истолковывать факты, делать неправильные акценты, выводить ложные соотношения и перспективы. Нужно было создать такую философию истории, которая бы являлась не жесткой конструкцией, не однолинейным построением, а своего рода компасом в море фактов, инструментом исследования, аппаратом для диагностики и т. п., но ни в коем случае не предопределяла результат свободного поиска, не давила на исследователя, не закомплексовывала бы его. Такая теория как бы очерчивает круг исследований, в чем-то является алгоритмом,

предостерегает историка от «изобретения велосипеда» или очередного «наступления на грабли», делает все, чтобы помочь отыскать крупницы истины, но какова эта истина — заранее не знает никто.

Против философии истории нередки атаки и с другого конца. Слишком велик объем материала, накопленный историей и другими общественными науками. Поэтому высказываются мнения, что никакие широкие теоретические системы невозможны.

«Сегодня мы имеем бригады специализированных исследовательских работников... которые занимаются определенными социальными проблемами и при случае также могут иметь идеи... Время великих, стройных социологических систем и широких теорий, по-видимому, миновало, по крайней мере сейчас. Вернется ли оно снова — никто не может предсказать», — писал один немецкий социолог в 50-е годы. Подобных и еще более жестких высказываний делалось и делается немало. Но сегодня уже все чаще проглядывается вместо оптимизма по поводу «бригад специализированных работников» тоска по «широким теориям».

Слов нет, задача создания таких систем очень тяжела. Однако она стоит объективно. И никакие обобщающие труды многих ученых, включенные в один или несколько томов, ее не решат. Это возможно только в ее единой концепции. Не так давно прочитанные слова Льва Платоновича Карсавина еще раз вдохновили меня на задуманный труд: «Если в тебе есть исторический талант, ты будешь единственным, неповторимым моментом всеединства, можешь и должен выразить доступный лишь тебе аспект истории человечества, то есть выразить себя самого. Наоборот, нет более безнадежного и, в высшем смысле, бесполезного предприятия, чем модная нынче всеобщая история, написанная группой «выдающихся» специалистов. Исторический «синтез» всегда индивидуален» [23; 220].

Вопросов и проблем, которые возникают при попытках «объяснить» историю, множество. Однако главный выход из положения, на мой взгляд, в том, чтобы и историки, и философы (обществоведы) пытались сблизить свои исследования. Философ должен постоянно проверять свои теории достижениями исторической науки, безжалостно отказываясь от выводов, которые им не соответствуют, хотя бы и пришлось рушить многолетнюю схему. Хороший же историк не замыкается в рамки своего узкого периода и места. Он всегда — теоретик⁷, потому что иначе трудно систематизировать материал.

Чтобы создать теорию, способную верно описать реальность, необходима определенная логика исследования, термины и понятия, их структура и связь. Но поскольку историк часть положений вынужден брать на веру, крайне опасна абсолютизация терминов и категорий. Иной раз они как бы начинают жить собственной жизнью — таковы особенности научного познания, отрываются от практики, игнорируют ее, тем самым увлекая на ложный путь. Следовательно, как узкий специалист должен бояться сбиться на голую фактологию, так теоретик — на схоластику и метафизику.

Теоретическое исследование и знание всегда больше или меньше огрубляют, искажают действительность, поскольку им сначала надо анатомировать ее, разять на части и элементы, функции и отношения, затем описать их в категориях и уже после вновь соединить. Единичное и индивидуальное они должны увидеть во всеобщем, уникальное — в повторяющемся, неделимое и неразъемное — в делимом и разъемном, движение — в покое и т. п. Все это гениально выразил Гете, сказавший в «Фаусте»: «Суша, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет!» Ясно, однако, что иным способом мира не познать.

Складывая свою концепцию, я по крупицам собирал мысли других о том, как вообще создаются такие вещи. Хотелось бы привести несколько высказываний, которые и вам помогут лучше понять этот процесс. Видимо, прав Карл Поппер, отмечавший, что научные теории не возникают в результате т. н. «индукции» из многочисленных наблюдений, а создаются в результате постановки вопросов и ответов на них — ответов, которые потом проверяются всеми возможными способами. Верность теории, по мысли известного американского экономиста Гэлбрейта, можно проверить, если «ответить на вопрос: образуют ли ее идеи единое целое или их приходится объединять насильно». «Реальность, безусловно, многообразна, — писал французский экономист Жамс, — и чтобы ее верно отразить, нужно выбрать правильный механизм анализа». Думается, что это и является важнейшей задачей ученого. Если верно выбран механизм анализа, многое из того, что прежде казалось неразрешимым, вдруг встает на свои места.

Сказанное должно объяснить, что нет и не может быть учения, совсем не имеющего противоречий, раз и навсегда все объясняющего, не требующего с развитием знаний пересмотра. Мы постоянно должны стремиться к этому, никогда не достигая, потому что нет истины

вечной и абсолютной, она всегда в наших знаниях неполна, неточна, временна. Теорий, которые уверяют, что отвечают на все вопросы, нужно остерегаться.

Следовательно, любая доктрина раньше или позже должна быть пересмотрена. Происходит это, однако, очень трудно, особенно если целые поколения ученых привыкают к ней. Им кажется, что с ее уходом кончается и сама наука. Как остроумно заметил один физик, многие теории не опровергаются, а просто отвергаются. Такая болезненная смена научных представлений (парадигм) приводит к тому, как выяснил упоминавшийся Т. Кун, что они сменяются часто не постепенно, а путем научных революций. Между тем при господстве устаревшего типа знаний происходят весьма вредные для науки явления. Их хорошо описала Л. И. Новикова. По ее наблюдениям, такая теоретическая система начинает развиваться в сторону придания завершенности своим постулатам и выводам. При этом возникает как бы иллюзия конечности знания и вечности, незыблемости основ. Система разбухает, размывается, становится все уязвимее для критики, внутренне противоречивой и неспособной к саморазвитию. Это может породить «консервативные, эпигонские, охранительные тенденции к сохранению системы во что бы то ни стало, вопреки фактам»⁸.

Необходимость пересмотра концепций философии истории вдвойне очевидна по самому предмету ее исследования. «Действительная философия истории, — совершенно верно утверждает Арон, — это философия прошлого». И дальше спрашивает: «Но как можно утверждать полную, истинную философию истории, если она еще не завершена?» [4; 52, 53]. В самом деле, построить «полную истинную философию истории» можно только в том случае, если мы точно знаем ее ход в будущем. Но, во-первых, это невозможно, а во-вторых, если сама история нам заранее известна, то не нужна и философия истории.

§ 2. Социология и социология истории

Действительность, которую исследует наука, многообразна, многогранна и бесконечна. Мы же в состоянии познать лишь часть ее. Следовательно, крайне важно сосредоточиться на наиболее значимых направлениях. Если сравнить реальность с гигантским дремучим

лесом, то научная теория будет не столько его подробным планом, сколько описанием тех ориентиров, которые позволят нам пройти этот лес или добраться до нужного места и не заблудиться. Какие-то части леса нам известны довольно хорошо, другие едва-едва, а иные и вовсе terra incognita. И всегда есть опасность заплутаться, сбиться с правильного маршрута, едва мы чуть изменим его. Поэтому в таких «путешествиях» компас — важнейшее дело.

Таким «компасом», позволяющим держать направление, служат методологические правила, законы логики, умение точно поставить задачу и отобрать необходимые для этого научные средства. А также способность очертить границы возможностей, которые дают те или иные подходы и концепции. Ибо нет универсальных на все случаи жизни теорий и методов. Именно поэтому одни и те же объекты могут исследовать разные дисциплины. Так, государство изучается в философии истории, социологии, юридической науке, политологии, истории и др. И везде есть свои нюансы и особенности.

В то же время остры споры по поводу нечеткости границ между науками. Это сложная проблема, поскольку от удачного объединения или разграничения каких-то областей знания во многом зависит и продуктивность исследования. Однако попытки провести такие границы так же точно, как и государственные (а то и поставить «пограничников»), могут превратить знания в «закрытую зону», что ведет к догматизму. Подобный же результат получается и тогда, когда ученые пытаются найти такие определения, законы и методы, с помощью которых хотели бы разом и глубоко объяснить всю огромную реальность. Так, приверженцы исторического материализма полагали, что в этой доктрине даны основные ответы на все обществоведческие проблемы.

Не избежала подобных заблуждений и социология, поскольку в XIX и начале XX века было широко распространено мнение, что она должна быть главной наукой об обществе. Сначала ученые пытались найти общие социологические законы, которые бы подтверждались всегда и везде. Затем стали искать наиболее мелкие единицы социологического анализа, чтобы из законов сочетания таких «атомов» выводить «формулы» общественных элементов и структур. Другие стремились найти наиболее общие методы анализа. Подобно алхимикам, социологи сделали много наблюдений и открытий. Но социологического «философского камня», то есть законов, методов или «клеточек» («атомов»), которые бы позволили превратить

социологию в «социальную физику» (Конт), открыть им не удалось. В результате усилилось направление, утверждающее, что в истории вообще не имеет смысла говорить о законах. А социология трансформировалась в науку, которая изучает преимущественно современное ученое общество, причем особую роль стала играть микросоциология, исследующая даже не общество целиком, а отдельные его явления, с помощью таких методов, как опрос, анкетирование, интервью, наблюдение и прочие. Поскольку эта наука давала важные практические результаты, через некоторое время она стала одной из наиболее развитых и престижных социальных наук.

Но в громаде ее литературы работы, посвященные теоретическим обобщениям о сходстве в структуре и функциях, о типах и т. п. бесчисленных исторических обществ, занимают весьма скромное место. Условно это направление называется исторической социологией. Дело не только в недостаточном ее развитии, а в том, что ее исследования базируются главным образом на принципах и методах общей социологии. Я же думаю, что наиболее плодотворным изучение исторических обществ с позиции их сходства (различия) может быть, только если для решения этих задач появятся собственные теории, принципы и методы. Разумеется, такое направление — я считаю удобным называть его **социологией истории** — будет достаточно тесно связано с социологией и другими общественными науками, а на каком-то уровне или в определенных моментах они смыкаются.

Почему недостаточно подходящи методы общей социологии для исследования закономерностей строения и функционирования исторических обществ? Во-первых, от многих из них осталось очень мало следов, а те, что имеются, не всегда достоверны. Причем объяснение и истолкование их вызывают массу споров. Ведь не можем же мы попросить какого-нибудь древнего кочевника ответить на вопросы анкеты. Во-вторых, те выводы, которые делают историки, археологи, антропологи, языковеды и другие специалисты, основываются на таких вещах, которые или не дают нам возможности их надежно проверить (один-единственный письменный источник, например, из которого известны основные исторические факты целых эпох и стран), или могут быть опровергнуты более тщательными поисками, новыми открытиями, или трактуются по-разному. Скажем, нашли археологи несколько зерен пшеницы на стоянке и сделали вывод, что данный народ уже знал земледелие. А через несколько лет

более тщательный анализ выявил, что это зерна дикой пшеницы. И все выводы — насмарку. А ведь теоретик доверяется, вынужден доверяться в датировках и прочем конкретным исследователям.

В-третьих, древние общества по многим направлениям резко отличаются от современных. То, что совсем не просто даже представить себе, общинные отношения, кастовый строй, власть религии над умами, стремление к войнам и военной добыче и многое другое, являлось прежде обычным и распространенным. Собственно, и некоторые крупные специалисты подчеркивают ограниченность применения социологии к анализу исторических обществ, отмечая, что предметом ее изучения являются социальные институты, возникшие прежде всего в результате промышленных преобразований *за последние 200–300 лет* (Э. Гидденс). Но и при анализе обществ XVIII–XX веков далеко не всегда социологические методы оказываются удобными.

Наконец, цель современной социологии — выводы, касающиеся короткого периода в конкретном обществе, а часто и просто в отдельных населенных пунктах. А чтобы обозреть множество обществ за тысячелетия, найти в них те или иные сходства, нужны иные методы, о которых мы будем еще говорить во второй части. Теперь же главное понять, почему следует развести общую социологию и социологию истории. Последнее есть направление, которое исследует существовавшие и существующие общества в масштабах всей истории. Ее первая задача — найти сходства в этих очень непохожих коллективах, в их строении и функционировании, используя специфические для нее методы. Но, однако, лишь в виде наиболее общих правил, принципов и подходов, так, чтобы не принуждать исследователя к готовым выводам, чтобы принцип помогал ему искать, а не давил на него.

Другая задача — показать типы обществ на разных этапах и вообще объединить их в группы. Но поиск различия удобно вести, когда мы уже определились со сходством. Причем здесь мы абстрагируемся от исторического развития. В первом приближении мы не делим общества на прогрессивные или нет, на перспективные и нет, не выделяем особо те, которые имеют родство с современными (в плане их устройства и прочего), а рассматриваем все общества как теоретически равноправные. И лишь затем, во вторую-третью и последующие очереди (в зависимости от широты задачи), мы начинаем их сравнивать и классифицировать.

Однако если мы захотим представить историю как процесс, построить теорию этого процесса, мы обращаем преимущественное внимание на то, какие общества внесли какой вклад в развитие человечества, какие стали примером, маяком для других, с каким обществом-первопроходцем связан переход на данный этап, какие общественные институты (например христианство, частная собственность и пр.) какую роль сыграли⁹.

Если мы не попытаемся разграничить эти аспекты (которые, конечно, тесно связаны и на уровне конкретного исторического общества смыкаются), то или вообще откажемся от поиска законов, или будем уверять, что эти законы одинаковы для любого общества. Таким образом, я исхожу из того, что три тесно связанные направления (или науки), изучающие одну реальность, имеют важные различия, которые и должны учитываться в методах, проблематике, терминологии.

Философия истории исследует движение человеческой истории, как бы абстрагируясь от детального строения общества как системы (организма, структуры) и от конкретных линий и направлений исторического процесса. Она пытается создать основу для изучения общества и исторического процесса, особое внимание уделяя соотношению общественной реальности (онтология) и тому, насколько мы правильно можем понять ее (гносеология), в какой мере, когда и как можно использовать полученные знания (методология истории).

Философия истории исследует такие проблемы: 1) что такое общественные законы, каковы их типы, виды, правила применения к анализу социальной реальности; 2) некоторые свойства человеческих коллективов и человека как члена общества; 3) причины (движущие силы) развития и застоя, в том числе и различные факторы влияния на историю: роль личности, природы и т. п.; 4) что такое общественный прогресс; 5) возможность предвидения будущего и т. н. смысла истории; 6) историческое пространство и время; 7) свобода и необходимость и т. п. Ряд этих проблем мы и рассмотрим в первой части.

Социология истории — направление, которое изучает исторические общества как самостоятельные системы, частично абстрагируясь от исторического их развития, от того, по какому пути они пошли, пытается выработать термины, методы и правила, которые бы позволили исследователю, изучающему отдельные периоды, общества и подсистемы, сравнивать разные социальные организмы. Примерно

так, как теория машин дает представление о любом механизме, но только детальное знакомство с любым из них позволяет понять конкретные его особенности.

Наконец, **теория исторического процесса** исследует историю как процесс, ее переходы, причины перехода от этапа к этапу, наиболее перспективные моменты, позволившие совершить рывок, а также то общее, что можно выделить в каждом периоде.

Таким образом, всемирная история предстает как бы в трех аспектах. Однако они тесно связаны между собой, поскольку исследуют единую реальность и имеют общие методологические правила. Исходя из такого понимания, я и разделил свою работу на три части. В первой речь идет о философских проблемах истории. Во второй — о социологии истории (общество рассматривается как система). В третьей излагаются основы теории исторического процесса.

По ходу изложения (а также в заключении) я объясняю, какой метод и почему применяю. Итак, можно сказать, что эта работа находится на стыке философии, социологии, теории и методологии истории. А синтез, как известно, может давать хорошие результаты.

И, наконец, последнее замечание. Надеюсь, что вам теперь будет яснее, почему любой теоретик (и я тоже) вынужден следовать определенной логике изложения, должен анализировать различные термины, законы и категории. Это, конечно, трудно для восприятия, но необходимо для понимания. А теперь скорее в путь. Запаситесь терпением, оно вознаградится.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Глава 2. О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ

Но разве не видно, что в том и в другом случае перед исследователями стоит аналогичная проблема, которая должна решаться одним и тем же методом: открыть в исключительном всеобщем.

Пьер Тейяр де Шарден

§ 1. Вопрос из категории «вечных»

Как видно из предыдущей главы, одним из самых спорных в философии является вопрос о том, подчиняется ли ход истории неким законам или «история и закономерность — суть понятия, взаимно исключают друг друга» (Риккерт). Спектр мнений очень широк, но в целом проблема вращается вокруг двух полярных идей. Либо законы «с железной необходимостью» (Маркс) пробиваются сквозь препятствия, либо случайность всегда может переменить ход истории, следовательно, ни о каких законах говорить не имеет смысла. Первое мнение ведет к фатализму (представлению, что все в будущем заранее предопределено), второе есть фатализм наизнанку, и обе крайности

сходятся в ненаучности.

Подобные вопросы из тех, строго однозначно разрешить которые невозможно, поскольку бесспорных доказательств той или другой точки зрения нет. К тому же они связаны с еще более общими, «вечными» проблемами: что первично, материя или сознание? существует ли Бог? и т. п. Думается, в известной мере это дело веры, принятия некоторых принципов как аксиом. Следовательно, переубедить крепко убежденного в том или ином человека почти невозможно. Все же в нашем случае можно попробовать выстроить достаточно аргументированную систему доказательств.

Разумеется, до полного отрицания причинно-следственных связей мало кто доходит, поскольку тогда исчезает и сама история. Но от признания причин до признания законов дистанция огромная. Наглядное доказательство отсутствует¹⁰, поскольку совершившееся нельзя повторить заново, как физический опыт.

Да и исторические события гораздо более индивидуальны, чем события материального мира (хотя бы потому, что люди обладают неповторимой психикой). Следовательно, общее в исторических фактах порой трудно различимо, иногда глубоко «спрятано». К особенностям общественных законов мы еще вернемся в дальнейших параграфах. Термины «закон» и «закономерность» я употребляю как синонимы.

Среди тех, кто признает торжество законов в истории, — сторонники **провиденциалистского** (то есть обусловленного волей Бога, Верховного Существа, Мирового Духа и т. п.) взгляда. Этот подход выглядит крайне фаталистичным¹¹. У основателей и последователей марксизма, с одной стороны, есть верные и интересные идеи об общественных закономерностях. Но с другой — поскольку революционно-социалистическая часть этого учения близка по духу к религии (о спасителе-пролетариате, о будущем счастливом обществе и т. п.), он вольно или невольно сбивается на попытку объяснить исторический процесс неким естественно-историческим законом, который должен привести человечество к заранее определенному пункту¹².

Действительно, идея о жестком и неумолимом законе вела к логической ловушке. Если будущее в виде социалистической революции, коммунизма и пр. придет неизбежно, но когда полностью созреют условия, то к чему торопить события? Шутники даже говорили, что партия борьбы за социализм не нужна, как не нужна

«партия затмения Луны»! Если же будущее не неизбежно, то тогда, стало быть, неверен сам закон. Приходилось в конце концов жертвовать исторической истиной и признавать «автоматизм истории» (Арон). Подобные взгляды подвергались всяческой и всевозможной критике (см. Прил. 1, п. 2). И вполне объяснимо, почему многие ученые логически связывали — и, на мой взгляд, неправомерно — признание законов в истории с неизбежностью попыток предвидеть и, следовательно, навязать будущее. «Вера в то, что в основе общественного развития лежат определенные закономерности, знание которых делает возможным предвидение и тем самым заведомо предписывает политике ее поле деятельности (т. е. предписывает, что делать политикам заранее. — Л. Г.), должна быть отклонена... как суеверие», — писал по этому поводу один ученый.

Претензии на предсказание будущего (Коллингвуд их называл главным свойством неисторичности мысли) могли вести к идее о том, что — раз существует неумолимый закон — история имеет определенный, как бы заложенный в нее смысл (о нелепости этого скажу дальше). Под смыслом часто понимают конечный пункт истории, то есть к чему она приведет так или иначе и что будет в конце концов с человечеством. Иными словами, смысл истории — это изначально (имманентно) и неумолимо заложенный в нее результат развития. (В разных теориях это могли быть окончательная самореализация мирового духа, коммунизм, создание мирового разума и т. п.)

С давних пор проблема исторических закономерностей волновала меня. Подобно Норберту Винеру, «лично мне такой взгляд на историю как на совокупность разрозненных эпизодов всегда представлялся глубоко искусственным». Но и ущербность, схематизм и антиисторичность истмата были все очевиднее. Как же выйти из заколдованного круга? Поиски более точно описывающих историческую действительность законов привели меня в конце концов к попытке совместить на более высоком теоретическом уровне обе противоположности.

§ 2. Поиски решения проблемы

Начать следует с того, что значительная часть спорных вопросов в большей степени снялась бы, если бы можно было уточнить и

согласовать содержание многих терминов. К сожалению, сделать это крайне трудно, так как понятия эти очень многозначны (да еще учитывая разные языки) и в огромной степени идеологизированы. В философии XX века даже возникло направление (лингвистическое), которое ставило своей задачей анализ употребления различных терминов и обыденных слов в философии и считало, что большинство философских проблем возникает в результате неправомерного расширения обыденного словоупотребления. Разумеется, это не так, хотя, бесспорно, доля истины здесь имеется.

Например, когда говорят об **истории**, то под одним словом часто имеют в виду и историю человечества, и историю отдельных стран (иногда исторический процесс как некое поступательное движение), а то и вовсе отдельные исторические эпизоды. Следовательно, одно и то же слово употребляется для разных типов и уровней обобщения от единичного эпизода до всемирной истории. Эту последнюю также можно рассматривать по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, — особенно до нового времени, но в огромной степени еще и сейчас — она складывается из отдельных историй многих и многих народов и государств, часто существовавших почти или даже вовсе изолированно¹³. С этой точки зрения, говоря об общечеловеческой истории, мы должны иметь в виду, что это обобщенная и синтезированная в научных и иных целях история многих общественных организмов¹⁴. Но тогда законы исторического движения должны существенно отличаться на уровне такого обобщения и на уровне реально существовавших государств, как различаются общее и особенное, организация и ее члены и т. п. (Об этом подробнее дальше.)

Однако, с другой стороны, хотя изоляция могла быть велика, тем не менее контакты между разными коллективами осуществлялись с глубокой древности. Отсюда появляется и нечто реальное в виде мировой истории, или, вернее, **мирового исторического процесса**. По мере развития контактов в виде войн, торговли, заимствований, объединений и распадов и т. д. сближение обществ принимало все большую осязаемость, а различия становились меньше. В этот процесс вливались все новые и новые народы, пока «сегодняшний мир... постепенно в ходе длительного процесса, идущего с XVI в., благодаря развитию техники фактически стал единой сферой общения» [47; 52]¹⁵. Тут, следовательно, всемирная история выступает по отношению к историям государств как система к своим элементам,

представляет нечто существенно отличное от них.

В связи же со специализацией историческая наука все чаще выступает как дробная дисциплина, исследующая отдельные стороны и сферы жизни как единичных обществ, так и ряда их (история культуры, права и т. п.). Здесь также будут свои особенности в плане уровня обобщения, условности вычленения части из целого и т. п. При таком подходе мы также видим, что некоторые сферы лучше «укладываются» в законы: экономика, демография, социальная история и другие. Иногда их пытаются — порой не без успеха — перевести на язык математики. Гораздо больше трудностей в культурной и политической областях. Когда говорят о том, что история не сводима к законам, чаще всего имеют в виду именно эти сферы.

Так же, как «человечество», «история», многозначен и термин «закон». Порой в него неявно вкладывают совершенно разный смысл, отсюда нередко непонимание. «Тенденции существуют, или, точнее, предположение, что они существуют, часто является полезным, статистическим приемом. Но общие тенденции — это не законы», — пишет К. Поппер. Разумеется, каждый исследователь вправе конкретизировать смысл тех или иных понятий, но бесспорно и то, что часть проблемы именно в разном толковании терминов. В данном случае поле дискуссии сужается до вопроса: можно ли определить закон как тенденцию или нет и что, собственно, понимать под тенденцией?

Реймон Арон прямо говорит: «Существование исторических законов представляет собой объект неясных споров, потому что значение термина «закон» двусмысленно». И далее: «Если под этим термином подразумевают регулярную последовательность, то в человеческой истории такую последовательность иной раз можно наблюдать. Действительные проблемы... — верно отмечает он, — **касаются способа установления отношений, построения терминов, плоскости, где развертываются закономерности** и т. д. Но обычно термин «исторический закон» показывает более точную идею историчности. Однако в той мере, в какой мы касаемся историчности, закономерность имеет тенденцию исчезнуть. Единственное и необратимое становление не содержит в себе законов, ибо оно не воспроизводимо». Мы видим здесь, и особенно в нижеследующем высказывании, что позиции уже не столь полярны, как казались вначале. Кроме «исторического закона», Арон вводит еще и понятие

«соци- ального закона». «Социальные законы, — пишет он, — охватывают в некотором смысле слова более широкий ансамбль. Они действуют более продолжительное время, они группируют факты на более высоком уровне. Но вместе с их расширением они становятся сомнительными. Они остаются частичными и бессвязными».

У нас еще будет возможность порассуждать о характере общественных законов, о соотношении их с неповторимым, пока же обратим внимание на слова, которые я выделил полужирным шрифтом, поскольку они подтверждают, что решение вопроса об исторических законах прежде всего связано с тем, как понимать этот термин.

Вернемся к идеям о предсказаниях на основе знания исторических закономерностей. Поскольку, говоря о будущем, мы невольно исходим из досовершившегося хода истории, то сразу сталкиваемся с проблемой: какие, как и когда из возможных тенденций осуществляются. Более-менее точно можно было бы предвидеть будущее, если бы исторические законы носили в любом обществе одинаковый, безвариантный и жесткий характер. Но, как увидим дальше, они выступают лишь как вероятности и если осуществляются, то с весьма большими вариациями. Поэтому и говорить о будущем можно лишь в самых общих чертах (что в принципе соответствует и характеру законов) и с большой опасностью ошибиться.

Еще несколько доводов, которые помогут вам лучше понять невозможность точных предсказаний. Во-первых, само понимание законов истории постоянно меняется в связи с новыми событиями. Предположим, что человек идет по дуге гигантской окружности, но думает, что это прямая. И лишь пройдя большой путь, он начинает понимать, что прямая превращается в кривую, однако характер этой кривой еще долго будет предметом гаданий. Во-вторых, стоит людям только осознать указанные законы (или даже полагать, что они познаны), как общественное сознание начинает стремиться направлять развитие так, чтобы использовать эти знания. По мере развития истории происходит как бы углубление самопознания обществ и человечества в целом. Но ведь в прежнем действии законов был «заложен» иной уровень этого самопознания, поэтому и характер законов должен изменяться. Понять как, мы можем только по прошествии времени. Это только одна из причин того, что сами исторические законы постоянно модифицируются, изменяются, усложняются вместе с потребностями, возможностями и проблемами

людей. Сказанное ни в коей мере не отрицает необходимость постоянного анализа политических и правовых решений нынешнего дня на основе знания предшествующей истории и предположений о том, как эти действия отразятся на будущем развитии. Собственно, вся осмысленная политическая жизнь на этом и строится. Речь идет о том, что предвидеть с уверенностью ход политической борьбы, конкретных действий политиков крайне трудно или невозможно из-за колоссального количества неучитываемых сил и случайностей, возникающих в каждый момент¹⁶.

Истории известно множество предсказаний, в чем-то сбывшихся (о несбывшихся обычно забывают). Научное предвидение (а не угадывание и не гадание) может заключаться, во-первых, в том, что ученый видит проявление каких-то новых сил, процессов, тенденций. Изучив их, он способен сказать, к каким результатам приведет их развитие, что будет способствовать этому, что мешать, но все это с большой долей неопределенности и предполагая возможные (невидимые пока) ошибки в рассуждениях¹⁷. Во-вторых, в знании предшествующего опыта истории и предположении, что какие-то силы, лозунги или личности станут ведущими. На этом были основаны, например, многие дореволюционные прогнозы о том, что будет, если осуществятся на практике социалистические идеи. Некоторые и сейчас поражают глубиной предвидения, хотя представить действительный ужас вряд ли кто мог.

Теперь вам, надеюсь, ясно, что говорить о том, что смысл изначально заложен в историю, что она неизбежно реализуется так, а не иначе, абсурдно. Это было бы верно только при одном предположении, что за историей стоит внеисторическая сила — Бог, дух, абсолют и т. п. Но тогда надо, по совету Фихте, просто смириться с этим, а также с ненужностью исторической науки.

Говорить о смысле истории, я считаю, можно лишь в том отношении, что она осмысливается самым ходом своего развития. Другими словами, когда события совершились и закончились определенные процессы, становится яснее, что же было закономерно, а что представляло лишь «пену» (Гуревич); где произошли роковые случайности и т. д. Виднее место и роль данного периода во всемирном масштабе. История осмысливается и сразу после событий, и когда их можно осмотреть с «орлиного полета», и каждый раз она предстает в существенно ином виде. Люди постоянно приближаются к истине, которая время от времени как бы «меняет» обличье, «одежду»,

никогда не постигая ее полностью. В этом смысл познания, и глупо беспокоиться о том, что мы не можем достичь абсолютной истины. Как не стоит огорчаться тому, что мы не можем делать стопроцентно верные прогнозы о будущем страны и человечества. Можем ли мы сделать такие предвидения о каждом из нас? Даже о том, когда выйдет из строя любая из сделанных человеком машин? Но наши возможности становятся все больше, а инструменты анализа — тоньше. «Движение — все, конечная цель — ничто!» — в этом высказывании знаменитого оппортуниста большая истина¹⁸.

§ 3. Понятие общественного закона

Что есть закон? Ответа на этот трудный для любой философии вопрос не избежать. В то же время не хотелось бы и увязнуть в рассмотрении разнообразных толкований его¹⁹. Нас, конечно, интересуют собственно общественные законы, но начать следует с общего понятия.

Вот довольно типичное определение: «Закон — необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Закон выражает связь между предметами, составными элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также свойствами внутри вещи»²⁰. Рассмотрим сначала, что такое необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся. В целом **необходимое** можно понимать как нечто важное, значимое для какого-то предмета или явления, без чего (или при изменении чего) они теряют или меняют свои особость, специфику. Так, для млекопитающих это способ рождения и вскармливания потомства, для демократического общества — смена власти и т. п. **Устойчивость** показывает, что при наличии определенных условий предмет (свойство и др.) будет существовать в относительно неизменном виде. А **повторяемость** обычно означает неоднократное воспроизводство определенных состояний и фаз: времена года, колебания волн, сроки выборов, передача трона по наследству и т. п.

Понятие **сущностное (сущность)** в традиции, идущей еще от Платона, противопоставлялось **существованию** как нечто вечное, неизменное и независимое от своих форм преходящему, неглавному. Однако фактически существуют лишь предметы и явления, в которых мы

можем обнаружить черты сходства и различия. И под **сущностью** надо понимать именно это общее (а не что-то вечное и неизменное, оторванное от действительных предметов), что мы выделяем в реальности и выводим как философскую или научную категорию. Сделать это можно, лишь сравнив явления, предметы между собой: сущность, как и истина, познается в сравнении. И для каждого аспекта исследования будут важны те или иные черты, элементы, отношения. Следовательно, уровней познания сущности много, в этом отношении она неисчерпаема. Ввиду изменения наших знаний порой то, что казалось сущностью высшего порядка, предстает лишь как часть ее или даже явлением меньшей значимости (иногда — ложным представлением).

Сказанное позволяет сделать важные замечания. Во-первых, очевидно, что сравнить все и вся не под силу одному исследователю. Это долгий и бесконечный процесс развития науки, благодаря чему мы и используем понятия самой высокой абстракции. Во-вторых, становится виден диалектический **принцип единства познаваемого и познающего**. С одной стороны, исследователь сам выбирает аспекты и уровни исследования, как бы формирует новые законы и категории. Тут существен момент особенностей его мировоззрения, интеллекта, интереса и уровня, достигнутого наукой. С другой — практика поправляет теорию, поэтому или он сам, или другие раньше или позже обнаруживают у него ошибки, неточности, противоречия и пр. **Следовательно, сущность отражает и действительность, познаваемую и проверяемую через практику, и в то же время уровень и степень личного или общего понимания ее, нередко фактически сильно отличающегося от реалии.** И так же, как юридические законы не охватывают всю сферу человеческой деятельности, десятичные дроби не могут точно описать некоторые простые ($1/3$ и др.), так никакая теория не способна охватить всю действительность, постичь ее полностью²¹.

Теперь вам легче понять важную ошибку марксистских подходов к определению закона, который предстает в них как нечто объективно или даже реально существующее, данность, независимая от субъекта. Это правильно лишь в отношении объектов и явлений, между которыми существуют те самые устойчивые связи. Но таких объектов и связей может быть бесчисленное множество, и они значительно отличаются друг от друга. Это и есть объективная реальность. Закон же — то общее, что мы обнаруживаем в этих объектах и взаимосвязях.

И он не существует сам по себе, независимо от объектов. Ведь это общее мы как бы очищаем, разрывая в действительности неразрывное. Как и любая абстрактная категория, закон есть общее в многообразном, сходные свойства или проявления на самом деле не во всем одинаковых объектов. Если не допущено ошибок, указанные свойства могут считаться объективными, но отдельно их нет, не существует. Они — в лучшем случае — растворены в отличающихся друг от друга явлениях; в худшем — если мы ошиблись — существуют только в мозгу, их породившем. В любом случае законы формулируются сознанием и потому являются, по выражению В. И. Власюка, субъективно-реальными.

Можно говорить о проявлениях или подтверждениях закона, но неверно утверждать, например, что общественная закономерность — «объективно существующая, необходимая, существенная, повторяющаяся связь явлений общественной жизни...»²², поскольку объективно существуют лишь многообразные связи, а закон только более или менее верно объединяет и описывает их. Гораздо более правильными кажутся определения другого издания, что закон — это **положение**, «выражающее всеобщий ход вещей в какой-либо области; **высказывание** относительно того, каким образом что-либо является необходимым или происходит с необходимостью»²³.

Нередко философы смешивают одно с другим в одном и том же определении, как в том, какое я привел первым (с. 31). Либо закон — это сами объективные связи, либо он только «выражает связь между предметами» и т. п. Происходит такое смешение оттого, что в марксизме-ленинизме считается, будто сознание, в т. ч. и научное, точно отражает, отображает, копирует, фотографирует» (Ленин) объективную реальность. Между тем сознание мыслит общими понятиями. Весь наш язык состоит из них: ведь нет просто дерева, есть миллионы деревьев разных пород и т. п. А действительность всегда конкретна. Мы как бы накладываем сетку понятий на нее. Но если полагать, что мы прямо, как зеркало, отражаем ее или фотографируем, как аппарат, происходит путаница²⁴.

Мало того, такой подход претендует на абсолютную истину (хотя и не прямо, прикрито). Именно здесь наибольшая опасность. Она в том, что фактически наше неполное и неточное знание навязывается миру. Особенно это ощутимо на уровне абстракций. Восходя по мыслительной лестнице ко все более высоким и общим понятиям, мы делаем нашу связь с реальностью все более непрямой

(опосредованной) и меньшей, чтобы затем вернуться к ней вновь через ряд логических и научных правил. При этом некоторые категории могут даже и вовсе почти не иметь каких-либо аналогий в действительности (подобно математическим). Что же будет, если у исследователя они «заживут» самостоятельно? Тут часто и начинаются ошибки и полный отход от реальности. Это бывало и в естественных науках (куда вводились «флогистон», «эфир» и пр.), но еще более касается общественных. Если не помнить, что именно историческая действительность первична, реальна, а наши законы и категории лишь более или менее верно ее описывают, то получится саморазвитие схоластических категорий, что происходило и происходит с марксизмом, фрейдизмом и др. Можно сказать, перефразируя физическое правило: выигрываем в общности, проигрываем в конкретности и наоборот. Чем выше (шире) обобщение, тем дальше оно от реальности и тем больше опасности логических ошибок. Чем конкретнее высказывание, тем больше в нем объективности. И наоборот. **Чем абстрактнее оно, тем меньше в нем объективности.**

Таким образом, очевидно, что в понятии закона следует четко различать две стороны. Саму объективную реальность, точнее, условно выделяемую нами сторону этой действительности. И научное утверждение об этом аспекте реальности. Эти два значения очень тесно связаны, но не тождественны. И, строго говоря, правильнее было бы вести речь лишь о научном законе. Ведь если закон — это научное утверждение об объективно существующих связях между явлениями, то это значит, что такой закон, естественно, неточен и в чем-то условен. Это отражает современное состояние познания и одновременно аспект нашего исследования. Если же мы говорим, что закон — сами связи, реальность, то значит речь идет не о более и менее верных формулировках, а о единственно верных и остальных неверных. Одно из двух: если законы — сама реальность, то они не должны меняться раз от раза в связи с революциями в науке; если они наши представления о реальности, то, поскольку **мы никогда не охватываем ее целиком во всем многообразии, могут быть разные способы ее объяснения и, стало быть, более или менее полно, глубоко, удобно описывающие ее формулировки законов.** В своем субъективном моменте закон носит и несколько договорной (конвенциональный) характер, поскольку признается учеными или их группой.

Двусмысленность марксистских определений ведет и к пониманию закона как неумолимого, жесткого, одновариантного. «Закон есть отношение... Отношение сущностей или между сущностями», — утверждал Ленин. Однако, как мы видели, сущность реально не существует! Если признать ее некой реально существующей вечной идеей (или ядром) внешне разнообразных, но не столь важных ее проявлений, то мы прямо переходим на позиции объективного идеализма, с которым Маркс и Ленин столь яростно боролись. Однако родство это неудивительно, ибо многие формулировки в марксизме явно или нет идут от Гегеля²⁵. Слово «закон», возникшее для объяснений природы и общества по аналогии с юридическими правилами, вообще своим смыслом подталкивает к поиску строгости в исполнении. Однако «нельзя ожидать точного совпадения природы с каким-либо законом» [41; 509]. И еще больше это относится к обществу. Сложность втискивания цельности и совокупности в «сетку закона» приводит к большим трудностям в познании и объяснении того, насколько верно мы познаем. Даже относительно физики Карнап пишет: «Может быть, было бы меньше неясности, если бы слово «закон» вообще не употреблялось в физике. Оно продолжает употребляться потому, что не существует никакого общеупотребительного слова для универсальных утверждений, которые ученые употребляют в качестве основы для предсказания и объяснения» [22; 277]. Что же тогда говорить об истории, где, совершившись, событие становится данностью, после чего можно лишь спорить: могло ли все сложиться по-иному? Итак, слово «закон» неточно, но лучшего нет, тем более что иначе познать мы не умеем.

Таким образом, научный закон — это утверждение о том, что при (строго) определенных условиях с определенными объектами произойдут (не произойдут) определенные изменения. Это утверждение основывается на анализе многообразных реально существующих объектов, явлений, отношений.

Вышесказанное вполне подходит к общественному закону. Но для этой категории все же целесообразно дать более развернутую характеристику. **Это утверждение о том, что при некоторых условиях можно обнаружить сходства в различных обществах и их частях; что при одних условиях жизнь и структура общества остаются неизменными, а при других — напротив, меняются соответствующим образом; что в рамках пройденных отрезков истории и всего исторического процесса можно обнаружить сходство в самом**

процессе развития обществ, а весь исторический путь человечества может быть представлен как некий процесс, в котором можно обнаружить повторяемость и развитие одновременно и т. д.

Мы правильно утверждали, что корректнее говорить лишь о научных законах. Но было бы совершенно бесполезной попыткой исключить из употребления понятия законов природы и общества. Поэтому разумнее подумать над тем, как определить закон и в этом аспекте. Просто следует помнить об особенностях употребления данного понятия.

Итак, **законом природы и общества можно назвать условно выделенные нами часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности**, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определенные общие свойства, причинно-следственные связи, реакции и т. п.

Если мы осознаем, что закон именно **условно выделенная часть реальности**, то многое станет понятнее. Так, если сама реальность независима от сознания, то **выделение** некоего сектора, участка ее всегда больше или меньше зависит от познающего субъекта, уровня знаний, интереса, научной задачи. Условность деления неделимого поведет к неизбежным натяжкам, спорным и пограничным случаям. Причем неточности и неверности в определении «зоны действия» закона рано или поздно, но становятся очевидными. Собственно, критика законов чаще всего и происходит с позиции неправомерности его «притязаний» на «чужую территорию», несоответствия между реальным и декларируемым «полем применения». Сказанное плюс то, что каждый исследователь может по-своему видеть границы и аспекты анализируемого материала, достаточно объясняет возможность альтернативных вариантов формулирования законов.

Понятно, что в одних случаях проще, в других сложнее ограничить эту часть действительности.

На правильность выбора сферы и границ закона влияют, кроме свойств самой реальности, множество далеких от нее факторов. Все это вызывает те или иные несоответствия между ней и нашими выводами. Тем не менее поиск наиболее удачного «дробления», а затем «складывания» этих «кусочков» действительности в «мозаику» наших представлений и есть процесс уточнения, коррекции и открытия законов.

Если, надеюсь, теперь вам понятна разница в подходе к законам, то, оговорившись, я буду употреблять привычные уже в языке выражения

типа: законы существуют, действуют, приводят к таким-то результатам и т. п., — каждый раз вы будете иметь в виду условность этих высказываний.

Законы истории вообще я называю **общественными законами и условно делю их на исторические и социологические**²⁶.

Историческими можно называть закономерности, которые развертываются на протяжении какого-то времени. Мы говорим о них, когда важно подчеркнуть их преходяще-исторически-временной характер, показать, как меняется то или иное явление, как протекает тот или иной процесс и т. п. **Социологические законы** видятся как бы в исторической неподвижности (статике), взятые в определенный момент. Но историческая неподвижность отнюдь не означает отсутствия движения вообще. Нет, общество должно изучаться в своем жизненном ритме. Мы абстрагируемся только от качественных изменений, насколько это возможно. Ведь часто весьма полезно на время «опустить» историческое развитие, чтобы яснее увидеть суть тех или иных учреждений, отношений, общественных групп и т. п. Так мы можем легче сравнивать строение и организацию общества, выделять принципиально сходные элементы (политическая власть, военная организация и др.) и отношения (экономические, сословные и т. п.). Наиболее общие социологические законы охватывают все историческое время и являются как бы предельными случаями исторических. Но всегда следует помнить об условности такого разграничения.

Маркс много сделал для выделения историко-социологических категорий (типа производственных отношений), которые, по сути, неявно формируют социологические законы. Однако в истинности под общественными законами обычно понимают именно те, что я называю историческими, при этом ограничивая их смысл понятием **поступательного** (т. е. последовательного, прогрессивного) развития. Такое движение, безусловно, распространено, но это лишь один из вариантов проявления законов. Собственно, наиболее наглядно повторяемость в истории наблюдается в тех случаях, когда хозяйственные циклы, способы труда, общественные отношения и др. из года в год воспроизводятся с минимальными изменениями. Эта повторяемость, так сказать, природного типа. И для истории как науки о развитии она пуста, ибо ее как раз интересует необычность. Именно в развитии одна из причин своеобразия (и часто неуловимости) законов истории.

Теперь посмотрим, как вообще осуществляется то, что мы называем законом, и попытаемся выделить особые свойства общественных законов. Для сравнения я буду часто ссылаться на закон всемирного тяготения, потому что он общеизвестен, всеобщ и его действие наглядно.

Никакой закон в каждом отдельном случае не проявляется в чистом виде, поскольку закон — это синтез общего, а каждый случай — это неповторимая комбинация общего и особого. Кроме того, закон не действует изолированно: одновременно наличествует много законов, порой уравновешивая или ослабляя друг друга. Мало того, мы выделяем и события, которые не вписываются в данный закон, или которые мы еще не можем определить как закон (из-за трудности, неповторимости раз от раза или по другим причинам), или такие, которые из-за редкости вообще воспринимаются вне законов. Все это часто называют **случайностью**.

Случайность (подобно закону) — также наше представление о том, как происходят события. Одно событие или цепь их всегда едины, мышление же разъединяет их на то, что типично и обще (для данного случая), и то, что особо. При этом — что важно — для наблюдателя событие не выглядит так, как «рисует» в чистом виде закон. Например, мы видим, что все тела притягиваются к Земле. Однако закон всемирного тяготения утверждает, что она и тела взаимно притягиваются друг к другу. Мы видим, что два тела нормальной массы совсем не притягиваются друг к другу, однако закон говорит нам, что притягиваются. Следовательно, отделить закономерное от случайного можно только в процессе научного познания, всегда рискуя принять закономерное за случайное и наоборот. Особенно это касается ситуации, когда у нас ограниченное для наблюдения число случаев и нет возможности проводить эксперименты. Следовательно, особенно в истории.

Только множество наблюдений и опытов с тщательным фиксированием результатов и их напряженное осмысление приводят к формулированию законов, которые в реальности никогда не выступают в этой своей «чистоте», хотя бы и проявлялись весьма наглядно. Разницу между законом и его видимостью в поэтической форме блестяще выразил Пушкин:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить,
Хвалили все ответ замысловатый;

Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Закон выражен в общей форме. И какими бы строгими и четкими ни казались физические законы, и они (и другие) не могут применяться автоматически. Чтобы для каждого случая получить верный результат, надо знать множество вещей. Так, в законе всемирного тяготения нужны массы тел, расстояние между ними. А для случая, когда опускается парашютист, — сопротивление воздуха, сила ветра, скорость самолета и пр., и пр. Еще больше факторов в истории. **Следовательно, каждый конкретный случай проявления закона есть неповторимое сочетание закона данного, других и случайных по отношению к нему вещей.** Отсюда видно, что законы не могут проявляться жестко, а лишь как вероятность, которая, условно говоря, есть сочетание: закон(ы) плюс случайность(ти). Иначе: закон проявляется не всегда, и его конкретное «исполнение» может быть особым (причем часто сложно понять очередность, возможность той или иной комбинации). «Не прибегая к понятию вероятности, мы, как ни старайся, не могли бы найти объяснения для каждого конкретного случая» [41; 512]. Сравним теперь физические (природные) и исторические законы (для простоты я не говорю о химических, биологических и иных). Сразу бросается в глаза, что первые выведены в количественной форме и это делает их как бы более «законными». Действительно, возможность определить качество через количество — огромное достижение и трудно переоцениваемое удобство. Для истории это сделать в большинстве случаев невозможно или крайне сложно. Но все же — на мой взгляд — пропасти между количественным и качественным выражением законов нет. И если тот же закон всемирного тяготения выразить в качественной форме: все тела притягиваются друг к другу с силой тем большей, чем больше их массы и ближе расстояние между ними, — то принципиально он не отличается от такой, скажем, формулировки: чем меньше в обществе юридических ограничений для перехода из одной общественной группы в другие, тем больше роль частной собственности и денег. Другое неудобство исторических законов перед физическими в том, что в одном случае мы можем проводить опыты и эксперименты, в другом — лишены такой возможности. К тому же для многих исторических периодов у нас слишком мало данных, чтобы составить себе более верное мнение. Там, где в природе нельзя провести опыт

(то есть там, где природное событие имело исторический характер), видятся те же трудности: в вопросах происхождения Вселенной, жизни и т. п. События в истории — если их толковать как единичные — являются как бы одноразовыми опытами. При этом ставят эти «опыты» не ученые, а лидеры, массы, слои, организации и т. п., большей частью и не думавшие ни о каких законах, поэтому повторение ошибок может быть частым. Только по прошествии времени, сравнивая целый ряд в чем-то сходных явлений, мы способны понять, что и при каких условиях может случиться. Это и есть насущнейшая потребность ученых: уметь понимать, какие явления и процессы происходят при определенных условиях и в определенных случаях. Но в лаборатории физик или химик может провести сотни неудачных опытов, пока не обнаружит, что и где мешало, не зафиксирует точные правила его проведения. После этого уже и другие в состоянии повторить данный опыт. Так «единичное и неповторимое» (помните цитату Арона в § 2?) превращается в повторяющийся закон. В истории же такие «опыты» проводятся стихийно. Обобщая исторический опыт, мы можем формулировать те или иные научные положения, которые постепенно входят в политическую, идеологическую, экономическую практику. Но — в отличие от природных — законы общества постоянно модифицируются²⁷. Ведь и жизнь все время усложняется. А стоит нам понять закономерность и начать ее использовать в своих интересах, как она перестает быть естественно-исторической и становится фактором, в том числе общественного активного сознания²⁸. Разумеется, это не делает наше познание излишним, но и не дает нам в руки «вечный закон».

§ 4. Некоторые основания общественных законов

Для ранних стадий истории мы рассматривали человечество в основном как теоретическое единство. Что же позволяло нам объединять эти почти изолированные маленькие коллективы людей в одно понятие, кроме видения современного результата? И не является ли нынешнее сходство жизни разных стран лишь следствием взаимного воздействия обществ?

Думается, что и в «чистом виде», без взаимодействия, можно говорить о принципиальном единстве, основе общественных законов, в первую

очередь, социологических. Сходство это лежит, во-первых, в единстве биосоциальной природы людей, их реакций на внешние воздействия со стороны природы и соседей. Например, то, что человек всеяден и при известных условиях может жить в любом климате, позволило ему заселить всю землю. Во-вторых, в том, что сама группировка людей в коллективы вызывает во многом похожие явления, способы объединения и строения общества, решения проблем и т. п.; в-третьих, в генетическом единстве происхождения многих обществ от доисторических племен и народов, одно из свидетельств чего — единство происхождения языков (языковые семьи).

Не будем брать время до появления человека разумного. Во-первых, нам очень мало известно об этих полулюдях, во-вторых, в этот период слишком сильны были биологические моменты по сравнению с социальными. Ряд ученых — я с ними согласен — выделяют эту огромную эпоху как доисторию. Мы же здесь говорим об истории.

Никто, вероятно, не будет отрицать, что в любых человеческих обществах (от самых малых до самых больших) есть некое сходство, которое и позволяет, собственно, выделять такое понятие. Его мы будем анализировать в следующей части, пока же остановимся лишь на нескольких моментах. Так, наличие у человека развитой психики предопределяло и какие-то формы общественного сознания и средств общения (языка), чтобы люди могли понимать друг друга. Все это вместе порождало также стремление осознать свою жизнь и деятельность. Объединение же людей в коллективы не может проходить без определенных социальных отношений. Подобные явления, которые являются неотъемлемыми чертами любого общества и вытекают из самой основы существования людей как вида, я назову **атрибутами общества**²⁹. Естественно выделить **атрибуты-потребности** в пище, тепле, продолжении рода, безопасности и т. п. Разумеется, это характерно и для высших животных. Но мы уже договорились, что опускаем процесс превращения древнейших людей в людей разумных, а у последних эти потребности приобретают существенно иной, чем у животных, вид — социальный.

Атрибуты-потребности, понятно, порождают **атрибуты-необходимости**, важнейшим из которых будет **труд** как способ обретения средств существования, создатель или оплодотворитель благ, как фактор, который требует от людей определенной организации³⁰. Поэтому любое общество — от маленькой общины до союза государств — имеет определенные способы и организацию

производства. Это можно считать одной из многих закономерностей всеобщего охвата. Но, как и говорилось в прошлом параграфе, это предполагает, что и исторически, в пределах одного общественного организма, и от общества к обществу они существенно отличаются и меняются. Уместно вспомнить слова Маркса о том, что экономические эпохи отличаются не тем, что производится, а тем, как производится. Как удовлетворяются биологические потребности, также весьма характерно, поскольку делается это все более социально и технологично, все более отдаляясь от природного уровня. То же можно сказать и о таком атрибуте, как **конфликтность и соперничество**.

По мере социализации вещей и различных благ начинают раскрываться изначально заложенные в их потреблении свойства. Нет смысла сейчас выводить следствия из описанных атрибутов. Но об одном важнейшем, основе многих общественных отношений, нельзя не сказать. Речь идет о **неравенстве**. Причины его многообразны. Во-первых, уже природа создала людей неравными по полу, физическим и интеллектуальным возможностям, а смена возраста постоянно меняет статус человека³¹. Поэтому представить себе общество абсолютно равных людей невозможно, да и в таком коллективе не может быть движения, комбинаций, развития. Во-вторых, в самой идее равенства есть неравенство и несправедливость. Например, при распределении и потреблении благ это видится в том, что потребляют и те, кто не производил, а конечная доля потребления каждого не совпадает с долей произведенного им. В-третьих, — важнейшее — для совместного труда необходимо объединяться, поэтому люди вынуждены распределять роли в такой кооперации. Эта неизбежность подчинения-послушания проявляется не только в труде, но и в управлении, духовной сфере, военной организации и т. д.

Таким образом, неравенство в том или ином виде присуще любому обществу, причем история демонстрирует самые разнообразие формы общественного неравенства и способов его закрепления³². Однако люди постоянно стремятся сгладить те или иные жесткие, жестокие формы неравенства, уменьшить его поляриность и влияние на важнейшие жизненные потребности и права, обеспечить хотя бы формальное равенство. В этом великий процесс гуманизации, раскрытия возможностей каждого члена общества. Но процесс этот так же бесконечен, как и поиск истины.

Исследовать основы общественных законов можно и с позиции

кибернетики, которая нашла общее в законах управления не только человеческих обществ, но и вообще систем: биологических, механических, электронных, — и новой науки (синергетики) о процессах самоорганизации материи и причинах ее эволюции. XX век породил системный подход в изучении объектов, которые рассматриваются как сложно устроенные и отлаженные системы элементов. В философии возникло и течение структурализма, в котором понятие структуры определяется как «некоторая система, управляемая закономерной связью» (Леви-Строс). И для общества это часто не только возможный, но и очень ценный подход. С таких позиций его нередко рассматривает и теоретическая социология, при этом взгляды разных школ сближаются.

С кибернетической точки зрения, общество есть саморегулирующаяся, самодостаточная и саморазвивающаяся система. Общественная и хозяйственная жизнь в ней постоянно воспроизводится во всех основных и второстепенных моментах (что выступает как закон). Для такой повторяемости нужны стабильные условия и регуляторы этой стабильности, которые как бы выправляют отклонения. К ним, в частности, относятся и воспитание подрастающего поколения, общественные традиции, наказание за отступление от норм и т. п. Однако всякий акт повторения и равен, и неравен предыдущему одновременно. Он есть общее и особенное вместе. Никакая система не может быть равной себе постоянно, поскольку иногда меняются коренные условия ее существования и внешняя среда (для обществ это и природа, и соседи), накапливаются изменения. Кроме того, что очень важно, у людей и общества всегда имеется более или менее сильное противоречие между потребностями и возможностями их осуществления. Не всегда его можно безболезненно разрешать (хотя в этом главная задача стабилизаторов). Так, когда растет население и истощаются охотничьи угодья, от племени отпочковываются все новые роды и кланы. Но приходит время, и свободных территорий уже нет. Возникает кризис.

Следовательно, наряду с тенденцией к сохранению системы без изменений (консервативной), ей также внутренне присуща и другая — ведущая к изменениям. В тот момент, когда вторая становится сильнее, начинается структурный кризис. Обычно такие изменения первоначально касаются не всех, а только некоторых частей и отношений. Тем не менее сдвиг в одном ее элементе может вызывать порой, как цепную реакцию, изменения и в других частях системы.

Ибо она не просто набор элементов, а сложная взаимосвязь между ними, которые должны быть так отрегулированы, чтобы система находилась в состоянии равновесия (к которому всегда и стремится как к наиболее устойчивому)³³. Подобные явления, когда изменения в одной части общества требуют изменений и в других, наблюдаются постоянно. Так, например, заимствование новой технологии в России (скажем, при Петре I) потребовало изменений в образовании, обеспечения новых заводов рабочей силой, строительства путей сообщения (каналов). В свою очередь, новые производства потребовались для успешного ведения войны со Швецией, которая нужна была для решения ряда насущных для России проблем, и т. п. Долгое несоответствие между изменившимися и остающимися прежними частями общества (поскольку система имеет большую инерцию) и является нередко основой различных кризисов либо ведет к стагнации и упадку. Остается добавить, что уровень сложности общественных систем весьма различен, и потому нам надо рассмотреть вопрос об уровне законов.

§ 5. Об уровне законов

Итак, вам должно уже быть ясно, что формулировки законов прямо зависят от того, какой уровень обобщения мы выбираем. Отсюда следует очень важное правило: **нельзя полагать, что общий закон будет одинаково проявляться во всех случаях, описываемых этим законом**. Для всемирно-исторических законов, которые нас прежде всего и интересуют, это значит, что они в конкретных реально-исторических проявлениях в каждой общественной системе могут быть выражены лишь частично, тем или иным аспектом, «бокком», либо даже вовсе не проявляться зримо. Общее будет представлять в своей индивидуальности.

Если же человечество рассматривать не как теоретическое единство, а как действительную реальность, то следует помнить другое правило: **законы целого не сводимы к законам его частей**. Ведь общность человечества складывается из взаимодействия государств. Но то, что для них будет внешним воздействием (соседние общества), для человечества — лишь внутренним противоречием. Уровней обобщения и по «горизонтали», и по «вертикали» (от одной личности до всего человечества; от отдельного эпизода до всемирной истории)

столько, сколько нужно для нашего исследования, его задач. Но, конечно, такие задачи вытекают из объективных потребностей науки и практики (см. Прил. 1, п. 3).

Итак, чтобы общий закон «приложить» к частному случаю, нужен целый ряд **«правил соответствия»**, как называл их Карнап, для физики. Но это также относится и к истории. Приведу несколько примеров из разных областей, чтобы вы наглядно увидели, почему закон высокого уровня прямо не «прикладывается» к более низкому. Если мы выводим «закон»: **все люди смертны**, — то он ничего не скажет нам о том, когда и как умрет конкретный человек. Если сформулируем «закон» (используя ленинскую фразу): **жить в обществе и быть свободным от общества нельзя**, — то отсюда мы ничего не можем заранее заключить, например, о человеке из бедного общества: богат он или беден. Законы больших чисел многое говорят об экономике. Но из закона, что **часть фирм в обществе с частной собственностью ежегодно становятся банкротами**, прямо не ясно, кто же именно и по какой причине ими будет. Нужно по-этапно спускаться с макроэкономики к микроэкономике путем ряда «правил соответствия».

Чтобы было легче представить уровень законов и их взаимосвязь, обратимся к биологии. Если сравнивать людей между собой как биологический вид (гомо сапиенс), то мы увидим большое число сходных черт. Их будет существенно меньше, если сравнить современных людей, скажем, с питекантропом (обезьяночеловеком). Еще более отдаленным окажется родство людей и человекообразных обезьян. Хотя человек относится к млекопитающим, сходство с ними будет весьма условным. А уж родство с позвоночными вообще смогут определить только специалисты. Если же сравнивать человека и живые существа вообще, то возникает очень сложный философский и биологический вопрос: что такое жизнь? С другой стороны, если рассматривать людей с точки зрения видовых различий (расы, пола, возраста и т. д.), то в этих группах будет гораздо больше сходства, чем у людей просто как вида.

Подобные мыслительные операции явно, а чаще всего неявно, мы совершаем постоянно, как постоянно ищем причины и следствия различных событий. Но, как справедливо писал Карнап, «...оказывается, что специфическая черта причинной связи, которая отличает ее от других отношений, состоит в том, что причинность не может быть установлена на основе исследования только одного

конкретного случая. Она может быть установлена только на основе общего закона, который в свою очередь основывается на многочисленных наблюдениях явлений природы» [22; 272]. Это же относится и к явлениям общества. Свои заключения люди делают на основе того понимания общества, которое у них сложилось (иногда весьма фантастического, неполного и противоречивого). Конкретные события политической, экономической или иных областей жизни профессионалы или непрофессионалы оценивают исходя из известной им истории человечества, своей страны, последнего времени, личного жизненного и политического опыта, того, что они знают об участниках данного эпизода, и т. п. Таким образом, решая злободневные проблемы, мы должны по цепочке дойти от общих до конкретных обобщений, учитывая все законы, особенности, случайности, достоинства и недостатки руководителей и исполнителей в той степени, в какой это возможно. И преломить все это через известные проблемы, мнения, интересы.

Отсюда ясна и научная ценность абстрактных законов. Чем глубже мы познаем сходство и различие отдельных проявлений, тем больше понимаем глубинные, фундаментальные их свойства. В истории известны десятки тысяч обществ. Анализируя каждое из них особо, исследователь всякий раз формирует конкретные законы. Если делать это без общей теории, то, кроме громадных дополнительных затрат времени и изобретения велосипеда, крайне усложнится взаимопонимание историков (и без того «хромающее»). То, что Карнап описывал для физики, хорошо иллюстрирует и историю: «Вначале ученые могли гордиться открытием сотен законов. Но по мере увеличения числа таких законов они стали беспокоиться по поводу такого состояния дел. Поэтому физики начали искать фундаментальные, объединяющие принципы» [22; 324].

Когда мы давали определение закону, рядом с этим понятием ставили и понятие о случайностях, которые делают осуществление закона лишь вероятностью. Случайность и закономерность суть два полюса одного события. Поэтому теоретический анализ должен учитывать и уровень случайностей. Для того чтобы оказать значительное воздействие на закон, они должны соотноситься с его уровнем. Легко понять, что несчастный случай, нелепая ошибка и т. п. с обычным рядовым человеком гораздо реже может быть причиной важных событий (и то скорее всего непрямо), чем тот же случай в отношении людей, которые управляют обществом.

Приведу такой пример. Известный русский деятель С. В. Витте в своих воспоминаниях описывает, как по случайности чуть не произошла катастрофа царского вагона, в котором ехала жена императора Александра II княгиня Юрьевская. Автор пишет: «Сколько раз после я думал: ну, а если бы произошла ошибка и наш поезд меньше даже, чем на минуту, опоздал бы? Ведь тогда произошло бы крушение поезда и от вагона, в котором ехала княгиня Юрьевская, остались бы одни щепки, и какое бы это имело влияние на будущую судьбу России, не исключая, может быть, 1 марта? (то есть убийства Александра II народолюбцами. — Л. Г.). Когда я думаю об этом, мне приходит в голову такое философское рассуждение: от каких ничтожных случайностей, часто от одной минуты времени, зависит судьба народов, и колесо истории поворачивается в ту или иную сторону». Нередко такие примеры приводят в доказательство того, что случайность из истории нельзя исключить и поэтому история не подвержена законам. Большая роль случайностей бесспорна, и мы еще не раз вернемся к вопросам о них и о роли личностей. Само собой, что гибель полководца чаще всего важнее смерти рядового. Но это не опровергает ни возможность законов, ни то, что надо учитывать их уровень. К тому, например, что пишет Витте, следовало бы сказать: в обществах, в которых многое (а тем более все) завязано на одной личности, которые часто цементируются волей одного человека (как при диктатуре), законом будет следующее утверждение: в них от любых случайностей, связанных с такими судьбоносными личностями, тем более их смерти, может зависеть очень многое. В переломные эпохи — даже направление развития. И чем крупнее такое общество, чем больше его влияние на другие страны, тем больше такая случайность может повлиять на мировую историю. Думаю, «проницательный читатель» (как сказал бы Н. Г. Чернышевский) уже давно догадался, что автор трактует законы существенно по-иному, чем это обычно делается. Поэтому и в самом деле пора поговорить об их характере.

§ 6. Характер законов. Закономерность и случайность

Поскольку законы человечества не повторяются полностью в истории отдельных стран (как и законы государства в организациях, семьях и т. д.), очевидно, что, когда ученый создает новую гипотезу, крайне

ошибочно, если он «списывает» закон с одного-двух чем-то «понравившихся» обществ, утверждая в то же время, что они характерны для всех. Он обязан рассматривать все случаи, которые включает в него, как теоретически равноправные.

Совсем не то наблюдалось и наблюдается в истмате. Его стремление видеть законы (особенно перехода от формации к формации) везде одинаково (по шаблону) привели к тому, что, с одной стороны, философы перестали интересоваться тем, как теория соотносится с реальной историей, а с другой — историки, забывая о системной стороне дела, пытались решить проблему несоответствия истмата путем создания многочисленных частных теорий. Кроме азиатского способа производства, придумывались и рабовладельческие общества, где почти не было рабов, и буржуазная революция без буржуазии, и многое другое. Некоторые из таких концепций настолько не соответствовали уровню науки, что это выглядело, по сравнению В. П. Илюшечкина, подобно тому, как если бы химик сегодня предложил возродить «допотопную теорию флогистона».

Хотя и было написано множество работ о том, как различать уровни и аспекты анализа, но побеждало желание видеть закон в чистом виде везде. А это неизбежно вело к тому, что большинство обществ как бы отклонялось от намеченной теорией линии. Историки вынуждены были за уши притягивать факты либо отговариваться особостью своих стран. Получалось, что некоторые общества объявлялись своего рода «эталомами» общественно-экономической формации, а другие, так сказать, оказывались «дефектными». Одним из немногих, кто активно выступал против «эталонного», как он его называл, метода, был Илюшечкин.

Иное дело, когда речь идет о переходе к новому. Здесь действительно прорыв происходит лишь в одном или немногих обществах. А уже затем более высокие качественные явления самостоятельно или путем заимствования распространяются дальше. Но в историческом материализме как раз и утверждалось, что переход к новому идет везде более-менее одинаково. А поскольку это не подтверждалось, факты начинали втискивать в жесткие схемы.

Как мы видели, в чистом виде закон — это лишь идеальная модель. Брать какое-то общество за образец — значит суживать закон до одного-нескольких случаев, лишить его главного свойства — всеобщности (в отведенных ему рамках, понятно). Логику истории надо выводить из нее самой, постоянно корректируя теории новыми или

уточненными данными. Особенно это касается эпох, для которых мы имеем ограниченное (или даже малое) число фактов и поэтому всегда рискуем спутать главное и второстепенное. Основная задача историка — найти факты и возможно полнее, точнее изложить и обобщить их. Поэтому-то так опасно навязывать ему готовую формулу событий: может быть, именно его работа и перевернет наши теоретические представления.

Значит, видеть, как Е. М. Жуков, «познавательную задачу истории как науки в том, чтобы раскрыть, как при стечении каких-то обстоятельств происходит действительная реализация социологического закона», в корне неверно. Это все равно, что видеть эстетическое значение искусства в том, как в нем выражаются и реализуются законы эстетики. История как конкретика самоценна сама по себе.

Теперь уже можно сформулировать важнейшее правило: общие законы нельзя мыслить одновариантно. Законы (тем более общественные) широкого плана объединяют в себе ряд вариантов, более или менее сходных между собой. Сходство может существенно колебаться в зависимости от анализируемой реальности, достаточности фактов и точности анализа. Иными словами, когда речь идет о законе, касающемся многих в какой-то мере похожих объектов и значительных промежутков времени, скорее удивительно, если везде закон будет проявляться одинаково. И напротив, естественно, если он имеет варианты. Отсюда можно сделать вывод: **закон проявляется тем различнее, чем он шире и абстрактнее. Таким образом, общий закон, например закон формационного перехода, по самому своему смыслу, по своей идее всеобщности будет проявляться во многих вариантах и в то же время отражать то общее, что существует во всех них.** Вариантность — вторая сторона медали широкой абстрактности. Некоторые варианты дальше окажутся неудачными, тупиковыми, другие — прогрессивными. Последние затем на новых этапах также проявляют себя по-разному и т. д. В связи со сближением человечества разброс типов несколько уменьшается, но все еще велик.

В истории мы наблюдаем многовариантность везде: в способах перехода к государству и его видах, в формах собственности и распределения, типах общественного неравенства, в религии, искусстве, языках и т. д. Какая-либо назревшая потребность реализуется по-разному. Так, переход от феодальной (сельскохозяйственной) к индустриальной экономике породил много

моделей, наиболее полярные из них — капиталистические и социалистические.

Гносеологически³⁴ многовариантность законов вполне объяснима. Ведь сначала мы идем от многих различных случаев. Когда же вычленим сущность, общее, вновь возвращаемся к конкретным моментам, которые только и есть в реальности, но уже обогащенной пониманием общего и особенного. Это характерно для всех наук. Конечно, всегда есть сложности с пограничными случаями (то есть относящимися к 2 и более разрядам одновременно), но здесь и задача ученого — приблизить классификацию максимально к реальности. Он должен также связать новый закон с системой других, которых придерживается. Продолжим характеристику законов: 1. Поскольку они лишь идеальная модель, действие и проявление их может быть очень различным: от мощного до незаметного. Если небесные тела зримо показывают закон всемирного тяготения, то стол и стул — практически никак. Отсюда признание действия закона в каком-то случае не означает, что обязательны его наглядность, яркость проявления.

То же самое и в обществе. Если, например, я говорю (в следующей части), что базисом общества являются производительные силы, то это не значит, что они всегда оказывают определяющее действие на другие части общества. Это ощутимо заметно только в ряде случаев.

2. Чтобы закон проявился ярко, нужно сочетание многих условий (естественное или в опыте — искусственное). Следовательно, закон не действует «железно», несмотря ни на что, а, напротив, для его заметного проявления нужны условия, которые иногда представляются как уникальные. Попробуйте при опыте нарушить условия, он не получится. В обществе такое «нарушение» происходит по многим причинам. Если мы знаем, как способствовать (или препятствовать) осуществлению какого-то закона в своем государстве, желаем этого и имеем возможность это сделать, то мы, разумеется, должны это делать, предусматривая, какие могут возникнуть трудности и проблемы. К сожалению, нередко мы понимаем, какие условия нужны для того или иного, но либо не представляем, как их создать в данной ситуации, либо не имеем возможности их создать. Так, известно, что для нормального рыночного хозяйства нужны политическая стабильность, умеренные налоги, устойчивые законы, общественный порядок. Но мы не знаем, как именно создать такие условия в России, или же не можем

воздействовать на тех, кто должен создавать такие условия. Однако для гражданина такие знания тем не менее важны и для собственной позиции, и для ее реализации при актах выбора (голосовании, опросе).

3. Отсюда ясно, что никакой закон не может действовать везде с постоянной силой. И, значит, надеяться открыть универсальный закон в истории (равно как и в других науках), который бы объяснял все и всегда, — бессмысленно и наивно.

4. Поскольку в каждом конкретном случае мы видим неповторимое сочетание действий ряда законов, различных по силе и направлению, каждый случай приходится исследовать комплексно, системно.

Признание действия какого-то закона вовсе не говорит, что именно он будет играть ведущую роль. Когда магнит притягивает железный предмет, действуют одновременно и другие законы (в т. ч. и всемирного тяготения), однако главным будет именно примагничивание. Когда в обществе мы признаем, скажем, что производительные силы оказывают формообразующее воздействие на способы неравенства, в данный момент главным может оказаться закон порабощения соседнего общества с помощью войны и т. п.

5. Отметим несколько особенностей познания исторических законов:

а) я уже сравнивал исторические события с однородными опытами, повторить которые нельзя. Когда мы говорим о некоторых уникальных событиях, типа Октябрьской революции, нам не всегда легко понять, где здесь закономерность, где случайность, какие вероятности могли реализоваться еще, какова истинная роль ее лидеров, особенностей момента и пр. Нам просто не всегда есть с чем сравнить, а законы познаются именно в сравнении. Отсюда бесчисленные споры о причинах, ходе, возможностях и т. д. Кто-то более важные моменты толкует как менее важные, главные как второстепенные и наоборот. Когда же речь идет о событиях, о которых нам мало или недостаточно известно, то здесь споры идут на уровне гаданий и предположений. Будь это происхождение человека, образование древнейших государств, история держав, чья письменность не расшифрована, и т. д. — везде слишком мало данных, чтобы наверняка вывести нужные суждения (хотя мы и можем сделать это в принципе);

б) противопоставление закономерности и случайности принимает жесткий вид — или-или, если их абсолютизировать: первую — как нечто неизбежное и фатальное, вторую — как свободную игру исторических сил. Если же помнить, что события едины и мы их

делим на закономерные и случайные (разумеется, имея для этого не только личные субъективные, но и реально-объективные основания), учитывать многозначность слова «случайность», определять ее уровень и по отношению к какому закону действует, то гораздо легче объяснить многие исторические события;

в) нередко существование законов в истории подвергается сомнению утверждением, что их осуществление носит характер вероятности. Но реализация законов в истории (и в природе) в каждом конкретном случае на самом деле только так и может проявляться, **как вероятность, как сочетание определенных удачных (т. е. необходимых) для данного закона условий.** Конечно, степень вероятности может быть очень разной: от практически 100 до доли процента.

Переход же к новому качеству тем более носит вероятностный характер, поскольку пока это новое не появилось, ему всегда что-то может помешать. **Сам же переход на новый этап развития может состояться лишь в моменте и месте наиболее удачного сочетания различных факторов (нередко своеобразных или даже уникальных), всегда в большой мере есть дело случая.** Необходимость же заключается в том, что в обществе есть потребность разрешить определенную проблему и имеется ряд возможностей для этого. Когда, где и как это совершится, заранее предвидеть невозможно или крайне сложно. До того, как это новое не появится, закон перехода к нему нам неизвестен (либо не поняты), понять его мы сможем лишь спустя определенное время после его совершения (еще лучше, когда произойдут аналогичные события). Если бы нам, например, были известны условия происхождения жизни на Земле, ученые могли бы пытаться воспроизвести их и создать живую клетку.

Пока же открытие не сделано (допустим, лекарство от рака), неясно, как это сделать и что для этого нужно. Когда оно совершилось, условия точно зафиксированы, единичный закон превращается в закон повторяющийся: другие будут постоянно воспроизводить условия для получения нового лекарства (машины, материала, общественного отношения и т. п.).

6. Историю можно образно представить как «сотканное» из законов и случайностей «полотно» времени. Иногда законы пробиваются через нейтральные или отрицательные случайности, иногда теряются в них, гасятся³⁵. Сочетание положительных, удачных для данного закона

условий делает его проявление наглядным, зримым, однако заранее предположить, когда создадутся нужные комбинации потребностей, вытекающих из предшествующего события, особенностей ситуации, наличия нужных деятелей и т. п., чаще всего невозможно. Важно понимать и то, что реализовавшаяся случайность в дальнейшем становится данностью и нередко вообще определяет последующее развитие. Так, человек может случайно познакомиться с супругом, но, вступив в брак, создает себе важнейшую данность.

7. Понятие «случайность» многозначно. Под ней иногда понимают то, что не «запрограммировано» данным законом, или то, что для него трудно предусмотреть. Порой случайности толкуют вообще как редкие события (типа природных бедствий) либо как события из другого причинного ряда (мира): биологического, физического, психического и т. п. Под ней могут понимать такое событие, которое могло и не произойти (или даже совсем не должно было произойти) в конкретный роковой момент: стихийное бедствие, рождение девочки вместо мальчика-наследника, появление какого-нибудь бунтовщика и т. п.

Однако чтобы такое событие могло сыграть свою роль, общество должно иметь соответствующее устройство или быть в особом состоянии (войны, революции и пр.). В известном смысле, вся история человечества — это поиск регуляторов, которые бы уменьшали риск таких случайностей. Но одновременно люди создают и новые факторы риска: теперь опасность ядерной или экологической катастрофы.

8. Вспомнив, что и для случайностей нужно выделять уровни, можно отметить, что фатальная, роковая случайность для определенного общества (например Октябрьская революция в России) не будет такой для всего человечества, поскольку оно развивается многовариантно, находя наиболее приемлемые пути для некоторых, оставляя в тупиках, «дремучести» и отсталости других, которые затем подтягиваются.

Если мы говорим о законах общечеловеческого масштаба, то — в известной мере — роль случайностей здесь меньше, чем в отдельном обществе. Так, для группы людей опасность внезапной смерти, естественно, меньше, чем для одного человека. В предельном же случае, когда новое зародилось лишь в одном месте и может быть уничтожено неблагоприятным дуновением, случайность касается и данного общества, и всемирной истории. И все же, если потребность достаточно велика, шанс ее реализации все равно остается, так как он многократно увеличивается за счет того, что имеются как бы запасные

каналы в других обществах. Неудачные, тупиковые варианты развития становятся исходной точкой, трамплином, антипримером в конце концов для удачных и прогрессивных. Вероятность осуществления назревшей потребности растет по мере увеличения числа неудачных попыток. Так, новый способ производства³⁶ с XIII—XIV вв. «стучался» в двери Европы: в Италии, Германии, Голландии. Наконец, он окончательно победил в Англии в результате промышленного переворота XVIII в. Но если бы этот переворот произошел не в Великобритании, то уж наверняка в следующей стране (США, Бельгии или др.). В этом плане в зависимости от того, как понимать дело, можно считать, что мировая история развивалась или слишком быстро, или слишком медленно³⁷.

§ 7. Типы законов

Для того чтобы лучше понять, что же такое общественный закон, желательно рассмотреть его типы. Ведь есть законы, согласовывающиеся с классическим представлением о них, то есть регулярно повторяющиеся в главных чертах. А есть законы, которые реализовывались лишь однажды (вероятно, таковы были процессы появления жизни на Земле, возникновения обезьяночеловека и др.). Следовательно, перед нами законы повторяющегося, типичного и законы особого, уникального. Последние весьма важны для понимания истории. Мы уже выделяли пару: социологических — исторических законов. Можно выделить еще: осознанные — неосознанные; реальные — потенциальные и ряд других. Каждый тип имеет существенные особенности.

Рассмотрим для примера тип законов, показывающих соотношение развития отдельных обществ и всего человечества. Благодаря тому, что между обществами совершаются различного рода контакты и они могут тем или иным путем заимствовать друг у друга что-то новое, происходит некое суммирование отдельных достижений. Но это уже не просто сумма частей, а нечто общее, особое, качественно иное и уже непохожее на свои части. Вот этот процесс и можно обобщить в **законах целого** — частей. А целое, как известно, не сводимо к совокупности частей. Тогда станет яснее, что такие законы, как смена формаций, прогресс и другие, в каждом обществе проявляются только **частично** (или даже с обратным знаком, например, застой, регресс и

т. п.) и лишь во всемирном масштабе — **в целом**.

Отсюда ясно, что законы исторического развития человечества не аналогичны законам развития отдельных обществ. Поступательное движение человечества есть результат гибели, застоя, отставания одних и лидерства других. По сути, такие законы не только не однолинейны, но есть система и равнодействующая большого числа законов меньшего уровня.

При любом анализе важнейшей проблемой становится определение иерархии частей, причин и т. п. Поэтому нельзя обойти вопрос о главных законах. Надо понимать, что абсолютно главного закона нет и быть не может. Ведь в том или ином конкретном случае он может оказаться неглавным. Поэтому, если кто-то полагает, что можно открыть несколько общих законов, объявить их главными и с их помощью все объяснять (практика в философии распространенная), то он глубоко заблуждается.

Однако без понятия **главного-неглавного** анализ часто невозможен. Поэтому целесообразно вести речь о том, что главными можно признать законы лишь в отношении какой-то определенной задачи (класса задач и т. п.) и системы координат, которую мы строим для ее решения. Стало быть, они являются **относительно главными**, хотя некоторые законы и избираются таковыми чаще других.

Итак, нам осталось лишь подвести краткие итоги главы. Нередко из-за экономии места или стремления к ясности я с сожалением вычеркивал какие-то мысли, примеры, цитаты. Но главное, надеюсь, ясно: воспринимать и понимать историю через анализ общественных законов можно, нужно, да так оно и делается. Важно только помнить, что нельзя просто прикладывать эти законы к действительности, это требует кропотливости, знаний, анализа. Иначе, по выражению Энгельса, исследовать историю было бы так же легко, как решать уравнения первой степени. Ведь даже правила поведения надо сообразовывать с обстановкой. Вспомним сказку о дураке, который все исполнял по «инструкции», а в результате на похоронах плясал, на свадьбе плакал. Иногда и некоторые «реформаторы» мне напоминают этого героя.

§ 8. Краткие итоги

1. В самой природе (биосоциальной) людей и способах их

объединения есть много сходного, что позволяет говорить об общественных законах. Основы такого единства также можно увидеть, если рассматривать общество как систему.

2. Целый ряд важнейших понятий: история, человечество, законы, случайности, вероятности и др. — многозначные и многоуровневые. Это всегда следует помнить и различать, в каком контексте они употребляются.

3. Законы и случайности — это лишь наши представления о событиях и объектах. Законы формулируют сущность этих явлений, под которой нужно понимать именно общее в них, синтезированные сходства в реальности многообразного. Отсюда неточность и приблизительность законов. Более строго следовало бы говорить о существовании лишь научных законов. А законы природы и общества трактовать как условно выделенную нами сторону (аспект, момент) реальности.

4. Чем выше уровень обобщения, тем дальше мы от конкретной реальности: отсюда опасность абсолютизации терминов, придание им свойств реальных сущностей, независимых от конкретных проявлений. Между тем научный закон — всего лишь идеальная модель, которая ни в одном случае не может проявляться в чистом виде. Законы каждый раз реализуются лишь как вероятности, а не с железной необходимостью, часто не проявляют себя наглядно, зримо, носят скрытый характер. Для того чтобы действие их было ярким, нужны особые условия.

5. Общественные законы, особенно высокого уровня, неизбежно предполагают многовариантность. В разных способах осуществления назревших потребностей проявляется исторический отбор.

6. Исторические законы постоянно меняются, поскольку усложняется и сама общественная действительность, а также уточняются наши представления о них.

7. Существует много типов законов. Те, что напоминают действующие с железной необходимостью, есть лишь один из типов законов. Говорить о главных законах можно только в пределах избранной нами системы.

8. Философия истории должна прежде всего стремиться правильнее объяснить прошлое, чтобы затем лучше понять настоящее и — но с большой осторожностью — сделать некоторые предположительные прогнозы и сформулировать рекомендации.

9. Для каждого общества, исторической ситуации и даже конкретного эпизода мы ищем причины и следствия, пытаемся понять, что тут

закономерно и обусловленно, что было возможно, что случайно. Мы исходим из того, что, определяя причину, опираемся на большой прежний общий и личный опыт, фактически прилагаем к каждому случаю какой-то закон (чаще ряд их). Однако поскольку таких законов очень много, мы стремимся их систематизировать, обобщать в более широкие законы и категории, переходя с уровня на уровень. Поэтому прямо прилагать закон высокой абстракции к конкретной ситуации нельзя, для этого нужно применять различные «правила соответствия».

10. Пока не совершилось что-то принципиально новое, мы не знаем всех необходимых для этого условий, поэтому (помимо назревших потребностей) реализация этого нового в большой мере дело вероятности или случая. Теоретически описать закон этого нового мы можем, лишь когда событие совершилось (чаще, когда оно отдалилось). В некоторых случаях мы можем и сами воспроизводить это новое, тогда закон единичного события становится повторяющимся.

Итак, я попытался на более высоком теоретическом уровне, путем уточнения понятий и разграничения уровней законов и систем (человечество — общество), с помощью других приемов совместить два разных подхода: признание закономерности в развитии истории и ее уникальность, неповторимость.

Посмотрим теперь, какие же силы способствуют историческому движению, какова среди них роль личностей. Сделаем шаг к закономерностям собственно историческим.

Глава 3. О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Поступательное движение мира происходит только благодаря деятельности огромных масс и становится заметным только при весьма значительной сумме созданного.

Гегель

§ 1. Подходы к проблеме

Можно сказать, что взгляды на движущие силы истории (то есть на

главные причины исторического развития) в основном вытекают из решения вопроса о ее законах. Те, кто считает, что история — игра случайностей и воля, склонны преувеличивать их значение. Среди них много тех, кто полагает, что «мнения правят миром», хотя есть такие и среди сторонников законов. Последние же либо видят позади истории некую могущественную силу, либо усматривают в ней реализацию неумолимого закона, либо полагают, что она predetermined некоторой заданностью: географическим положением общества, национальным характером народа и т. п.³⁸

С одной стороны, преувеличение роли какого-то одного элемента делало теории ущербными, с другой — без них нельзя было обойтись, так как попытки исследовать конкретные причины исторических событий без опоры на общие теории приводили к хаосу: причин оказывалось бесчисленное множество, и как было выбрать среди них главные? По словам П. Сорокина, «число теорий факторов (т. е. движущих сил истории. — Л. Г.) чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории» [38; 522].

Из различных подходов к решению этой проблемы выделю два. Марксизм считал «последней и самой общей причиной исторического движения человечества» развитие производительных сил (Плеханов). Согласно главному закону исторического материализма, они опережают в развитии производственные отношения. Последние в конце концов изменяются, а вместе с ними меняются и отношения собственности, политическая надстройка и т. д. Но поскольку Маркс и Энгельс были увлечены идеей классовой борьбы за передел собственности (как общественного проявления смены устаревших производственных отношений), то и ее возвели в ранг главной движущей силы истории. В целом же, если внимательно читать классиков марксизма, то увидишь, что они отдавали предпочтение внутренним историческим силам: классовой борьбе, развитию нового способа производства в недрах старого и т. п. Роль же заимствований, внешних контактов, завоеваний они занижали.

Другой подход, на мой взгляд, напротив, внешнему влиянию среды придавал очень большое значение. Я говорю о теории общественной эволюции, в развитии которой большую роль сыграл Г. Спенсер. Во второй половине XIX в. вместо всегда неизменной природы ученые

ясно увидели картину ее развития (в геологии, биологии), «процессы, порождающие новые видовые формы в природе» [25; 307]. Развитие это обычно воспринималось как прогрессивное: от низшего к высшему, от простого к сложному, по Спенсеру, от однородного к разнородному. Он же перенес идею эволюции на историю, поясняя, что под воздействием внешней среды и борьбы за существование происходят изменения и естественный отбор обществ, отдельных его учреждений, отношений (подобно тому, какой открыл в биологии Ч. Дарвин).

Это были сильные идеи. Они объясняли многие факты, которые иначе понять было трудно. Так же, как в природе, исследователей и во многих обществах восхищали целесообразность данной конкретной обстановки производства, быта, форм политического устройства, культуры и т. п. Плеханов писал по этому поводу: «Тут повторяется явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразные самим характером своим осуждены на гибель».

Такой подход был еще весьма популярен в XX веке. Однако животенно появились и перекосы: во-первых, увлечение аналогиями с животным миром и недоучет внутренних источников развития и системности общества; во-вторых, недопонимание того, что эволюционные законы постепенно теряют свое значение; в-третьих, восприятие законов как вечных, нерушимых (а не меняющихся вместе с историческим процессом). Отсюда и некоторая внеисторичность в анализе. В-четвертых, слабое различие среди общего эволюционного движения более и менее прогрессивных линий.

Мы же с вами рассматриваем все законы, в том числе и эволюционные, как наши обобщенные представления о реальном ходе вещей. Поэтому, отнеся все то, что говорилось о законах, к данному вопросу, сформулируем несколько правил:

1. Бесполезно искать постоянные и на протяжении всей истории с одинаковой силой действующие движущие силы.
2. Нельзя также говорить о главной движущей силе применительно одновременно ко всей истории и каждому ее моменту.
3. Следует различать уровни обобщения, в зависимости от чего большее или меньшее значение мы будем придавать той или иной движущей силе.
4. Поскольку историческая реальность — сложнейший сплав причин и следствий, взаимодействия различных сил, то применять общие

положения о движущих силах к конкретному обществу или моменту можно только через «правила соответствия». Надо также иметь в виду все сказанное о случайностях и вероятностях, о том, что новое может быть только в моменте и месте наиболее удачного сочетания условий.

5. Необходимо учитывать как общий исторический контекст событий, так и различные состояния общества: сплоченные, твердые или мягкие (революция, смута, война и т. п.).

6. Действия разных движущих сил наглядно проявляются при разных условиях.

§ 2. Понятие движущих сил истории, их классификация и характеристика

Прежде полагали, что первобытные люди вели исключительно бродячий образ жизни. Однако археологические исследования убедительно доказали, что если одни племена и кланы действительно постоянно кочевали, то другие могли жить на своих местах без больших изменений тысячи лет. Периодически, конечно, случались голод и другие бедствия, но их можно было перетерпеть, а затем все возвращалось на круги своя. Известно и немало государств, которые существовали в привычном ритме многие сотни лет, а некоторые образования (институты), вроде индийской крестьянской общины, переживали расцвет и гибель империй, оставаясь почти прежними. Еще более это относится к верованиям, обычаям, традициям. Ранние стадии истории в большой мере можно, следовательно, определить словами Маркса о том, что это был естественно-исторический процесс (сильно отличавшийся, однако, от естественно-биологического).

Понять причины такой медлительности вполне можно. Хотя жизнь устроена так, что требует думать о завтрашнем дне, ставит те или иные задачи, но основное число таких проблем (и для отдельного человека, и для всего общества) разрешается нормальным, привычным и необходимым для данной системы способом, так сказать, «в рабочем порядке». К тому же древние люди — в отличие от нас — не стремились ни к каким переменам, если только беду уж совсем никак нельзя было переждать. Они вообще считали правильным жить по законам предков, то есть ничего не меняя.

Только сравнительно недавно, несколько сот лет назад, перемены

стали полагать время от времени необходимыми, и уж совсем недавно осознали, что предстоит жить в условиях постоянно меняющегося мира. Конечно, и сегодня большинство задач решается «в рабочем порядке», но в данной главе речь не о них. Мы будем говорить о таких проблемах, которые изменяют систему.

В современном обществе есть «встроенные» регуляторы, которые предполагают постоянное движение вперед. Прежде таковых не было или они являлись исключениями. И чтобы произошло какое-то изменение или общественная «мутация», привычный цикл в чем-то должен был быть существенно нарушен. Отсюда **силы, которые ведут или могут вести общество и его элементы к изменениям, мы и будем называть движущими**. Они, следовательно, выводят систему из равновесия, заставляют ее приспособливаться и реагировать на этот вызов. Иногда для простоты я буду называть их **факторами**. Только в некоторых случаях движущие силы могли вести к качественным улучшениям, в других — к деградации, упадку, разрушению.

Без противоречия нет развития, но возникновение противоречия не ведет автоматически к развитию, поскольку может долго или вовсе не разрешаться. Бывает, что из-за этого нарушается цикл, и общество так и живет с нарушенным и ставшим уже привычным, вроде опухоли, воспроизводством. Оно может постепенно угасать или даже быть взорвано изнутри неразрешимым иначе противоречием (восстание, революция и пр.), чтобы на его обломках началось новое движение с более низкой отметки.

Значит, движущие силы можно разделить на **подводящие к противоречию и разрешающие** его. Иногда они совмещаются в одном факторе (например, современные производственные силы, наука), но обычно между возникновением и нарастанием противоречия и его положительным разрешением проходит время, иногда настолько длительное, что проблема перезревает и парализует всякую нормальную жизнь, становясь источником социального взрыва. **Те движущие силы, которые ведут (реально или в возможности) к качественным изменениям в общественной системе или ее частях, делают ее более устойчивой, сложной, приспособленной, увеличивают материальное или духовное богатство и т. п., — выступают источником развития**. На них мы обратим особое внимание.

Классифицировать движущие силы можно по различным основаниям,

из которых укажу лишь некоторые:

а) **внутренние и внешние**;

б) **постоянные**, то есть действующие всегда, хотя и с разной силой в разное время (географическая среда, производительные силы и др.), и **переменные**, иногда очень сильные, но либо возникающие на определенных этапах (уходящие на какой-то стадии), либо имеющие разовый характер (чума в Европе в XIV в., Великие географические открытия и т. п.);

в) **всеобщие**, то есть действующие во всех, и **частные**, возникающие лишь в ряде или в отдельных обществах.

Внешние движущие силы — это прежде всего влияние географической среды, природы. Оно может быть **переменным**. Таковы различные стихийные бедствия: наводнения, землетрясения, заразы, саранча и т. п. Их роль могла стать и роковой. Однако они нередко заставляли людей искать выход и находить его. Разовые бедствия иногда создавали новое постоянство: изменение рельефа, климата и т. п., что побуждало менять занятия или переселяться, облегчало или затрудняло контакты и т. п. **Постоянные** факторы: климат, почвы, рельеф и т. п. — для ранних обществ были **формообразующими**, так как люди организовывались, подстраиваясь к природе, в том числе и духовно.

Многие тысячелетия географические условия в огромной степени определяли уровень развития обществ. Благоприятные условия, например очень плодородные почвы, способствовали расцвету цивилизаций и культуры. Неблагоприятные условия (изоляция, тяжелый климат, скудость почв) могли стать непреодолимым барьером на пути перехода из варварства к цивилизации. Постепенно развитие производительных сил преодолело прежние природные ограничения. В наше время, казалось бы, роль географической среды упала, но отношения с природой остаются важнейшими.

Постоянные природные факторы, используемые в производстве, как будет рассмотрено в особой главе, настолько переплетаются с ним, что становятся как бы частью производительных сил, тем самым начиная выступать одновременно и как внешняя, и как внутренняя движущая сила.

Другим **внешним** фактором будет окружение соседями. Внезапные набеги, переселения и пр. можно рассматривать как **переменные** обстоятельства, оказывающие иной раз крайне важное влияние. Иное дело — **постоянные** соседи. Естественно, что могут быть

промежуточные состояния: так, периодические набеги кочевников хотя и являются переменными, но уже ближе к постоянству: общество всегда к ним готово.

Роль **контактов** трудно переоценить. Они разнообразны: войны и столкновения, торговля и заимствования, вступления в браки и дипломатические отношения, рабство, смешение и разделение народов, религий, обычаев и т. п. С контактами связано и соперничество: за угоды, работников, торговые пути и т. п. Активность одного из соседей — важнейший стимул для деятельности других: там, где и не стали бы ничего делать, но нельзя, чтобы опередил соперник. Это одна из причин вовлечения в глобальную политику самых разных народов.

На ранних этапах контакты были слабыми, в основном эпизодическими, поэтому у движение истории было «геологическим», под стать скорости изменения природы. Затем важнейшими становятся столкновения и войны, хотя и другие отношения всегда идут рука об руку с ними. Эта **борьба играла роль естественного отбора**: одни общества возвеличивались, другие погибали, одни народы растворяют в себе другие, одни учреждения, обычаи, религии воздействуют на другие и т. п. А вместе с этим растут культура, понимание общности природы людей, появляются идеи о всемирном братстве (в христианстве и других религиях) и т. п. А главное, поднимается производство, несмотря на постоянное давление на него войн.

Из внутренних факторов в число важнейших до определенного времени надо отнести рост (или убыль) населения. Они заставляли уходить на иные земли, начинать завоевания, обрабатывать новые почвы, создавать великие «чудеса света» и т. п. Рост (убыль) населения неразрывно связаны с другой движущей силой, которой я придаю особое значение, — **производительными силами**. Собственно, это ясно: ведь при всей важности других функций людей все же главной была (и остается еще) трудовая. Люди-работники — это важнейшая составная часть этих сил.

Развитие производительных сил можно считать одной из самых важнейших внутренних движущих сил. Разумеется, этим вовсе не определяется вся история, но это значит, что, во-первых, между развитием производства, его скоростью и качеством, развитием остальных сфер и всего общества в целом имеется прямая зависимость. Отсюда и безумное ускорение хода истории в последние

сто, а особенно 30–40 лет. Эта зависимость более наглядна в рамках человечества. Во-вторых, в масштабе всемирной истории видно, что без качественных революций в способах производства не может быть перехода к новой формации. В-третьих, действительное превращение человечества в единство при тысячах различных связей все же возможно, прежде всего, при соответствующем развитии торговли, транспорта, средств связи и информации и пр. Другие причины особого значения производительных сил я привожу в следующей главе.

Напомню также, что их роль существенно различна в рамках отдельных обществ (периодов) и всемирной истории. Однако в любом обществе и в любой период они фактор постоянного воздействия, хотя это может быть и не слишком заметно.

Производительные силы никогда не были только внутренним **источником развития**, ведь обмен, торговля, захват рабов и др. очень древни. Но по-настоящему мощным **внешним источником развития** для ведущих части мира (а не только для отдельных торговых государств) они становятся с нового времени. Сегодня же национальное хозяйство все больше превращается в часть регионального и мирового. Повсюду происходят межгосударственные объединения, наиболее ярким примером чего является Европейское сообщество. Народные хозяйства многих стран немыслимы вне таких объединений так же, как многие отрасли (типа туризма) не существуют вне мирового разделения труда.

Международная кооперация, таким образом, ставит важнейшие задачи. Прежде всего, конечно, экологическую. Ведь в настоящий момент использование природы остается в основном еще национальным делом, а внутри каждой страны в огромной степени определяется интересами частного или коллективного собственника, сплошь и рядом крайне эгоистичными. Следовательно, необходимо совместить интересы производителя, государства и мира. Если в России или Бразилии вырубают леса, это скажется на всех. Так внутренние проблемы экономики становятся частью общей, экологической безопасности мира. То же касается и вооружений, и терроризма, и пр.

Взаимоотношения производительных сил и других факторов с идеями следует рассмотреть особо. На определенном этапе развития некоторые идеи входят в общественное сознание и могут стать общепризнанными. Ими теперь будут руководствоваться, на их

основе планировать деятельность, принимать их как данность. Например, ныне никто не отрицает право (законом оговоренное и ограниченное) на забастовку, так как видят в этом определенную возможность для разрешения возникшего противоречия, но прежде чем стать реальным правом, сколько борьбы и споров было вокруг этой идеи, сколько даже крови пролито! Сейчас все знают, что развитие науки надо планировать, финансировать и т. д. Но ведь прежде чем это поняли, немало ученых подверглось гонениям, было уничтожено, унижено (еще и совсем недавно у нас в СССР). Не везде еще осознали и роль общественных наук, которые в не меньшей степени могут двигать вперед общество, чем естественно-математические. Такое понимание, безусловно, придет, но для этого требуются борьба и реальный практический результат, понятный даже недалеким правителям отсталых народов.

Следовательно, идеи играют огромную роль как движущие силы, но просто так они не закрепляются в обществе. Прежде нужно, чтобы стихийно, вне плана, вне желания даже общества или его сильных слоев неоднократно произошли определенные события и получились определенные результаты, чтобы выдающиеся люди сумели сделать анализ этого. И только потом (в том числе и в ходе борьбы идей), раньше или позже (в зависимости от обстоятельности и возможностей общественной системы), постепенно это понимание полезности (опасности, целесообразности, необходимости планировать или разрешать и т. п.) войдет не без борьбы, откатов назад и трагических экспериментов в общественное сознание. Тогда развитие общества усиливается пониманием достигнутой истины и в некоторых случаях можно получить выгоду или избежать ненужных и разрушительных конфликтов (например, вовремя принять те или иные законы).

И в неразвитых обществах, убедившись, что из-за этого они безнадежно отстали, могут воспринять идею. Но не всегда и с большими усилиями. Ведь сознание правящей элиты, кроме нередкого невежества, искажено эгоизмом привилегий и амбиций. Быстрому внедрению идей препятствует также и то, что почти никогда все общество не воспринимает их одинаково (одни принимают, другие отвергают и т. п.). Многие идеи сложно подтвердить практикой. Принятие же их на веру может оказаться катастрофой, особенно когда та или иная идеология начинает воплощаться в реальность (как было и с уничтожением частной собственности в нашей стране). Следовательно, далеко не всякая идея может стать «материальной

силой» (Маркс). Она либо должна быть наглядно подтверждена «упрямыми» фактами, либо по какой-то иной причине прийти к стати (особенно в период кризиса старого общества и «брожения умов»), либо быть принудительно навязана.

Несколько слов о роли религии как движущей силы. Она могла быть основой этнического единства, национальной культуры, развития морали. Мировые религии резко увеличивали возможность контакта людей. Разумеется, как и всякая идеология, она могла играть различную (как прогрессивную, так и регрессивную) роль. Однако по мере появления новых форм осмысления мира, прежде всего научных, значение ее уменьшается. Но в то же время она перестает быть тормозом развития, каким могла порой выступать.

Ни в чем так наглядно не проявляется закон единства и борьбы противоположностей, как во взаимоотношениях различных классов, групп, слоев (см. Прил. 2, п. 4). Однако внутренние конфликты — неизбежные в любых коллективах — носили главным образом личностный характер (между выдающимися личностями или между ними и обществом). Это могло вести к отпочковыванию отдельных семей, родов от общего корня.

Переход к сельскому хозяйству и образование различных социальных и имущественных групп привели к дифференциации древнего общества. Взаимоотношения и борьба этих групп стали постоянным и важнейшим фактором развития. В известной мере они родили и многие функции государства как третьей, стоящей над ними, силы. Борьба классов и групп неразрывно связана с идеологиями, религиями и идеями, поскольку должна была иметь то или иное объяснение, оправдание, лозунги и т. п. При этом установить прямую зависимость между интересами конфликтующих и идейным выражением конфликта часто весьма затруднительно. Это связано, во-первых, с тем, что, как и все остальное, определенные идеи люди застают готовыми и от них отталкиваются. Во-вторых, логика этих учений далеко не всегда совпадает с логикой борьбы и соответственно влияет на нее. В-третьих, сами участники конфликта часто не представляют ясно подлинных своих интересов или же настолько уверяют в те или иные учения, что за ними ничего не видят (фанатизм).

Мы еще будем в дальнейшем говорить об общественной борьбе. Она в той или иной мере присуща любому обществу, вопрос в ее формах и результатах. А они могли быть самыми разными. Часто вспышки социальной вражды были бесплодными: таковы многие крестьянские

войны, восстания рабов. При удаче же такие восстания могли отбрасывать развитие назад, выступать как регрессивное³⁹. Такие явления, как феодальные войны, обычно являлись бедствием для общества, но борьба за централизацию страны была мощным ускорителем развития и т. п. Как очень важные для прогресса отметим ранние буржуазные революции и борьбу рабочих за свои права, что привело к общественному прогрессу (но далеко не везде).

Нет возможности говорить о других движущих силах. В параграфе 5 мы подробно рассмотрим вопрос о роли личности, а теперь поговорим о взаимодействии внутренних и внешних факторов.

§ 3. Историческая эволюция и внутреннее развитие

Под историческим отбором я понимаю такое воздействие внешних движущих сил на общества, в результате которых происходил отбор среди них (и отдельных общественных явлений, и отношений). В результате совершались различные изменения. Но вместе с многочисленными вредными или бесполезными общественные системы и их элементы приобретали и новые ценные, положительные черты, качества и способности, могли полнее раскрывать заложенные в них возможности и т. п. Все это путем взаимоотношений и закрепления достигнутого становилось раньше или позже достоянием всего человечества. И в целом такой процесс можно назвать **исторической эволюцией**.

Эволюцию, однако, недаром иной раз называют «слепой», потому что — особенно на ранних стадиях — каждое положительное новшество оплачивалось огромной ценой: разрушением, упадком, жестокостью, отсталостью, гибелью народов и цивилизаций.

Эволюция неразумна, ее движение не разбирает, что и зачем уничтожает. Поэтому эволюционный путь — путь тяжелый и медленный, часто почти незаметный, создающий впечатление монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Тойнби). И все же в бесконечном естественно-историческом отборе выявлялось и прогрессивное методом бесчисленных проб и ошибок, «выбраковки» (Гефтер) неудачных или несчастливых форм. Необходимость приравниваться к нередко безжалостной окружающей природной или социальной среде способствовала лучшей приспособляемости. И выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на

внешний вызов, был сильнейшим, энергичнейшим, наиболее сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, везучие: защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Естественный отбор поэтому неразрывно связан со случайностями.

Темп эволюции неравномерен. Медленные незаметные изменения порой сменяются рывками, рождением нового качества. Нередко это происходит в обществах, находящихся в особом неустойчивом состоянии, в котором повлиять на выбор пути способны самые разные вещи. Современная наука, в частности новое ее направление синергетика, называет такие состояния бифуркационными (бифуркациями). Нередко также говорят о бифуркационных точках какого-либо процесса либо всей эволюции.

Постепенно все же возникает невероятно могучий механизм развития — сохранение достигнутого и сознательное стремление к улучшениям, а с ними и способность обществ к саморазвитию. Возможность людей понимать важность и необходимость заимствований, чужого опыта, рационального осмысления действительности и др. делает историческую эволюцию коренным образом отличной от биологической, поскольку организмы не могут сознательно улучшать себя. Раз возникнув, они уже обречены быть в этой стадии, а новое появляется путем гибели старого.

Это важнейшее отличие развития человечества от животного мира — возможность людей более планомерно и целенаправленно стремиться к изменениям в обществах — приводит к тому, что естественный отбор и борьба за существование сменяются как бы селекцией. Продолжим сравнение. Если раньше нужно было долго (и без надежды) ждать нужной благотворной «мутации», то теперь ее заменяет «генная инженерия». И хотя в слаборазвитых странах этот процесс действует еще плохо, скорость истории резко увеличилась. В результате постепенно «ветви эволюций», по образному выражению Тейяра де Шардена, сплетаются в единый ствол человечества. А движущие силы (и законы) по мере развития истории сами постоянно меняются и модифицируются, тем более что многие условия просто не повторяются. Разумеется, если они вдруг возрождаются, то может быть и известное повторение. Так произошло с принудительным трудом в нашей стране и в Германии.

Эволюционный отбор мог толкать общества к захватам, экспансии; заставлял замыкаться и отгораживаться, объединяться добровольно

или принудительно и т. п. Но важно понять, что **такой отбор сам по себе не может родить ничего нового**. Он создает обстановку, которая способствует рождению и отбору наиболее приспособленных, передовых и прогрессивных форм, необходимости закрепления этих достижений. Но это новое должно возникнуть в недрах общественных организмов, уже быть или в готовом (но неразвитом) виде, или в потенции, чтобы потребность вызвала его к жизни или расширению.

Теперь еще об одной особенности эволюции, как ее показывал Тейяр де Шарден⁴⁰, что хорошо подтверждает мою мысль о **многовариантности законов**. На определенном этапе развития какого-нибудь явления (государства, общественных отношений, идей, изобретений и т. п.) происходит положительное изменение («мутовка»), которая есть как бы «веточка» («черешок») на большой ветви. Едва появившись, этот черешок сам начинает почковаться, пробовать себя в разных формах, представлять «веером». Но из этого «веера» лишь немногие «перья» будут прогрессивными, остальные часто просто исчезают в ходе эволюции, не оставляя для нас заметных следов. Тейяр называл это законом «уничтожения черешков». Отсюда и определенный «обман зрения»: какие-то явления предстают перед нами в готовом виде, между тем они имели значительный подготовительный период. Например, древний хронист зафиксировал: «Появилось новое государство». Но мы совсем не знаем, какие переходные формы были у него от родоплеменной организации. А среди самих государств! Вспомним, сколько их было, а выжили (и даже стали известны) лишь немногие. А что мы вообще знаем о тысячах бесследно исчезнувших первобытных общин, без сомнения, оставивших невидимые нам следы в языках, изобретениях, обычаях, религии и т. п.? Практически очень мало...

Тейяр превосходно (на мой, неспециалиста, взгляд) описывает и ход биологической эволюции, и ее законы, и направления, однако каждый раз он (и не столько он, конечно, поскольку это пока «вещь в себе» для биологии) становится в тупик, когда речь заходит о том, какие же причины и движущие силы внутри биологического вида и отдельных организмов ведут к изменениям. И как сохраняется новое? Как одни виды превращались в другие? По счастью, в истории это нам известно гораздо лучше. В определенном смысле она предстает как реализация самых разных потенций и возможностей, заложенных в человеческой индивидуальной и коллективной психике, в его физических и умственных данных, в том, как вся эта природа человека (те самые

атрибуты, о которых выше уже шла речь) проявляется в самых разных и невероятных комбинациях под воздействием внутренних или внешних сил. Разумеется, новое, гениальное, творческое имеется в возможностях не каждого человека вообще, а лишь некоторых, одаренных. Но когда эти таланты раскрываются, их достижения превращаются (далеко не всегда, конечно) в коллективное достояние, переходя из возможности в реальность. Такой процесс можно сравнить с тем, как человек порой очень долго не знает своих действительных способностей, пока неожиданно случай или необходимость не выявит их.

Посмотрим теперь на некоторые механизмы взаимодействия внутренних и внешних движущих сил. Вообще, заранее сказать, какие факторы будут преобладать в том или ином обществе, нелегко. Возможно, что как среди людей выделяются типы, больше направленные либо на внешнюю жизнь, либо на внутренний мир, так и под воздействием различных причин (религии, способа добывания пищи, географических и исторических особенностей и интересов правящих групп и т. п.) общества могут быть направлены внутрь и вовне. Отрицательные примеры таких перекосов — самоизоляция Китая и Японии в XVII–XIX вв., «железный занавес» социализма; увлечение захватами и колониями в Англии, Японии и т. п. Но есть и положительные.

В древних обществах, как мы говорили, главным образом изменения наступали либо в результате перемен в природе, либо в результате необходимости переселяться на иные места под воздействием врагов, увеличения плотности населения или другого. Все это требовало изобретения новых видов оружия и орудий труда, форм организации охоты, рыбной ловли и т. п. Противоречие между потребностями и возможностями чаще всего «дремало», но могло просыпаться под влиянием нужды, либо заимствований, либо появления новаторов, особенно в переломные эпохи переселений, изменений, когда устойчивость традиций уменьшается из-за необходимости приспособливаться. Разумеется, нельзя отрицать и возможность личных конфликтов, когда у человека обостряются энергия, выдумка, смекалка.

С появлением в обществе социальной неоднородности взаимодействие внешних и внутренних факторов становится разнообразнее:

1) внешний враг может искать «пятую колонну» внутри общества в виде недовольных;

2) внешняя экспансия и удачные войны, как в Риме, могут быть причиной внутренних конфликтов, когда либо группы с меньшими правами требуют их уравнивания (плебеи и патриции), либо в результате этих успехов усиливается определенная группа (партия), лидер (например Цезарь после Галлии);

3) внутренняя борьба является источником внешней экспансии: вывод колоний, куда переселяются побежденные; новая победившая власть тратит свою энергию на захваты и т. п.;

4) ослабление в результате внешних событий приводит к резкому обострению накопившихся внутренних проблем. Так, Первая мировая война создала в России революционную ситуацию и возможность успеха большевиков;

5) участие страны в каком-то внешнем объединении (например религиозном, «лагере социализма») приводит в противоречие с внутренними целями страны, групп, правителя, что может стать источником конфликта в этом союзе, или его раскола, или интервенции в непокорную державу и т. п.;

6) в современную эпоху желание страны приобщиться к каким-то выгодам в международных объединениях ставится в увязку с внутренними реформами;

7) победитель может делать благие (или скверные) преобразования в стане побежденного, даже не лишая его независимости (как США после войны в Японии);

8) слом империи превращает внутренние проблемы во внешние; наоборот, образование ее превращает внутренние проблемы чужих стран во внутренние объединенной;

9) проигранная война приводит к реформам (Крымская), выигранная — к консервации старого (Отечественная 1812 года, Великая Отечественная);

10) подготовка к войне или желание ее выиграть могут вести к большим переменам (Северная война);

11) вышеперечисленное в огромной степени зависит от личностей, их характера и понимания целей общества и собственных.

Конечно, могут быть и другие комбинации, поскольку **способов и механизмов взаимодействия в истории выработано много.**

Все сказанное об эволюции и движущих силах вы лучше представите, когда прочтете следующий параграф. В нем я пытался сделать краткий, беглый обзор исторического процесса с точки зрения его движущих сил. И из-за недостатка места, из-за боязни усложнить

восприятие, и по множеству других причин он, конечно, весьма неполон, приблизителен, схематичен. Но все же способен дать определенную картину.

§ 4. Шаги истории, обзор исторического развития

Перед нами древний мир с примитивными людьми-дикарями, в которых дремлют еще невиданные доселе возможности. Эти молодые племена охотников, собирателей и рыболовов заселяют основную часть земного шара, двигаясь вслед за уходящими на север ледниками. Поскольку крупные животные (мамонты и др.) вымирают или уходят тоже, люди вынуждены совершенствовать свои орудия (появляются копьеметалки, луки и др.). Почкуются и почкуются роды и племена. Свободных и удобных мест остается не так много. А ведь для охоты и собирательства нужны огромные территории. Жизнь ряда племен становится оседлее. Но прошли тысячи лет, прежде чем на Ближнем Востоке создались исключительные условия и появилось примитивное земледелие. Вероятнее всего, впервые у тех, кто занимался регулярным сбором дикорастущих хлебных растений или был хорошо знаком с этим процессом. Приручаются первые животные. Так постепенно совершается переход к сельскому хозяйству, а племена стали делиться на земледельцев и скотоводов. Последние с изобретением колеса и кибитки, приручением лошади все активнее перемещаются на тысячи километров по широкой евразийской степи. Менялся за тысячелетия климат: наступали и отступали моря, степи превращались в пустыни, высыхали реки и т. п. Все это толкало людей к переселениям, войнам, иногда очень важным переменам.

И вот за несколько тысяч лет до новой эры на земле идет какое-то броуновское движение. Снимаются с мест племена, чтобы выселить или покорить другие. Уничтожаются целые народы, о которых мы никогда не узнаем. Варвары-кочевники грабят слабые центры цивилизации: первые поселки и города. Только что изобретенный металл (медь) сразу стал орудием разрушения. Повсюду, как грибы, растут крепости. Повсеместно выделяются группы воинов во главе с предводителями. Война становится их главным делом. Слабые племенные и предгосударственные образования сталкиваются между собой, и в огромной этнической реторте переплавляются племена и народы, которые вновь и вновь то почкуются, то соединяются.

Однако за эти сотни и тысячи лет люди делают много изобретений. Выделяются ремесленники и торговцы, которые налаживают первые, еще непрочные связи между разными районами. Поливное земледелие дает огромные урожаи, быстро растут население и тот излишек продукции, на котором создаются первые государства. Рост богатства усилил древние способы его перераспределения — войну и грабеж. Они были почетны, повышали общественный престиж, давали возможность быстрого обогащения. И вместе с тем явились важнейшим средством обмена, заимствования, втягивания в новые отношения бесчисленного числа народов и племен, становились мощным источником развития мира. Они толкали ленивых (прежде всего в отношении потребности к улучшениям) по натуре варваров к деятельности, которая требовала развития индивидуальных качеств: смелости, решительности, изобретательности, большой энергии и т. п. Это, в конечном счете, высеивало людей, привыкших полагаться на себя, свой ум и характер (а не на обычаи и помощь родичей), расширяло кругозор и представления, ломало косный уклад первобытного коллективизма.

Милый в своей патриархальности, грандиозный в бесконечном круговороте, первобытный строй являлся страшным препятствием для прогресса. Родовые и общинные порядки были нацелены на то, чтобы сгладить индивидуальные различия, имущественное расслоение. Люди, накопившие много и не делящиеся с соплеменниками, всячески осуждались. От них требовали, чтобы они брали на себя расходы рода или попавших в беду родичей, уплачивали налоги за тех, кто не мог этого делать (вспомним круговую поруку в наших русских общинах, отмененную еще только в 1903 г.!), подарков и раздач. Заработать авторитет, занять какую-то общественную должность, получить одобрение своим успехам нельзя было, оставаясь скупым. Все раздать — вот идеал!⁴¹

Щедро раздавать можно, только грабя соседей. Но по мере усиления этого процесса все эже становился круг тех, кому нужно было угождать: вождь теперь зависел лишь от своей дружины, ее он и одаривал. Так на долгий срок труд становился уделом «слабых» людей, «черни», а самым достойным — война и безделье⁴².

Из дружинников и воинов складываются классы и сословия, группы будущих управителей, политиков, надсмотрщиков, сменяющие прежнюю родовую знать. Нередко вождю, князю, конунгу проще было посадить дружину на покоренные народы: «Кормите их!» Так

возникали государства, подготовленные внутренним длительным развитием производства и общественного расслоения. Но чтобы стать организацией для поддержания привилегий высшего слоя с помощью силы, обычно нужно было внешнее воздействие, чаще всего — война, завоевание. Лишь постепенно у новой власти на первый план выходили и другие задачи.

Небольшие по размерам и многочисленные государства возникали первоначально в долинах больших рек (Нил и др.). Через сотни лет непрерывных войн, союзов и объединений они превращаются в сильные царства. Впервые вместе с ними появляются и настоящие цивилизации с письменностью, культурой, развитой религией. Между новыми странами устанавливаются торговые, дипломатические и иные отношения. Но важнее всего военные. В ходе контактов перенимаются изобретения (в том числе новые металлы: бронза, железо), взгляды, верования, формы правления. Возникают и рушатся огромные империи, одни народы поглощают другие, происходит как бы переплавка многих культур, достижений, идей.

Но вместе с тем варварски разрушается то, что создавалось тысячи лет. Ослабленные государства становятся добычей диких кочевников, превращающих города в пастбища, а книги — в пепел и черепки. Но опять и уже на более широком и удобренном основании строятся цивилизации. Вновь и вновь поколение за поколением превращаются в «навоз» истории, только чтобы удобрить почву, построить одну маленькую, порой незаметную ступеньку... Жизнь сильнее и ценнее организмов (Тейяр де Шарден), история — сильнее отдельных общественных организмов... Так, каждый шаг вперед древней, средневековой и новой еще истории оплачен реками слез, крови, неисчислимыми страданиями, унижениями, жертвами... Засыпанные песками города, угнанные в рабство миллионы людей, расточительство египетских пирамид — это черты древней истории. Но и в то же время развитое денежное хозяйство, гигантские торговые операции, непревзойденное искусство ремесленников, высоты человеческого духа в первых мировых религиях (буддизм) и философиях Греции, Индии, Китая⁴³, торжество государственного порядка над родовой местью и многое другое.

Мы добрались до V в. нашей эры. В Азии и Европе уже сотни лет идет гигантское переселение народов, чудовищная волна варварства, но полного сил, энергии, жизни. Слабеющая Римская империя с трудом сдерживает этот напор, цивилизуя племя за племенем, народ за

народом. Благодаря ей мир связывают не только поступь легионов и набеги варваров, но и прекрасные дороги, почта (идущая еще от персов), христианство. В этой великой империи сплелись достижения разных народов и эпох. Государственный порядок, военное искусство, право — заслуги римлян. Но христианство идет с востока, от иудеев. Прекрасны греко-восточная культура и философия. А вложения других народов? Карфагеняне научили римлян торговать и управлять имениями, египтяне снабжали их хлебом, иберийцы (Испания) добывали серебро для монет и т. д. Не забудем и финикийский алфавит, через греческий перешедший в латинский. И вот падение Рима. Вновь варварство поглощает цивилизацию, прилив истории сменяется отливом. Но через столетия войн, переселений и преобразований природы вдруг являются национальные государства, выросшие на базе римских права и культуры, на единой европейской религии и новых достижениях техники и сельского хозяйства. Европа гораздо гуще, чем прежде, покрыта городами и торговыми путями. Ее усиление не могут остановить уже ни чума, ни кочевники, ни природные бедствия, ни религиозный фанатизм. Намного сильнее стал фактор заимствования и преемственности, закрепления важнейших достижений и изобретений⁴⁴. Ход истории ускоряется... Подходит время решающего перелома: реформаций, великих географических открытий, технической, а затем промышленной революций, буржуазного порядка.

С появлением расслоения общество стали сопровождать и внутренние конфликты, которые иногда давали ценные результаты. Реформы Солона в Афинах, борьба плебеев и патрициев, римлян и италиков — лишь немногие примеры удачного разрешения такой борьбы. Но чаще мощные восстания и революции, вспыхивавшие время от времени, приводили либо к беспощадному подавлению их, либо — при удаче — к разрушениям и варваризации (как в Египте, Китае).

Люди еще не научились понимать природу этих конфликтов и не умели закреплять ценные их достижения. Сама жизнь при постоянных внешних опасностях, слабости производства и связей, скудости информации не давала такой возможности. Игра случая и естественный отбор продолжали влиять на результат в огромной степени.

Но социальные схватки способствовали расширению зоны цивилизации: проигравшие или недовольные уходили все дальше на новые земли (так, распри в городах Древней Греции вызвали

колонизацию морских побережий). С другой стороны, правители и знать ряда стран совершенно сознательно стали стремиться к мировому господству: Кир, Александр Македонский, Чингисхан и другие.

Новое время изменило производство и всю его примитивную сельскохозяйственную организацию. С XI века Европа начинает кое в чем опережать Азию, теряющую уже потенции к развитию. Появляются города нового типа: свободные в значительной мере от высшей власти, ставшие основой торговли и промышленности, образования, а в ряде стран — опорой короля в борьбе с феодалами, ядрами формирования новых наций. Европа гораздо способнее к заимствованиям: от арабов через Испанию и во времена крестовых походов беретя многое из высокой азиатской культуры. Появляются и центры образования — университеты, а также пока далекая от практических нужд наука.

Единая как религиозно-культурное пространство (с общим для образованных людей латинским языком), Европа лучше перенимала и достижения в собственных рядах. А с XV века их количество все нарастало. Крайне важным был вклад Италии в развитие банковского дела. Там появился и бухгалтерский учет. В Германии было сделано много изобретений: печатный станок, различные подъемники и пр. Появился и универсальный двигатель — верхнебойное водяное колесо. Промышленность стала уходить от ремесла — шел первый этап промышленной революции. Огнестрельное оружие поставило крест на феодальной войне, создание дальнеходных кораблей (с заимствованным компасом) вело к великим открытиям. Но еще надо было пережить Реформацию, чтобы освободиться от власти католичества, наладить гигантскую торговлю и переработку шерсти, пережить нидерландскую революцию, чтобы в исключительных условиях на сравнительно безопасном Британском острове развернулись великая капиталистическая мануфактура и новое земледелие, которые привели к английской революции. И после нее через век, суммировав все общественные и технические достижения, человечество сделало гигантский рывок, создав совершенно иные производительные силы. Начался промышленный переворот: внедрение пара, технических усовершенствований, которые буквально захватили мир.

Создавалась **принципиальная новизна в движущих силах: индустриальный способ показал, что иначе существовать, как год от года увеличивая производство и вовлекая в свою работу самые**

отдаленные и отсталые уголки, не может⁴⁵. Борьба рабочих способствовала постоянному улучшению технической базы. Так человечество нашло «вечный двигатель» своего развития. А вместе с производством, но не сразу и с трудом, стало приходить в движение и все остальное, отряхиваясь от сонного, чванного феодализма, с его закрытыми сословиями. Люди все больше становились равными перед законом.

Соперничество между державами — этот постоянный внешний фактор — теперь принимает новые формы: кто станет ведущим в промышленном производстве? Это вело к борьбе за новые рынки сбыта и источники сырья, колонии и пр., что и стало одной из причин мировой войны.

Так мир развивался, все убыстряя темп, вовлекая и вовлекая в свою орбиту, казалось бы, самые невозможные уголки, вроде дикого севера, пока в начале двадцатого века не столкнулся с трудностями: слишком велики оказались новые силы, чтобы общество в лице государства не контролировало и не регулировало их. Кризис длился всю первую половину XX века, выливаясь то мировыми войнами, то революциями, то невиданными экономическими потрясениями. Пока, наконец, вскормленные войной, не родились новые производительные силы, связанные с электроникой и ростом услуг. Началась и продолжается НТР. Теперь и наука стала такой мощной движущей силой, что общество должно подумать, как поставить ее развитие под контроль.

Соперничество уже идет за лучшие права населения, уровень его благосостояния. Качество жизни меняется коренным образом, поскольку это становится не заслугой отдельных правителей, а повсеместной национальной программой.

Война и деление мира на враждующие лагеря в XX веке трагически продемонстрировали, что как форма внешних движущих сил они устарели и крайне опасны. Бессмысленность ядерного конфликта окончательно доказала необходимость искоренения войны вообще, поисков мирных средств решения вопросов и споров. Ныне, возможно, мир переходит к созданию крупных межгосударственных образований (типа Европейского сообщества), что не исключает необходимости сохранения национального разнообразия. Такое развитие делает соотношение между внешними и внутренними движущими силами более тесным и во многом новым. Сегодня любое нарушение прав внутри отдельной страны или внутренний конфликт могут выливаться в терроризм, голод, болезни, нелегальную

эмиграцию и прочее, становясь общей заботой (не говоря уже об экологических кризисах). Поэтому общемировой идеологией становится защита прав людей и каждого человека в отдельности, борьба за его здоровую психологию (отсюда бурный рост таких наук, как социология и психология). Но проблем здесь еще больше, чем решений.

Начало нового времени (XV–XVII вв.) ознаменовалось и появлением нового мира (Америка и др.), который тут же стал объектом грабежа и эксплуатации, борьбы интересов. Однако постепенно внутренние движущие силы становятся даже более важными, чем внешние (хотя они теснейше переплетены). Многочисленные войны, пожалуй, уже меньше значат для мировой истории, чем Реформация, английская или французская революции, которые стряхнули феодализм, расчистили дорогу капитализму, стали мощным фактором развития. К социальным переворотам стали стремиться сознательно. Но уж очень разрушительны, непредсказуемы и опасны были такие методы разрешения противоречий, способные свернуть страну с верного, хотя и более медленного пути.

В середине и тем более к концу XIX в. явственно обозначились выработанные историей новые, более спокойные способы движения к прогрессу: разумные социальные компромиссы, целенаправленные реформы, возможность разрешать нарастающие противоречия и конфликты законным путем (профсоюзы, партии, расширение избирательного права и т. п.). Поэтому призывы к революции (что, конечно, провоцировалось неуступчивостью властей) становились тем более опасными, что появились идеологии, партии и группы, убежденные в том, что они знают, как для всех (!) переустроить мир.

В XX веке революции перестали рождать что-то принципиально прогрессивное, устарели как форма развития. В ряде отсталых стран они привели к трагическим последствиям. У нас произошло нечто подобное результатам внешнего вторжения: упадок и варваризация. Методы управления напоминали также период первоначального образования государств: грабеж, террор, жестокий и беспощадный порядок. Государство вновь стало прежде всего аппаратом насилия для поддержания привилегий определенного слоя, даже вождя.

Китайская коммунистическая революция привела к десятилетиям хаоса и гражданской войны, к коммунизму. Вообще в этом веке не так много революций, давших положительный результат, гораздо больше тех, что привели к диктатурам, деградации, отсталости. Место

социальной революции окончательно заняла реформа, а главное (и это новое), создались такие возможности, при которых различные социальные конфликты (в том числе расовые, молодежные, даже сексуальные) решались бы почти в рабочем режиме.

Человечество все больше переходит к научному способу управления производством, общественными и межгосударственными отношениями, но пока еще в начале этого пути.

Мы кратко и как бы с высокого полета увидели исторический путь человечества. Но нельзя забывать, что везде влияние самых разных движущих сил и причин выражалось в действиях людей или требовало их. Короли и завоеватели, путешественники и проповедники, торговцы и изобретатели; великие и ничтожные, самоотверженные и эгоистичные, аскеты и куртизанки, другие — самые разные личности — были и остаются всегда главной загадкой истории.

§ 5. О роли личности в истории

Вопрос этот также из категории вечных и неразрывно связан с теми, что мы рассматривали. Поэтому здесь можно найти и попытки крайнего преувеличения роли личности и, напротив, уверения, что иные, чем были, деятели и не могли появиться. Средние взгляды в конечном счете все же обычно склоняются к той или иной крайности (**см. Прил. 2, пп. 5–7**). И сегодня, еще как и сто лет назад, «столкновение этих двух взглядов принимает вид антиномии, первым членом которой являлись общие законы, вторым — деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии, история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий» (Плеханов).

Колебания марксизма между научностью и фатализмом проявляются и в этом вопросе: можно встретить ценные мнения и идеи, но в целом «червоточина» фатализма и историцизма (т. е. взгляда, что в истории есть некая заложенная в нее идея) в конце концов разъела все.

Наиболее системно высказал марксистские взгляды по этому вопросу Плеханов в работе «К вопросу о роли личности в истории». Однако некоторые моменты ее удивляют. Например, то, что автор говорит почти только о великих или прогрессивных деятелях, в то время как

гораздо больше было ничтожных, реакционных, кровожадных, безумных и т. п., которые играли часто весьма большую роль. Однако главная ошибка в том, что он пытается видеть общественные законы неумолимыми, вечными и неизменными, отсюда принижение роли личности⁴⁶. Признавая развитие производительных сил главной, наиболее общей исторической причиной (я уже приводил эту фразу), он пишет: «Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т. е. историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т. е. той же общей причиной». «Наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, т. е. личных особенностей общественных деятелей и их «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию».

«Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин».

Читая эту работу, я иногда ловил себя на мысли, что ее автор представляет себе историю как заранее написанный спектакль, в котором режиссер может заменить актера, но все равно будет делать то, что указано в сценарии. Плеханов невольно исходит из идеи осуществления смысла истории ранее, чем совершились события.

Если же отказаться от такого подхода, то совсем не просто ответить на бесконечные вопросы, возникающие, едва углубишься в историю любой страны. Почему порой играют такую огромную роль ничтожные личности, а великие герои терпят неудачу? В чем причина демонического успеха узурпаторов и тиранов, поработавших общества, и почему нередко реформаторы, пытающиеся его освободить, свергаются?

Почему одни тираны спокойно кончают свой век, а против других поднимаются восстания? Почему некоторые идеи так легко принимаются и становятся, по выражению Маркса, «материальной силой», а другие, казалось бы весьма актуальные, натываются на стену непонимания? Как деятельность тех или иных личностей сказалась на стране и всем мире, и что было бы в случае смерти этого лидера? Как сказались особенности его характера, окружения? И т. д.

Ответы, как мы видели, даются разные, в них переплетены истинные и

ошибочные положения. «Роль личности определяется организацией общества», — верно пишет Плеханов. Но тогда почему в его теории ей отводится такая малая роль? Ведь если характер общества таков, что позволяет управлять по произволу, то с приходом к власти новой личности историческая канва может стать больше зависимой уже не от характера общества, а от желаний и личных качеств правителя, который и станет привлекать для их удовлетворения общественные силы. А в момент решающей битвы за первенство двух ведущих мировых держав, когда исход может зависеть главным образом от удачи и таланта полководцев, всегда ли скажется заметно характер общества?

«Не идея, не мечта, но таинственно великий человек стоит здесь, как и везде на поворотном пункте истории», — пишет сторонник преувеличенной роли личности (А. Юлихер). Это тоже верно, но возникает сложнейший вопрос: вызван ли этот «таинственно великий человек» эпохой или, напротив, сам ее создал (арабский ли народ, ищущий новую идею, вызвал Магомета или последний сам вывел арабов из исторического небытия?).

Итак, способна ли какая-либо личность стать важнейшим самостоятельным фактором, меняющим общество (эпоху, господствующие взгляды) в зависимости от своего понимания дела, или она только реализует заложенное предшествующим развитием и неизбежно должно проявиться? Другими словами, изменился бы ход истории в некоторых случаях, не будь той или иной личности, или, напротив, появившись в нужный момент нужный деятель? Много раз обдумывая это, я убедился, что в рамках указанной Плехановым антиномии вопрос не решить, поскольку правота есть и в том, и в другом подходе. Для Плеханова положение о том, что роль личности определяется организацией общества, служит лишь способом доказать торжество жестких неумолимых марксистских законов над волей человека. Однако если взглянуть на дело по-иному, то можно, отталкиваясь от этой идеи, попытаться совместить разные взгляды.

Но предварительно оговорюсь, что опускаю вопрос о роли деятелей культуры, науки и т. п., а буду говорить о тех, кто действовал в военно-политической сфере, хотя и среди них есть люди самых разных видов деятельности: проповедники, ученые, изобретатели, даже невинные жертвы (вроде Дрейфуса) и т. п. При этом эпохи, «малые» для политиков, могут быть «великими» для культуры и наоборот (сравни: Россия первой половины XIX в. и первой половины XX в.

после революции).

Сначала вспомним то, как мы трактовали законы. Затем учтем, что роль самой выдающейся личности всегда есть сплав предшествующего развития массы случайных и неслучайных событий и ее собственных особенностей. Уясним также, что способов организации общества много, а следовательно, много будет и вариантов проявления личности, причем их амплитуда может быть огромной.

Поэтому можно сказать, что в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до громаднейшей.

Такая идея позволяет нам надстроить теорию, найти соприкосновение для разных точек зрения и как бы привести их к общему знаменателю. Это важный шаг. Но чтобы облегчить поиск ответов на более конкретные вопросы, указанный общий принцип необходимо развернуть в довольно объемную теорию с соблюдением нужных правил соответствия и процедур.

Ведь нельзя не видеть, что иногда личность играет решающую роль. Но невозможно и не заметить, что в некоторые эпохи и самые выдающиеся люди оказываются бессильными перед обстоятельствами. Несомненно также, что роль личности зависит от множества разных причин и только «кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их сознанием» (Гегель). Но, с другой стороны, именно действия лидеров (а иногда и рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций. Нельзя забывать и о различиях в проявлении законов и случайностей для отдельного общества и всего человечества. Благотворная или роковая роль личности для первого обычно для второго будет существенно иной (кроме предельных случаев). Но и сегодня, в условиях тесного сближения человечества, опасность неконтролируемых действий со стороны одного человека имеет самый серьезный характер.

Итак, исследуя эти противоречия, мы и попытаемся выяснить те причины, помимо личных особенностей, которые усиливают или ослабляют значение деятелей. Но глубокий разбор потребовал бы целого и весьма сложного исследования. Поэтому мы ограничимся лишь отдельными моментами, которые и покажут, в каком

направлении следует двигаться.

В самом обобщенном виде речь идет о том, что **благодаря своим личным особенностям, или случаю, или общественному положению, или специфике времени и т. п. какой-либо человек может оказать самим фактом своего существования, своими идеями, действиями или бездействием, прямо или косвенно, в период его жизни или даже после смерти такое воздействие на свое или чужие общества, которые можно признать важными, поскольку они оставили заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ (положительный, отрицательный или какой-то еще).**

Воздействие всех типичных причин, определяющих роль личности, можно обозначить одним термином — **«фактор ситуации»**. Он складывается: а) из особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи и т. п.); б) состояния, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей формационного времени (т. е. общей характеристики периода исторического процесса, включая степень интегрированности обществ, темп развития и пр.); д) близости общества к «генеральной линии» истории, что увеличивает или уменьшает возможность влиять на многие общества и исторический процесс в целом; е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей; и) других.

Здесь они расположены не по степени значимости, поскольку сила факторов в разных случаях может быть неодинаковой. Если мы разбираем, скажем, влияние личности на все человечество, то здесь особенно важны пункты «в», «г», «д»; если причины — неудачи реформы, то «а», «б», «ж», «з». И т. п. В целом же **чем больше из указанного благоприятствует личности, тем может быть важнее ее роль.**

Анализ с позиции фактора ситуации позволяет не только объединить разные точки зрения, но и локализовать их, определив сферу действия, «урезать» их претензии. Кроме того, такой подход облегчает изучение конкретного случая (поскольку очерчивает круг вопросов, дает направление поиска и т. п.), несколько не предопределяя результата. Надо сказать, что, хотя в целом фактор ситуации учитывается

недостаточно, один его момент — **положение внутри общества** — ряд исследователей выделяет. Правда, большей частью это носит характер попутных и порой нечетких замечаний, однако так или иначе они отмечают два главных состояния: 1) стабильности и прочности; 2) нестабильности, хаоса, революций, кризисов и т. п. При этом второе состояние дает возможность личностям проявить себя и влиять на общество гораздо больше.

В целом я бы сформулировал это так: **чем менее прочно и устойчиво общество, тем больше там разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать отдельная личность на него. Другими словами, роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.**

Однако без развития этих мыслей и создания типологий состояний общества далеко продвинуться не удастся. И стабильность, и особенно нестабильность имеют много вариантов, каждый из которых обладает очень существенными особенностями (плюс, конечно, конкретные вещи)⁴⁷. Так, застой отличается от прочности в условиях нормального территориального или экономического роста и тем более от условий быстрого роста. Устойчивость может быть и при медленной деградации или упадке. Даже при стабильности многое зависит от того, насколько общественный строй «зарегулирован» на одну личность. Варианты общественной ломки тоже многообразны: реформа отличается от революции, мирная революция от гражданской войны и т. п.

Исключительно важно также представить изменения в обществе как **процесс смены его состояний (фаз)**. Далее для примера я покажу одну из ряда моделей такого процесса, состоящего из 4 фаз: стабильное общество типа монархии; общественный предреволюционный кризис; революция; создание нового порядка. Но могут быть и другие модели, например, стабильность — кризис — реформа; стабильность — кризис — революция — контрреволюция; застой — реформа — подъем (или упадок); подъем — реформа — подъем. И т. п.

Итак, попытаемся рассмотреть указанные четыре фазы, имея в виду, что, конечно, всей истории они не объясняют⁴⁸. В истории обществ, возможно, основную часть времени занимают спокойные эпохи. Если это монархия, то государи приходят и уходят, каждый в меру своих сил управляя, если не случится что-то из ряда вон выходящее (роковое поражение, смерть наследника и т. п.). Другие формы правления могут

быть лучше или хуже монархии, но важно отметить: чем больше в системе «сдержек и противовесов», чем правильнее проведено разделение властей, тем больше застраховано общество от того, что его руководители подорвут его устойчивость. В любом государстве всегда очень многое зависит от конкретной личности, но в целом такие спокойные, «малые» эпохи гораздо меньше подвержены тому, чтобы отдельная личность стала ее «творцом», благодетелем или демоном.

Раньше или позже, но строй начинает клониться к закату (прежде всего в обществах, где нет «встроенных регуляторов», позволяющих на сравнительно ранних стадиях выявлять назревающие проблемы и решать их). Противоречия внутри него, особенно подогретые заимствованиями техники и технологии, передовых отношений и законов в отдельных областях, обостряются. Начинается движение за переустройство. Благо, если в это время находится лидер, способный повести общество по пути мирного развития. В монархиях таким обычно может быть лишь самодержец. В России 1861 г. такой царь явился и провел ряд преобразований. В России 1905 и 1917 гг. подобного не оказалось. Абсолютный правитель нередко выступает в большой мере как автономная, независимая сила: и в охране старого, вопреки здравому смыслу (таков был Николай I), и в плане реформирования отжившего, вопреки сопротивлению (таков во многом был Александр II). Автономия такого правителя подтверждается и тем, что очень часто изменения начинаются только со смертью (свержением) его (монарха, диктатора), поскольку при жизни это было невозможно.

Если же решение неудобных для высших слоев проблем оттягивается, то возникает идея насильственного разрешения их (переворота, революции), а вместе с ними и различные концепции, схемы переустройства мира, страны, устранения несправедливости и т. п. **Тут появляется много личностей, стремящихся так или иначе преобразовать систему.** Они представляют различные общественные и политические направления. Различные возможности (тенденции и направления) развития общества получают здесь не только более ясное классово-групповое выражение, но и находят своих апологетов, лидеров, провозвестников и т. п.

В такую эпоху яркие личности более характерны для стороны разрушительной, которая чувствует за собой историческую и моральную правоту, когда эпоха приоткрывает поры и щели для того,

чтобы некоторое количество талантливых людей заявило о себе. Однако нередко это односторонние, непримиримые, порой фанатично настроенные люди. Но могут выплыть таланты и на стороне консервативной. Удача, если такому лидеру удастся «выпустить пар» и мирно изменить страну, разрядить ситуацию. Однако так бывает далеко не всегда. Кризисы часто потому и являются кризисами, что ограниченные и упрямые люди доводят положение до такой крайности, когда из нее уже практически не выбраться. Ответственность монарха, если он доводит общество до взрыва, в большой мере измеряется тем, насколько такая революция повредила или, напротив, сказалась положительно на дальнейшей судьбе державы⁴⁹.

Итак, мы видим две ситуации, находящиеся, говоря математическим языком, в разных (под углом в 90°) фазах. Эпоху спокойную, устойчивую, консервативную, в которой роль политиков обычно сравнительно невелика. Ситуация вторая, когда страна стоит на пороге социально-политического взрыва. Произойдет он или нет, зависит от многих факторов, в т. ч. и от силы личностей с одной и с другой стороны. Заметим, что **никакие личности не способны создать великие эпохи, если для этого нет в обществе накопившихся условий.** Не забудем, что личность всегда проявляется в конкретной обстановке и действует прежде всего в рамках наличных задач и условий для себя и тех групп, с которыми себя отождествляет. Важно помнить, что личности действуют не в вакууме, а застают готовые отношения и формируются в определенной среде. И эта данность предшествующего, преломившись в человеке, потом сама становится важным условием его будущего воздействия на общество.

Однако если уже есть объективные предпосылки для перемен, то личность способна ускорить или отдалить решение проблемы, придать этому решению особые черты, талантливо или бездарно использовать предоставленные возможности. Приди на место Петра I иной, «спокойный» государь, эпоха реформ в России отложилась бы, затем могла запоздать, как в Турции, в результате чего страна стала бы играть совсем иную (малую, подчиненную) роль в Европе и мире. А вот после Петра I правила часто совсем не талантливые люди, но фаза общества после петровских реформ и побед была уже иная, более спокойная. Даже время Екатерины II при всех ее выдающихся способностях менее велико, чем эпоха Петра I.

Там ставились русская государственность и общественное устройство, здесь — лишь совершенствовались.

Поэтому на вопрос о границах роли личности в истории можно ответить и так: **если какая-то личность сумела сделать нечто, что кажется удивительным (все равно в данном случае, было ли это прогрессивно или наоборот), значит, потенциальные условия для этого были.** Но далеко не всегда история преподносит деятелю стопроцентные шансы. Очень часто они неопределенны, нечетки, спорны, порой ничтожны.

Сказанное объясняет и роль благоприятного момента: ведь поскольку история не запрограммирована и в каждый момент времени из ряда потенциалов реализуется одна, то в определенных ситуациях шансы слабых тенденций возрастают и вообще возможность выбора увеличивается. Найдутся ли деятели, способные воспользоваться случаем, и кто они будут? Иногда говорят, что, не будь одной личности, ее заменила бы другая. В принципе это было бы так, если ситуация могла ждать долго. Но дело-то в том, найдется ли нужный человек в наиболее благоприятный момент (когда, по известному выражению Ленина, сегодня — рано, а послезавтра — поздно). Стоит упустить случай, и потом уже в десять раз более одаренная личность ничего не сможет сделать. А поскольку темп истории возрастает, времени на эксперименты у обществ становится намного меньше, чем раньше, когда история могла переигрываться, разрушая и вновь создавая цивилизации. Общий уровень перерастает определенную ступень, и затем уже общество должно догонять других, используя не собственную, а чужие модели.

Следовательно, при оценке значения какого-то деятеля встает вопрос о том, мог ли кто-то другой сделать то же при наличных условиях? Нередко мы можем констатировать, что нет, не мог. То, что сделал этот человек (хорошего или плохого): сумел сконцентрировать силы нации, использовать крошечный шанс, проявил небывалую жестокость и т. д. — это выше сил не просто обычного, но и человека много выше (ниже) нормы⁵⁰. Не этим ли также объясняется притягательность образов Александра Македонского, Цезаря, Наполеона и др.?

Если строй гибнет под влиянием внутренних противоречий, вызвавших революционный взрыв, наступает третья фаза. Разрешая глобальные противоречия, накопившиеся внутри старой системы, общество никогда не имеет перед собой однозначного решения.

Это невозможно по многим причинам, потому уже, что каждый класс, группа, партия и т. п. имеют свой вариант решения проблемы, а борьба партий, личностей и идей лишь усиливает такое множество. Разумеется, к этому моменту тенденции имеют более или менее предпочтительные шансы на успех. В то же время политические и иные силы нельзя зафиксировать в каких-то единицах, это очень подвижные и изменчивые факторы (например настроения масс), а осуществляют изменения именно они⁵¹. Сила личностей проявляется часто не сама по себе, а по способности представить определенные слои и группы, что не отменяет того факта, что способ и качество решения наболевшей проблемы сильно окрашиваются личными данными деятеля.

Поскольку же политические силы отнюдь не безлики (а для некоторых случаев и должны быть выражены в личности конкретного человека, например истинного, законного царя), от руководителей и видных сторонников этих сил во многом и зависит победа той или иной группы, направления. Между лидерами существует острое соперничество, что способствует быстрому выдвиганию часто весьма талантливых в том или ином отношении людей. Каждый из них может претендовать на единоличное решение проблемы. Какая из сил победит, определяется многими конкретными факторами, в т. ч. более удачливым или волевым руководителем, случаем и умением им воспользоваться и т. п.

Конечно, говорить о том, что великие эпохи рождают великих людей в смысле того, что они приходят как по заказу, неверно. Трагедией многих эпох явилось несоответствие лидеров задачам, которые время ставило, и, напротив, появление человека, сумевшего воспользоваться обстоятельствами, чтобы увести общество в сторону от наиболее правильного пути, становилось их проклятием. **Таким образом, наличие более или менее соответствующей личности общественным задачам является случаем, хотя и достаточно вероятным.**

В такие переломные периоды лидеры иногда могут играть роль как бы гирек, способных перетянуть чашу исторических весов. Нет сомнения, что исключительная воля Ленина, Троцкого и других сыграла выдающуюся роль в плане завоевания и удержания власти большевиками. Окажись более влиятельными Каменев и Зиновьев с их неуверенностью, и нет сомнения, что судьба России была бы более благополучной.

Это похоже на влияние резонанса в физике. И когда частота колебаний общественных возможностей (в самом различном виде, например в желаниях масс или армии) совпадает с колебаниями личности, когда в ней как бы аккумулируется гигантская воля общественной силы, роль ее увеличивается тысячекратно. Поэтому побеждает не просто более мощная общественная сила, но сама мощь этой силы во многом зависит от того, кто ее возглавляет. Это почти подобно результату сражения, когда вдруг со сравнительно малыми силами удачливый полководец побеждает более крупные. **Следовательно, в определенные моменты сила личностей, их личные качества, соответствие своей роли и другое имеют огромное, часто определяющее или завершающее значение.** Этот волевой, нередко иррациональный и подверженный случаю фактор может быть и благотворен и опасен, поэтому гораздо надежнее, если у общества есть ограничители таких влияний.

После победы какой-либо силы наступает третья фаза. Но эту победу нужно еще отстоять в тяжелой борьбе. И под воздействием множества нужд создаются нередко такие общественные формы, которые никто не планировал и не мог планировать.

И эти, по сути дела, случайные вещи затем становятся уже данностью, которая начнет определять будущее устройство обновленного общества. Мы видим здесь, что в наиболее переломные эпохи роль личности огромна, но в то же время обычно совсем иная, чем она сама предполагала. А дальнейшие последствия и вовсе не ясны. Мы видим также, что во время таких переломов происходит масса изменений, выявляется много вариантов, «мутаций» различных общественных институтов и отношений, которые могут быть как вредны, так и благотворны. Это уже определяют конкретный расклад сил и случай. Такие взрывы дают много возможностей для различных эволюционных вариантов развития. Беда только в том, что метод проб и ошибок истории требует миллионов жертв и загубленных поколений тех, кто попал под несчастливый Случай. В этом отношении революционеры подобны игрокам: они уверяют, что можно легко выиграть крупное состояние, но нередко проигрываются вчистую.

Итак, общество ослабло, скрепляющие его связи распались, жесткие конструкции разрушились. По сути, перед нами весьма аморфный, а потому очень податливый к силовым воздействиям социальный организм. В такие периоды роль личностей может носить неконтролируемый, непрогнозируемый характер и для неокрепшего

общества быть и формообразующей силой.

Бывает и так, что, получив влияние на общество, лидер вовсе заводит его (под воздействием самых разнообразных личных и общих причин) туда, куда никто не мог и помыслить, «изобретает» новые методы управления или даже общественную конструкцию (хотя и определенную географическими, социальными, идеологическими и иными предпосылками, поскольку с некоторыми силами никто не может не считаться).

Затем (иногда довольно быстро) наступает новая — четвертая фаза. После укрепления у власти какой-либо политической силы борьба может идти внутри нее самой. Какие-то новые экономические, политические и идеологические отношения стали оформляться, но еще в весьма общем виде, между тем борьба в стане победителей связана как с взаимоотношениями лидеров, так и выбором дальнейшего пути развития. **Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новое может связываться именно с этим человеком, пророком, вождем и т. п.** После крутой смены общественных порядков (особенно революции, гражданской или крестьянской войны, в которых общество заметно поляризуется) популярная личность, например вождь восстания или глава победившей партии, начинает играть роль своего рода знамени. Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкурентов со стороны соратников. От того, каков лидер, на чем внутри движения базировался его авторитет, зависит очень многое. (Пример с Лениным говорит о том, что он, вероятно, мог обойтись без больших и кровавых репрессий в партии и в значительной степени в обществе.) Смерть этого человека до крайности обостряет борьбу в стане победителей.

Нередко при идеологизированном движении (религиозном, революционном и пр.) лидер победителей должен выглядеть безгрешным, а по-тому всякий спорящий с ним выступает как покусившийся на святое. Борьба с соперниками окончательно закрепляет какой-то вариант нового в рамках победившего направления (например, все отступления от определенных догматов веры объявляются ересью, в компартии — правым или левым уклоном и т. п.). Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) окончательно придает облик обществу.

Понятно, что такие переходные эпохи часто завершаются личной

диктатурой, в которой сливаются и устремления самого лидера, и олицетворение различных «успехов» в нем, и слабость общества, и т. п.⁵² Итак, облик новой системы сильно зависит от особенностей ее лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных вещей. Это причина того, что всегда в результате крутых перемен получается не то общество, которое планировалось. Следовательно, в нормально функционирующем государстве должны быть механизмы, которые, во-первых, не доводят дело до взрыва, во-вторых, сильно ограничивают роль личности как плохо контролируемой в некоторых ситуациях силы. Это, с одной стороны, дает гораздо больше возможности проявиться, с другой — уменьшает зависимость развития от личности-«благодетеля», гарантирует от чрезмерно вредного влияния. Подобная ситуация отразилась, например, в мировоззрении основателей США, считавших, что всякое правительство — неизбежное зло, но плохое зло, нестерпимое.

Постепенно рассматриваемое нами гипотетическое общество взрослеет, формируется, приобретает жесткость и собственные законы. Теперь уже во многом оно определяет лидеров. Один из мыслителей прошлого очень верно выразил такой процесс в афоризме: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Пока строй достаточно крепок, а тем более если он хотя бы частично прогрессирует, изменить его не так-то просто, часто невозможно. Если общество, вступившее в фазу устойчивости, не сумело приобрести регуляторы бескризисного развития, то цикл с известными изменениями может повториться вновь, или на новом этапе наступят благоприятные преобразования.

§ 6. Краткие итоги

Целью этой главы было показать хотя бы в самом общем виде, как и почему происходит историческое развитие, каковы его причины и «пружины». Мне хотелось порассуждать над вопросами:

— В чем источники развития отдельных обществ и всего человечества?

— Почему в ряде случаев развития не было или оно было очень медленным, а в других — очень быстрым? Почему ход истории все время ускоряется?

— Почему одни изменения бывают полезными, другие — вредными или безразличными к развитию? Почему цели очень часто не

совпадают с результатами?

— Как соотносятся объективные и личностные факторы развития? И т. д.

Мне кажется, что в целом эти вопросы удалось решить, показав, как внешние движущие силы (природа и окружение) воздействовали на общества, определяя исторический естественный отбор, а различные контакты, заимствования способствовали распространению и сохранению достигнутого. Важно, что удалось совместить идеи об огромной роли исторической эволюции как внешнего фактора, с одной стороны, и производительных сил как главной внутренней движущей силы, без революции в которых не может быть перехода на качественно иную степень развития — с другой. Читатель также убедился, что роль эволюции уменьшается, а производства и науки, напротив, растет. А с объединением мира они одновременно выступают и как внутренние, и как внешние факторы. Рост общественного самосознания, сближение стран уменьшили роль естественно-исторических процессов, в то же время появилась способность производства и общественных отношений к саморазвитию. Все это привело к резкому ускорению темпов исторического движения.

Думается, что достаточно ясна и роль идей и личностей, способных стать могучей силой развития в зависимости от фактора ситуации, в том числе и от особенностей общества вообще и его конкретного состояния (фазы).

Теперь следует посмотреть, куда, в каком направлении развивается мир и что такое общественный прогресс?

Глава 4. НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ЕГО КРИТЕРИЙ

Чем больше человек становится человеком, тем меньше он согласится на что-либо иное, кроме бесконечного и неистребимого движения к новому. В сам ход его действия включается что-то «абсолютное»...

Если прогресс — миф, если, приступая к труду, мы можем сказать: «Зачем?» — то

наше усилие рушится, увлекая в своем падении всю эволюцию, ибо мы — ее воплощение.

Тейяр де Шарден

§ 1. Введение в проблему.

Сложности и противоречия теории прогресса-регресса

Едва ли можно согласиться со страстными словами Тейяра потому уже, что сама жизнь есть высшее благо. Многие поколения людей прекрасно жили, не стремясь к новому. И все же в этих мыслях много правды. Всегда есть тоска по вечности в этой преходящей жизни, а вера в прогресс — часть ее.

Рассуждения о движущих силах исторического процесса неизбежно наталкивают на вопрос: «А куда, собственно, движется человечество?» Сегодня же, когда бег его стал головокружительным и, вероятно, станет еще быстрее, сомнения: «А верным ли путем мы идем?» — куда как обоснованно. Такая мировоззренческая проблема породила множество ответов: от безудержно оптимистических до самых мрачных, от утопических до строго научных.

В древности, причем не только в античном мире, было распространено представление, что человечество идет как бы от «золотого» к худшим векам. Отголоски этого угадываются в идеях Руссо и других о прекрасном прошлом «естественного» человека, испорченного цивилизацией, о благородных дикарях и т. п.⁵³

Взгляд на историю как на самореализацию абсолютного духа потребовал и обоснования неизбежности поступательного прогресса в движении человечества. Наиболее системно это предстало в философии Гегеля. Еще раньше родились социальные утопии (идушие аж от Платона). Они рисовали будущее людей как коммунистическую «идиллию». В XVIII в. в работах просветителей (Вольтера, Кондорсе и др.) постоянно звучала тема мощи человеческого разума, который следовало только освободить от пут религии и предрассудков. Тогда можно было надеяться на неизбежность и поступательность прогресса. В XIX в. вера в гарантированность прогресса стала еще сильнее, т. к. подтверждалась «научно»: «разумностью» эволюции, «неизбежностью» коммунизма, движением ко все большей «солидарности» каждого общества и всего человечества. Так что многие могли бы подписаться под словами французского философа Булье: «Существует только один исторический закон — это закон прогресса... Выше всех законов и обобщений, которым древние и

современные писатели пытались подчинить историческое движение, стоит этот великий закон прогресса, конечно, истинного прогресса, освобожденного от всех ошибочных и ложных понятий, делающих идею прогресса ложной, смешной или опасной». Вот только понимали прогресс ученые очень различно.

Наряду с теориями регресса и прогресса, с древности идет и идея круговорота истории, т. е. развития ее как бы по кругам, без качественного изменения. Афористично это выражалось в словах пророка: «Все возвращается на круги своя». Такой подход отразил и крупнейший историк-теоретик XVIII в. Джамбаттиста Вико (**см. Прил. 2, п. 3**). Ярко предстала подобная трактовка в теориях замкнутых цивилизаций Шпенглера и Тойнби, в которых идея прогресса отеснялась на задний план. Особенно у Шпенглера⁵⁴. А кратко эта позиция характеризуется знаменитыми словами Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда».

В конце XIX — начале XX в. теории прогресса у тех, кто придерживался этой идеи, становились все научнее. Весьма приятно было жить с мыслью о разумности истории, как бы гарантированности прогресса развитием науки, образования, покорением природы, ростом солидарности и т. п. Однако Первая мировая война, страшный большевизм, чудовищный экономический кризис, нацизм и бойня Второй мировой войны сильно подорвали такую убежденность. А тут еще постоянный страх термоядерной и экологической катастроф... В результате все популярнее становилась мысль отказаться от термина «прогресс», заменив его нейтральным: развитие, а то и вовсе — изменение и т. п. По выражению одного социолога, историки и философы стали избегать темы прогресса, как чумы (**см. Прил. 3, п. 1**). Для многих то, что он не гарантирован, не неизбежен, служило причиной отказа от этой идеи (а заодно эволюции и др.). Были и иные основания для отрицания прогресса: потому что это понятие «логически бессмысленно», имеет оценочный характер, а следовательно, субъективно⁵⁵. Часто прогресс отрицают, поскольку считают, что его невозможно установить или найти его измерение. Иногда признают прогресс в отдельных областях жизни, но отрицают его в целом⁵⁶. Есть и другие варианты.

Укажу на некоторые сложности идеи прогресса-регресса. Прежде всего в истории мы видим (и одновременно, и разновременно) сразу и то и другое. Кажется, что найти какой-то порядок в этом калейдоскопе

подъемов и упадков, расцветов и закатов стран и культур невозможно. Да вы и сами могли убедиться из предыдущей главы, что наблюдались то периоды «линейнообразного» прогресса, то ход истории напоминал, по сравнению Тойнби, монотонные круговые движения колеса. Затем могли наступать времена энергичного, взрывного развития или, наоборот, сильных кризисов и упадка. Даже страстный поборник идеи эволюции Г. Спенсер отмечал: «Если теория регресса, в своей ходячей форме, должна считаться несостоятельной, то и теория прогресса, принимаемая без всяких ограничений, кажется мне также несостоятельной... Очень возможно, а по моему убеждению, даже весьма вероятно, что регресс имел место так же часто, как и прогресс».

Другая несомненная трудность в том, что сплошь и рядом прогрессивные изменения несли людям не облегчение, а страдание. Говоря словами Маркса, прогресс в течение всей истории «уподоблялся тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых». Только когда наиболее отрицательные последствия проходили, последующие поколения могли воспринять изменения именно как прогресс. Возникает и такая нравственная проблема: можно ли признавать прогрессивными жестокие и агрессивные режимы, использующие людей только как строительный материал или пушечное мясо? Конечно, наука не морализаторство, она должна иметь иное основание⁵⁷. Но и не принимать во внимание моральный аспект не возможно. В конечном счете прогресс — это цель обществ, их членов и всего человечества. Но если она служит интересам эгоистичного меньшинства или вовсе неизвестно кому, то ее, очевидно, следует пересмотреть.

Можно ли вообще совместить прогресс с моральными требованиями, счастьем людей? Я попытаюсь, сколько смогу, коснуться этих злободневных вопросов. Ведь и сегодня развитие несет много трудностей, страданий, страха, сомнений и т. п. Отсюда и опасность абсолютизации прогресса ради прогресса, когда забывается, что люди не просто колесики и винтики в общественном механизме.

П. Сорокин еще в начале века в статье «Социологический процесс и принцип счастья» рассмотрел такое соотношение и пришел к выводу: «...Можно признать исторический процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключать точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование

прогресса становится проблематичным» [38; 509].

Очевидно, что полного совпадения интересов системы и всех ее членов быть не может. Даже в самых демократических режимах меньшинство должно подчиняться большинству, народ может быть недоволен самыми правильными решениями правительства, если они непопулярные, и т. п. В прошлом, а в диктаторских государствах и сейчас прогресс часто не совпадал с желаниями огромного большинства населения, которые, правда, особенно и не брали во внимание. Но при демократии все больше и больше учитываются настроения всех граждан. В настоящий момент, однако, на первый план начинает выходить проблема совмещения узконациональных и общечеловеческих интересов. Перед слаборазвитыми странами также стоит задача осознать, что из моральных норм стоит перенимать у передовых, а что нежелательно. Изучая прошлое, нужно помнить, что не всегда правильно оценивать прогресс с моральных позиций сегодняшнего дня, а следует ясно понимать, что было нравственно в данную эпоху⁵⁸. Замечу также, что к прогрессу особенно подходит пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Очевидно, что прогресс, одновременно ведущий к положительным изменениям в жизни большинства людей, лучше того, который повышает благосостояние лишь меньшинства и использует остальных только как материал для этого. Однако улучшение жизни есть столь многообразный и многомерный процесс, что возникает вопрос: что именно и как менять? Больше есть или больше учиться, путешествовать? Больше потреблять или, напротив, ограничивать потребление? Давать больше свободы или уже меньше, так как человек точно в соответствии с мыслью Канта «обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних»? Другими словами, благополучие и счастье на все времена определить невозможно. Они различны в каждой стране, эпохе, общественном слое: всегда и похожи, и непохожи; они никогда не достижимы, как горизонт. Следовательно, столь разноречивое, изменчивое и субъективное понятие не может быть критерием для всего исторического процесса или больших его периодов. Но у подобных идей есть собственное, даже более высокое назначение: они — цель жизни и двигатель развития, источник противоречия и т. д.

Представления о счастье способствуют общественному прогрессу, но не могут быть использованы как научный критерий этого прогресса. Стоит пояснить, что для оценки прогресса в определенных целях

можно применить различные по типу критерии: моральные, идеологические (например с позиции Родины, рабочего класса, интересов своей нации, человечества и другие), общефилософские или какие-то еще. Но все они в корне отличны от **научного критерия**, который подходит для объективной и даже в чем-то формализованной оценки. Тем не менее, выделив типы критериев, желательным было бы подумать, а нельзя ли все-таки как-то совместить их, особенно научный и моральный?

Мне кажется, до известной степени можно. Во-первых, стоит отметить, что если, по субъективному мнению, счастья и не прибавилось, то страданий определенно убавилось: войны, эпидемии, смерть близких (особенно детей), физическая боль, голод и тому подобное стали более редки, чем в прежние времена. Это все достижения прогресса.

Во-вторых, **прогресс выступает как результирующая многих сил, в числе которых все большее место занимает стремление к благополучию и счастью.**

В-третьих, подобные идеи постепенно превращаются в какой-то степени в составную часть и историко-социологического критерия прогресса. Это происходит, когда из пожеланий и лозунгов они становятся реальностью, социологическими фактами. Но, конечно, такой переход от декларации к практике очень часто не совпадает с ожиданиями. Следовательно, множество таких достижений (как равенство перед законом, ограничение рабочего дня, уменьшение смертности, всеобщность образования и т. п.), которые закрепились в общественном бытии и сознании, можно систематизировать и для каждого общества определенной эпохи описать как некий **стандарт благополучия**. Примерно так, как такие стандарты делаются, чтобы измерять уровень жизни. Этот прием, конечно, годится прежде всего для сравнения обществ, ближайших к нам и современной эпохи. Однако он органически вписывается в общую концепцию прогресса и его критерия.

Укажу еще на такие трудности теории прогресса. Нередко смущает и то, что прогресс идей сочетается с «неразумностью» истории, поскольку в ней повторяются ошибки без конца.

Еще один камень преткновения — разрушительность прогресса, который часто выступал в виде война, рушащего, жгущего и угоняющего в рабство. Крайне сложно определить приемлемую цену прогресса. Где тот предел, за которым он переходит в свою

противоположность? (См. Прил. 3, п. 2).

Есть и другие сложности. Конечно, отказаться от термина «прогресс» проще. Но это не снимает проблемы и необходимости оценивать и сравнивать между собой общественные явления.

Но и среди тех, кто признает прогресс, много разногласий, особенно в том, как, собственно, распознать его? Как измерить? И что явится этим мериллом (критерием)? Один он или несколько? В каких комбинациях? И т. п. Об этом мы поговорим в своем месте.

§ 2. Понятие прогресса. Его законы и типы

Дать такое понятие крайне сложно, как и всегда, когда мы пытаемся в очень широкой категории суммировать множество отдельных, в чем-то сходных явлений и процессов.

Общественный прогресс — научное представление, выраженное в форме системы законов о разворачивании исторического процесса, развития человечества и отдельных обществ (или их элементов), которое можно представить как их усложнение, совершенствование. Все это в определенном аспекте видится нам как движение от простого к сложному, от низшего к высшему и позволяет в достаточной степени объяснить ход эволюции.

Идея прогресса позволяет нам сравнивать одни общества и эпохи с другими по количественным и качественным характеристикам, по принципу сложности, совершенства и прочему, а также понимать, что прогресс не всеобщ, не может протекать без соответствующих условий, в реальности неразрывен с регрессом и застоєм. Соответственно, регресс будет представлением об обратном явлении: изменение, ведущее к ослаблению, примитивизации, распаду системы и т. п. (Вы, вероятно, заметили связь прогресса и того, что я называл источником развития в гл. 3, § 2.)

Как же совместить идею о постоянном развитии с бесконечным чередованием и сочетанием подъемов, упадков, колебаний?

Объединить последовательный (хотя и не прямой, неровный, с падениями и взлетами) прогресс человечества с чередованием и сосуществованием прогресса и регресса в отдельных обществах и внутри их в теории можно, только если помнить, что развитие человечества есть сложный баланс развития его частей и он не сводим к движению отдельных обществ. Во-первых, далеко не все

достижения включаются в общую сумму. Во-вторых, прогресс каждого государства и народа — особенно прежде — мог быть конечным (вспомним СССР), а прогресс человечества, по крайней мере в сопоставимых интервалах, бесконечен. В-третьих, общечеловеческое развитие вовсе не говорит, что и все общества одновременно прогрессируют. Напротив, из предыдущих глав ясно, что многие (или даже большинство в прежнее время) были обречены на отставание, подчинение, тупикивость и т. п. Эти общества, конечно, также могли создавать что-то новое в не столь важных областях, а также служили общим фоном истории, возможностью для распространения прогрессивного путем заимствования или насильственного внедрения. Были и народы, которые прославились только тем, что разрушали чужое, выполняя роль слепых движущих сил истории.

Итак, только часть обществ оказывается способной к прогрессу, причем и в них он был больше выборочным, а не системным, особенно до XVIII–XIX вв., когда в движущих силах происходят важные перемены. Наряду с большими, часто выдающимися достижениями в религии, науке, военном и государственном деле, производстве, литературе и т. п., в других областях они могли быть весьма посредственными или даже отсталыми. Даже древние римляне, на мой взгляд, наиболее полно представлявшие развитие (в политике, праве, военном деле, строительстве и др.), сильно уступали грекам в философии, литературе, науке, религии и других духовных занятиях. Причины исключительного развития философии в Древней Греции или Индии, религии у иудеев или индусов, некоторых изобретений у китайцев и т. п. были и будут постоянным предметом споров и исследований ученых. Сейчас важно подчеркнуть другое: «выборочность» прогресса в отдельных обществах с развитием индустриальности в ряде стран сменяется более системным (но далеко не полным) прогрессом. Некоторые причины такой однобокости можно увидеть в том, что каждое общество приспособлялось к географическим и внешнеполитическим условиям, международному разделению труда. И с учетом исторических, национальных особенностей, религии и др. они становились слишком специфическими. Иногда это делало условия развития какой-то сферы очень благоприятными, однако это же мешало системному развитию, а при исчезновении указанных благоприятных условий мог прекратиться прогресс и в отдельных областях. Но за счет этих

частичных успехов мировое развитие шло более системно.

В сложнейшем историческом процессе эти частные достижения так или иначе суммировались в общечеловеческое развитие. Поэтому, с одной стороны, оно есть совокупность успехов отдельных народов и государств, наиболее способных к прогрессу в тот или иной момент⁵⁹. Но с другой — понятно, что эпохальные этапы развития мира в основном не совпадают с пиками и особенностями прогресса в конкретных обществах.

Тем более что общечеловеческий прогресс есть также и развитие межгосударственных и иных связей, рост интеграции.

Тысячи и тысячи обществ исчезли с лица земли, о большинстве из которых мы никогда не узнаем, больше или меньше способствуя общечеловеческому прогрессу, пока не были поняты механизмы, которые позволяют включать достижения отдельных обществ в мировой процесс более органически.

Итак, главный закон, формула прогресса в том, чтобы идти и двигаться в противоречиях (иногда непримиримых): создавая — разрушая, облегчая — усложняя, освобождая — угнетая и т. п. Неудивительно, что в такой эволюции нередко с водой выплескивался и ребенок. В мировом прогрессе сочетаются прогресс и регресс отдельных обществ и их внутренних сфер, перспективность развития одних обществ и отсталость, тупиковость, ущербность других. Последние или погибали, или должны были с большими усилиями, жертвами меняться, чтобы вернуться на более верную дорогу. Важно понять, что такая перемена влечет системный и быстрый переход, а следовательно, значительная часть того, что в старой системе могло быть хорошо, даже лучше, чем в новой, часто отбрасывается вместе с отжившими элементами⁶⁰. Это одна из главных причин того, что идея прогресса многими не принимается.

Другим законом прогресса будет то, что люди, находя способы разрешить одни проблемы, раньше или позже этим решением ставят другие. Например, борьба с вредителями за урожайность создала угрозу окружающей среде и т. п.

Третьим законом, вытекающим из того, что говорилось о движущих силах, можно считать ускорение прогресса. Однако в настоящий момент прогресс во многом идет стихийно, неуправляемо. То есть хотя отдельные процессы делаются сознательно, но поскольку отсутствует координация всех субъектов человечества, не найдено нужных механизмов сочетания частного, государственного и общечеловеческого интересов, в целом получаются такие результаты,

которые никто не планировал, не мог планировать и часто неблагоприятные в некоторых отношениях (см. § 5). Можно говорить, конечно, и о других законах.

Я думаю также, что в связи с тем, что человечество все сильнее объединяется, становится как бы предельной системой (предел — естественные размеры земного шара), неизбежно наступят такие качественные изменения, которые перевернут и наши представления о прогрессе. Возможно, что гонка за количеством произведенного и потребленного, за тем, чтобы постоянно обновлять товары, сменится стремлением сделать общечеловеческую систему более пропорциональной и слаженной.

Из сказанного о ходе прогресса можно сделать заключения и о его типах. Общечеловеческий прогресс может классифицироваться вместе с переходом от формации к формации. Как вы узнаете дальше, я выделяю их четыре. Соответственно я обозначаю и четыре типа прогресса: **приспособление к природе; переход к цивилизациям; индустриально-торговый; научно-информационный** (названия, конечно, весьма условные). Соответственно в каждой формации можно выделить целый ряд подтипов, характеризующих частные, специфические прогрессы в отдельных обществах. Для первой формации они связаны с приспособлением к разным природным условиям. Для второй можно выделить: **религиозно-культурный, сельскохозяйственный, торговый, военно-экспансионистский** и ряд других. Для третьей — **промышленный, политико-правовой, национально-идеологический** и др. Для четвертой — **военно-промышленный, технотронный, интеграционный** и др. (в современном мире типы еще полностью не проявились).

Но может быть полезна и другая классификация, касающаяся как всего человечества, так и отдельных обществ. **Качественный и количественный** (и связанные с ними **интенсивный и экстенсивный**). При этом, поскольку эти типы как бы чередуются, сменяют друг друга, нередко можно видеть, что после того, как количественный рост упирается в ограничения, наступает период кризисов и столкновений, которые так или иначе разрешаются появлением нового качества. После укрепления этого качества вновь начинается на его основе количественное расширение. Так, расселение охотничье-собираетельских племен в конце концов привело к недостатку свободных мест и появлению сельского хозяйства. После до-вольно длительного инкубационного периода земледелие и

скотоводство начали победное шествие по планете. О следующих типах мы в принципе уже говорили, поэтому я не характеризую их, а только называю. **Частичный — системный. Стихийный (естественно-эволюционный) — сознательный (планируемый). Способный к развитию (саморазвивающийся) — неспособный.** Чтобы не усложнять восприятие, я ограничусь только этими. Сейчас, когда мы рассмотрели прогресс в целом, нам необходимо вернуться к проблеме его распознавания и измерения.

§ 3. Критерий прогресса

Уже давно ученые пытались найти такие элементы общества, которые выступали бы показателем или критерием прогресса, т. е. «признаком, на основании которого производится оценка, средством проверки, мерилom оценки». В таком качестве выдвигались самые разные элементы: от роста населения до развития идей, от культуры до уровня потребления. Но возникало много проблем. О некоторых мы уже говорили. В первую очередь сказывалась естественная трудность разятия системы, которая, хорошо ли плохо, но взаимосвязана. А современные общества вообще представляют структуру, в которой многие элементы «работают» в разном режиме и ритме, связи крайне многообразны, далеко не всегда видны и понятны.

С моей точки зрения, кажется очевидным, что выделение указанного критерия совершенно не означает, что прогресс проявляется только в этой сфере или что она определяет всегда весь процесс. **Поскольку общество является сложной и сбалансированной системой, по самой его природе в нем не может быть постоянно доминирующего фактора.** Ведь, выступая причиной изменений, он сам попадает под их обратное воздействие. Получается нечто подобное тому, как разные шестерни зацепляют друг друга. Речь, стало быть, может идти об **относительно более и менее важных сферах.** При этом, как уже неоднократно подчеркивалось, в мировых рамках это выглядит по-иному, чем в каждом конкретном обществе.

Строго говоря, критериальность какой-то сферы означает, что если есть изменения в ней, то они есть или неизбежно наступят и в системе в целом, хотя бы причины такой связи нам не были известны. Можно ли найти такой элемент? Многие полагали, что нет. И на этой основе отрицали прогресс вообще. Однако это неправомерно. Допустим, что нельзя найти критерий, но это еще не доказывает, что нет и прогресса. Зато если критерий удастся определить, доказать существование

прогресса станет намного легче⁶¹. Важность критерия и в том, что он упрощал бы исторический анализ, давая в руки своего рода компас. Кроме того, мы неизбежно станем докапываться до причин данной связи, тем самым глубже познавая сущность общества.

Трудности этой проблемы у других ученых породили точку зрения, что выбор критерия — дело, почти зависящее от исследователя, подобно тому как в математике можно брать в качестве независимой переменной ту или иную величину. Однако это так только отчасти. Конечно, как уже сказано, уровень и аспект исследования ученый выбирает сам, но, очевидно, исходя, во-первых, из наличных задач науки, во-вторых, желая получить наиболее удобные формы анализа, которые в то же время описывали бы реальность наиболее точно. Ясно, что далеко не все элементы таковы, тем более что прогресс несет не только приобретения, но и потери.

Теоретически существует возможность найти пусть не очень важный элемент, но почему-либо являющийся четким измерителем. Однако думается, что система слишком сложна и «увязана», чтобы надеяться на получение некоего «термометра» прямого показания. На мой взгляд, можно говорить лишь об измерителе, постигаемом путем сложного анализа, который не будет выражаться чисто количественно, хотя полностью и не лишен этого свойства. И это должна быть сфера, которая, с учетом вышеприведенных оговорок, определяет другие.

Марксизм (но не только он) выделяет в качестве такого критерия уровень развития производительных сил. Однако в истинности эта мысль не имела серьезного теоретического значения уже потому, что так и не удалось связать развитие производительных сил с переходом от формации к формации. И все же рациональное зерно в таком подходе есть, если применять этот критерий прежде всего к развитию всего человечества, а не к каждому отдельному обществу, где, как мы видели, прогресс предстает частичным. Об уровне отдельного общества речь пойдет в следующем параграфе, а в этом — только об уровне общечеловеческом. **Для масштаба же всемирной истории можно считать критерием прогресса уровень развития мировых производительных сил.**

Производительные силы будем полагать важнейшими в иерархии общественных элементов, если помнить, что нет независимых и постоянно доминирующих факторов, а прогресс не заключен только в развитии производства. Важно отметить также, что членение системы на элементы или сферы весьма условно, поскольку они

неоднородны и так переплетены, что их нельзя безболезненно «оперировать». Следовательно, выделение ведущего элемента, с одной стороны, некая логическая условность. Если угодно, «строительные леса», помогающие в дальнейшем перейти к периодизации истории и т. п., которые после завершения «строительства» можно и убрать. Или особые математические действия, помогающие в конце концов прийти к верному ответу. Но, с другой стороны, такому «предпочтению» есть и весьма объективные причины (см. дальше), которые обуславливают то, что при создании общей теории будет меньше исключений, натяжек, отягощающих оговорок и т. п.

Выскажу замечания, чтобы предотвратить возможные возражения против выделения производительных сил как критерия:

1. Очень часто их представляют только как технику. Но даже в истинности их структура неоднородна, фактически же гораздо сложнее, и сложность эта растет. К тому же массово производятся уже не только товары, но и идеи, и товары духовного назначения. Недаром так популярна теория духовного производства. Не забудем, что люди — главная часть общества — многофункциональны, но их важнейшая функция — производственная, от которой прямо зависит и развитие их личности (как в хорошую, так и в плохую сторону).

2. Пропорциональность — одно из важнейших условий наилучшего прогресса. А из-за сложной природы производительных сил их развитие далеко не всегда идет хоть как-то пропорционально. В некоторых же случаях, как при сталинской индустриализации, прогресс даже производительных сил был самопожировавшим, как в сказке, где герой, чтобы долететь, кормил гигантскую птицу собственным мясом.

Теперь еще несколько аргументов в пользу «особости» производительных сил.

Во-первых, прямой рост объединенности мира за счет развития транспорта, торговли, связи, информации и др. Думается, что и «солидарность» как внутри каждого общества, так особенно мира в целом, которую нередко выдвигали как критерий прогресса, есть явление, более зависящее от производительных сил.

Во-вторых, несомненен факт преодоления природных преград и освоения трудных для жизни территорий⁶².

В-третьих, производительные силы, как ни одна движущая сила, в настоящий момент имеют способность к саморазвитию и частично к

саморегуляции (хотя здесь, особенно во взаимоотношениях с природой, много проблем).

В-четвертых, несомненно либо количественный рост населения, либо рост уровня его жизни, а также сокращение смертности, увеличение продолжительности жизни и т. п. в связи с развитием производства и науки.

В-пятых, динамику производства гораздо нагляднее, чем что-либо другое, можно представить в цифрах⁶³.

В-шестых, для остальных стран сигналом к необходимости меняться служит прежде всего не слабость культуры или что-то подобное, а военно-техническое и материальное превосходство других держав. Сегодняшний Запад может оказывать такое колоссальное воздействие на остальной мир только потому, что он силен и богат, а не потому, что другие страны так уважают его культуру или моральные ценности. Особая роль производительных сил будет, на мой взгляд, более ясной, если сказать, что именно их качественные состояния связаны с производственными революциями и являются четкими границами перехода от формации к формации. Сделаем небольшой экскурс.

Охотничье-собираТЕЛЬскую **присваивающую** **экономику**, просуществовавшую десятки тысяч лет, начиная с 12—9 тыс. лет назад, постепенно сменяет сельское **производящее хозяйство**. Эта **сельскохозяйственная революция** (часто ее называют неолитической) дала много чисто технических достижений (в обработке камня, обжиге глины, ремеслах и пр.), но главное — новый способ производства материальных благ. А с прогрессом сельского хозяйства, переходом где к поливному, где к плужному земледелию, начинается развитие цивилизации.

Мы уже видели, что с этих пор развитие мира стало гораздо более быстрым, чем в первобытности, но все еще весьма и весьма медленным. Однако достижения во всех областях накапливались. И в XV—XVI вв. в Европе начинается **вторая производственная революция**. Сначала родилось множество новых механизмов, машин и способов приведения их в действие: огнестрельное оружие, печатный станок, парусные корабли дальнего плавания (с компасом, идущие против ветра), различные подъемники, верхнебойное колесо и ветряные двигатели и пр. и пр. Разделение труда было доведено до неслыханной степени, появилась мануфактура. И затем, развивая мировую торговлю, кредитно-денежные отношения, частную

собственность и создав политические условия, **вторая производственная революция предстала промышленной, машинной революцией.** Развитие мира пошло невиданно быстро. Все это в 40-х годах XX столетия привело к прорыву в средствах информации, ее обработке, появлению новых видов энергии и материалов, сознательного с помощью науки управления производством на всех уровнях. **Началась** научно-техническая революция, идущая до сих пор. Мы видим, как она затронула все сферы жизни.

Итак, наиболее важные вехи, после которых развитие и прогресс ускорились, можно связать с тремя производственными революциями. Но здесь нужно сделать некоторые пояснения. Во-первых, очевидно, что критерий для мирового исторического процесса в виде развития всемирных производительных сил — это всего лишь принцип, который при более конкретном вопросе требует специальных «правил применения».

Поэтому он удобен прежде всего в мировом или, точнее, формационном масштабе. К отдельным обществам он приложим лишь в ограниченной мере. Это объясняется тем, что, как уже говорилось, из ряда исторических линий развития только некоторые могут привести к качественному высшему этапу (в нашем случае — к революции в производительных силах). Общества, способные сделать такой производственный рывок, можно считать наиболее прогрессивными, если исходить из близости к «генеральной линии» истории. Если же делать синхронный «срез», то окажется, что общества, в которых доминирующими являлись иные сферы, чем производство (религия, государство и т. п.), и которые сделали в этих направлениях значительные успехи, нередко превосходили во многих отношениях указанные «производственные». Следовательно, в этом плане (**критерий по синхронности или современности**) они были прогрессивнее. Такой подход только лишний раз доказывает относительность прогресса и сложность любого сравнения.

Внутри отдельных формаций на основе **мирового (относительно главного) критерия** можно выделить **особый для каждой формации**, но в целом имеющий прямую связь с принципом производства. Назовем его **общим критерием**. Что же он представляет и обозначает? Он хорош уже тем, что годится для всех (или хотя бы большинства) обществ, позволяет сравнить каждое с каждым. Но общий критерий в конкретных социумах необязательно

окажется важнее **специфичного**. Последние нередко сильнее. Кроме того, общее имеет также свойство быть для историка менее заметным, интересным, ценным и т. п., просто потому, что оно есть у всех, а особое — лишь у некоторых. Однако для теоретика дело обстоит наоборот. Следовательно, «хорошие» показатели общего критерия не означают и не могут означать непренных и тем более исключительных успехов и в любой иной сфере. С другой стороны, ухудшение показаний этого критерия будет важным признаком замедления развития общества, застоя или регресса, особенно если это не просто общий показатель, а еще и **комплексный**, то есть через который можно увидеть состояние ряда элементов общества. Помимо различных требований к «общему критерию», он должен поддаваться определенной формализации и выражению в цифрах. Итак, для каждой формации общий критерий в моем представлении выглядит так:

I формация — **степень приспособленности к природе**. Отражает идею колоссальной зависимости первобытных людей от природных условий. Показывает соответствие орудий, разделение труда, специализации хозяйств и т. п. конкретным географическим условиям.

II формация — **плотность населения**, если речь идет о сравнении одного и того же общества в тех же географических рамках, и **коэффициент заселенности**, когда нужно сравнить разные по природным условиям общества. Он рассчитывается как отношение численности реального населения к числу того, которое при данных производительных силах могло бы прокормиться на этой территории.

III формация — **степень производительности индустриального труда**. Именно промышленного, поскольку сельскохозяйственный в огромной степени зависит от природных условий. Рост производительности для последних 2–3 веков хотя бы приблизительно, но можно исчислить, а самый факт его увеличения говорит либо об улучшении разделения труда и специализации, либо о внедрении техники.

IV формация. Поскольку в моем представлении она только в начальных стадиях, то главный критерий еще не обрел полной значимости. Таким, вероятно, можно будет считать **степень стабильности обществ**. Думается, важнейшей составной частью такой стабильности станет уровень сохранности и воспроизводства природы при оптимальных темпах развития.

В начальных же стадиях IV формации пока следует считать таким

критерием **уровень научно-информационного обеспечения**, без сомнения, много говорящий о развитости общества.

Однако когда количественный рост (населения, производства и пр.) перерастает определенный оптимальный для нового качественного рывка предел, то прогресс данного общества отклоняется от «генеральной линии» истории.

§ 4. Производительные силы и прогресс в отдельных обществах

Когда перед исследователем стоит задача дать оценку развития какой-либо страны в определенный исторический период, ее использованных и упущенных возможностей, оценить в этой связи деятельность каких-то групп, личностей и партий, решить ее всегда бывает сложно. Известную помощь в этом случае могла бы оказать и теория прогресса, в частности характеристика его различных типов.

В этой связи подумаем еще раз, нельзя ли к отдельным обществам применять известный нам критерий? В общем виде ответ ясен уже исходя из того, что говорилось о законах. Хотя связь между производительными силами и общим развитием (упадком) есть в любом обществе, но чтобы она стала «весомой, грубой, зримой», необходимо сочетание лишь определенных условий. Мы также видели, что движение человечества складывается как поток поразному возникших, специализировавшихся и приспособившихся обществ, находящихся в сложных взаимных отношениях. И поэтому **выделять развитие производительных сил как единственный критерий прогресса для каждого из них невозможно**. Разумеется, это не значит, что производительные силы — малозначащий элемент, хотя и это может быть в виде исключения в обществах-паразитах.

Исследуем все же, насколько связан прогресс этих сил и общества. Тойнби, бесспорно, прав, указывая, что в истории обнаруживаются случаи, когда «при совершенствовании техники цивилизации остаются неподвижными или клонятся к упадку», а также и противоположные случаи, «когда техника пребывает в застывшем состоянии, в то время как цивилизации находятся в движении: либо вперед, либо назад». Хотя неправомерно сводить все производительные силы к одной лишь технике.

Он, похоже, также прав, когда утверждает, что упадок производи-

тельных сил может быть не причиной, а следствием упадка цивилизации. Но в этом нет ничего удивительного. Ведь для роста производства нужны благоприятные условия. Дело совсем не обстоит так, что производительные силы могут развиваться независимо от других сфер и элементов. Иначе бы они не топтались на месте тысячелетиями. Напротив, именно та система будет прогрессивной, которая дает наилучшие возможности для пропорционального развития производства, которое затем «тянет» всю систему.

Не забудем и о том, что производительные силы лишь с промышленным переворотом стали приобретать способность к саморазвитию, требуя количественного и качественного расширенного воспроизводства. Для доиндустриальных эпох это их качество было в большей мере лишь потенциальным, т. к. различные отрицательные влияния подавляли его. Но еще и сегодня бескризисное развитие промышленности — дело всего общества⁶⁴.

Можно сделать два вывода. **Чем бы ни обуславливались застой или упадок производительных сил, они неизбежно тормозят развитие всего общества, либо оно откатывается назад.** Если взять хотя бы нашу русскую историю, то вы наглядно увидите это. Монголо-татарское нашествие отбросило Русь далеко назад. Опричнина и разорение России при Иване Грозном привели к закрепощению крестьян. Сохранение во что бы то ни стало крепостного права и отказ от технической модернизации при Николае I усилили отсталость страны (хотя развитие все же шло, а в культурном отношении — очень мощно). То же и при «развитом социализме».

Только в случае, когда спад производства связан с глубокими экономическими или социальными реформами (иногда с революциями и гражданскими войнами), он не ведет в конечном счете к регрессу или застою, потому что раньше или позже экономика получает мощный импульс к росту.

Второе: без соответствующего развития производительных сил не может быть прочного и системного прогресса.

Но здесь строгий историк поправил бы нас. В доиндустриальную эпоху известно немало примеров, когда общества с неразвитым производством демонстрировали выдающиеся достижения в различных, в том числе и культурных областях. Разумеется, я далек от того, чтобы пытаться вывести прямую связь между уровнем экономики и духовной культурой. Ведь она испытывает всевозможные воздействия и от других сфер, зависит от личностей (склонности

монарха, например, к поэзии, науке), а также имеет собственные, нередко действующие автономно законы.

Но я бы хотел обратить внимание на то, почему иной раз связь производства и других сфер предстает в неясном виде. Нередко влияют международное разделение труда и способ распределения произведенного. Например, производство может быть географически удалено от места потребления в системе метрополия — колония. Город Рим в период своего расцвета получал даровой хлеб из Египта, в него также стекались другие продукты из многочисленных подвластных провинций. Неудивительно, что здесь кипела политическая и культурная жизнь, хотя собственно италийская экономика нередко находилась в упадке. Порой государства процветали за счет дани с коренных народов или бесконечных грабительских набегов. Успешно аккумулировались средства и за счет торговли (Афины, Карфаген, Венеция, Генуя и многие др.). Но история показывает, что такой прогресс непрочен: он держится либо на военном могуществе, либо на исключительном географическом положении, либо на подобных преходящих вещах.

Итак, ясно, что ни преуменьшать роль производительных сил в прогрессе любого общества, ни преувеличивать нельзя. Можно было бы в этих случаях использовать систему критериев. Например, общий критерий для формации, связанный с уровнем мировых производительных сил (о котором говорилось выше), и специфический, показывающий развитие тех сфер, которые в изучаемый момент окажутся наиболее важными для данного общества. Это даст возможность лучше понять сочетание общего и особого, увидеть новые связи между элементами, понять место данного общества в мировой истории, обнаружить новые грани теории.

Но можно использовать и иную методику. Выработать для обществ, находящихся на одной ступени развития (хотя и в разных временных периодах), или для отдельных регионов **модель идеальной общественной системы с идеальными функциями**. Понятно, что такой не было никогда и не могло быть. Но это не простая фантазия или чистая утопия. Нет, на основании тщательного анализа и сопоставления разных, но сходных по уровню развития обществ мы как бы суммируем лучшие, на наш взгляд, достижения их. Подобно тому, как мысленно вылепили бы идеального человека какой-либо эпохи, придав ему качества выдающихся в разных областях людей. И

тогда удобно сравнивать с этой моделью реальные общества, отмечая степень их близости к идеальной системе.

Такой подход мог бы дать:

1. Более ясное представление о достижениях эпохи (этапа развития), можно, так сказать, провести некую их «инвентаризацию».
2. Стало бы понятнее влияние различных элементов на всю общественную систему и обратно и как происходят изменения в ней.
3. Нагляднее можно было бы увидеть, насколько разнообразны в рамках одного уровня развития производительные силы и другие подсистемы обществ.
4. Мы могли бы правильнее оценить прогрессивность различных систем, видеть их вклад в огромное здание современной цивилизации. А также разобраться, в чем ущербность нынешнего прогресса.
5. Здесь можно использовать и математические методы.

Мы сделали лишь несколько шагов в сложнейшей проблеме общественного прогресса, но и они уже показали, как много неясного здесь, несмотря на то что над этим вопросом бились и бьются многие выдающиеся умы. Поэтому мы все еще можем повторить вслед за знаменитым экономистом А. Маршаллом: «Тем не менее главный результат новейших исследований заставляет нас еще глубже понять, чем это могло сделать любое прошлое поколение, насколько мало мы знаем о причинах, формирующих прогресс...»

§ 5. Несколько замечаний о прогрессе сегодня

Прогресс — бесконечное движение человечества. Конец его, хотя и может наступить по какой-либо причине (война, экологическая катастрофа), не будет логическим завершением процесса, а либо смертью человечества, либо временным откатом назад. Поэтому по своей природе прогресс не может полностью совпадать со счастьем, благополучием, удовлетворенностью. И не только потому, что движение вперед связано с кризисами, но и потому, что счастье — это нечто устойчивое, а движение, тем более на всех парах, связано с неудобствами, дискомфортом, нарушением преемственности, неуспеванием привыкать к переменам и др.⁶⁵

В этом, на мой взгляд, коренное этическое и мировоззренческое противоречие современного развития. Но это вовсе не означает, что мы не должны стремиться к наиболее гармоничному сочетанию

прогресса и удовлетворенности от жизни. И, думаю, в этом немалую роль могут сыграть психология, педагогика, социология и другие общественные науки. Вряд ли следует полагаться на естественное движение прогресса, поскольку оно может оказаться связанным с большими разрушениями. А дело никак нельзя доводить до глубокого кризиса, способного взорвать международное или экологическое и без того хрупкое равновесие.

Не случайны призывы сбавить бег, перейти к «нулевым темпам роста», ограничить потребление и т. п. Однако остальные страны стремятся, напротив, наращивать темпы роста экономики, чтобы догнать передовые, а последние не желают по разным причинам увеличить помощь слаборазвитым регионам (да те часто и не могут или не хотят использовать ее производительно).

Быстрые и бесконечные изменения порождают множество проблем. Среди них: раскол поколений, невозможность передавать опыт старших, нарушение традиций и постоянная смена уклада жизни — вещи, крайне болезненные для человеческой психики. Надо помнить, что «в различных областях жизни ритм будущего зависит от характера ответа каждого поколения на отношение к достижениям предшествующих поколений» (Арон). В самом деле, не может же каждое молодое поколение бесконечно отбрасывать опыт старших, а прежняя культура быть достоянием только чудаков-любителей? Этот культурный и моральный нигилизм способствует развитию многих социальных болезней: преступности, наркомании, непомерной роли секса и др. Недаром так заметна тоска по «золотому веку» прошлого, который не сравним с нынешним по материальному благополучию, но зато кажется более спокойным и надежным.

Быть может, наиболее горячая проблема — как сохранить природу, поскольку никто не знает, когда и в каком виде может надвинуться экологическая катастрофа и каковы будут ее последствия. А человечество даже близко не подошло к созданию общемирового механизма регулирования природопользования, но продолжает уничтожать колоссальные дары природы. Нет сомнения, что изобретательный человеческий ум в конце концов все же найдет им замену. Но вот человеческий организм, выдержит ли он, приспособится ли к ненормальным условиям жизни? Уже сегодня — даже в развитых странах — не счесть болезней, в том числе психических. Можно также представить, какие в случае резкого изменения экологических условий возникнут международные

кризисы. Как остроумно заметил один американский журнал: «На передний план выдвигается трудная и дорогостоящая задача по защите людей и природы от последствий прогресса». Можно было бы без труда привести десятки различных (страстных и аналитично-холодных, осторожно-оптимистических и упаднически пессимистических) высказываний на эту тему. Ограничусь только заявлением А. Печчеи, возглавлявшего очень авторитетную международную организацию Римский клуб: «...истинно справедливое общество придает, как правило, гораздо меньше значения нуждам чисто материального характера, ибо вся совокупность господствующих в нем мотивов лежит в иной сфере, нежели чистый рост ради роста».

Каждая эпоха рождает свой тип прогресса. Но это не означает невозможности влиять на него. Напротив, чем быстрее люди осознают какие-то закономерности, тем легче перевести ход истории в более спокойное и менее разрушительное движение. Прогресс может принимать самые разные формы, и, в конце концов, от усилий стран и зависит, каковы будут они, а также темпы, направление, результаты.

Человечество должно научиться регулировать экономический рост, перевести его в новые направления: природоохранные и восстановительные, в сферу гуманитарного производства по воспитанию, обучению и совершенствованию людей; духовного производства высокого качества, уменьшению общественных болезней и т. п. Так можно пытаться совместить потребность в постоянном совершенствовании производительных сил и сохранении образа жизни без постоянных коренных изменений. (Некоторые высказывания о современном прогрессе см. в Прил. 3, п. 3.)

§ 6. Краткие итоги

Хотя одновременно во времени и пространстве сосуществуют прогресс и регресс, движение вперед одних обществ и отставание, упадок других, это не противоречит общему прогрессу человечества. Напротив, является закономерным. Из-за своей специфики и определенной временной и пространственной ограниченности каждое общество демонстрирует более частный, менее системный прогресс, чем человечество в целом. Мы также видели, что любой прогресс несет не только приобретения, но и потери, сопровождается подъемом

в одних и упадком в других областях.

Решая одни проблемы, прогресс порождает другие и уже поэтому бесконечен, ход его порой напоминает спираль, а следовательно, постоянная задача людей — наиболее гармонично сочетать старое и новое.

Я пытался дать типологию прогресса, подчеркивая, что развитие человечества неизбежно будет менять наши представления о прогрессе вообще и его законах.

Очень сложный вопрос о критерии прогресса решался так, что для всемирной истории им является уровень развития мировых производительных сил, в т. ч. и потому, что именно смена их качественных состояний в связи с производственными революциями дает наиболее четкие границы перехода от формации к формации. Однако этот главный критерий может быть совмещен с рядом других, которые вместе создают логически связанную систему, позволяя решать менее объемные задачи. Определенные показатели, связанные с уровнем мировых производительных сил внутри каждой формации, будут общим критерием, но у каждого общества могут быть особые специфические критерии. Наконец, кое-что сказано и о современных противоречиях прогресса.

На этом рассмотрении общефилософских проблем истории мы заканчиваем, далеко не исчерпав их. Но время от времени и в других разделах нам придется затрагивать философские вопросы. Во второй части займемся социолого-историческим анализом обществ, изучением их структур и функций.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА (социология истории)

От автора

В этой части я ставил перед собой такие задачи:

1. Дать понятие общества и рассмотреть его как систему. Исследовать его части, подсистемы, элементы и функции, их взаимосвязи и взаимодействия.
2. Попытаться построить систему категорий и терминов, а также показать ряд методов исследования, которые в рамках того, что я в гл. 1 называл социологией истории, можно было бы использовать для анализа любого исторического общества от первобытности до современности. Это поможет подготовить читателя к восприятию теории исторического процесса в третьей части.
3. Анализируя общество в наиболее общем виде, я по возможности пытался одновременно показать историческое своеобразие социальных организмов. Но многое в этом отношении будет полнее изложено в третьей части.

Читатель должен ясно понимать, что моя точка зрения не единственная. И если мне как автору она кажется наиболее верной, то его никто не обязывает брать такое утверждение на веру. Напротив, ему следует проверять, сравнивать и анализировать разные идеи. Там, где это совершенно необходимо, я помогаю делать такие сравнения, в остальных случаях он может попробовать сделать это сам.

Нелишним будет повторить прежние выводы. Общество как система не сводимо к его частям и элементам, а представляет собой нечто особое, некий синтез взаимодействия этих частей, новое качество. В то же время, хотя практически общественная система неразложима, теоретически ее можно расчлениить и пытаться выявить иерархию ее элементов, своеобразие их взаимных отношений, которые весьма часто и предопределяют специфику всего общества, подобно тому, как нарушение в каком-то органе определяет состояние здоровья человека или одна-две наиболее яркие черты проясняют характер.

Предмет исследования таков, что очень многое формулируется абстрактно, в общем виде, хотя по возможности я пытаюсь оживить это примерами. Теория не может и не должна заранее предугадывать, какие подсистемы или части общественного механизма явятся ведущими в определенном государстве определенной эпохи, какие конкретно отношения, социальные группы и т. п. обнаружатся в нем. Но в целом, оглядывая все многообразие, можно утверждать, что чаще преобладает та или иная подсистема, а магистральная линия истории показывает «то-то». Итак, теория не может навязывать готовые выводы конкретному исследованию. Но сделать верный анализ гораздо проще, имея ее в руках.

Мы достаточно ясно разобрали, что нельзя строить широкую теорию социологии истории на «эталонном» методе, и почему, напротив, она должна включать в себя возможно больше случаев и показывать амплитуду их проявлений. Именно поэтому я чувствовал необходимость ввести новые категории и термины, раз прежние так или иначе не отвечали либо историческим реальностям, либо методологии подобного исследования. Разумеется, я старался обосновать причины таких изменений.

И последнее: логика материала, значительная новизна его и огромный объем, необходимость быть ясным поневоле заставляли меня на чем-то заострять больше внимания, а о чем-то говорить бегло, а то и вовсе опускать. Некоторые, казавшиеся мне теоретически более важными или новыми моменты потребовали гораздо больше места, а другие по различным причинам (но не из-за их малой значимости) пришлось сжать. Однако читатель должен всегда помнить, что по одной книге, даже самой выдающейся, науку не постичь. Это требует многих усилий и источников.

Глава 5. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ И СПОСОБАХ ЕГО АНАЛИЗА

Всякая попытка разделить мир на части, из которых одна более «реальна», чем другая, обречены на неудачу.

Бертран Рассел

§ 1. Понятие общества

Есть ли какое-то единство между, допустим, обществом охотников и обществом, которое охватывается французским или российским государством? Много раз употребляя слово «общество», мы пока не задумывались над более точным его смыслом. Вероятно, читателю казалось известным, что это такое. Но, как всегда, это обманчивое чувство⁶⁶. Напротив, мы видим, что слово это так же многозначно, как история, закон и др. Оставляя заданный вопрос на размышление читателю, подчеркну, что в этом исследовании общество как собрание людей по каким-то основаниям нас не интересует. Менее важен и аспект, в котором заключено понятие о части общества (высшее

общество, сельское и т. п.).

Следует выделить два значения этого слова: первое — это некая идеальная модель, определенный объект теории. Ему соответствует огромное число реальных явлений, сильно отличающихся как по количественным, так и по качественным характеристикам. Но все они имеют какое-то сходство, которое позволяет теоретически объединять это разнообразие в одну категорию и очертить круг нашего исследования. Второе значение — любое из реальных исторических или существующих обществ, принадлежащих конкретному народу и периоду во всем своеобразием. Но оно все же больше или меньше соответствует понятию общества в первом значении. Иначе говоря, общество вне конкретики есть слово в первом смысле, когда мы его конкретизируем — во втором.

Попробуем раскрыть содержание категории «общество». В отличие от объединений типа клубов и партий оно имеет собственную хозяйственную территорию. В отличие от крестьянских или городских общин, также имеющих территорию, оно должно быть независимым политически. На практике это выражается в том, что такую самостоятельность признают соседи, которые не могут или не хотят отобрать ее⁶⁷.

Политически независимое общество в целом будет самостоятельно и хозяйственно, может воспроизводить свои основные черты и порядки⁶⁸. В нем должен быть центр, причем, по определению, властный, поскольку без объединяющей силы система рассыплется. Можно сказать, что власть рождает общество и придает ему определенную структуру. Сказанное касается и догосударственных образований.

Итак, общество — это категория, характеризующая стабильное объединение людей, социальных и иных групп, организаций в систему, которая имеет властный центр, является самостоятельной и независимой во всех основных функциях от других. Природа связей в обществе может быть различной (родственной, этнической, религиозной, политической, экономической и иной), чаще всего сложной. И эти связи так или иначе должны признаваться его членами, иначе оно не будет прочным⁶⁹.

Излишне напоминать, что по размерам, устройству, сложности и множеству других параметров общества крайне различны между собой. Так, на территории Германской империи, которая возникла в 1871 г., в начале XIX в. находилось 300 немецких государств!

Правомерен вопрос: когда, с какого момента выделения человека из животного мира можно говорить об обществе? Это очень сложный и трудный по многим причинам вопрос, осложненный отсутствием каких-либо ясных данных. Я думаю, условно можно считать, что оно уже есть, когда его члены начинают осознавать не только свое единство, но и принимать достаточно сознательно его устройство, законы и ограничения. Иными словами, когда можно говорить об общественном сознании, без которого человеческий коллектив останется на уровне сообщества животных, объединенных инстинктом.

§ 2. Некоторые подходы к анализу структуры общества

Предположим, задан вопрос: «Из чего состоит человек?» Возможно много ответов: а) из атомов; б) из молекул; в) из клеток; г) из различных органов: сердца, мозга, костей, кожи и т. д.; д) из головы, тела и конечностей; е) из тела и души; ж) из характера, мыслей и поступков и т. п.

Какой ответ выбрать? Легко заметить, что каждый в чем-то правилен, но в то же время ограничен. И далее, каждый ответ верен в зависимости от того, как точно сформулируем мы вопрос, какую проблему решаем, какой аспект действительности хотим подчеркнуть. Этот пример должен помочь понять, что и на вопрос о структуре общества ответить однозначно невозможно. Ведь исследовать его можно на любом уровне, в разных аспектах, имея перед собой разные познавательные задачи. Ответ всегда может быть только относительным. В лучшем случае имеет смысл последовательно проанализировать общество сначала с одной позиции, затем с другой и т. п. Логика познания, необходимость рассматривать целое по частям накладывают известные ограничения и не позволяют нам сваливать все в одну кучу. В самом деле, не будете же вы говорить: «Человек состоит из атомов, костей, поступков и души». С одной стороны, такая ситуация делает теоретически равноправными разные подходы, если они имеют свои цели. С другой, однако, это не означает, что можно анализировать, как бог положил на душу. Напротив, задача исследователя — **найти наиболее удобную и естественную основу**

анализа. Если, допустим, вы скажете, что человек состоит из двух половин туловища, формально это можно признать верным, но звучит дико, потому что такое деление не несет познавательной нагрузки.

Эти предварительные замечания позволят вам лучше понять, почему применяются разные способы анализа, в чем их достоинства и недостатки, почему автор избрал свой подход.

Иногда в философско-социологической литературе говорят об «элементарных частицах» и «клеточках» общества. Идея заключается в том, чтобы найти наименьшие его элементы, исходный пункт его анализа. К таким «элементарным частицам» относят: субъект, деятельность, отношение⁷⁰. Вероятно, к ним правильнее будет причислить и объекты, по поводу которых возникают отношения, а также и осмысление отношений и действий в сознании⁷¹. Можно считать, что такие «частицы» действительно представляют «кирпичики» общественных явлений и социологических исследований. В известном смысле они проявляют и свойство реальных элементарных частиц превращаться друг в друга. Так, отношение переходит в действие и наоборот; субъекты могут стать объектами отношений и т. п. Существуют многолетние споры и в зарубежной науке и в нашей, что именно считать из перечисленного такой «клеточкой».

Ею иной раз объявляют деятельность или труд. Но вряд ли эти категории можно полагать исходным пунктом анализа. Ведь они описывают сложные, составные, длительные явления. Правильнее подходят в зарубежной социологии, считая наименьшим элементом общества «социальное действие» либо социальное положение, отношение и т. п. Сейчас нет смысла обсуждать этот сложный вопрос. Но во всяком случае, такого рода «клеточка» должна, по моему мнению, лежать в основе всякого общества-объединения людей (от семьи до государства) как нижний слой. А также иметь возможность безгранично специализироваться вместе с усложнением общества.

Посмотрим на общество на таком элементарном уровне. Очевидно, что оно состоит из людей. Но сами по себе они еще не общество. Как не являются коллективом пассажиры автобуса. Люди связаны между собой многочисленными, добровольными и обязательными отношениями, из которых для нас важнее всего устойчивые, социально обусловленные⁷². На основе последних они объединяются в организации и коллективы, образуют социальные группы и классы, народы и нации. При этом одни и те же люди подчас одновременно

включены в различные организации и группы. Всех, кто связан отношениями, включая государство и его органы, можно считать **участниками (носителями, субъектами)** отношений. Отношения порождают **действия** участников и могут существовать только на основе этих действий. В свою очередь, действия (бездействия) вызывают новые отношения. Идет как бы электрический ток по цепи. Отношения и действия проистекают по поводу объектов отношений (которыми могут быть как физические, так и идеальные вещи и права на них; люди, их чувства и качества и т. п.). И, наконец, необходимо общественное и индивидуальное осознание отношений и действий.

Следовательно, общество с этой точки зрения все соткано из человеческих отношений, оно есть сложная система отношений между людьми, группами и организациями, а также совокупность материальных и духовных объектов, по поводу которых люди и группы вступают в отношения.

Без сомнения, для общей и тем более прикладной социологии, которые изучают, главным образом, малые группы, а не большие сообщества, указанный выше метод позволяет решить очень важную проблему — найти основу, которая объединяет людей в самые разнородные коллективы.

Но для социологии истории, которая имеет дело с крупными образованиями, этот подход, думается, малопродуктивен. В подобных исследованиях обычно данный нижний слой оставляют за кадром как постоянное, а изучают, образно говоря, большие «органы» или «скопления клеток»: властные, военные, социальные, производственные и иные структуры. Ведь не анализирует же наука о населении — демография — каждую семью в отдельности, а оперирует обобщенными категориями.

Таким образом, мы можем перейти к более для нас важному аспекту анализа. В самом деле, нет открытий в том, что многие действия индивида в большей мере обусловлены самим обществом (а в некоторых государствах были просто заданы) и ведущими отношениями, а также тем, в каких группах и организациях он состоит. Поэтому для социологии истории гораздо важнее анализ наиболее типичных способов объединений людей на уровне государств и их органов, различных политических, идеологических (церковь, партии) и экономических организаций и институтов. Словом, на уровне тех, кто являлся достаточно важным участником политических, экономических и иных отношений, чтобы влиять на

них. Но для этого **нужны более крупные единицы анализа, причем такие, чтобы они позволяли сравнивать самые разные общества**, от догосударственных до надгосударственных, от крошечных до гигантских и т. д.

Мне думается, что было бы целесообразно так и назвать эти **объекты анализа — единицами анализа**. Это достаточно нейтральный термин, не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки, с одной стороны, описывает достаточно естественные образования, с другой — дает возможность их различной мыслительной группировки в связи с поставленной задачей. Я выделяю восемь таких единиц в зависимости от природы объединения: **родственные, этнические (национальные), производственные, экономические, политические, военные, социальные, духовные (религиозные, идеологические, культурные)**. Разумеется, не в каждом обществе существуют все они. Во многих случаях одна и та же единица выступает одновременно в нескольких ролях. Так, племя может быть сразу политической, этнической, духовной и даже производственной единицей. Такое явление вполне объяснимо: ведь исторически эти единицы отделяются от одного корня: от общества, где функции еще не разделены. А в других случаях одни объединения вбирают в себя задачи других. Так, церковная организация может стать политической и даже производственной. Подобные единицы — это реально существовавшие и существующие объединения людей по различным основаниям. Они достаточно устойчивые, чтобы воспроизводиться.

Выражения «политическая», «хозяйственная», «социальная», «этническая» и другие единицы встречаются достаточно часто и в самом разном смысле. Однако не только в социологии истории, но и в обычной социологии мало задумываются над теоретической природой таких единиц, и практически нет никакой теории, обосновывающей их классификацию и применение. Поэтому я и попытался развить в данном отношении методологию исследования. Для чего? Такой метод существенно облегчает поиск общих конструкций социологии истории. Каковы его достоинства?

Во-первых, как уже сказано, именно с такими объектами чаще всего имеет дело социология истории и весьма часто сама историческая наука. Ведь там говорят о народах, нациях и племенах; государствах, княжествах и общинах; сословиях и классах; фабриках, помещичьих и рабовладельческих усадьбах; религиозных, партийных, профсоюзных и иных объединениях и т. д. и т. п. А это и есть те самые

единицы.

Во-вторых, это дает возможность лучше и легче сравнивать такие разнообразные объекты, как, например, современное государство, город-государство, племя, клан, общину охотников и другие. В данном случае я перечислил то, что может обладать политической независимостью и имеет смысл определить как **политическую единицу.**

В-третьих, в рамках каждого разряда единиц они нередко отличаются по своему уровню, охвату, влиянию. Значит, можно представить их систему и иерархию. Например: семья — родовая община — племя — союз племен. Государство может состоять из удельных княжеств, те — из городских общин и более мелких княжеств и т. д.

В-четвертых, что **особенно важно для теории, это в большинстве своем естественные образования.** И если удалось найти теоретическое единство в разнообразных, но естественных, исторически реальных явлениях, то это важное достижение.

В-пятых, такой подход может дать ключ к разрешению некоторых сложностей, когда одна единица заменяет другие, а также лучше выявить, как именно общества приспосабливались к разным условиям и какие оказались наиболее прогрессивными.

В-шестых, нередко именно некоторые из подобных единиц характеризуют специфичность общества. Подчеркивание единства и специфичности и есть важнейшая задача теории. **С этой точки зрения общество можно представить как сложную систему взаимодействующих политических, производственных, социальных и иных единиц.** Я буду в дальнейших главах обращаться к такому способу анализа наряду с другими и кое-что говорить о различных единицах.

§ 3. Другие способы анализа структуры общества:

сферы общественной жизни; базис и надстройка; общественное бытие и общественное сознание

Итак, вам ясно, что возможны разные подходы к анализу структуры общества⁷³. Можно также использовать, и я тоже это делаю, сравнение общества с различными геометрическими фигурами и объектами: пирамидами, сферами, зданиями и т. п. Это законный прием, который служит для того, чтобы сделать мысль нагляднее. Но надо обязательно помнить, что такие сравнения ничего не могут доказать: ведь общество не имеет никакой пространственной формы (если не иметь в виду земельную территорию, на которой оно расположено), поэтому его можно сравнить с чем угодно, если методически это необходимо. В чем-то это напоминает ситуацию с моделью атома, которая помогает наглядно представить его, но не отражает реальной картины. Сами ученые затрудняются дать пространственное описание атома.

В нашей литературе распространен подход, когда общества делят на **сферы его жизни**⁷⁴. Например, выделяют материально-производственную, социальную, политическую и духовную сферы. Это деление, так сказать, по способу деятельности и при определенных условиях вполне пригодно и полезно. У разных авторов могут быть разные названия и даже количество таких сфер, ведь подобное членение в известной мере всегда условно.

Есть, однако, несколько причин, которые существенно ограничивают использование этого подхода в данной работе и вообще в аспекте социологии истории. Во-первых, мне бы хотелось сделать акцент не только на описании подсистем общества (а сферы, по сути, и есть подсистемы), но и на том, как именно они взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга, неразрывно переплетаясь, показать механизмы этого взаимодействия. Но, используя такой способ, я поневоле, по логике исследования, должен был бы сосредоточиться на описании внутренней структуры каждой сферы. А мне, как уже сказано, что-то требовалось разобрать подробнее, что-то короче. Во-вторых, такой прием усложнил был возможность описать общество как совокупность подсистем и частей, хотя взаимосвязанных и взаимозависимых, но очень по-разному, и имеющих иерархию по значимости. А деление по сферам больше предполагает равноправность подсистем. В-третьих, я хотел показать общее, имея в виду историческое своеобразие конкретных форм и вариантов. Для ранних же и специфических обществ анализ по сферам был бы весьма

затруднен из-за того, что они еще ясно не выделились, сращены, не дифференцированы. Анализ по сферам удобен, когда нужно оттенить выделение какой-то одной подсистемы или для грубого, приближенного исследования зрелых обществ. Но он плохо подходит к изучению переходных, неразвитых, специфических обществ. Поэтому я использую более сложный метод, который, однако, включает частично и анализ по сферам, что только доказывает наличие многих возможностей для исследования.

Рассмотрим теперь другой подход, который уже упоминался и к которому иногда я буду прибегать в ходе изложения. Общество можно делить **на базис и надстройку**. Сначала напомним, что это марксистские термины. Под базисом понимают производственные отношения, а часто просто отношения собственности на средства производства. В противоположность им юридические, политические, идеологические и иные отношения выделялись как надстройка над экономическим базисом. Это вытекало из марксистской позиции, поскольку Марксу было важно подчеркнуть именно первенство отношений собственности перед другими. Впоследствии в истмате эти понятия стали важнейшими и оказались «виновны» в том, что фактически производительные силы стали выпадать из анализа общества. Между тем слово «**базис**» **означает основу или фундамент**⁷⁵, за который естественно брать именно производство, произво^дительные

силы, вкпе с воздействующей на общество природной средой, а не производственные отношения (и тем более отношения собственности). Именно такое содержание я и вкладываю в этот привычный термин. Соответственно, **надстройка — это все остальное общество**. Главный же недостаток истматовского подхода в том, что доминирование, преобладание базиса имеет как бы абсолютное значение и, по выражению одного ученого, напоминает соотношение взведенного курка и выстрела в ружье. Но абсолютное преобладание немыслимо в зарегулированной системе. Речь может идти лишь об относительном в рамках определенной системы координат, причем теоретически за базис можно принять любой элемент. Но, конечно, на практике есть смысл брать такой, который наиболее удобен и фактически чаще других преобладает.

Вспомним, что в первой части уже шла речь о том, что понятие базис, с одной стороны, носит условный характер. С другой, однако, в выделении в качестве базиса именно природно-производственной основы есть резон, который имеет вполне реальные основания в самой

логике общественной жизни. Вам должно быть ясно, что точка зрения на эти вещи во многом зависит от задачи, стоящей перед исследователем. Если нужно подчеркнуть целостность и взаимообусловленность всех частей общества, то вряд ли разумно вести речь о базисе. Но если мы хотим лучше понять в общесоциологическом плане иерархию элементов, большую или меньшую значимость различных подсистем, то говорить о нем целесообразно⁷⁶.

Само собой, нужно согласиться с Ароном, что нет перводвигателя всего исторического движения, но все же есть более и менее важные сферы, хотя это и не всегда очевидно. Ведь мы уже выяснили: общий закон не обязательно означает, что выведенная в нем связь наглядна, зрима и не может быть перекрыта действием другого закона. В данном случае такая наглядность, вероятно, более заметна в самых примитивных системах, где все кружится вокруг того, как обеспечить себя едой⁷⁷, и очень сложных индустриальных, современных, где экономическую температуру измеряют каждый день, поскольку влияние базиса тем заметнее, чем существеннее он меняется. При неподвижности общества его роль как бы загушевывается. Нечего и говорить, что попытки примитизировать эту взаимосвязь ничего полезного дать не могут.

Именно в плане социологического закона, когда мы сразу рассматриваем очень много обществ, утверждение о том, что базис можно считать доминирующей подсистемой по сравнению с надстройкой, является более верным, если помнить, что имеется в виду под доминированием. А это не означает, что базис более реален (см. эпиграф); или что достаточно лишь понять его, чтобы вывести все остальное; ни того, что характер общества определяется одними производительными силами; ни того, что в любом конкретном случае не окажется ведущей иная подсистема.

Поясню свои мысли несколькими аналогиями и рассуждениями. Представим общество как дом, который стоит на фундаменте. Если последний надежен, нас он волнует мало. Гораздо важнее, кто будет жить в доме и в каких комнатах, куда поставить мебель, как украсить стены и т. п. Но стоит фундаменту осесть, как ситуация меняется. Теперь необходимо вникать в технические детали, скорее исправлять положение, пока здание не рухнуло. Не так ли в истории? Пока производство обеспечивает определенный цикл, идет собственно история: войны, раздачи земель, награды придворным, борьба

самолюбий, партий и т. п. Но стоит начаться голоду, либо хозяйство дает сбой, а с ним колеблется и социальная система, как к нему приковывается внимание: снижают налоги, регулируют наиболее тяжелые несоответствия и т. п. Я говорю прежде всего о доиндустриальной истории. При этом нередко правители доводили общество-дом до того, что он обваливался под напором революций или отделения провинций. В последние десятилетия отношение к производству коренным образом изменилось, хотя, к сожалению, не везде.

Или вот еще одна аналогия. Здоровье можно определить как базис жизни человека. Но относятся к нему люди по-всякому, чаще всего расточительно. Это, однако, может измениться, стоит человеку серьезно заболеть или осознать гибельность своих поступков.

В современной философии выработаны понятия: определяющая и управляющая стороны в общественной жизни. Базис можно считать определяющей, а надстройку — управляющей сторонами. Отношения между ними не жесткие. Базис определяет границы возможностей и как бы очерчивает круг вариантов развития надстройки, он очень важен в отношении взаимодействия общества с природой, объема благ, поступающих в распределение, и т. п. Надстройка имеет ряд вариантов использования ресурсов и комбинирования факторов. От того, какой именно возобладаст, в свою очередь, сильно зависит и сам базис. Если продолжить сравнение, то за определяющую сторону можно принять автомобиль, а за управляющую — водителя. Читателю нетрудно представить себе ограничения и возможности, которые дает автомобиль водителю, а также понять, почему в одних руках он служит долго и безаварийно, а в других — нет.

Термин «надстройка» носит слишком абстрактный и расплывчатый характер, чтобы специально его анализировать вне связки «базис — надстройка». А такая связка, как я уже говорил, служит только при определенных целях.

Смотря на прошлое в масштабах социологии истории, нельзя не увидеть, что на ранних этапах огромную, очень часто базисную роль играет географическая среда. Об этом еще будет речь дальше. В индустриальных обществах роль природы слабеет, уступая место производительным силам. В первой части я уже приводил ряд доводов в их «пользу»: они преодолевают природные преграды, объединяют человечество, способствуют росту населения и его благосостоянию. Именно с производственными революциями связаны коренные

переломы и в остальных частях общества, которые могут, конечно, затягиваться, но так или иначе наступают. Следует однако добавить, что структура производительных сил весьма сложна, а в каждом отдельном обществе может быть существенно иной в зависимости от географического и иных факторов, роли государства и т. п.

Однако связь между географической средой и производством столь тесна, что есть смысл рассматривать их как единую систему — **природно-производственную основу общества**. В этом случае введение понятия «базис» будет более оправданно и правомерно. В широком смысле эта основа объединяет производительные силы и всю ту часть географической среды, которая базисно влияет на общество, в узком смысле производительные силы и только ту часть природы, которая так или иначе связана с производством. Мы в основном и будем обращаться к этому узкому смыслу (см. следующий параграф). В марксистской литературе распространен и еще один способ деления общества: **на общественное бытие и общественное сознание**. Это довольно здравый подход, имеющий под собой важные и естественные основания. Соотношение между этими категориями во многом напоминает то, что говорилось о базисе и надстройке. Но если последние термины более социологические, то первые ближе к философским. Однако они вполне пригодны в некоторых случаях для анализа общественной системы. Не случайно и в западной науке весьма часто говорят о коллективной психике и подобных вещах, которые близки к идее общественного сознания.

Деление на бытие и сознание есть противопоставление реальных явлений и отношений тому, как они осмыслиются в головах людей и в коллективных чувствах, интеллекте, сознании. Оно может быть более или менее верным, а то и вовсе превратным, фантастическим, мало связанным с действительностью. Иногда бытие и сознание разделить легче, порой сложнее. При рассмотрении соотношения общественного бытия и сознания очень важен тезис Маркса о том, что бытие определяет сознание. Однако эта зависимость похожа на связь базиса и надстройки. К этому мы вернемся в соответствующей главе.

Прежде чем закончить главу, скажу еще об одном моменте. В некоторых случаях правильнее рассматривать не изолированное общество, а систему из двух (нескольких) столь тесно взаимосвязанных между собой обществ, что отрыв приводит к искажениям. Это может быть в ситуациях: донора-паразита (когда одно общество постоянно грабит другие), распавшегося на

самостоятельные части прежде единого государства, полностью экономически или духовно зависимых обществ. Я называю такие тесные единства **пространственно-временными группировками обществ**. К их числу относятся и близкие в религиозно-культурном отношении и устойчивые во времени группы обществ, которые называют **цивилизациями** (античная, исламская и т. д.).

Глава 6. ПРИРОДНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВА

Чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора.

Академик Б. А. Рыбаков

В наши дни стало совершенно очевидным, что от характера труда и его разделения зависят структура общества и жизнь людей во всех ее разветвлениях.

К. Ясперс

§ 1. Понятие географической среды

Сегодня каждому известно, что производство «взломало» все природные пропорции и, сделавшись гораздо менее зависимым от щедрости природы, угрожает ей самой. Однако непредвзятый взгляд на историю покажет, что в доиндустриальный период, и особенно в первобытную эпоху, зависимость общества от географической среды была огромной. Примитивные орудия дикаря или даже земледельца часто в гораздо меньшей степени выполняли базисную роль, чем обилие или скудость дичи, плодородие почвы, благоприятность климата и т. п. Известно много теорий географического детерминизма, отголоски которых слышны еще и сегодня (**см. Прил. 4, п. 1**). И как бы ни критиковать узость этого подхода, нельзя не признать его правоту по крайней мере для ряда случаев, в которых влияние географической среды весьма сильно определяет не только «особенности материальной культуры народов», но и распределение, общественную жизнь и сам характер нации. Хорошие историки тонко чувствовали влияние природы и учитывали его. В истмате довольно много говорили о географической среде, но в целом, вольно или невольно, в этом учении преуменьшалась ее роль, что искажало историческую перспективу⁷⁸.

Но бесспорно и то, что очень многое никак нельзя объяснить влиянием географической среды. В прошлом и настоящем в сходных условиях разные народы могли развиваться по-разному и один и тот же народ в разные эпохи своей истории на той же территории мог

процветать или деградировать.

Как совместить это многообразие в непротиворечивой концепции? Можно ли считать, что для определенных эпох роль базиса вместо производительных сил выполняла географическая среда? Но тогда нужно иметь по крайней мере две теории для доиндустриальных и индустриальных экономик. Кроме того, природа в основном является неподвижным фактором, а этим трудно объяснить динамичность развития. Выше мы уже говорили о том, что целесообразно ввести понятие **природно-производственной основы**. Это тем более обоснованно, что, как мы видели в главе о движущих силах: **географическая среда не есть только внешняя сила, она становится частью общества** и оказывает разнообразное влияние на большинство сторон его жизни. Мы в основном сосредоточимся на самой тесной ее связи: с производительными силами. Отмечу также, что в данной главе я не ставлю задачу разбирать философскую проблему «Человек и Природа», а пытаюсь показать, как можно рассматривать географическую среду при соци- ально-историческом анализе общества.

Как известно, Монтескье — один из первых, кто разрабатывал теорию географической среды, особенно связь климата и государственного устройства. Давно была также замечена тесная связь между природой и численностью населения, темпом его прироста и т. п., а через это со многими другими отношениями производства и распределения, правом⁷⁹.

Если говорить о влиянии географической среды на общество в целом, то его развитие может быть задержано или остановлено (иногда отброшено назад) из-за тяжелых природных условий или изоляции. Когда все силы у примитивных народов уходят на поддержание жизни, не может быть развития. Но и слишком благодатные условия, легкость добывания благ лишают людей стремления к новому⁸⁰. Наиболее подходящими считаются такие, которые требуют достаточно труда, но и дают хорошую отдачу, где есть разнообразие природы. К последнему нередко относятся водные пути сообщения, необходимый строительный и иной материал, пересечение торговых и иных путей и т. п. Но благоприятные на одном этапе развития, эти условия могли стать тормозом на другом и наоборот.

Особые условия требовались для перехода от охоты и собирательства к земледелию. Впервые земледелие возникло на Ближнем Востоке. И, по словам английского археолога Мелларта, долгое время

считали, что климатические изменения не сыграли существенной роли в формировании земледелия даже на первых этапах этого процесса... Установлено, что в конце мезолита в результате перемены климата стали заболачиваться прибрежные районы и расширилась зона распространения бобовых и дикорастущих злаков. Высказано предположение, что колебания климата должны были особенно сказаться на состоянии растений в окраинных районах их распространения, что заставляло людей не только заниматься их сбором, но и стремиться поддерживать их существование путем создания благоприятных условий. Другие, но не менее специфические сочетания природных факторов нужны были и для перехода к интенсивному (ирригационному) земледелию.

Попробуем теперь дать определение географической среды. Хотя в настоящий момент человек вышел за пределы Земли, но устоявшийся термин целесообразно оставить. Иногда я буду в качестве синонима употреблять выражение **окружающая или природная среда**. А если нужно подчеркнуть активное влияние этой среды, то речь пойдет о **географическом факторе**.

Очевидно, что географическая среда меняется в двух смыслах: абсолютно (физически), в том числе и под воздействием человека (распашка земли, сведение лесов и т. п.), и относительно, т. е. в зависимости от того, что люди уже включили или в состоянии при наличных технических возможностях включить в свою хозяйственную деятельность (например, прежде нефть добывали лишь на суше, теперь — и со дна морей). Таким образом, одна и та же природа в качестве географической среды будет меняться вместе с развитием общества и абсолютно, и относительно. А с ростом плотности населения, уровня науки, техники, величины государств и т. п. преодолеваются прежние границы, поставленные географической средой, и меняется ее структура.

Географическую среду, таким образом, можно определить как комплекс самых разных природных условий, которые, с одной стороны, оказывают существенное влияние на жизнь данной общественной системы и ее членов, а с другой — на которую эта система сама оказывает влияние. Вполне понятно, что по отношению к каждому конкретному обществу она будет частью планеты, по отношению к человечеству вообще — всем земным шаром и окружающим его пространством.

Географическая среда в плане ее взаимосвязи с обществом может быть

разделена на две большие части: **естественная природа**, в основном не затронутая воздействием человека, но так или иначе влияющая на общество, и **осоциализированная природа**, т. е. больше или меньше связанная с жизнью общества. Та же часть осоциализированной природы, которая вовлечена в производство, будет называться **окультуренной**. Разумеется, степень окультуривания и социализации в каждом обществе и эпохе могут сильно отличаться. По мере развития освоенная часть природы перерастает как бы в **искусственную географическую среду**, неразрывно связанную с естественной. Я имею в виду политические границы, города, коммуникации и т. п. В целом роль природных факторов в производстве уменьшается, а роль искусственных растет, хотя постоянно осваиваются новые сферы природы: космос, морские глубины и т. п. Подобно тому как биологические потребности людей удовлетворяются все более социальным способом (например, первоначально одежда нужна только от холода, затем появляется престижная, модная, на каждый случай одежда), и природная среда все больше заменяется искусственной. Но как нельзя биологические потребности свести к нулю, а иногда они очень властно и грубо заявляют о себе, так и нельзя свести к нулю роль природной географической среды. Нет нужды говорить, что процесс взаимодействия общества и природы непрерывен.

Искусственная среда может как благоприятствовать развитию хозяйства и связей, общества в целом, так и тормозить его (например, отгораживание от мира, как это было в XVIII–XIX вв. в Китае и Японии, недавно — в СССР). Ведь часто взамен природных препятствий общества создают иные — социальные границы, таможни, запреты на переселение и т. п.

Таким образом, в данном аспекте история предстает как переход от природной среды (биосферы) к социальной и к тому, что называют нередко техносферой. Однако до сих пор отношение человека к природе напоминает действия дикаря, который, чтобы найти камень для строительства, ломает храм. К сожалению, верным остается мрачный юмор одного исследователя, что процесс цивилизации — это «переход от дикого места к мусорной яме».

В свою очередь, естественная природа делится на две части: ту, которая еще не может быть вовлечена в деятельность, и ту, которая уже может быть вовлечена, но пока еще остается как бы в резерве. Там, где жили люди, так или иначе они не только приспособлялись к

окружающей среде, но и сами ее сколько-нибудь приспособивали. Сначала — лишь места их непосредственного обитания, затем в течение веков миллионы и миллионы гектаров пашни, а сегодня вопрос стоит о том, чтобы планировать влияние на природу в масштабах всей планеты.

§ 2. Географическая среда и производительные силы

Итак, мы ввели понятие **природно-производственной основы общества** для того, чтобы объединить в непротиворечивой концепции два момента: то, что базисом общества очень часто являются производительные силы, и факт определяющего влияния на него во многих случаях географической среды. Однако в развитие этой идеи нужно более ясно показать каналы связи и взаимодействия природы и производства. Это уменьшит опасность сбиться на географический детерминизм или умалить роль влияния природы на общество. **Решить эту сложную задачу, на мой взгляд, удобно и правильно, если считать окультуренную часть географической среды непосредственно входящей в состав производительных сил и через них во всю общественную систему.**

Сделаем рассуждение, чтобы яснее была практическая важность такого подхода. Фернан Бродель утверждает: «Стремящаяся к тотальному описанию, к глобальному охвату история может оказаться возможной, если в область изучения экономики прошлого мы сумеем внести современные методы, учитывающие определенную совместимость национальных экономик и строящие некоторую макроэкономику» [11; 23]. И это именно так! Под влиянием огромных современных успехов мы склонны преуменьшать мощь экономик прошлого. И важнейшая причина этого искажения в том, что в суммарную мощь производительных сил не включаются природные процессы и силы. А кто посчитал, сколько миллионов тонн удобрений заменял египтянам ил великого Нила? Ведь чтобы собирать такие урожаи сегодня в Европе, нужны колоссальные затраты. А кто считал «лошадиные силы» индийских слонов? Сегодня в океане вылавливается много миллионов тонн рыбы. Сколько энергии и затрат потребуется в будущем, чтобы выращивать это количество рыбы искусственно? Говорят, что в американских степях еще в прошлом веке водились десятки миллионов бизонов. Много ли государств могут похвастать таким поголовьем мясного скота?

Выращено ли растение в теплице при искусственном освещении или в обычных условиях, принципиальной разницы в потребленной энергии нет. Есть огромное различие в структуре и развитости производительных сил, их большей социализации. Однако, пока естественных мощностей хватает, нет смысла искусственно воспроизводить эти процессы. Поэтому, не отрицая природного происхождения этой энергии и других вещей, целесообразно включать их в суммарную мощность производительных сил. Тогда соотношение между нынешними и прежними экономиками в определенных моментах станет намного реальнее, чем кажется сейчас⁸¹. Любое же искажение пропорций как в одну, так и в другую сторону лишает нас правильной перспективы и, говоря словами Шпенглера, ограничивает «объем истории, но гораздо хуже то, что это сужает ее арену» [45; 145].

Следует учитывать также громадную разницу в количестве и плотности населения разных периодов⁸². И в целом, может быть, с учетом природных мощностей на душу населения в прошлые эпохи кое-где приходилось и больше «национального продукта». У некоторых племен индейцев Аляски каждая семья заготавливала на зиму до тысячи лососевых рыб. Переведите-ка на современные цены! Однако вернемся к теории. Как уже сказано, хотя в истмате были и верные положения, в целом роль географической среды занижалась, а тем самым преувеличивалось значение орудий труда для древности. Но главная ошибка, на мой взгляд, состояла в том, что природу считали только внешней силой. Некоторые ученые предлагали исключить из состава производительных сил даже предмет труда, т. е. землю, месторождения полезных ископаемых и т. п. — по сути, часть географической среды. С точки зрения истматовского подхода это было логично. С фактической же стороны — тем более ошибочно. Поэтому большинство ученых не поддержало такое изменение. Но тем самым в теории производительных сил оставалось внутреннее противоречие: с одной стороны, частично географическая среда как бы входила в их состав, с другой — это не признавалось.

Между тем включение части этой среды в структуру производительных сил в теории снимало много противоречий: фактическую ее базисность во многих случаях, формирующее влияние природных условий на общество в одних ситуациях и отсутствие такого влияния в других и т. п.; делало идею о том, что именно переворот в производительных силах вел к смене формаций,

гораздо более обоснованной.

Когда я уже пришел к этим выводам и в целом разработал определенную концепцию, я встретил несколько работ, которые можно истолковывать так, что авторы считали необходимым включить часть географической среды в состав производительных сил, в результате чего она «превращается в фактор внутреннего содержания общественной жизни» (М. П. Ким, Л. В. Данилова)⁸³. К сожалению, эти идеи оставались лишь на уровне отдельных замечаний и предложений, не находя концептуальной проработки. Но, во всяком случае, они подтвердили, что я избрал верное направление. Немало интересных и основательных рассуждений о географической среде встретилось и у западных авторов⁸⁴, но и там мне не удалось обнаружить отвечающей на все вопросы теории.

Итак, окультуренная часть географической среды, включаясь в состав производительных сил, составляет как бы, фигурально выражаясь, нижнюю их часть, своего рода природные производительные силы, их природный уровень (см. § 4). Она выполняет роль своего рода буферной зоны между обществом и окружающей средой и может как уменьшаться (зарастают пашни, забрасываются земли и т. п.), так и увеличиваться за счет резерва. И этот резерв является вторым буфером. Во многом благодаря ему географическая среда нередко выглядит как форма, в которой крепнет и развивается общество, пока производительные силы не перерастут ее. Когда они полностью заполнят форму, исчерпают резерв, тогда есть вероятность, что от «тесноты» начнут развиваться качественно по-иному и перейдут на новую ступень⁸⁵. Коренная смена хозяйственной деятельности, естественно, ведет к тому, что в структуре производства ведущую роль начинают играть иные его компоненты. Это может быть передвижка в рамках одного способа производства: например земледелие — ремесло (торговля), а может быть в перемещении на новую ступень: сельское хозяйство — промышленность.

При этом уже давно замечена тенденция к усложнению, удлинению производственных процессов. По мнению австрийского экономиста XIX века Бем-Баверка, вся история развития общественного производства есть история **введения все новых окольных методов, удлиняющих путь добычи первичного сырья до выпуска потребительских благ. Одновременно достигается и рост производительности труда.** Конечно, само по себе усложнение не есть бесспорный признак прогресса, который как раз может заключаться в упрощении, но в большинстве случаев это так. Такое удлинение можно назвать **технологическими цепочками**. И чем

далее от ее конца отстоит природный естественный момент, тем более развиты производительные силы. Некоторые технологические цепочки, особенно в производстве информации или знаний, гуманитарных услуг, почти не имеют природной основы.

Нас прежде всего интересует именно окультуренная часть географической среды. Посмотрим на ее структуру. Земля, дичь, леса, полезные ископаемые и т. п. выступают как **предмет труда**. Многие природные факторы, которые используются в производстве, можно назвать **природно-производственными процессами**. Часть из них будет являться **энергоносителями** или **энергосистемами**: водная и ветровая энергия, солнечный свет, превращающий углекислоту и воду в зеленую массу, и т. п. Другие будут выполнять роль **орудий труда**: например, вода и воздух для обработки сырых материалов (чистка, отбеливание и др.). Многие процессы имеют комплексный характер, и их затруднительно определить однозначно: вода для полива, ил как удобрение, например, выступают и как предмет, и как орудие труда, и в других ролях одновременно. Овладение всеми этими силами, умение использовать их — большая победа человеческого ума.

Очень важна роль природных **коммуникаций**. Наличие или отсутствие удобных водных и сухопутных путей сообщения — один из самых важных факторов мировой истории. Так, знаменитый путь из варяг в греки способствовал созданию общерусского государства. В настоящее время природная среда используется и как возможность для средств связи (различные частоты электромагнитных волн и др.).

Очевидно, что в разные эпохи и в разных обществах важнейшую роль могли играть разные компоненты природных производительных сил. Для охотников, понятно, ценнее всего было изобилие дичи, для земледельцев — плодородие почвы (разлив рек в ирригационном, выпавшие вовремя осадки — при неполивном), для скотоводов — травяной покров и т. п. Общество торговцев или воинов прежде всего нуждалось в хороших коммуникациях или наличии железной (медной и др.) руды. Отметим, что без различий в географической среде вообще не могло бы возникнуть торговли.

Итак, географическая среда в зависимости от характера и уровня хозяйствования той или иной частью входит в состав производительных сил, тем самым выполняя вместе с ними базисную роль. Следовательно, роль географической среды всегда очень важна, но тем больше, чем большее место занимает она в составе производи- тельных сил⁸⁶.

§ 3. Понятие производительных сил

Уже неоднократно говорилось, сколь разнообразно хозяйство разных обществ. Удачей марксизма поэтому было нахождение категории, которая могла объединить и хозяйство дикаря, и современную экономику. Даже многими западными авторами это ставилось Марксу в заслугу. Понятие производительных сил меньше других истматовских искажает реальность, поскольку относительно нейтрально и освобождено от классового сознания.

Но, как и всегда, когда пытаешься разъять цельность, при отчленении этой подсистемы натыкаешься на проблему. Наиболее зримо она встает при анализе современности. А где, собственно, кончается производство? Кроме случаев, которые выглядят казуистично, например: надо ли включать в их состав рабочего-бракодела или чиновника-взяточника — возникает принципиальный вопрос. Есть ли такие области жизни, где нет труда, и какой труд включать в производство, а какой нет⁸⁷? Тот факт, что в любом государстве есть много людей, лишь формально трудящихся, а на самом деле выполняющих бесполезную или вредную роль, много говорит нам о каждом из обществ, но не снимает вопроса, куда отнести их деятельность. Указанная проблема жестко чувствуется и в строгих экономических науках, которые при подсчетах используют различные и весьма условные способы⁸⁸. Западные методики теперь применяются и у нас. Чтобы яснее понять суть дела, возьмем такую фундаментальную экономическую категорию, как валовой внутренний продукт (ВВП), который «оценивает выпуск продукции, созданной факторами производства, внутренними для данной экономики (т. е. трудом, капиталом и землей. — Л. Г.)» [42; 436], при этом «стоимость услуг государства обычно принимается равной зарплате, выплаченной служащим правительственных учреждений». [Там же; 437]. Итак, в объем произведенного надо включать труд чиновников, нередко вредный обществу, и даже солдат и офицеров, разрушающих города. Словом, всех, кто находится на государственной службе.

Что-то тут не стыкуется с пониманием производительных сил. Обычно они связываются с трубами фабрик, трактором, пашущим в поле, чертежником или оператором. И в таком подходе, бесспорно, есть что-

то верное. Но, однако, не подобный ли взгляд на вещи в СССР сделал возможным принижение т. н. «непроизводственной сферы», куда относились служащие и интеллигенция, что давало как бы моральное основание считать их «нахлебниками», только потребителями и «зажимать» зарплату? Но один товар стоит другого, а одна зарплата — другой, если они заработаны.

Мы только начали перечислять сложности и сразу увидели фундаментальный факт, что в современном обществе существует сложнейшее разделение труда, без которого ни экономика, ни какая другая область жизни невозможны. Рабочий только потому может производительно трудиться на конвейере, что за его спиной стоят педагог, врач, юрист, правительство и чиновники, полицейские и адвокаты, собственники и управляющие и т. п. Ученый только потому может вникать в сложнейшие проблемы, что в обществе существует заинтересованность в науке, создана сеть библиотек и журналов, открыты границы, имеется компьютерная и иная связь, а ему самому не нужно думать, где купить продукты питания, как защитить свою собственность и т. п.

И этот факт хорошо показывает и определенную базисность производительных сил, и теснейшую связь их со всем обществом⁸⁹.

Конечно, единство сфер общества между собой и между каждой из них и производством было всегда. Дикарь-охотник, наплавившись у магических фигур и поразив их копьем, шел на охоту совсем с иным настроением. Но все же прежние общества были гораздо более простыми и по социальной структуре, и по типу экономики, и по длине технологических цепочек, и по охвату объединенной хозяйственной территории. Ныне же спрашиваешь: не есть ли все общество лишь разросшиеся производительные силы, поглощающие сферу за сферой? Или их все же можно разграничить? Безусловно, можно предложить такие методики, но разграничение не будет совершенно ясным.

Рассматривая разные варианты решения этой проблемы, я остановился на таком, который кажется мне наименее противоречивым. Сначала вспомнил, что, когда возник термин **производительные силы**, он определенно связывался с материальным производством, т. е. созданием вещей из природного (более или менее переработанного) материала. В этом была своя логика, потому что производство изначально предполагало создание наиболее насущных и жизненно важных предметов и продуктов. Но по мере развития науки, техники,

торговли и прочего менялось и само это понятие, поскольку экономика использовала все более окольные методы. Сейчас в нее входят и образование, и наука, и бытовые услуги, и многое др.

Теперь вспомним, что, выделяя подсистемы в такой сложной и цельной системе, как общество, мы исходили из функционального признака, т. е. из того, какие задачи выполняет та или иная из них. Но ведь таких функций-задач не одна, а несколько (а то и много), и они тесно переплетены. Поэтому, чтобы расчленить сферы, надо разделить связанные функции. Тогда будет ясно, что есть области деятельности, имеющие почти только производственное назначение (например выращивание хлеба), а есть сочетающие функции. Так, торговля имеет и распределительную задачу. Есть области, в которых производственная функция не главная: например внешняя политика. Есть и такие, где она почти не видна. Хотя художник может продать картину, как товар, но его деятельность прежде всего духовная, эстетическая.

Поэтому, исходя из наших научных и иных задач, мы будем или нет включать ту или иную деятельность в производительные силы. Значит, разграничение производства и иных областей зависит от того, выходят ли производственные и обычные потребительские задачи на первый, второй и т. п. план. Идет как бы диффузия производительных сил от первичных, низовых секторов к другим, где функции производства сплавляются с иными. Следовательно, выделение этой (и других) подсистемы и условно, и объективно одновременно.

Посмотрим на особенности современных производительных сил. Сегодня сам продукт труда, конечный его результат и характер товаров принимают совсем новый вид. Конечно, нечто подобное существовало и раньше, но никогда не играло существенной роли.

1. Следует отметить массовое производство товаров духовного назначения: книг, фильмов, кассет, песен и т. п., причем качество их по сравнению с прошлым, естественно, ниже, как всегда бывает, когда индивидуальные произведения переводятся на поток.

2. Стала огромной роль науки и как средства производства (непосредственной производительной силы), и как товара в виде различных научно-исследовательских разработок.

3. Огромна в экономике и роль образования (продукт — научение знаниям), престиж которого постоянно растет. Все это получило в нашей науке название теории **духовного производства**, сторонники которой отмечают, что «исследователю-экономисту приходится

считаться с тем, что духовные производительные силы (не только наука, но и моральный, психологический, управленческий и прочий факторы) все более непосредственно вплетаются в систему производительных сил общества и играют в общественном производстве все более важную роль...»

4. Огромная часть населения занята оказанием различных услуг: одни — бытовых, что раньше составляло деятельность ремесленников и домашних слуг, другие — интеллектуальных и иных, им родственных (медицина, юристы и т. п.)⁹⁰.

5. В развитых странах по стоимости новые товары в виде услуг или предметов духовного потребления занимают гигантскую часть (а может быть, и преобладающую, если включить туда труд чиновников и управленцев).

Итак, современные производительные силы все дальше отодвигаются от первичных потребностей людей, и все большее количество различных нужд, включая интеллектуальные, удовлетворяется поточным, индустриальным способом. При всех достоинствах массового производства не следует забывать, что при таких темпах развития оно препятствует преемственности поколений, усиливает разлад в духовной жизни, ставит в невыгодные условия создание действительно талантливых произведений искусства, науки и т. п. Все это показывает, что люди должны научиться совмещать массовость и поточность с высоким качеством и моральными принципами, в противном случае неизбежен духовный кризис.

§ 4. Структура производительных сил и взаимодействие структурных элементов

Существуют разные способы описания производительных сил, например, в некоторых экономических науках распространен отраслевой принцип. Однако наши задачи — так описать строение этих сил, чтобы эта модель годилась для анализа любого общества в рамках социологии истории и показывала бы усложнение производства, а также взаимодействие всех элементов этой подсистемы, — делают такие подходы малоприменимыми. Более подходящим является истматовский. Хотя схема строения производительных сил там весьма упрощена, все же на ее основе

возможно более верное описание.

Напомним, что в истмате производительные силы делятся на **сред-ства производства и людей с их производственными знаниями и навыками**. Средства производства состоят из **предметов и средств труда**. И эти последние делятся на **орудие труда** и другие объекты, вроде хранилищ и т. п. (т. н. «сосудистая система»).

Предмет труда может быть природного происхождения, в зависимости от длины технологической цепочки более или менее подвергшийся обработке, и социального, когда воздействие оказывается на физические или психические стороны личности людей (лечение, обучение и т. п.) или «обрабатывается» продукт интеллектуального труда.

Обычно под орудиями труда понимают обобщенно то, что называют **техникой**, при этом иногда даже все производительные силы отождествляют именно с техникой как наиболее наглядной их частью. Вообще же это слово многозначно, порой под техникой имеют в виду и особую совокупность приемов, но лучше называть это **технологией**, которая есть знания и умения, необходимые для того или иного производства.

Думается, что необходимо дополнить эту модель. Например, выделить отдельно **коммуникации и транспорт**, которые существовали всегда. И первобытный человек использовал реки и водоемы, плоты и долбленки, чтобы куда-то добраться или что-то перевезти. С приручением же животных, созданием кораблей, изобретением колеса, прокладыванием торговых путей, караванных троп, прорубкой чащ и т. п. это становится все более важным. Как легко сообразит читатель, данная сфера постоянно расширялась, пока не стала в настоящий момент ведущей. Отдельно следует выделить связь (включая и компьютерную) и средства информации, особенно с некоторыми пор (скажем, с появлением печати и телеграфа).

Естественно, что особо следует указать и **энергоисточники**. Ведь нередко именно с обретением огня связывают выделение людей из животного мира. А как важны способности отапливать жилища, готовить пищу и пр., использование огня и горючего в военном деле и т. д. Но если в доиндустриальную эпоху, когда главными источниками энергии были мускульная сила человека и животных, этот элемент мог не играть решающей роли, то с переходом к промышленному производству ситуация изменилась.

Нельзя сбрасывать со счета и различные хранилища, склады и прочую

инфраструктуру. Умение хранить, консервировать, запасать и накапливать продукты было колоссальным достижением. Ныне же это очень важная составная производства, а создание складов и прочего — огромная область строительства.

Важнейшую часть производительных сил всегда представляли люди-производители. При этом неотъемлемой чертой работников, как понятно, являются навыки и умения, знания о производстве. Ныне они, как сказано, составляют громадную отрасль знаний вообще — **технология** самых разных производств. Таким образом, **производственное сознание** является важнейшей структурной частью производительных сил. Как особую их часть я считаю нужным выделить **производственную организацию** (см. следующий параграф), т. е. объединение людей в производственные группы и единицы, а сами эти единицы в более крупные системы хозяйствования.

Если читателю покажется это деление слишком сложным, то следует ему заметить, что данная структура все же гораздо примитивнее реальности. Чтобы как-то к ней приблизиться, необходимо выделить четыре уровня производительных сил. Эти уровни (понятно, достаточно условные и их не следует понимать геометрически) в третьей части будут связаны с периодизацией исторического процесса. Надо также отметить, что от уровня к уровню число подструктур, компонентов производительных сил растет. То, что прежде было лишь в наметках, в спорадическом, эпизодическом состоянии, затем предстает как сложившаяся подсистема. Так, отдельные машины существовали уже в античности, но расцвет их начался гораздо позже. Нижние уровни сохраняются в более совершенных производительных силах. При этом их конкретная форма меняется, т. к. не может остаться без влияния других компонентов. Но в чем-то она напоминает и далекую древность. Так, и ныне существует охота, хотя не с луком, а с ружьем. Роль ее в производстве ничтожна. Но если бы на земле имелось еще достаточно дичи, то, вероятно, охота могла бы иметь такое же значение, как лов рыбы — тоже древнейший промысел.

Первый уровень — **природный**. О нем шла речь. Вам известно, что вне географической среды при присваивающем хозяйстве нет ни производительных сил, ни производства. Второй — **социально-природный**, который прежде всего связан с сельским хозяйством (и, следовательно, землей как предметом труда). Но хозяйство использует

уже более отдаленные от потребления методы производства, а кроме того, отпочковываются и специализируются ремесло, торговля и другие отрасли, создается сложная структура производительных сил. Третий — **социально-технический**. Связи производителей крайне усложняются, и на первый план выходит техника — машины. Наконец, четвертый, еще не развернувшийся, но уже мощно заявивший о себе — **научно-информационный**, куда относится и то, что называют духовным производством. (См. схему «Структура производительных сил».)

Для конкретных обществ и эпох необходимо помнить, что разные компоненты производительных сил могут играть разную роль в их общей системе, взаимно дополнять один другой или компенсировать слабость одних за счет силы других. Это зависит и от географической среды (богатства земли, наличия или отсутствия каких-то полезных ископаемых), и от общественной системы (силы контактов, роли торговли и т. п.), и от очень многих вещей. Различными могли быть и компоненты, которые выступали ведущими.

Для машинного производства очень часто техника — ведущий, определяющий элемент. Это можно сказать также о подъеме тяжелых почв, где без тяжелого плуга нечего делать, или при подсечном земледелии, где нужны железные орудия. Но какая техника в скотоводстве?

А во многих ирригационных странах развитие орудий труда было весьма медленным, и гораздо большую роль играли система орошения и сама почва. Там даже мотыжная обработка земли давала неплохие результаты. Меньшая роль техники доказывается для этих систем не только сравнительно малыми изменениями в ней на протяжении тысячелетий в прошлые эпохи, но и сохранением набора этих орудий до наших дней. Для ремесленного производства орудия труда — важнейший элемент производительных сил, хотя от ремесла к ремеслу значение могло меняться. Роль людей в производстве никогда не может быть мала, поскольку они «цементируют» всю систему. Однако мы видим и ситуации, когда работник — главная ценность, а государство, землевладельцы и т. п. идут на большие уступки, чтобы поощрить заселение пустующих территорий. И в то же время есть общества, в которые притекают в изобилии рабы, когда пленники идут по цене овцы, или такие, где земледельцев сгоняют с земель. Таким образом, в зависимости от избытка или дефицита рабочей силы меняются и характер производства, и общественные отношения, и

техническая политика⁹¹. Однако несмотря на дальнейший рост стоимости машин и устройств в век научно-технического прогресса, повышение внимания к т. н. человеческому фактору свидетельствует о том, что роль людей как носителей сложной полезной информации и управляющих производственным процессом вновь выросла (см. Прил. 4, п. 2).

Колоссальная роль науки в современном производстве признана всеми. Прикладная наука, направленная на изучение производства и труда, разработку и внедрение новых товаров, стала, по сути, частью производства, особой его стадией. Есть и много чисто научных и научно-технических организаций, которые «выпускают» знания и технологию, т. е. товары, относящиеся к духовному производству. Собственно, все большее движение научной деятельности к тому, чтобы превратиться в часть гигантского общественного производственного механизма вместе с ее творением — информационно-вычислительной техникой — определяют лицо современных производительных сил⁹².

Наука и научная деятельность, коммуникации и информация — все эти вещи совершенно преобразили и отношения на производстве, создали совсем иную производственную организацию. И подобно огромной спирали сначала техника собрала людей из их домашнего хозяйства в тысячные массы, теперь компьютерная связь позволяет работнику трудиться дома, держа связь с фирмой, ученому — не выходить из кабинета и т. п. Рассмотрим теперь, что же понимается под производственной организацией.

§ 5. Производственная организация общества

Подобно тому, как одну и ту же массу солдат можно объединить по-разному, от чего очень сильно меняются боевые качества армии, производство при однотипных производительных силах также может быть организовано по-разному. Военная история зафиксировала множество случаев, когда хорошо обученные и организованные войска побеждали во много раз превосходящего по силам противника. Армия может превратиться в толпу охваченных паникой людей, а может много дней обороняться, находясь в окружении. Экономическая история также свидетельствует о том, что объем и качество произведенного, уровень жизни и многое другое часто напрямую связаны с тем, каким образом осуществляется совместное

производство. Разделение труда в мануфактуре, как известно, повысило производительность ручного труда в несколько раз по сравнению с ремесленными мастерскими.

Как уже сказано, я пришел к выводу о том, что необходимо разработать теорию о такой подсистеме производительных сил, которая связывает людей в процессе совместного производства от производственных единиц до масштаба всего общества. Она придает форму производству и в огромной степени структурирует его. Этот вполне реальный (а не выдуманный) объект изучения я назвал **производственной организацией общества**. Конечно, не отметить факт различий в объединении людей в экономике ученые не могли, но по каким-то причинам достаточно четкой теории создано не было.

Между тем без этого будут менее понятными связь производства, с одной стороны, и распределения и потребления — с другой; особенности социального и иного деления общества. Введение такой категории лучше объясняет действие закона, который в истмате называется законом соответствия производительных сил и производственных отношений.

Особенности производственной организации зависят, понятно, от географической среды и производительных сил, но также очень сильно от специфики политического, социального устройства общества, развитости отношений собственности, управления и права, исторических и религиозных традиций, соседнего окружения и интенсивности контактов (торговли и пр.). Производственные организации могут меняться в одном и том же обществе без смены производительных сил путем революции или реформ, чему мы с вами свидетели в России, где переходят от плановой экономики к рыночной. Нередко они соседствуют (например в Китае).

Любое совместное производство имеет определенные цели. В общем виде они направлены на удовлетворение общественных потребностей, конкретно же всегда отражают баланс интересов и сложившийся тип неравенства. Какие-то группы, слои и классы всегда оказываются в более привилегированном положении. И эти преимущества могут выражаться в различии ролей в производстве и распределении.

Поэтому любое производство всегда есть начало распределения. Производство может быть главным узлом распределения, но может и не быть таковым. Это зависит от общественного устройства. Если отношения собственности на средства производства развиты и играют большую роль, то, скорее, важнейшие моменты

распределения будут находиться уже в самом производстве. Если, напротив, главное в обществе — сбор государственных налогов (или тем более дань), то распределение лежит в иной плоскости. Поэтому производственная организация одновременно относится как к производительным силам, так и к распределительным отношениям, о которых речь в следующей главе. Подобных элементов и подсистем в общественной системе много. Они отражают факт сложности, нераздельности и взаимного проникновения и действия разных сфер. Я называю их **зонами интеграции**.

Те отношения, которые подчеркивают тот момент, что люди — участники единого производственного процесса, можно назвать **техническо-организационной частью** производственной организации. А там, где в процессе производства люди вступают в иерархические отношения и начинается перераспределение труда и благ, — **общественно-распределительной частью**.

Нас сейчас интересует прежде всего первая часть, а второй мы коснемся в следующей главе.

Тот факт, что сама организация производства есть уже фактическая или предполагаемая дележка, может быть явным или скрытым. На капиталистической фабрике это не так видно, как в работе на барщине или рабовладельческой латифундии.

В одних случаях труд или продукт сразу отчуждается от производителя. Наиболее яркий пример — работа на конвейере. В других — процесс производства и распределения разомкнут во времени. Так, крестьянин может целый год работать самостоятельно, пока не придет срок платить оброк господину или налог государству. В одних случаях заранее известно, как распределится произведенное, в других это зависит как от личных особенностей участников (например прихотей помещика), так и от количества и качества труда работников, более или менее успешной работы всей организации и многое другое. Любой процесс труда предполагает его отчуждение от производителя. Если человек работает на себя, то происходит как бы внутренний обмен: он отдает труд, чтобы получить взамен его результат. Особенно это наглядно при натуральном хозяйстве. В других ситуациях труд отчуждается вовне, при этом часто в пользу иных участников процесса производства — распределения. Например, крестьянин продал урожай, чтобы заплатить налог или долг ростовщику. За отчужденный труд может даваться компенсация (полная или урезанная), в других случаях он присваивается

безвозмездно.

Как связана производственная организация с собственностью, вам будет яснее, если я приведу один пример. В современной западной экономике с послевоенного времени стал очень заметен процесс как бы распыления собственности в акциях и прочем так, что во многих случаях собственники не могут жестко контролировать управление производством. Последнее к тому же сильно усложнилось, понять и оценить его трудно. Фактически главная роль в планировании и руководстве корпорациями перешла в руки довольно многочисленного управленческого персонала и специалистов, которых Гэлбрейт называл техноструктурой. В отличие от классического капитализма, эти управляющие больше заинтересованы не в максимальной прибыли, а в наибольшей устойчивости их форм. Отсюда и определенная уступчивость работникам, стремление к экспансии и прочее⁹³.

Вы уже знаете, что в процессе совместного труда люди организуются по принципу руководство — подчинение. На чем основывается такое руководство, во многом зависит от социального устройства общества и уровня развития производства. Но бесспорно, что эти важнейшие связи вместе с особенностями географической среды и другого определяют, какие же наиболее типичные производственные единицы распространены в данном обществе. Они очень различаются по размерам, сложности, взаимосвязи и т. п. Это может быть семья (иногда даже отдельный человек, например, охотник), а может быть гигантское поместье (латифундия), где трудятся тысячи зависимых работников. Или огромная корпорация с сотнями тысяч рабочих и служащих.

В истории не перечесть различных производственных единиц. В первобытности они во многом основывались на родственных отношениях. Для последующей эпохи наиболее распространенными были крестьянские дворы, часто объединенные в общины⁹⁴, государственные, храмовые, феодальные и другие хозяйства. Капитализм явил мануфактуры и фабрики, ближе к современности появились тресты, концерны и другие монополистические объединения и т. д.

Для каждого общества можно выделить несколько (иногда несколько десятков) наиболее типичных производственных единиц⁹⁵. Вы должны ясно понимать, что такие единицы есть объединения, внутри которых существуют иерархия, иногда очень жесткая и даже жестокая,

разделение труда, управление и исполнение. В крупной производственной единице есть свои уровни и подразделения⁹⁶.

Чем объединяются эти производственные единицы? Характер связи зависит, в первую очередь, от производственной организации и распределительных отношений и, конечно, от уровня развития производительных сил, техники и технологии, транспорта, связи и др. Чем они сложнее, тем больше играют роль такие способы, как **кооперация и специализация**, ставшие в настоящее время исключительно развитыми. Так, детали для одного изделия, допустим автомобиля, могут изготавливать на сотнях предприятий в разных странах. Сегодня ни одна промышленная держава не в состоянии обходиться без связи с другими странами. Важнейшим способом объединения производственных единиц всегда являлась **торговля**. В индустриальной экономике, как известно, **рынок**, неразрывно связанный с торговлей, является главным объединителем и контролером, базирующимся на отношениях собственности. Однако мы знаем, что при социализме эту роль выполняет **планирование** в лице государства и его органов. Нечто подобное наблюдалось в некоторых обществах прошлого.

Сегодня налоги являются важнейшей связью между государством, обществом и производителями. Но во многих прежних странах Востока (Китае, Индии) **налоги** были главным объединителем бесчисленных производственных единиц — крестьянских хозяйств и общин. Разумеется, там играли свою роль торговля и ремесло, но налоги были ведущими, поскольку они связывали экономически господствующие и подчиненные классы и группы.

Важным способом всегда было **государственное регулирование хозяйственной деятельности** (во многих странах оно выражалось в деятельности чиновничьего госаппарата, в более современных — в правовом регулировании). В системах обществ, где существовал военный или колониальный грабеж одних другими, такое прямое насилие существенно ориентирует все производство. Так возникает монокультурная экономика, например в Вест-Индии или в Африке. Так по-особому формируется крестьянское или городское хозяйство в странах, которые постоянно грабят. Разумеется, роль тех или иных способов может быть сильнее или слабее, а сами они тесно связаны с социально-экономическими и политическими особенностями государства.

Итак, **производственная организация связывает организаторов**

производства (руководителей распределения) и производителей внутри производственных единиц на основе типичных для данного общества способов и форм, а сами производственные единицы между собой — в общую систему. Рамками такой системы могут быть племя, княжество, район государства или оно само⁹⁷, группа государств или даже весь мир (если мы рассматриваем в целом человечество). Производственная организация теснейше связана с производственным сознанием.

Производственная организация есть целостная система, а потому хотя и крепко связана с производительными силами, однако обладает и собственными особенностями, инерцией и ритмом. И в зависимости от них изменения в ней могут происходить легче или сложнее, быстрее или медленнее, вести к сильным или не очень общественным конфликтам и т. д. Связанная с надстройкой, она может как сдерживаться в развитии последней, так и сама ее сдерживать, останавливая, скажем, политические или правовые изменения.

В обществах, где сдвинут баланс социальных сил, когда угнетенные классы и слои практически не в состоянии препятствовать угнетателям, реформы могут идти очень трудно: давления снизу нет, а производственная организация продолжает свой кругооборот без изменений. Это вполне устраивает ведущие классы. Устойчивость, отлаженность и громоздкость хозяйственной машины устрашают реформаторов и усиливают превосходство консерваторов. Может случиться, что развитие производительных сил будет вступать во все большее противоречие с устаревшими отношениями, прежде всего способами организации производства. Именно в этой части наиболее ясно проявляется закон соответствия производительных сил и производственных (распределительных) отношений. И это несоответствие постепенно выражается в общественных идеях, требованиях, программах, конфликтах.

В рамках старой производственной организации могут складываться новые, больше соответствующие развившимся производительным силам (или хотя бы их отдельные элементы)⁹⁸.

Различные обстоятельства, казалось бы, случайные в данной производственной организации, могут оказаться настолько благоприятными или неблагоприятными для нее, что способны стать катализаторами изменений или, напротив, ее возрождения. Например, когда появилась широкая возможность для польских помещиков вывозить хлеб за границу, это привело к резкому усилению крепостного права, росту барщины и уменьшению крестьянской

самостоятельности. Нечто подобное было и в ряде районов России. Хотя формально отношения собственности остались прежними, производственная организация претерпела большие изменения. Еще пример. В конце XVIII в. была изобретена хлопкоочистительная машина Уитни. К этому времени рабство в США стало отмирать, поскольку очистка хлопка была настолько трудоемким делом, что не позволяла расширять объемы его производства. Так, на очистку одного фунта хлопка уходил целый рабочий день. Новая машина повысила производительность в сотни раз. И рабство воскресло с невиданной силой, рабовладельческие плантации захватывали все новые и новые территории и штаты.

Изучением производственной организации мы уже перекинули мостик к экономическим и распределительным отношениям, теперь займемся ими основательно.

Глава 7. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РОЛЬ

Главная задача политической экономии состоит в установлении законов, регулирующих это распределение.

Давид Рикардо

§ 1. Введение в проблему

Если перед исследователем стоит необходимость понять определенное общество, то какие бы своеобразные конфигурации ни составляли пласты политики, религии или культуры, оно остается не понятым до глубины, если не попытаться распутать сложный клубок экономических отношений и материальных интересов различных групп, нередко глубоко спрятанных и затемненных. Марксизм одним из первых пытался создать метод такого анализа. Тем самым эта важнейшая область исторического исследования, до того привлекавшая недостаточно внимания, поневоле стала объектом и других учений.

Маркс сделал упор на **производственные отношения**, в которые входили отношения собственно в производстве, а также по обмену, распределению и потреблению. Однако главными признавались именно отношения в производстве, основу которых составляла собственность на средства производства. Это утверждение стало важнейшей догмой марксизма, что превратило достоинство в

неисправимый порок. Оно могло бы еще считаться более-менее верным для некоторых стран эпохи времен Маркса, но никак не могло быть универсальным для всемирной истории⁹⁹. Было слишком много случаев, где отношения собственности не играли не то что решающей, но просто важной роли. И на это вынуждены были указывать даже советские историки¹⁰⁰, которых полностью не смогли заставить приспособить свои исследования к истматовской схеме. Некоторые работы по докапиталистическим формациям напрочь опровергали ее. Перечислю часть противоречий указанной теории собственности, которые делали ее малопригодной для исторических исследований.

1. Помимо присвоения продукта с помощью частной собственности, важнейшую роль играли другие: с помощью государства через налоги или принудительные работы, военного и колониального грабежа, неравноправного обмена и т. п., о чем речь подробно пойдет дальше. Таким образом, **частная собственность была лишь одним из способов эксплуатации, а не главным или даже единственным, как объявил марксизм, требуя ее ликвидации.**

2. Государственная же форма собственности сильно отличается от частной, потому расширить теорию собственности, чтобы объединить эти и др. формы, практически означало отказаться от всей теории.

3. Сами отношения собственности зауживались лишь до собственности на средства производства. Но порой главным было право на готовый продукт. Так, земля могла быть в руках одного собственника, а урожай доставался другому. Мало учитывалось, что продуктами труда могли распоряжаться и не собственники, а те, кто имел возможность распределять и контролировать их.

4. Не замечалась также разница между юридическими и фактическими отношениями собственности, в результате объединялись как однотипные на самом деле очень разные отношения¹⁰¹.

5. Количество форм собственности было регламентировано, хотя реально их существовало гораздо больше. Мало учитывалась принципиальная разница между отношениями собственности в рыночном, капиталистическом хозяйстве и в докапиталистических обществах. В последних собственность очень часто была неразрывно связана с общественными привилегиями, знатностью, правом на личность и труд зависимых людей (рабов, крестьян, кабальников и т. п.). Отдельные историки справедливо утверждали, что в таких обществах господствуют т. н. **личностные отношения**, резко отличающиеся от **вещных**, характерных для капитализма.

6. Господствовало мнение, что экономика определяет политику, что было верным лишь в одних случаях и совсем неправильным — в других. При этом забывалось, что даже экономическая наука называлась именно **политической** экономией, поскольку очевидна теснейшая связь политики и насилия с распределением¹⁰².

Итак, действительно важные, иногда важнейшие отношения собственности (особенно в плане «генеральной линии» исторического процесса человечества) в то же время не объясняют всего многообразия экономических и распределительных отношений. Мы никогда с этой позиции не поймем суть таких государств, как, например, Крымское ханство, которое жило грабежом соседей, или государства инков, где господствовали натуральные повинности населения.

Однако, может быть, другие звенья производственных отношений могут заменить в этом отношении собственность? Что же мы видим? В **производстве** слишком часто плоды труда достаются не участвующим в нем. Крестьянин вырастил урожай, скот, но пришли половцы (татары, красные, белые и т. п.) и все забрали и пожгли. Предприниматель получил прибыль, но пришли рэкетеры и наложили на него дань. Предприятие заработало доход, но резко увеличились налоги, и оно стало должником, банкротом, или инфляция сожгла его многолетние накопления. Очевидно, во всех этих и многих других случаях отношения в производстве не раскрывают сути.

Распределение в узком смысле слова иногда понимается как распределение между факторами производства: хозяином и работниками, владельцем земли и арендатором и т. д. Иногда — как распределение через государство. **Его не следует путать с тем широким понятием, которое употребляется мной дальше.**

В XIX веке в Англии, США и некоторых других индустриальных странах налоги на предприятия и фирмы были не очень значительными. В этих случаях, как я уже говорил, важнейшим наглядно выступали отношения собственности и в процессе производства, а также распределение между капиталистами, рабочими и землевладельцами. Для этой эпохи характерно именно относительно слабое перераспределение через государство. Но в XX веке положение изменилось. В некоторых странах через бюджет стало проходить до половины, а иногда и больше всего произведенного. Неудивительно, что заговорили о появлении налогового государства (Йозеф Шумпетер). Но оно почти во все эпохи было именно налоговым. И для

очень многих обществ именно налоги (а не собственность и не обмен и т. д.) были главными в распределительных отношениях. История Китая в этом плане — это история периодических повышений и снижений налогов. Однако ряд государств вообще не имели ни налогов, ни денег, ни частной собственности. Все это заменялось иными способами: принудительными работами, изъятием всего в центральный фонд и затем распределением по группам и т. п. Очень разнообразны способы использования и госсобственности.

Для некоторых, особенно торговых, обществ **обмен** нужно изучать в первую голову. Но ведь огромно количество обществ, где не было денег и господствовало натуральное хозяйство.

А как влияет собственно **потребление**? В индивидуальном потреблении слишком много случайного. В потреблении определенных общественных групп, конечно, гораздо яснее господствующие отношения. Но в целом они зависят от иных вещей: от положения группы, способов, которыми она присваивает себе часть общественного богатства. **Как конечный этап потребление уже не может коренным образом повлиять на всю систему распределения. Но как цель этой системы, оно оказывает иногда весьма сильное воздействие.** Нередко оно прямо регламентируется и предписывается. Если господствует натуральное хозяйство, то потребление ограничено как в размерах, так и в формах. Отсюда и устойчивость отношений (например постоянный оброк). Но если присвоенное можно продавать, то потребление не имеет границ, и это нередко ведет к увеличению эксплуатации (допустим, зависимых крестьян) и ужесточению ее форм. Например, вместо оброка вводится барщина, возрождается крепостное право и т. п. Следовательно, мы видим, что иногда потребление не играет существенной роли, иногда изменение его форм может ломать всю систему распределительных отношений¹⁰³.

Я думаю, что уже убедил читателя в том, что **отношения нужно рассматривать во всей их совокупности.**

Несомненно, что во всех отношениях, связанных с производством, обменом и распределением, имеется нечто общее, что явно или подспудно ощущается всеми. Но как найти такую основу, которая бы связала их в одну систему и категорию и в то же время позволила бы не затемнить специфику каждого общества? А это очень важно. Можно было бы, конечно, попытаться вернуть первоначальную значимость понятию **производственные отношения**, сделать их

менее зависимыми от собственности. Это был бы верный шаг. Но именно отношения производства труднее оторвать от собственности, в чем мы убедились по параграфу о производственной организации. Далее, над производственными отношениями по самому смыслу термина тяготеют догмы, вроде утверждения Ленина о том, что если последовательно смотреть на отношения по производству, то и распределение и потребление потеряют всякое самостоятельное значение.

Еще более правильным было бы объединить все отношения нейтральным и привычным понятием **экономические или имущественные**, не предопределяя заранее, какие именно окажутся главными. В не- котором смысле так и поступают многие исследователи-историки, просто добросовестно описывая эти отношения и определяя главные. Однако какой-то достаточно солидной, обоснованной, широкой теории мне встречать не довелось. Либо они были не настолько широки, чтобы охватить всю историю, либо сбивались вновь на отношения собственности, либо упрощали дело или становились основой для периодизаций истории, которые казались достаточно искусственными. О том, почему термин экономические отношения не полностью удовлетворителен, мы поговорим в следующем параграфе.

§ 2. Понятие распределительных отношений

Если задуматься над соотношением производства и потребления, то выяснится, что они сильно не совпадают. Прежде всего бросится в глаза следующее: чтобы получать доходы (блага), нередко совсем не обязательно участвовать в производстве. Вы и сами назовете множество групп, которые получают, но не производят. При этом мораль и традиция, осуждая те или иные способы их получения, умудряются облагораживать и освящать другие, порой самые низменные и паразитические¹⁰⁴. К сожалению, убеждение римского императора, что деньги не пахнут, по-прежнему разделяет слишком много людей. Не говоря уже о древности, и в современных обществах не удалось сделать труд делом «чести, славы, доблести и геройства». Для многих людей не имеет серьезных различий, откуда они получают средства к жизни, если пути их приобретения так или иначе признаются обществом, а тем более являются престижными.

С одной стороны, как очевидно, потребности заставляют людей трудиться. С другой — существуют и иные способы их удовлетворения. В этом отношении человек оказался весьма изобретательным: кроме грубой силы, существуют обман, психологическое насилие, закон, традиция, умение присвоить себе лучшую долю от общего пирога, возможность поставить людей в неравные условия, паразитирование за счет других, использование выгодного положения, лишение возможности трудиться (например, объявляя землю частной собственностью) и т. п. и т. д.¹⁰⁵. Мы уже видели, что потребление связано со всей системой распределения, о которой мы будем говорить. Теперь же важно иное. Сами ли люди производят, отнимают ли у других либо принуждают тех к работе на себя, забирают ли больше из общего котла и т. д. — **везде лежит универсальное свойство произведенных как людьми, так и природой благ, как живого, так и овеществленного труда или услуг отчуждаться от непосредственного производителя (владельца) и затем определенное или неопределенное число раз перераспределяться, переходить из рук в руки.**

Это очень важные глубинные свойства благ, и поэтому я считаю необходимым для их описания ввести понятие **отчуждаемости и распределяемости**. Я считаю большим своим достижением, что мне удалось докопаться до этих всеобщих свойств, которые позволяют найти ту естественную основу для объединения экономических и иных отношений по распределению и потреблению благ. А также и для периодизации истории.

Сделаю сравнение, чтобы необходимость этих нововведений была яснее. В политэкономии важнейшими категориями являются **стоимость и потребительная стоимость**, обозначающие соответственно способность вещей обмениваться и иметь полезные свойства. На их основе выводится много других понятий и делаются разнообразные заключения. Отчуждаемость и распределяемость, с одной стороны, связаны с потребительной стоимостью, так как именно полезность вещей и благ благоприятствует отчуждению и распределению их. А с другой стороны — частично объясняют, почему товары могут приравниваться друг к другу. А именно и потому, что способны отчуждаться от владельца и затем переходить из рук в руки (иногда бесконечное число раз).

Разумеется, далеко не все будет отчуждаться и распределяться в данной конкретной действительности. С этой стороны история могла

бы предстать как процесс вовлечения объектов в «циркуляцию благ» (Леви-Строс) или исключения их. Общества сильно отличаются тем, что вовлечено в оборот, может быть объектом обмена, собственности, что способно распределяться иными способами: через государство, церковь и т. п. При этом некоторые вещи, по мере того как развиваются наука, техника и общественные отношения, становятся объектами отчуждения, хотя раньше такое невозможно было и представить. Например, живые органы человека. **Итак, все разнообразные отношения: от производства до конечного потребления, включая налоги, государственное и негосударственное распределение, незаконное присвоение, военную добычу и т. п., — можно объединить в категорию «распределительные отношения».** Способов такого распределения, как вы уже убедились, много. Среди них собственность на средства производства — очень важный, но не единственный, а для ряда обществ — маловажный. Распределительные отношения, начинаясь с производственной организации общества, как бы получают импульс к дальнейшим превращениям. Каковы они — зависит от характера общества и многих причин, о чем будет речь дальше.

Теперь легче разобрать вопрос, который был отложен: почему необходимо отказаться от термина «экономические отношения», заменив его распределительными? Безусловно, «употребление нового слова, когда оно не абсолютно необходимо, имеет свои неудобства» [21; 81]. Часть причин уже понятна: глубинные свойства благ к отчуждению и распределению. Для ряда обществ понятие «экономические отношения» подходит довольно слабо, гораздо вернее говорить именно о распределительных: для первобытных и многочисленных, вся экономика которых заключалась в грабеже или сборе дани. Слишком часто в истории предпочитали пахать мечом, а не плугом. Еще одна причина в том, что распределительные отношения в любом обществе шире, чем экономические, связанные с функционированием народного хозяйства. В самых экономических обществах существуют такие явления, как незаконное и непроизводственное распределение, в современных — гигантски разрослась область поддержки социально не защищенных.

В любом обществе, помимо благ произведенных, в котел распределения попадают и блага иного, в том числе и природного происхождения (для прежних обществ особенно характерны военные трофеи, дань или поступления от колоний, раздача целинных земель и

т. п.). Помимо того, распределяются также права на блага и всякого рода их заменители (включая деньги, акции). Для современного общества обилие всякого рода ценных бумаг и прав исключительно характерно. Далекое не все они связаны с производством.

В западной науке обычно, говоря о неравенстве в социальном положении, называют следующие преимущества: **богатство, власть, престиж и привилегии**. Я бы добавил к этому еще гарантии и удобства получения доходов (мелкий бизнесмен здесь в худшем положении, чем чиновник, например). Так вот в большей степени все эти блага связаны с распределением. Оно может быть явным и тайным. Во многих странах Европы прежде продавали государственные и церковные должности или патенты на офицерские звания¹⁰⁶. Но тайно это делается в некоторых обществах и теперь. Не обмениваются ли деньги на возможность получить известность, чтобы потом с лихвой вернуть эти деньги? И т. п. Продавались знатные титулы, родословные, гербы и пр. и пр. У дикарей даже личные боги или духи¹⁰⁷. Словом, это тема для особого исследования. Если в современном Китае нельзя иметь больше одного ребенка, то это право становится крайне важным и значимым, распределяемым. Специфики здесь для каждого общества (особенно несвободного) очень много.

Делаем вывод. **Все блага и права, которые являются для данного общества дефицитными, могут быть в системе распределения.** В нее вливается как бы два потока: один представляет собой произведенные (экономические) и с ними связанные блага, другой — блага, имеющие иные происхождение и свойства. Этот сложный процесс и оформляется **распределительными отношениями**. Эта категория описывает **общественные отношения, связанные со всем процессом перераспределения благ до их конечного потребления, начиная от планирования производства или непроизводственного присвоения (грабежа, воровства и пр.)**. При этом блага могут быть в самой разной форме: в том числе труда, времени, различных прав, притязаний на блага, реальными или мнимыми и т. п. **Способов такого перераспределения историей выработано много, при этом некоторые из них могут применяться самостоятельно, другие увязаны с иными общественными отношениями (правовыми, политическими, военно-насильственными, идеологическими и т. п.)**. **Распределительные отношения, следовательно, неразрывно связаны с общественной иерархией, неравенством и эксплуатацией, направлением политики, с одной стороны, а с другой**

— с производительными силами, их уровнем, специализацией, характером и географической средой.

Иногда распределительные отношения более соотносятся с экономическими, если главная арена распределения — производство, связанное с частной собственностью и денежным обращением. В этом случае сама экономическая сфера гораздо более отделена от других, более автономна и менее подвержена влиянию политики, идеологии, военщины и т. п. Достаточно ярко это проявлялось в пору классического капитализма. В этих случаях может оказаться, что распределительные отношения (или даже в основном отношения собственности) являются ядром всех остальных общественных отношений, определяют и социальное деление общества¹⁰⁸. В таких обществах кажется, что все социальное неравенство в конце концов — это неравенство в доходах [36; т. 1, 192], хотя это не так.

Однако подобная раздельность сфер исторически менее распространена. Даже и сегодня. Распределительные отношения чаще выступали не в чистом экономическом виде, а в неразрывной связи с другими, будучи переплетены с ними, как бы растворены в них, составляя их экономическую подкладку, изнанку¹⁰⁹. И в этом случае они очень существенно отличаются от более чистых экономических отношений. Так, при социализме во многих случаях отделить экономику, политику и идеологию было просто невозможно. В обществах, где экономические моменты вычленили труднее, хуже развиваются производительные силы, задавленные административным, религиозным или сословными привилегиями.

Любая форма политического, идеологического, национального и т. п. господства и неравенства предполагает те или иные материальные преимущества определенным группам. Они могут быть меньшими или большими; открытыми, грубыми или прикрытыми, замаскированными; держаться на силе, обмане или духовном рабстве и т. п. Но они обязательно есть. Для чиновников, следовательно, роль производства выполняет политическая и государственная организация, для военных групп — войны, для торговых это могут быть особые привилегии, монополии, для других — иные. Если это религиозное или идеологизированное общество, то, вероятно, можно проследить связь идеологии, ее материальной опоры и распределения. Однако сказать упрощенно, что главное — это именно распределительная сторона, а все остальное — надстройка,крытие их, было бы неверным. Но невозможно и игнорировать распределительную

«изнанку». Исследователь должен обязательно докопаться до нее. **Когда он найдет ведущие механизмы распределения, можно быть уверенным, что в этом пункте сосредоточены политические, юридические, социальные и иные центры общества.** В следующем параграфе мы и посмотрим на некоторые главные способы распределения.

§ 3. Распределительные отношения как система.

Их главные виды

Итак, каждый раз исследователь должен ответить: кому, на основании чего, каким образом и в какой пропорции достаются те или иные блага, привилегии, права. Нередко распределительные потоки благ трудноуловимы, многообразны и неотделимы от иных отношений, иногда — совершенно уникальны, специфичны. И в этой сложной мозаике и пестроте обязательно нужно найти устойчивые потоки и отношения, определить второстепенные и главные их виды, которые накладывают печать на всю систему. Для общества вообще, общества-модели, все этапы и способы распределительных отношений (подробнее о которых еще будет речь) теоретически равноправны. Для всей истории мы не можем указать на такие, которые всегда и везде являются ведущими во всей системе распределения. Ни собственность, ни налоги, ни государственное распределение, ни военный грабеж и т. п. таковыми не являются. Мы можем утверждать, что в каждом конкретном обществе действительно чаще всего можно и нужно выделять наиболее важные, ключевые моменты распределения. Однако они могут быть на любом участке этого распределительного кругооборота: от производства до конечного потребления (в своем или чужом обществе). Они нередко специфичны для данного общества или группы сходных обществ. Бульшая или меньшая значимость того или иного способа распределения зависит от особенностей данной системы, эпохи, уровня производительных сил и многого другого. Но в то же время все моменты, этапы и способы распределительных отношений представляют собой целостную систему, которую полностью свести нельзя даже к наиболее важным видам, теснейше связанную, с одной стороны, с производством, а с другой — с социально-политическим строем.

Все многообразие распределительных механизмов и способов можно делить по разным основаниям. Условно выделим следующие группы способов: 1) с помощью прямого насилия; 2) установлением особых правил для производства и потребления (собственность, традиции распределения и др.); 3) принуждение к труду на кого-то (рабство, крепостничество, государственные отработки, работа за долги и т. п.); 4) установление каких-то привилегий (сословных, торговых, монопольные права и т. п.); 5) распределение с помощью государства и общественных организаций (налоги, пособия, дотации, особые должности и пр.) и использование особого общественного положения (чиновник, старейшина, руководитель и пр.); 6) через обмен, торговлю и установление стоимости товара (см. Прил. 5, п. 1); 7) распределение в нарушение законов и правил (уголовные преступления, пиратство и т. п.); 8) получение доходов от предпринимательской деятельности, наемного труда; 9) другие.

Я перечислил еще не все типы, а подробнее рассмотреть удастся лишь некоторые из упомянутых. Важно, что ряд выделенных способов существует только в увязке с другими (например, какие-то привилегии должны сочетаться с собственностью или особым общественным положением и т. п.).

Надо обязательно сказать, что распределительные отношения и их механизмы очень существенно зависят от того, насколько развиты товарно-денежные отношения. Деньги — не только средство обмена, но это эквивалент, выразитель различных прав, который подрывает сословные различия, модифицирует все отношения, ускоряет и упрощает их развитие, приводит общество как бы к общему знаменателю. **С этой точки зрения распределительные отношения могут делиться на натуральные, полунатуральные, товарно-денежные и эрзацденежные** (т. е. имеющие заменители денег в виде различных ценных бумаг, кредитных карточек и т. п.). Существенно различаются также и общества с металлическими деньгами и с бумажными. В последних очень сильно может проявляться такой специфический механизм распределительных отношений, как **инфляция**, перекачивающий блага в руки государства или определенных групп. Не сегодняшнему читателю удивляться этому. Однако инфляция появляется уже с порчи золотых и серебряных денег (классический пример — медный бунт в Москве в 1662 г.) и обесценивания драгоценных металлов (т. н. революция цен в XVI в. в результате огромного притока золота и серебра из испанских колоний

в Америке).

Мы говорили о различии т. н. вещных и личностных отношений. Личностные — это отношения, согласно которым необходимо нести повинности или службу в отношении какого-то определенного лица (рабовладельца, сеньора, монарха), которое частично могло по своему усмотрению распоряжаться судьбой и жизнью подданных: убить, продать, наказать и т. п. В государствах, пронизанных такими отношениями, устанавливается сверху донизу иерархия прав и обязанностей (вроде феодальной лестницы сеньоров и вассалов). Вещные отношения связаны с неравенством по поводу собственности, денег, вещей и т. п., но при этом до заключения сделки участники ее друг другу не обязаны повинностями. Они возникают, когда появляется некая вещь: долг, аренда, найм на работу и пр. Однако до развития капитализма такие отношения очень часто перерастали в личностные. За долги отдавали в рабы (кабальники, закупы и пр.) нередко и всю семью, отбирали имущество; должник лишался гражданских прав; долг обростал такими грабительскими процентами, что выплатить их было невозможно. Сколько бы ни работал человек, он всегда еще должен хозяину (в Латинской Америке такие невольники-пеоны были до самого последнего времени).

Мы уже немало сказали об отношениях собственности, но они слишком важны, чтобы этим ограничиваться. Справедливо, что «ни о каком производстве и, стало быть, ни о каком обществе не может быть и речи там, где не существует никакой формы собственности» (Маркс). Но собственность важна, когда она неоднородна и существуют разные владельцы, когда ее объекты можно отчуждать и передавать. Между тем в первобытных и древних обществах, где основные «средства производства»: земля, леса, дичь и пр. — принадлежали всему коллективу и ни о каком их отчуждении не могло быть и речи, отношения собственности играли незначительную роль. Общая собственность выполняла роль своего рода административной границы между коллективами. В рассматриваемом нами плане гораздо важнее были обычаи, регулирующие производство (правила охоты, обработки земли и пр.), распределение и потребление. И вот здесь-то уже могли быть существенное неравенство и использование общественного положения.

Надо ясно понимать, что **частная собственность — это инструмент уже достаточно развитого общества, поскольку требует охраны от посягательства и наличия какого-то хоть самого элементарного**

права (законов). Путь к ее появлению был трудным и долгим. Частную собственность на скот, урожай и пр. утвердить было гораздо легче, чем на землю. Ее история представляет собой, с одной стороны, процесс выделения из коллективизма и перехода в частные руки все большего числа объектов и прав, с другой — ее ограничения: запрета владеть людьми, возмещения вреда другим собственникам, регулирование государством.

Огромны различия в частной собственности в разные эпохи. Казалось бы, собственность польского пана или русского помещика принципиально одна и та же, что и у капиталиста. Но ведь в первом случае обладание землей связано с правами на крестьян, а во втором — рабочие свободны. А частная собственность германских промышленников в эпоху Второй мировой войны стала весьма напоминать государственную в СССР. Для современной эпохи различие между общественной и частной собственностью очень важно. Но даже в таких странах, как США, не все определяется частной собственностью. Так, оказывается, три четверти доходов всех американцев составляет плата за их труд или услуги и только четверть — доля владельцев капитала и земли. Коренным образом различалась государственная собственность в капиталистических и социалистических странах. Общественная собственность имеет массу форм: семейная, родовая или клановая, племенная, государственная и корпоративная, церковная или храмовая, общественных или иных организаций, кооперативная и т. п. Теперь вам легче понять, что единое понятие «собственность», как только мы пытаемся рассмотреть его в конкретных проявлениях, как бы расплывается, исчезает, заменяется другим и т. д.

А если у производителя есть возможность регулярно обкрадывать собственника, то распределение и вовсе принимает существенно иную форму. С этим процессом россияне хорошо знакомы, но он весьма и весьма распространен, интернационален и присущ всем временам и народам. Не везде он, к счастью, занимает достаточно важное место, но, бывает, иногда накладывает своеобразие на все распределительные отношения. А еще чаще преступность, присвоение чужого, воровство вообще не связаны с производством.

С незапамятных пор грабеж соседних обществ был важнейшим источником получения необходимых продуктов. Война очень долго воспринималась как естественное состояние, особенно для варварских обществ. Как верно отмечали Маркс и Энгельс (и не только они), «у

варварского народа-завоевателя война еще является регулярной формой сношения, которая используется все шире по мере того, как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном способе производства, создает потребность в новых средствах производства». Для многих обществ очень важную роль играла дань — плата победителю или более сильному за право жить спокойно.

Война становится в некоторых случаях формой перераспределения прибавочного продукта в масштабах больших регионов¹¹⁰, а для отдельных обществ — просто формой существования, основным источником получения благ¹¹¹.

Такие государства, как Ассирия, Вавилония, угоняли покоренное население десятками и сотнями тысяч, чтобы поселить его в других местах и сделать своими тяглецами, а римляне приводили сотни тысяч пленников, чтобы превратить их в рабов. Для Древнего Рима вообще очень трудно переоценить роль войн и грабежа побежденных. Не менее важна была эксплуатация колоний для Португалии, Испании, Англии. Последняя оплодотворила промышленный переворот индийскими богатствами.

Насилие присуще в той или иной мере общественной жизни. Однако постепенно, когда жизнь упорядочивается, оно, во-первых, частично заменяется привычкой, пониманием необходимости соблюдения порядка, во-вторых, становится в существенной мере незаметным или нормальным. В других же случаях может выступать очень грубо и зримо. И не только когда захватчики грабят и жгут города и села побежденных, делают набеги с целью поживиться. Порой государство грабит собственное население хуже внешнего врага. Еще совсем недавно экспроприировались целые классы и слои народа (раскулачивание в нашей стране, ограбление евреев в фашистской Германии и т. п.).

Хотя существовали страны, в которых не было налогов, все же в большинстве случаев государства в той или иной мере их собирали. История демонстрирует нам исключительную выдумку и разнообразие налогов и способов их сбора. Как верно заметил большой их знаток Адам Смит, никакому другому искусству не выучивается одно правительство у другого, как искусству выкачивать деньги из карманов своего народа (см. также Прил. 5, п. 2).

Налоги возникли, естественно, из потребности государства и правящих групп удовлетворять свои финансовые и экономические

нужды. И носили они долгое время характер, мало зависящий от их воздействия на экономику. То есть правители почти не думали о том, как влияет их налоговая политика на хозяйство. Однако постепенно эта связь становилась все яснее. В таких государствах, как Китай, Индия, где преемственность была достаточно долгой, появлялись и научные трактаты, в которых описывались благие и скверные последствия налоговых установлений.

Однако только в сравнительно недавнюю эпоху правительства стали рассматривать налоги не просто как возможность пополнить казну, но как важнейший способ влияния на экономику, очень тонкий инструмент экономического регулирования, а также социальной справедливости. К сожалению, в нашей стране налоговая политика не слишком отличается порой от того, что делали для изыскания средств Петр I или даже Иван Грозный. Сказанное о налогах относится и к торговым и иным пошлинам. Прежде они могли буквально душить торговлю и экономический рост, но теперь в мире все сильнее понимание, что это прежде всего инструмент регулирования экономических отношений.

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что от того, как тратит государство собранные средства, коренным образом зависит характер распределительных отношений, а в обществах, где через бюджет проходит основная часть прибавочного продукта, и тем более. Расходуют ли власти средства, чтобы поддерживать высшие сословия, уже неспособные к прогрессу, или на гонку вооружений, чтобы угодить военщине, или на дворцы монарха, или на развитие экономики и социальные программы и т. п. — все это очень влияет на весь комплекс распределительных отношений, а нередко является ведущим их моментом.

Нельзя даже в теории забывать о том, что распределительные отношения существуют не сами по себе, а возникают между их участниками. Поскольку в обществе всегда есть более или менее сильный дефицит благ¹¹², иначе бы они не нуждались в распределении, постольку на них с разными шансами на успех всегда претендует несколько потенциальных потребителей, например: покупатель и продавец, государство и налогоплательщик и т. п. Отсюда, естественно, постоянное соперничество или борьба в обществе за блага (как между отдельными людьми, так и группами). Подобное соперничество вызывает постоянные требования об изменении существующих способов распределения и имеет разные формы разрешения: от

прямой силы до международного суда. Попытки перетянуть одеяло на себя могут вести к изменению как отдельных моментов распределительных отношений, так иногда и к полному преобразованию всей их системы. И в этом плане, благодаря общему свойству благ к отчуждению, механизмы и способы распределения оказываются взаимозаменяемыми. В зависимости от успеха в указанной выше борьбе они способны переходить друг в друга, преобразовывать формы, меняться местами по важности и т. д.

Поскольку распределительные отношения охватывают и пронизывают все, выступая, где яснее, где более скрыто или слитно, их участниками становятся самые разные единицы общества, в зависимости от того, какова его специфика. Впрочем, совершенно понятно, что если люди могут не работать, не заниматься политикой или искусством, быть равнодушными к национальным или религиозным различиям, то не есть и не получать хоть минимум благ для жизни они не могут. А следовательно, в этих отношениях так или иначе участвует все общество, от грудных детей до стариков. Но в данном случае нас не интересуют индивиды, отдельные люди.

Весьма заметны в этих отношениях производственные единицы: родовые, крестьянские и городские общины, крупные землевладения, государственные органы, союзы купцов, ремесленников и т. п. При слабости государства иногда такие организации, как храмы, могли очень сильно влиять на жизнь всего общества. Нередко и в современных условиях крупные корпорации рассуждают по принципу: что хорошо для «Дженерал моторз», то хорошо для Америки. Но в зависимости от типа общества важнейшими единицами могут выступать социальные, например: сословия, представители знати, элиты или военных групп, приближенные монарха и т. п. Если государство идеологическое, то церковь или ей подобная организация (партия) во многом будет определять структуру распределения. Немалое значение могут иметь этнические или расовые единицы. В ЮАР, например, эта линия раздела до самого последнего времени была первичной. В некоторых странах, к несчастью для них, ведущую роль начинают играть мафиозные организации, что искажает все отношения.

Мы кратко рассмотрели вопрос о распределительных отношениях, и теперь необходимо познакомиться с политическим и социальным устройством общества.

Глава 8. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩЕСТВА

Власть есть социальный феномен в первую очередь по двум основаниям. С одной стороны, она не может зародиться вне общества, поскольку не может проявляться иначе как посредством социальных отношений, с другой стороны, без Власти, действительно деятельной, общество есть неподвижное тело, неспособное удовлетворять своему назначению, которое есть постоянное действие.

Ж. Бюро

§ 1. Общество и государство.

Государство как центр общественной системы

Разнообразие распределительных отношений удивляет. Но едва ли не более разнообразны социально-политические отношения и формы государства. Трудно сказать, сколько государств насчитывает история. Хотя в прежние эпохи существовали и громадные империи, в среднем размеры стран были намного меньше, чем сейчас¹¹³.

Вся история человечества в отношении организации власти в обществе может делиться на догосударственный и государственный периоды. Возможно, что сегодня мы вступаем в надгосударственный. Плотная пелена темных тысячелетий покрывает устройство не только до человеческого, но и начала человеческого обществ. Однако уже в общинах и племенах первобытных охотников, собирателей и примитивных земледельцев существовала **власть**¹¹⁴.

Понятие это вообще весьма широкое, многозначное. Определяют его по-разному. Парсонс характеризует власть как способность общества мобилизовать свои ресурсы ради достижения поставленных целей, как способность принимать решения и добиваться их обязательного выполнения [37; 525]. В данном случае нас интересует власть политическая, управленческая, хотя она теснейше связана с экономической, духовной и прочей. Очевидно, что такая **власть способствует особому устройству (свойству) общества, благодаря которому одна его часть может принимать или проводить решения в жизнь, подчинять своей воле все общество.** Эта власть может быть безликой (оправдываться обычаями, законом, божественной волей и т. п.), выступать в виде группы руководителей или быть олицетворена, персонифицирована в монархе, президенте, диктаторе, вожде и т. п.

Очень важно понять, что власть как бы оформляет общество, придает ему определенную структуру. Чаще всего имеется один центр власти, поскольку наличие двух и более может вести к конфликтам. Но современные государства сумели добиться существования нескольких тесно связанных центров благодаря разделению властей и их балансу (президент, парламент и т. п.). При ослаблении центральной власти менее крупные центры могут становиться независимыми, что хорошо наблюдается при распаде государств даже и сегодня (СССР, Югославия и др.). Понятно, что властный центр принимает различную

форму: монарх, партия, община и т. п. Обычно он как-то выражен и географически.

Изучение первобытных коллективов показало, что в некоторых случаях там вырабатывались достаточно устойчивые системы управления, создавались даже своего рода «сдержки и противовесы», чтобы власть не концентрировалась в одних руках. Усиление личностей могло быть в случае частых войн, перекочевок и т. п.

С переходом к земледелию и скотоводству, с ростом богатства и плотности населения, увеличением контактов с соседями постепенно появлялись условия для рождения государств. Но путь от первобытных обществ к государственности был долгим и непростым. Он лежал через целый ряд догосударственных политических форм, о которых речь пойдет в третьей части. Кроме того, между догосударственными политиями¹¹⁵ и зрелыми государствами выделяют еще особую стадию политического развития незрелых, или **ранних государств**. Большой вклад в развитие теории раннего государства внесли Х. Дж. Классен, П. Скальник и ряд других ученых. Ранние государства в чем-то были еще похожи на догосударственные общества, но у них уже зарождается административный и военный аппарат, появляются новые формы управления. Однако большинство из ранних государств так и не смогли стать зрелыми. Среди ранних государств много вам известных по истории: царство Хаммурапи в начале 2 тыс. до н. э. в Междуречье, империи инков и ацтеков, Афины и Римская республика, Киевская Русь.

Тремя наиболее общепризнанными признаками государства являются следующие: 1. Наличие отделенного от общества специализированного аппарата управления и насилия, то есть наличие профессиональных чиновников и органов подавления: армии и полиции. 2. Принудительные налоги вместо прежних добровольных и полудобровольных повинностей и подарков. 3. Особое территориальное деление политики, то есть разделение на провинции или иные территориальные единицы вместо прежнего родового деления. В этом случае принадлежность человека к политике определяется в основном не тем, к какому роду он относится, а по тому, в каком городе или провинции он живет.

Однако в ранних государствах эти три признака в системе чаще всего не встречаются. Присутствуют один или два из них и то не в развитом виде. Кроме того, в ранних государствах политическая подсистема как бы опережает другие. Там уже есть система политической власти во

главе с вождем-царем, властный центр, армия, различные должностные лица. Но социальные классы еще плохо сформировались, частная собственность не развита, а само государство представляет собой пестрый конгломерат территорий и племен, которые в основном еще живут по-старому.

Вопрос о происхождении государства остается одним из самых спорных вот уже более двух веков. Маркс и Энгельс считали, что государство образуется в результате борьбы антагонистических классов (например, рабовладельцев и рабов). Оно создается как особый аппарат насилия для защиты интересов экономически господствующего класса и для подавления эксплуатируемого класса. Но такой путь появления государства если и имел место, то редко. Тем не менее эта теория до сих пор поддерживается многими отечественными учеными. Некоторые зару- бежные обществоведы также разделяют подобные идеи, хотя, конечно, в существенно измененном по сравнению с марксизмом виде (так называемая **конфликтная** теория происхождения государства).

В настоящий момент наиболее популярны следующие теории появления государства. **Производственная** связывает возникновение государственного управления с развитием земледелия, ростом населения, необходимостью создавать и поддерживать оросительные сооружения, что было возможным лишь в условиях централизации общества. Действительно, в Египте, Месопотамии и ряде других государств Востока и Америки этот фактор был очень важным. Там государство выступало как верховный распорядитель общезыятственных объектов (особенно оросительных систем), орган контроля и распределения материальных и людских ресурсов. Имеются сторонники у так называемой **торговой** теории, приверженцы которой считают, что государственное управление выступало в этом случае как более эффективное средство приобретения и распределения благ и ресурсов в сложном обществе. Имеет распространение и **военная** модель. В случае конфликтов между обществами одни из них могли покорять другие, а для контроля над побежденными и их эксплуатации создавать особые органы и институты.

Все эти теории имеют свои уязвимые места. Большинство ученых склоняется к тому, что такой сложный процесс не мог идти однотипно и что обычно имела место комбинация различных факторов (производственная необходимость, конфликт социальных слоев, война

и другое). Это справедливо. И все же, кажется, военный фактор являлся более универсальным, чем остальные. Конечно, война могла играть разную роль в образовании государства (от решающей до менее важной), однако ее влияние на этот процесс чувствуется практически в каждом историческом случае формирования государства. Очень часто государство прямо возникало в результате завоевания. Наиболее удачным был вариант, когда внутри общества и победителей, и побежденных уже сформировались неравенство, социальное деление, расслоение. Внутренние и внешние процессы соединялись и давали новое качество — государство. Но государство могло возникать и в результате оборонительных войн, когда под влиянием общей опасности различные вождества и племена объединялись под руководством одной сильной личности.

Возникают два вопроса. Во-первых, что такое государство? Во-вторых, каково его соотношение с иными политическими единицами и с обществом? Трудно сказать, сколько есть разных определений государства. Я не стану утомлять читателя разбором этих мнений. В марксизме оно определялось как особая организация (аппарат, машина и т. п.), которая служит интересам господствующего класса и создана для того, чтобы держать эксплуатируемых в подчинении. Нет сомнения, что эта функция, особенно в доиндустриальных государствах, была важнейшей. Однако несомненно и то, что в демократических странах (да и во многих недемократических индустриальных) оно уже давно выполняет прежде всего иные задачи. И если для современности, вероятно, прав Макс Вебер, считающий, что в основе понятия государства лежит необходимость монополии на законное использование насилия, то для древних — скорее Маркс. Но для древних обществ, особенно в стадии раннего государства, самой важной задачей часто было обеспечение суверенитета, то есть независимости от других государств.

Таким образом, государство — это понятие, которое объединяет целый ряд вариантов. В зависимости от особенностей устройства общества, эпохи, идеологии, внутренней борьбы, географической среды, внешней опасности, культурного окружения, уровня развития производства, населенности и прочего в деятельности государства на первое место выходят разные задачи. Поэтому государство невозможно определить как организацию, у которой только одна-две задачи, а мне думается, что достаточно правильно представить как категорию, которая описывает **организацию власти, так или иначе**

отделенную от народа, которая претендует на верховное право управлять определенными населением и территорией (и представлять их) и при осуществлении этого права может в каких-то случаях применять насилие. Государство имеет целый ряд задач, главные из которых — поддержание порядка, привилегий тех или иных групп, сношения с другими государствами, разрешение конфликтов внутри общества и др. Само собой разумеется, что для применения насилия, хотя бы и законного, должен быть особый аппарат принуждения. В устойчивых государствах население признает власть и воспринимает ее более или менее спокойно, в других случаях осуществление власти может означать состояние постоянной войны с народом.

М. Блок писал: «Один схоласт говорил о власти, что у нее нос из воска — он одинаково легко гнется налево и направо» [10; 105]. Это можно отнести не только к беспринципности власти, но и к тому, что государственная машина нередко бывает достаточно гибкой. Государство в зависимости от указанных выше и других причин может выступать как надклассовая, автономная сила (например в абсолютной монархии); как организация определенного правящего класса¹¹⁶, даже как машина, экипаж которой постоянно меняется (при демократии). В последнем случае нередко оно является исполнительным комитетом (Маркс) аристократии, граждан-рабовладельцев, буржуазии и т. д. Зато если государственный аппарат автономен, может сформироваться особый класс управленцев-чиновников. При частых завоеваниях оно напоминает крепость, гарнизон которой после победы меняется, и т. д.

Многие государства возникали как своего рода надстройки над обществом, требуя лишь покорности и выполнения повинностей, не вмешиваясь в местные дела. Иногда на местах все оставалось почти по-прежнему в течение столетий. Но много было государств тотальных, которые контролируют все, в том числе и частную жизнь граждан. Мы наблюдали его в нашей стране. Однако современному государству вообще свойственна врожденная тенденция все глубже вторгаться в дела общества, если на его пути нет никаких установленных законом барьеров [7; 102]. Очевидно, что чрезмерный административный контроль в современную эпоху вреден, поскольку делает власть неуправляемой, а людей пассивными.

Хотя современные государства географически совпадают с обществом в целом, но как системы полностью они не идентичны¹¹⁷, даже если

существует тотальный контроль над гражданами.

Государство можно считать центром общественной системы, который структурирует общество, придает определенные формы и другим видам власти (экономической, идеологической, семейной и т. п.). Очень важны способы закрепления этого порядка: с помощью законов или террора, духовного или национального, физического или экономического подчинения и т. п. От того, куда сдвинут баланс власти, ее центр, очень сильно зависят вид, тип и форма государства, его функции, степень централизации и наоборот.

Чем больше государство распространяет свой контроль на общество, тем больше от него зависят юридические, экономические, идеологические и иные формы отношений, оформление и существование общественных групп и слоев. В свою очередь, общество, его борющиеся группы, отношения и обычаи накладывают отпечаток и постоянно влияют на государственные формы. Следовательно, от того, каково государство, напрямую зависит влияние его правителей и органов на жизнь общества. Иногда малейшие колебания наверху отражаются с огромным усилением внизу, на всем хозяйстве, иногда, как это бывает на море, бури на глубине почти не слышны¹¹⁸. Иногда политика и другие отношения достаточно легко различимы. Иногда нет, если государство охватывает все. Тогда каждый акт его политический и одновременно хозяйственный, или религиозно-идеологический, или судебный и т. п. Такая ситуация свидетельствует или о неразвитости государства, или о его гипертрофии¹¹⁹.

Государство, как мы говорили, — центр общественной организации, ибо в нем сосредоточена наибольшая власть. Однако центр еще не вся система, которая состоит из политических единиц. Соответственно существует иерархия политических единиц, часто составляющих структуру государства. Первоначально оно могло опираться на старые образования: общины, племена или роды. Но могло формировать свою систему заново: ставя наместников, выделяя провинции, уделы и т. п. Понятно, что части государства на своем уровне есть тоже политические единицы. Такую роль нередко выполняют какие-то организации (церковные, профессиональные, военные и т. п.). В современную эпоху важнейшими политическими единицами стали политические партии и союзы.

Взаимоотношения государства и его частей — предмет особого рассмотрения. Но если вы вспомните, сколь часто наместники,

удельные князья, вассалы и т. п. начинали добиваться самостоятельности, то вам станет ясно, что, помимо голой силы, для прочного государства нужны еще какие-то связи. Каковы они — дело исторического случая, но в целом история в этом аспекте представляется как поиск наиболее удачных и жизнеспособных политических форм и систем административного управления. Что представляют из себя, если сказать образно, эти **несущие конструкции** общества и государства? Они могут базироваться на родственных связях, на единой идеологии (религии), на этнических, культурных связях и др. Для держав прежнего времени нужна была и удачная географическая среда, позволяющая поддерживать регулярные контакты и торговлю. Наиболее крепкими и жизнеспособными в последние столетия оказались государства, однонациональные в основном (а не многонациональные) и сплоченные интенсивными экономическими контактами. Но, конечно, в развитых странах много и других связей, помимо экономических. Все это в сочетании с властью создает как бы магнитное поле в государстве и обществе.

Многообразие отношений, связей государства и политических единиц и составляет **политический** строй. Делаем вывод. Роль государства зависит от:

- его силы и способов объединения общества;
- от того, каковы его функции (шире или уже) и степень контроля над обществом;
- от того, совпадает ли государственная организация с господствующим классом или нет;
- отделена ли политическая (управленческая) сфера от других: экономических, идеологических и т. п. Сегодня отсутствие такой отделенности означает отсталость.

§ 2. Соотношение политической и других подсистем общества

Каждый раз, анализируя какую-то часть общества, мы должны попытаться установить ее взаимосвязи и зависимости с другими частями. В данном случае нужно выявить важнейшие моменты таких связей с распределительными отношениями, идеологией и культурой,

общественной психологией и производительными силами, понять, как соотносятся политический строй и социальное деление и т. п. Для каждого конкретного общества мы должны найти ключевые моменты. Будут ли преобладать правовые отношения или не признающая никаких законов диктатура? Будет ли она диктатурой завоевателей или религиозной (идеологической)? Как связаны отношения собственности и политические права? И т. д. и т. п.

Однако в этой главе я остановлюсь лишь на связи политических и экономических моментов (и то весьма кратко), чтобы вам была лучше ясна диалектика взаимоотношений различных подсистем в обществе.

Когда один народ завоевывает другие и образуется примитивное государство, кажется, что политическая власть не нуждается в экономической, а довольствуется сбором дани. Идет процесс формирования нового общества: победители распределяют завоеванные области и племена, укрепляют стратегически важные пункты и т. д. — словом, складывается новая система власти. Облик этого общества сильно зависит от географического фактора, характера побежденных и победителей, каких-то особенностей и случайностей. Однако, как говорил один китайский деятель Чингисхану: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя управлять империей, сидя на коне». Государство не может всегда опираться на голую силу. Раз есть управители, они должны регулировать многочисленные споры и отношения, учитывать сложности и конфликты в процессе управления, иметь аппарат, который бы исполнял волю центра, и т. д. Возникают экономические рычаги власти¹²⁰.

Новая власть постепенно изменяется, одновременно подчиняя себе прежнее устройство покоренных. Верховный вождь (теперь он король или князь) раздаёт большие уделы в управление и одновременно для кормления приближенным. Но, поскольку просто осуществлять свою волю без соответствующей силы эти управители не могут, они создают как бы государства в миниатюре. Возникают графства или удельные княжества. Так создается основа для конфликта между политической властью и экономической, которая в то же время имеет силу и желает быть независимой. Сначала политическая, военная власть давала собственность и привилегии, теперь слой местных правителей может использовать свое могущество, чтобы закрепить полученное в своих и своих потомков руках. Теперь экономический фактор начинает творить политику: государство рассыпается, на его месте образуется множество мелких. История полна драматических

конфликтов такого рода. Так, в XII в. в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси мы видим борьбу боярства и князей. Во время одного из боярских заговоров был убит крутой нравом князь Владимирский Андрей Боголюбский.

Однако через определенное время военная или экономическая потребность может вновь позвать родственные государства к объединению. На Руси это была необходимость обороны, в Западной Европе во мно-гом — потребность буржуазии и горожан, совпавшая с интересами королевской власти.

Я привел такой пример, один из многих вариантов, чтобы стало яснее, что в разных обществах, на разных этапах ведущими могут быть различные подсистемы и сферы. Иногда политика есть концентрированное выражение экономики (Ленин). Государство может лакействовать перед крупными землевладельцами или денежными магнатами, которые считают его чем-то вроде телохранителей и охраны. В государстве же, в котором все регулируется им, нередко политическая власть вообще не терпит никакой экономической самостоятельности и подавляет ее. Самый яркий пример — социализм. Очевидно, что в торговых обществах политика гораздо больше считается с экономическими интересами, которые весьма чувствительны к потрясениям, чем в земледельческих, где хозяйство более автономно. При постоянной внешней опасности на первый план выходят государственные, военные интересы. При стабильном мире может быть наоборот.

Таким образом, государственный аппарат, в зависимости от характера государства и того, кто им управляет, может использоваться по-разному. И быть иногда ареной ожесточенных схваток¹²¹.

Также и различные конфликты в обществе могут пристоекать из разных причин. В какой-нибудь мусульманской монархии, где у шаха от сотни жен масса сыновей, его смерть вызывает вражду между ними и войны. И это просто варварский способ передачи власти. А в других случаях революции и войны вызваны тем, что экономически сильный класс, например буржуазия, поставлен в невыгодное положение, которое не изменить, пока он не будет иметь возможность влиять на политику. Экономические же основания толкали рабовладельцев Юга США на мятеж, поскольку свои привилегии они могли защитить, только сохраняя политическую власть. Но часты и просто политические конфликты за власть, которые могут даже не затрагивать ни основные распределительные отношения, ни

социальные группы. В Древнем Риме есть примеры таких переворотов и войн, во многом таковы и дворцовые перевороты в России. То же можно сказать и о войнах, которые имели то политические, то экономические, то иные причины.

Я говорил, что в ряде случаев экономические и политические сферы достаточно легко различить, разграничить. Но таких случаев, пожалуй, меньшинство, особенно для прежних доиндустриальных эпох. Очень часто сделать это весьма сложно. В маленьком феодальном графстве все виды власти сосредоточивались в одних руках сеньора: и экономическая, и политическая, и военная, и судебная, и др., хотя иногда различные коллективные объединения (типа общин) могли ее сдерживать. Очень часто и крупные образования активно вмешивались в хозяйственную жизнь, регулировали ее, так что государство становилось важной частью производственной организации общества, а иногда и ведущей. И сегодня роль государства в экономике очень велика. По словам шведского экономиста Г. Мюрдаля, «правительство целиком втягивается в его (то есть планирования. — Л. Г.) орбиту и становится частью огромного планирующего механизма».

Очевидно, что все виды власти при более-менее развитом обществе нуждаются во взаимной поддержке и корректировке. Соединенность эта не случайна. В самом деле. Подумаем. Ведь политическая власть может существовать сама по себе. Для ее поддержки на примитивном уровне не нужно большого аппарата. Если князь обязывает покоренное население платить дань, то ему требуется для этого только дружина, которую он поит и кормит за счет дани.

Иное дело — власть экономическая. Сама по себе существовать она не может, ибо, если за ней нет другой силы, кроме экономических отношений (то есть собственности, денег и пр.), ее не будут бояться, уважать, стало быть, она окажется недостаточно влиятельной (что и происходит в нашей стране сегодня, где крупный капитал обязательно стремится обрести поддержку у крупных чиновников).

Конечно, собственники, используя свое богатство, могут пытаться сами создавать такой аппарат защиты и навязывания своих интересов, но это непросто. В период разложения первобытного строя сохранять богатства мешали коллективизм и определенное общественное насилие над разбогатевшим. Скорее обладавший властью и общественным престижем начинал рассматривать общее богатство как свое. И в ряде случаев родовая аристократия присваивала себе земли,

превращая общинников в зависимых арендаторов. Наиболее же быстрым и легким был путь грабежа соседей (иногда и соплеменников) объединившимися воинами во главе с вождем. Как говорилось, при благоприятных условиях это могло вести к появлению государства. По современному выражению, винтовка рождала власть.

Хотелось бы еще раз напомнить, что когда речь идет об экономических интересах, надо помнить, что распределительные отношения шире собственно экономических. Причем господствующие материальные интересы ведущих групп очень часто вредили и вредят развитию производства, поскольку они могут подавлять интересы как большинства населения, так и государства. И в зависимости от способа своего влияния эти группы используют различные рычаги (идеологические, правовые, дворцовые, политические, военные и т. п.), чтобы удовлетворять свои аппетиты.

И в самой политической сфере различные ее области нередко сильно не совпадают друг с другом. Так, например, внешняя или внутренняя политика могут подавлять одна другую. Если государство агрессивное, то все внутренние дела подчинены войнам. Если, наоборот, оно отгородилось от других, самоизолировалось, то забываются внешние дела. Полезно различать также политику в сфере управления и в области экономики и распределения.

Подводя итоги сказанному, надо понять, что «любая теория, односторонне определяющая общество каким-то одним аспектом общественной жизни, ложна», а формулировка «в конечном счете все объясняется либо экономикой, либо техникой, либо политикой» — изначально бессмысленна» [3; 29]. Необходимо отметить, что в историческом многообразии сосуществуют как примеры преобладания политической, так и экономической подсистем, а также иногда и других. Мы установили, что в примитивных обществах политическая (военная) власть может определенное время обходиться без экономической, однако раньше или позже такая ситуация изменится. Мы увидели также, что, какая бы форма власти ни преобладала, без преимуществ и в сфере распределения она жить не может. Отсюда возможное чередование причин и следствий, доминирования тех или иных отношений в обществе.

§ 3. Основы общественного неравенства и социальное деление общества

Вам уже должно быть ясно, что в той или иной степени неравенство присутствует в любом обществе, хотя наблюдается движение к постоянному смягчению его форм, к возможности для все большего числа людей изменить свое положение собственными усилиями. Очень многие ученые, такие как Парето, Моска, Сорокин и т. д., считали, что разделение людей на группы с разными возможностями и правами (стратификация) — постоянная характеристика любой организованной группы и всего общества. Нестратифицированное общество — это миф, который никогда не был реализован в истории человечества. В ходе истории меняются лишь формы неравенства.

Тема эта громадна. Мы лишь бегло коснемся некоторых основных вопросов: каковы исходные предпосылки неравенства? На каких силах оно держится? Какие преимущества предлагает? Каковы способы его закрепления? Как связаны неравенство вообще и неравенство в богатстве? И некоторые другие.

Основами, которые изначально предполагают существование неравенства в любом обществе, будут, во-первых, естественные различия в поле, возрасте, физических, умственных и психических (воля, напористость, агрессивность, властность и т. п.) качествах людей. Половозрастное неравенство очень характерно для первобытных коллективов. В охотничье-собираТЕЛЬСКИХ общинах оно могло быть главным. Очень часто женщин там не допускали до религиозных таинств, праздников, решения важнейших дел и т. д. Еще более заметным оно могло быть у примитивных земледельцев и скотоводов. Так, известный русский этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай писал о папуасах: «Однако почти во всем женщины берега Маклая занимают подчиненное положение. Если они и не обязаны работать через силу, все же у них достаточно дела каждый день в продолжение целого года, тогда как мужчины, в несколько дней выполнив самую трудную часть работы, затем в основном отдыхают»¹²².

Во-вторых, как уже неоднократно говорилось, совместная жизнь: труд, война, дележ и т. п. — требует организации управления и подчинения. И едва человеческие коллективы превышают определенное число, достигая даже нескольких десятков человек, как, по справедливому замечанию одного социолога (У. Гуд), они выходят за пределы простейшей половозрастной градации, приобретают более

сложную систему деления. Это касается уже и первобытных обществ. Современному человеку иной раз нелегко понять степень сложности родственных и брачных отношений и им соответствующего поведения, прав и обязанностей в этих коллективах. По мере же перехода к сельскому хозяйству, как уже подчеркивалось, возникает социальное деление на знать и простонародье, появляются рабы и невольники, неполноправные и т. п. И, как ясно, в государстве неравенство обретает полную и весьма сложную картину.

В-третьих, возможность применения физического насилия. К сожалению, в истории, по словам Маркса, важнейшую роль играли война, порабощение, разбой, одним словом, насилие. Мы видели, что так начинались многие государства. «В самом деле, не вызывает сомнений, что сила лежит у истоков разделения древних обществ на классы, подчиненные одни другим», — писал известный философ Анри Бергсон [8; 75].

В-четвертых, появление излишка продукции открывало путь к имущественному неравенству, накоплению богатства (в том числе и с помощью насилия, грабежа). Этому способствовало различие в природных условиях: в плодородии почвы и т. п.

Неравенство немыслимо, если оно не будет так или иначе держаться на силе или угрозе ее применения, на наказаниях и поощрениях. Но это не значит, что она всегда выступает на первый план. В ряде обществ физическое насилие успешно заменяло психологическое. Например, на многих островах Океании распространен способ, который заключается в том, что вождь может накладывать на любой предмет, природный объект, живое существо и т. д. «табу», запрещая что-либо с ним делать: есть, пить, убивать, жить и т. п. Эти жители считают, что нарушение табу ведет к тому, что высшие силы убьют нарушителя. И бывали случаи, когда туземец, узнавший, что он съел «табу», умирал от самовнушения, хотя пища была доброкачественной. Подобные идеи о гневе богов, о наказании после смерти, о необходимости «служить родине» и т. п. весьма распространены в идеологизированных обществах.

Неравенство поддерживается также:

— превосходством лидера или группы в каких-то качествах, которые признаются важными (происхождение, близость к богу, доблесть и т. п.) и создают ему авторитет, поклонение или даже харизму (некое магнетическое влияние на окружающих). Родительская власть в значительной мере аналогична этому;

— добровольным принятием такого порядка. Иногда люди считают себя бессильными что-то изменить и предпочитают покоряться и подчиняться. Но иногда они полагают, что по-другому просто и быть не может, поэтому данный порядок единственно возможный и разумный, либо сознательно считают необходимым подчиняться. Очень сильна и привычка к подчинению. Какие «стержни» выйдут на первый план, зависит от конкретных обстоятельств.

Какие преимущества может предполагать неравенство? В прошлой главе я называл их: **власть, богатство, престиж, привилегии, гарантии и удобства в получении и сохранении благ.** Добавлю еще и **личную известность.** Обычно различные группы отличаются тем, могут ли они принимать участие в управлении обществом, владении имуществом и контролем за общим достоянием. Нередко закон или обычай предоставлял им различные привилегии (в отношении уплаты налогов, доступа к образованию, исполнения повинностей, освобождения от уголовной ответственности и т. п.). Иногда такие группы отличаются в обладании различными правами не юридически, а фактически. Так, состоятельные слои могут легче дать своим детям образование, которое опять-таки будет основой для преемственности. Комбинаций таких преимуществ может быть немало. Вспомните, сколько было в нашей стране различных категорий, имеющих разный доступ к дефицитным товарам? **Престиж** — это то, как относятся в обществе к представителю той или иной группы, насколько высока оценка (**статус**) человека по принадлежности к определенной группе, организации, деятельности¹²³.

Чем дальше углубляешься в историю, тем очевиднее, как часто в те далекие времена линии неравенства проводились по наиболее заметным, бросающимся в глаза признакам. Кроме половозрастных, можно отметить этнические (национальные, языковые, расовые), по близости к источнику власти и силы (божественному, вождю, царю, например служба в дружине); по родовитости, знатности; по месту в государственном или ином аппарате. Потенциально увеличивается и роль богатства. Однако место главного критерия оно занимает лишь при капитализме. Принадлежность к какой-то общине, коллективу как основание неравенства известно с древности. В греко-римском мире это выразилось в делении на граждан и не граждан, что весьма важно и сегодня. В новейшее время все большую роль играют образование, специальность. Могли быть и иные основания.

Очень часто такие различия подчеркивались внешне¹²⁴. И сегодня

престижные вещи, одежда весьма важны в жизни. Историей выдуманно много способов обозначения различий, включая титулы, ранги, звания, ордена. К этому прибегают не только государства, но и корпорации (церковные, военные), организации и пр. Для военных, чиновничьих и им подобных обществ это просто необходимо, иначе трудно регулировать не только социальное положение человека, но и его движение по службе.

Перейдем теперь к очень интересному моменту: каковы способы закрепления неравенства. Это, естественно, зависело от тех признаков, по которым делились люди. Для догосударственных обществ сильнее были возможности обычая, авторитета, морально-психологической власти. Но возникшее деление на родовитую знать поддерживалось и передачей по наследству некоторых знаний и закреплением в руках определенных родов общественного богатства или военного дела. С образованием государства появляется или резко возрастает возможность насильственного введения тех или иных различий. Трудно переоценить роль государства и в закреплении такого деления. Иногда оно опиралось на прежние признаки, иной раз — создавало новые. Победители могли объединиться в особую общину, как, например, спартиаты. В Афинах и других греческих городах был введен институт гражданства, который отсекал всех инородцев и нарушивших определенные правила. В более поздние времена победители могли закреплять религиозные различия. Так, арабы облагали немусульман особыми налогами. То же делали и турки.

Очень распространенным до последних ста-двухсот лет было закрепленное законом или обычаем деление населения на замкнутые группы. Они, естественно, назывались по-разному. Наиболее известны и оформлены **сословия**¹²⁵, которые имели разные права и обязанности, часто переходившие по наследству. Например, во Франции были дворяне, духовенство и т. н. третье сословие, куда входило все остальное население. М. Блок говорит, что желание жениться на девушке из своей среды — весьма яркий показатель складывания класса или замкнутой группы. Вообще брак — важнейший способ закрепления неравенства и передачи его по наследству, поэтому ему почти везде уделяли исключительное внимание.

На ранних этапах порой законодательное или иное ясное закрепление различного положения могло играть положительную роль, так как способствовало формированию общества и регулированию отношений внутри него, иногда без этого бывших весьма конфликтными и

разрушительными. Но чем дальше, тем сильнее сказывались ограничения такого подхода, и к новому времени сословия все больше воспринимались как оковы, пока не стали таким тормозом, который нередко приходилось разбивать революциями. Внутри сословий также не было равенства. Там могли быть титулы, ранги, различия в должностях, богатстве, родовитости и т. п. Нередко это деление сливалось с делением по званиям и почету, о котором сказано выше. В России, как известно, до конца XVII века существовало так называемое местничество, когда на должности и командные посты должны были назначать в соответствии с родовой тостью. И это следование старине много нам навредило.

С ростом мощи государства может расти и значение аппарата управления, чиновничества. В ряде стран бюрократия превращается в особый слой, почти сословие или класс, что резко увеличивает влияние государства на общество. Чиновничество не всегда чувствовало себя единым, а могло быть разбито на ряд групп, сильно отличающихся между собой: низшая едва возвышалась над простонародьем, а высшая была весьма узкой. В таких государствах порой не было формальных преград для перехода из народа в класс чиновников (так, в средневековом Китае надо было для этого сдать экзамены), хотя фактически сделать это было сложно. Четкие правила движения по служебной лестнице могли также отсутствовать, что лишь увеличивало господство низких чувств.

Современное государство немислимо без бюрократии, но ее положение, роль могут быть разными. При определенных условиях она стремится встать над обществом, используя для этого мощь и могущество государства. Таким образом, госслужащие бывают просто разновидностью слоя служащих, «белых воротничков», а могут стать властвующей силой. Это мы хорошо наблюдали и наблюдаем у нас.

Опасность контроля над государством со стороны бюрократии в странах с рыночной экономикой всегда волнует общество. В 40-х годах XX в. в связи с усилением государственного вмешательства в экономику появилась теория «революция управляющих», автор которой Джеймс Бернхем писал: «Государство и его институты будут, если можно так выразиться, «собственностью» управляющих. И этого будет вполне достаточно, чтобы эти последние оказались в положении правящего класса».

Весьма своеобразна и так называемая бюрократическая буржуазия — слой государственных служащих. От них очень сильно зависят

бизнесмены, и они фактически через государственные контроль, заказ и вмешательство одновременно являются как бы предпринимателями без риска и капитала и государственными служащими, торгующими своим положением. На этой почве вырастает ненормальный бизнес, обирающий всю страну, обогащающий только узкую группу сросшихся чиновников и близких к ним новых богачей. Такая группа уже выросла и стала очень влиятельной в России. Она способна повести экономику по самому скверному пути¹²⁶.

Нельзя сказать, чтобы любое деление в обществе, пусть даже на закрытые слои (сословия и др.), всегда жестко связано с различием в распределении, но по общему правилу больший престиж или статус влекут и больше привилегий и возможностей участвовать во власти и распределении, более надежные, удобные и комфортные условия получения богатства и доходов. **Так или иначе чаще принадлежность к более высоким слоям означает и более высокие доходы, чем наоборот. Другими словами, социальное различие имеет материальный подтекст, ставит людей в разные экономические условия.** Иногда это почти незаметно, но в ряде случаев исключительно важно. Когда материальный момент играет очень сильную роль в положении социальных единиц, можно говорить о делении на общественные классы, которое было весьма важным или даже важнейшим в ряде обществ. Об этом в особом параграфе.

В древности нередко богатство шло к знатности, и так было достаточно долго. Однако развитие производительных сил, промышленности, ремесла и торговли приводило к росту богатых и незнатных людей. Поэтому нередко были конфликты между денежным влиянием (ростовщиков, менял, банкиров, купцов) и земельным или чиновничьим могуществом, когда по различным причинам материальное положение привилегированных слоев становилось хуже и они с завистью и недовольством смотрели на рост богатства других. Нередко сила, знатность и власть просто грабили богачей.

Когда корни господства обнажаются и становится наглядно видно, что они зиждутся на экономических различиях, то людей начинает пугать роль «чистогана», которая, как и любая неприкрытая и неконтролируемая сила, бывает жестокой и своекорыстной. Поэтому власть всегда (особенно при длительном существовании) предпочитает иметь какое-то моральное обоснование, которое часто

складывается само собой, не специально. Это может быть традиция, какое-то личное превосходство (знатность, образованность, качества характера, иная раса, нация и т. п.), выполнение общих задач (оборона) и т. п.

Разделение людей по владению собственностью и богатством, особенно среди тех, кто считается в юридическом отношении равным, нередко вызывает общественное осуждение¹²⁷. Возможность накапливать богатство, передавать его по наследству, благодаря своим качествам быстро разбогатеть и т. п. — это один из самых мощных двигателей развития общества. Везде, где этому ставились ограничения, раньше или позже общество начинало гнить и топтаться на месте. Но совершенно необходимо, чтобы были способы, сдерживающие резкое расслоение людей, их обнищание, а эгоизм и индивидуализм частных собственников были поставлены под контроль.

Итак, мы видим гигантское многообразие различных общественных групп и слоев, образующихся по самым разным основаниям. Эти группы, слои и классы являются **социальными единицами**. Поскольку в обществе не одно, а много оснований деления, то социальная структура его выглядит весьма сложной. Социальные единицы имеют свою иерархию, когда мелкие складываются в крупные или, наоборот, крупные делятся на мелкие. Для очень многих обществ ведущими будут сословия или что-то на них похожее, для индустриальных это мог быть класс, для современных деление, скорее, связано с образованием и местом в управлении (то, что называется технократией, и им аналогичные группы среди политиков, ученых и т. д.). Социальные единицы нередко совпадают с другими: производственными, этническими, родственными.

В западной социологии часто говорят о классах, но еще более распространены термин «страт» или «страта». Он достаточно расплывчат и неопределен и примерно соответствует тому, что я называю социальной единицей, но иногда используется и для обозначения еще более мелких групп. Часто ведут также речь о классах и других группах. Соответственно распространен термин **стратификация**, означающий социальное деление и его механизмы, а также способы, «с помощью которых неравенство передается от одного поколения к другому; при этом формируются различные слои общества» [37; 174]. Социологи, которые занимаются этими вопросами, всегда подчеркивают важную характеристику общества — мобильность, то

есть способность людей переходить из слоя в слой. Различают вертикальную, когда переходят из низшего в высший слой и наоборот, и горизонтальную мобильность, когда переходят из одного в другой, примерно равный по статусу (например, инженер становится преподавателем).

Понятно, что есть сильные различия по этим показателям. Но в целом для прежних обществ была характерна «закрытость» сословий и других единиц, сложность перехода из одной в другую. Для современных — гораздо большая мобильность.

Мы кратко рассмотрели социальное деление общества (и еще вернемся к этому) и можем сказать, что **социально-политический строй общества — это совокупность государства и других политических единиц и институтов, а также способов управления обществом, которые могут определять, закреплять (или способствовать этому) социальное деление общества на более или менее жесткие социальные единицы. Нередко бывает и наоборот, когда сложившаяся социальная структура определяет и формы государства.**

А теперь немного об этническом (национальном) делении.

§ 4. Этнический момент в политической и социальной организации общества

К сожалению, нет возможности серьезно рассмотреть вопрос о национальном факторе в истории. В данном параграфе я выскажу лишь несколько замечаний о связи этнического деления и социально-политического строя общества.

Многие ученые различные, весьма непохожие в разные периоды и в разных обществах этнические общности называют собирательным термином **этнос**, под которым понимают **определенные устойчивые и значительные по размерам группы, члены которых имеют общие происхождение, а также культурные и языковые особенности, передающиеся новым поколениям.** Правда, одни авторы относят к ним и разные варианты племенных образований, а также группы (союзы) племен и соплеменности (группы близкородственных и постоянно контактирующих племен). А другие — тут я с ними согласен — считают, что об этносах стоит говорить

лишь применительно к обществам, в которых сложились государственные формы. Различные этносы, а также иные этнические общности, включая и родоплеменные, я называю **этническими единицами**. Но надо помнить, что эти единицы часто очень тесно связаны или даже неразрывны с другими: политическими, социальными, родственными. Так, нации настолько совмещают в себе этнические и политические (государственные) характеристики, что между учеными идет спор о том, являются ли они все-таки этническими или политическими общностями.

Вероятно, вам известно, что в истмате употребляют термин **исторические формы общности людей**, к которым относят род, племя, союз племен, народность и нацию. В целом верно формирование народностей связывают с переходом к государству и цивилизациям, а наций — с индустриальным обществом. Племя (соплеменность, союз племен), народность, нация — это стадийные типы этнических единиц, характерные соответственно для первой, второй (аграрной) и третьей (индустриальной) формаций. В современную эпоху начинают формироваться наднациональные общности. Кое-что о формационных типах этнической организации обществ мы еще скажем в третьей части.

Важнейшей основой, неизменным атрибутом любого общества является язык. Язык, система родства, определенные физические особенности, общность психики, культуры, быта, поведения и религиозных представлений и т. п. составляют в системе совокупность признаков, которые вместе с общей территорией и хозяйством и создают неповторимость народов (этносов). По мере увеличения численности людей роль родства уменьшалась, но язык оставался важнейшим способом общения, коммуникации, передачи культуры. Позже могло в некоторых случаях получиться так, что в одной нации существует два или несколько языков (Канада, Швейцария). При объединении прежних этнических групп во все более многочисленные сохранялись вариации языков — диалекты. Они возникали также при отпочковании от единого ствола особых групп.

В догосударственную эпоху политические объединения (племена, союзы племен) обычно были основаны на этническом единстве или имели моноэтническое ядро. Таким образом, политические и этнические единицы в целом совпадали.

После образования государства, если завоевателями становились иноземцы, возникали взаимодействия разных этносов. Иногда

победители растворялись среди побежденных, особенно если последние обладали более высокой культурой. Иногда — наоборот. Получались и различные смешения. Вообще переплавка этносов, племен и народов — одна из мощнейших движущих сил истории, способствующая увеличению контактов и заимствований. Но нередко победители образовывали высший класс, слой, касту, которая отличалась от побежденных расой, языком, религией или культурой — словом, всеми или частью этнических характеристик. Даже в новейшее время это было нередким: в Латинской Америке, Индии (где правили англичане), Китае (где высшим слоем стали манчжуры), в рабовладельческих штатах Юга США. Таким образом, этнические (расовые) отличия становились барьером, поскольку исключительно «естественны» (конечно, жестокая естественность) и легки в распознании. В ранний же период истории этническое деление — одно из самых важных в смысле объекта вражды, войн, угнетения.

В период перехода к сельскому хозяйству, когда производство продуктов питания, а вместе с тем и численность населения резко возросли, племена стали весьма многочисленными. Это способствовало массовому их переселению, войнам и образованию государств. Нередко в этих случаях родственные племена объединялись для отпора захватчикам. Если такая опасность была постоянной, то постепенно из племен могла сложиться народность, обычно вокруг ведущего племени. Бывало и наоборот, когда родственные племена враждовали. При благоприятных условиях могло победить какое-то одно, которое и становилось центром народа. Нередко, особенно у кочевников, ведущее племя объединяло другие для совместных завоеваний. Иногда же внешняя сила объединяла враждующие племена (как, например, римские войска во главе с Цезарем — галлов в Галлии, вероятно, так же было и в Древней Руси, где норманны объединили ряд славянских племен). Однако формирование народности (или народа) было долгим делом. Племенные различия оставались заметными целые века, иногда даже тысячелетия. Здесь большую роль играла и географическая среда. Чем меньше было преград, тем легче смешивались племена и кланы. И наоборот. Поэтому в горных районах образование народностей обычно шло труднее, чем в равнинных. Неудивительно, что у горцев нередко складывались очень своеобразные национальные, политические и социальные отношения.

Еще и сегодня во многих отсталых странах речь надо вести не о нации

или даже народности, а о племенах или каких-то неопределенных этнических единицах. Нередки и межплеменные войны в Африке и других странах.

В связи со смешением народов, их перемещениями и т. д. во многих государствах возникают поселения чужаков, образуются иноэтнические общины. Их можно считать этническими единицами (нередко одновременно и культурными, религиозными и пр.). В настоящее время в ряде стран они являются весьма сильными группами давления на правительство. Важные этнические единицы (национальные меньшинства) в некоторых странах (СССР, Индия, Россия и др.) имеют и политическую автономию.

В зависимости от особенностей формирования народа и государства на первый план в социальном делении могла выступать не этническая принадлежность как таковая, а какой-то ее элемент. Особенно это касается религии в идеологизированных государствах и расовой принадлежности. Так, любой белый, необязательно принадлежащий к правящей нации, мог занять в некоторых случаях место в белой общине. Народ, который был охвачен определенной религией или идеей, мог на первый план выдвигать именно принадлежность к этой религии. Даже в дореволюционной России главной социальной характеристикой, кроме сословия, была не национальность, а вероисповедание. Инородец, принявший православие, мог приравниваться к русским. А тот же русский, но старообрядец, до начала XX века был в правах ограничен. Роль религии в сплачивании многих народов вообще трудно переоценить.

Путь развития национальностей и государства далеко не всегда совпадал. История демонстрирует массу всяческих сочетаний политической власти и этнических форм. От господства одной нации (племени, общины) над многими до национальных государств. Один народ мог долгое время жить во множестве государств (например древние греки), сохраняя религиозное, культурное и языковое единство, чему способствовала и общая письменность. Образовывались и многонациональные государства. Но они обычно оказывались недолговечными или ослабевали. Как уже сказано, сильно чувствовались племенные отличия, диалекты языков. Наиболее прочными и устойчивыми оказались государства, которые объединяли одну нацию (хотя бы там были и национальные меньшинства). Такие державы, как Германия, Франция, Англия и другие, оказались наиболее динамичными. И сегодня национальные различия могут

стать линией раздора или разлома весьма легко. Распад в XX веке многонациональных государств (Австро-Венгрии, СССР, Югославии, Чехословакии) доказывает это. Образование национальных централизованных государств, имеющих общую культуру и письменность, вместе с развитием экономики, торговли и печати, путей сообщения привели к формированию новой общности — нации, которая окончательно спланивается при современных средствах коммуникации. В настоящее время начался процесс и наднационального объединения, но он еще не особенно виден, а сила национального единства весьма велика.

§ 5. Классы и другие социальные единицы. Их взаимоотношения и соотношения

Итак, общество пронизывают тысячи, миллионы, иногда миллиарды различных отношений. Они кажутся подобными беспорядочному броуновскому движению, но в действительности общество имеет довольно упорядоченную, иногда жесткую структуру. Мы видели, что особенности социального деления зависят от многих причин: характера географической среды, развития производительных сил, устройства государства, этнического состава, распределительных отношений, идеологии и т. п.

Помимо основных социальных единиц, в обществе обычно есть и какие-то промежуточные группы, не входящие в основные. Такими, например, в крепостной России были однодворцы. Довольно многочисленными могут быть и т. н. деклассированные элементы (бродяги, нищие и т. п.). В сегодняшних государствах важное место занимают социальные группы, имеющие нечто общее в положении, возрасте или правах: пенсионеры, студенты, интеллигенция и пр. Иногда целесообразно вести речь об элите. Социальное деление невозможно понять, если не иметь в виду особенностей сознания общества и его отдельных групп, о чем будет речь в следующей главе.

Понятие «**общественный класс**» родилось в XIX веке в трудах французских историков. После Маркса в западной науке оно стало довольно популярным и по сию пору в ходу. В свое время П. Сорокин насчитал 32 различных определения классов, и меньше их с тех пор не стало¹²⁸. Я не собираюсь анализировать различные подходы к этому

определению, напомним лишь, что в марксизме классы — основополагающее понятие, и их существование связывается с собственностью на средства производства. Ситуацию, характерную для определенной эпохи, Маркс неправомерно распространил на всю историю. Уже сказано, что любое социальное дробление больше или меньше связано с преимуществами в распределении. Однако наряду с достаточно ясными, «чистыми» случаями деления по отношению собственности (ростовщики и должники, лендлорды и арендаторы, капиталисты и наемные рабочие и т. п.) во многих случаях распределительные, политические, идеологические и иные отношения нерасчленимы¹²⁹. Но и там в ряде ситуаций целесообразно говорить о классах, особенно если не было жестких сословных барьеров. В некоторых восточных деспотиях роль ведущего класса иногда играло жречество, нередко — госчиновничество. Последнее характерно и для социализма. Все это говорит о том, что попытки марксизма представить классы одинаковыми во всех обществах определенной формации сильно искажали действительность, поскольку они различны не только от общества к обществу, но и в пределах одного и того же в разные эпохи любого способа производства.

Классы должны выступать как реальные единицы, а не просто как теоретические конструкции. А их нередко рассматривают лишь с политэкономической (внеисторической) точки зрения, только как участников абстрактного производства. Тем самым сбрасываются со счета особенности общества и классового сознания. А ведь в отличие от сословий и им подобных единиц классовая принадлежность не закреплена в законе¹³⁰. Она хотя и объективна, но достаточно неопределенна, поэтому чаще бывает заметно несходство классового положения и самосознания людей. Очень важно не забывать также, что в основе классовобразования могут лежать не только отношения собственности, но и ряд других распределительных механизмов, например государственное распределение¹³¹ и пр.

Но даже если смотреть на них только как на единицы, возникающие по имущественному принципу, нельзя не заметить, что такое деление всегда имеет и определенное неэкономическое основание. Уже подчеркивалось (см. § 2), что экономическая власть не существует сама по себе. Чем может она «подпираться»? Политической неравномерностью (например, имущественный ценз для участия в выборах), отсутствием права на объединения для защиты своих интересов (профсоюзы, партии и пр.), делением на граждан и

неграждан, принятием дискриминационных законов (например запрещающих эмиграцию) и т. п. И как только эти барьеры убираются, общество становится социально более подвижным и классовое деление начинает размываться, роль классов слабеет. Недаром в последние десятилетия многие авторы заговорили об их исчезновении, о том, что классовое деление заменяется профессиональным и различиями в образовании и т. п. Надо добавить, что иногда на первый план выходят (как в первобытности) половозрастные конфликты (знаменитые протесты молодежи: хиппи, панков, студентов; женское движение и пр.). Усложнение производства и управления ведет, как сказано, к повышению социальной значимости образования, и этот барьер для взрослого сформировавшегося человека может стать непреодолимым¹³².

Итак, классовое деление наблюдается во многих обществах (даже в некоторых догосударственных), но важную роль оно играет лишь в отдельных, хотя и нередких случаях. Должно сформироваться и особое классовое сознание. Хотя классовая структура подвижнее других (и этим прогрессивнее), все же некоторые фильтры и планки существовать должны, чтобы не допустить ее размывания.

Не вдаваясь в разбор определений классов, приведу собственное.

Классы — это категория, характеризующая особые социальные единицы, которые различаются местом в производственном процессе (либо в управлении обществом) и долей потребляемого общественного богатства и имеют соответственно разные способы, источники и формы получения доходов, а также разные материальные и иные права, обязанности и привилегии.

Сложное переплетение различных социальных единиц, созданных и возникших по самым различным основаниям, естественно, вызывает сложные виды взаимоотношений и взаимодействий между ними, которые могут колебаться от тесного союза до гражданской войны, от нормального разрешения противоречий до социального взрыва. Очень многое зависит от формы государства, его надклассовости или поддержки только определенных слоев; законности недовольства или восприятия каждого протеста как бунта и государственного преступления¹³³ (см. также Прил. 6, п. 2). В демократических странах, где «пар выпускается» каждые выборы, отношения чаще выясняются между достаточно мелкими группами (даже отдельными корпорациями и организациями). Там правительство нередко

«ограничивается тем, что удовлетворяет требования наиболее эффективно действующих групп нажима» (Милтон Фридман). Как уже говорилось, чистое господство денег мало где принимается без оговорок. Ведь и сегодня предприниматели выступают не просто как владельцы богатства, а как двигатели национальной экономики, работодатели, налогоплательщики и т. п. И поскольку ничем не ограниченная власть капитала становится жестокой и разрушительной, государству приходится, поддерживая ее, ограничивать. По мере того как правительство все сильнее зависит от избирателей, оно вынуждено все больше в этом вопросе идти навстречу общественному мнению.

В системах неподвижных, где правящий слой долго не сменяется, обычно элита через определенное время «изнеживается», теряет энергию, инициативу, полностью забывает о своих обязанностях и погрязает в пороках¹³⁴. Приходит время, и против нее объединяется почти все население¹³⁵.

С одной стороны, общество можно и должно рассматривать, что и делают многие школы в социологии, как систему, стремящуюся к стабильности. Следовательно, такую, в которой нередко достигнутый уровень межгрупповых отношений является постоянным и мирным. История и действительность нередко демонстрируют нам объединенность антагонистов во имя определенных целей: победы, экономического роста и т. п. Рабочие отказываются от повышения зарплаты, предприниматели не стремятся увеличивать прибыль и т. п. Интересный пример достаточно спокойных внутренних взаимных отношений являет древняя и средневековая Индия, в которой, в отличие от соседнего Китая, не было мощных крестьянских и народных волнений.

Но с другой — в обществе всегда имеются конфликты. Можно считать, что формы их (как увидим дальше) сильно зависят от его устройства и, так сказать, «правил игры», а содержание — от распределительных или иных отношений.

В социологии также имеет определенное распространение теория конфликта (Дарендорф и др.), согласно которой неравенство «является результатом такого положения, когда люди, под чьим контролем находятся общественные ценности (главным образом богатство и власть), имеют возможности извлекать для себя выгоды» [37; 280]. Соответственно такое воспроизводство неравенства ведет к общественным конфликтам. С этим можно согласиться. Я, кроме того, считаю, что **в определенном смысле соперничество и борьба**

общественных групп и социальных единиц между собой есть способ их существования, форма общественной жизни. Однако это никак не означает неизбежность разрушительных и кровопролитных конфликтов. Это в истмате классовую борьбу часто трактовали только как определенные формы борьбы (восстания, революции, стачки и т. п.) угнетенных против угнетателей, то есть очень узко. Во-первых, социальная (в том числе и классовая борьба), как сказано, есть форма существования групп и классов. Поэтому она обоюдна как со стороны привилегированных, так и прини- женных групп. Первые даже чаще могут попытаться изменить ситуацию в свою пользу как более сильные. Во-вторых, поскольку борьба постоянна, обычны более мирные способы: бегство, «вольтанка», обман, воров- ство и т. п. — с одной стороны; обсчет, пренебрежение правами, манипуляции с законом и т. п. — с другой.

Если у населения нет возможности открыто отстаивать свои права, а борьба запрещена и носит прикрытый характер, переходит в незаконные формы, то это может грозить в конце концов социальным взрывом¹³⁶. Гораздо лучше, когда такое противоборство переведено в состояние законности, выработаны «правила игры». Тогда будет яснее позиция групп, их самосознание. И весьма вероятно, что выставленные напоказ претензии каких-либо слоев, групп или классов будут выглядеть слишком некрасиво и заставят умерить аппетиты. Общество лучше всего чувствует себя, если все основные силы и группы находятся в состоянии разумного (но не гнилого) компромисса, понимают необходимость договариваться, считают, что общественный мир и порядок превыше интересов любого из них. Законные и эффективные способы решать возникающие проблемы помогают переводить классовые конфликты в спор между членами одной корпорации или между гражданами. Хотя пословица «С богатым не судись» верна везде, но в правовых государствах гораздо легче добиться правды, чем в бюрократических, идеологических, где власти на страже своей элиты.

Общество без противоречий между группами и классами станет напоминать механизм, в котором зубья шестеренок не зацепляют друг друга, то есть без развития. Весь вопрос в формах таких конфликтов, в способности вовремя их разрешать. Конечно, если в обществе, по Гоббсу, «идет война всех против всех», это значит, что оно разъедено индивидуализмом. Но и коллективизм в чрезмерных дозах крайне опасен. Если государство достаточно свободно, но большинство

граждан верит в определенные идеи, то это хорошо объединяет, позволяет концентрировать общую волю для достижения социально важных целей. В этом отношении показателен пример Японии, сумевшей удачно соединить инициативу и активность личности с коллективизмом. Вероятно, что в будущем японцев ожидает определенный сдвиг в пользу индивидуализма, но это происходит относительно мягко. В нашей же стране переход от коллективности к ярко эгоистичному индивидуализму, от патриотизма без меры к тому, что при Сталине назвали бы «низкопоклонством перед Западом», слишком резок и усиливает духовный кризис.

Быть может, нигде связь отношений и сознания не проявляется столь сильно, как в формах сосуществования социальных единиц. Очень важно понимать, что господствующие мораль и право очень сильно влияют на позиции общественных групп, на поведение составляющих их лидеров и индивидов. Об общественном сознании мы и поведем речь дальше.

Глава 9. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Но как по ту сторону индивида имеется общество, так и по ту сторону нашей личной психики имеется коллективная психика...

Карл Густав Юнг

Таким образом, тот факт, что каждый индивид живет в обществе, создает для него двойное предопределение: во-первых, он находит сложившуюся ситуацию, во-вторых, обнаруживает в ней уже сформировавшиеся модели мышления и поведения.

Карл Манхейм

§ 1. Краткая характеристика общественных отношений

Пытаясь объять необъятное, я недостаточное внимание уделил общественным отношениям. В настоящем параграфе я частично заполню данный пробел. Но поскольку классифицировать эти отношения можно по самым разным основаниям¹³⁷, я остановлюсь лишь на

отдельных аспектах, которые, во-первых, лучше позволят проследить связь отношений и сознания, а во-вторых, обозначить ряд моих собственных мыслей и наблюдений. Общественные отношения нередко как бы перекрывают друг друга, являются комплексными. Так, рассмотренные в прошлой главе отношения между социальными единицами включают в себя частью распределительные, межнациональные, политические и иные. Не случайно в западной социологии распространен метод рассматривать как единый объект естественные комплексы отношений, убеждений, верований и ценностей, то есть

общественные институты, например институт семьи, частной собственности, образования и т. п. Это весьма удобно и полезно.

Вопрос, на котором обязательно надо заострить внимание, — это

тесная связь отношений и сознания. В самом деле, бесспорна мысль (см. эпиграф), что поведение людей в огромной степени обусловлено и предопределено обществом и сложившимися в нем отношениями. Мало того, можно согласиться, что «все то, о чем люди договариваются, что оно всеобщее, — коллективно, так же, как и все, что вообще понято, выделено, сказано и сделано» [46; 213]. Коллективно — значит, не полностью принадлежит человеку, индивиду, а во многом очерчено обществом.

Однако же, с другой стороны, люди не в сомнамбулическом состоянии совершают действия, даже если эти поступки вынуждены. Прежде действий и во время них так или иначе, осознанно или нет, яснее или невнятнее, но это проходит через сознание. Следовательно, люди должны или признать справедливость отношений, или возражать против них открыто, или терпеть, понимая бесполезность протеста, или им будет все равно и т. п. Поэтому так важны не только сами отношения и действия на их основе, но и психологическая направленность, гармоничность с внутренним состоянием их совершающих. От такой гармонии или, напротив, напряженности зависит очень многое и в жизни индивида, и общества. Периоды же, когда большое число людей по каким-то причинам перестает соглашаться с существующими отношениями, как понятно, чреваты социальными конфликтами и взрывами. Отношения и действия есть, таким образом, часть общественного бытия (см. следующий параграф) и неразрывны с их общественным психологическим сознанием. Однако последнее может воспринимать реальность в большой амплитуде колебаний: от фанатичной веры до полного отрицания.

Учитывая сказанное, читатель не удивится, что иногда в этой главе я говорю о морали, праве, искусстве и других формах сознания как об отношениях, имея в виду, что эти явления должны реализовываться в отношениях. Как бы ни классифицировать отношения, нельзя забывать, что разделить их нелегко, поскольку они часто существуют комплексно. Отношения в зависимости от типа общества могут быть очень консервативными и неизменными. Но в то же время при соответствующих условиях они способны переходить, перерастать друг в друга как — если уместно сравнить — разные виды энергии.

В настоящем параграфе мы рассмотрим отношения лишь в одном разрезе: с учетом того, каким способом осмысливается окружающее. В этом плане я выделяю три группы, каждая из которых частично связана с распределительными отношениями, а частично нет.

И ко всем относится то, что сказано выше о переходе отношений друг в друга и их комплексности. Итак, можно различать: регулирующие, идеологически объясняющие и эстетически-развлекательные отношения.

К регулирующим относятся правовые, моральные, политические, частично религиозные и др. нормы. Они что-либо разрешают, запрещают, требуют, за что-то порицают или хвалят, наказывают или награждают и т. п.¹³⁸.

Идеологически объясняющие отношения призваны разными способами объяснять людям мир и все явления жизни. Но одновременно они сильнее или слабее окрашивают, образно говоря, эти объяснения в те «краски», которые господствуют в данном обществе и культуре. Например, в учебных заведениях история может изучаться в патристическом духе, естествознание — в религиозном и т. п. Вся информация, какой бы объективной она ни казалась, всегда имеет некий идеологический оттенок. Для многих обществ древности и даже современных характерно то, что там господствовала одна строгая идеология, через которую все и преломлялось. К указанным объясняющим отношениям в значительной своей части относятся и наука, искусство, философия, педагогика и т. п. Поскольку сегодня значение информации огромно, роль этих отношений растет.

Даже животные, удовлетворив свои главные потребности, начинают искать развлечения. Надо ли удивляться, что уже древнейший человек, насытившись и отдохнув, думал, чем занять свободное время. Вот отсюда и ведут свою историю **эстетически-развлекательные отношения**. Ведь наряду с копьем и рогатиной, кремневым рубилом и топором люди с незапамятных времен изготавливали различные игрушки и безделушки, делали украшения, устраивали соревнования, различные игрища и игры (в т. ч. и азартные), представления, выдумывали шутки, загадки, зубоскальства и прочее — то, чем так богато народное творчество. К этим отношениям в большой мере можно отнести и искусство, а также целый мир развлечений, частью совпадающих с ритуалами (типа похорон, свадеб, особых танцев и т. п.). К подобным явлениям уместно причислить и моду.

Развитие развлекательно-эстетических отношений можно проследить на протяжении всей истории. Причем, как правило, чем более спокойная и богатая жизнь в обществе, тем больше уделяется этому внимания. Они оказались наиболее подвержены коммерциализации, что и понятно: люди охотнее платят деньги за развлечения, чем за

морализаторство или же необходимость «вперять ум» в науки. С появлением же возможности привлекать к зрелищам гигантскую аудиторию эти отношения стали тем более важными.

Сказанное о росте значения эстетически-развлекательных отношений будет яснее, если вспомнить, что — при всей неровности этого процесса — в целом дело идет к уменьшению регламентации поведения человека в обществе (хотя в отдельных областях, особенно связанных с общеопасными действиями, она может увеличиваться). Большая (даже чрезмерно) сексуальная свобода, планирование семьи и аборт, выбор образа жизни, одежды и т. п. — все это ведет к тому, что человек в своем поведении становится свободнее, а следовательно, он все больше тянется к развлечениям и наслаждениям. Здесь не место разбирать аспекты сложнейшего философского вопроса о свободе и необходимости, но замечу, что жизненная установка не на долг, самоограничение в разумных пределах и самосовершенствование, которые прежде часто были связаны с религиозной этикой, а на все большее потребление и наслаждение достаточно опасны для общества и каждого человека в отдельности. Ведь большинство людей, к сожалению, не в состоянии сдерживать себя, если нет внешних ограничителей. Уклон, перегиб в эту сторону, превращение жизни в развлечение, исповедование морали Хлестакова, что «для того и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия», представляется неразумным, опасным и ведущим к сугубому эгоизму индивидов¹³⁹.

Я бы хотел обратить внимание еще на один комплекс отношений. В социологии большое значение придается **социализации**, то есть процессу воспитания и подчинения детей (иногда взрослых) в направлении, нужном обществу. То, о чем я поведу речь, можно было бы назвать **самосоциализацией**. Явление, все более заметное в последние 2–3 десятилетия. Я имею в виду тот факт, что значительная часть людей гораздо больше стала уделять внимание тому, чтобы соответствовать определенным идеалам или стандартам. Большой стремится стать здоровым, калека — социально активным, некрасивая женщина — красивой, толстый человек — стройным, пьяница — трезвенником, слабый — физически крепким, незаметный — заметным, старый — более молодым, живущий без веры — обрести ее и т. п. В определенной мере к этому относится и стремление к богатству, почету и пр. Такая самосоциализация существовала в ограниченном виде всегда (см. Прил. 7, п. 1), но теперь она коснулась очень широких масс, которые в отличие от прежних эпох перестают

быть фаталистами, считать, что от судьбы не уйти, что все от бога, и стремятся делать свою жизнь сами, так сказать, не ждут милостей от природы. Разумеется, это сосуществует с усилением пороков и вредных привычек у других людей. Такие отношения в большой мере подчиняются этике, которая ставит определенные идеалы и стандарты. Но они и существенно отличны от чисто этических отношений. Здесь у человека есть выбор, и он стремится самосоциализироваться, чтобы стать выше в своих глазах либо в глазах других, обрести уверенность в себе, найти опору в жизни, жить радостнее, интереснее, полноценнее и т. д. Прогресс науки и социальных отношений, смещение общественных конфликтов от мощных социальных пластов к менее крупным способствуют этому в огромной степени. Развитие психологии и психиатрии, социологии, медицины позволяет лучше управлять физическими и психическими процессами. Большие возможности и неведомые опасности здесь открывает генетика. Люди все больше денег тратят на то, чтобы быть здоровее, внешне привлекательнее, избавиться от вредных привычек. И одновременно не меньше — в обратную сторону!

Таким образом, в понятие самосоциализации попадают многие стороны жизни, которые раньше мало или совсем не волновали общество. Думается, что этот процесс, разработка новых методов, побуждающих все больше и больше людей к совершенствованию, будет и должен нарастать. Иначе очень трудно справиться с антисоциальным поведением гигантского количества людей, которые не считаются с общественными ценностями и потребностями. Найти гармонию между индивидуальной свободой и общественной потребностью крайне необходимо, чтобы не скатиться ни к махровому индивидуализму, согласно которому «лучше миру провалиться, а мне чай пить» (Достоевский), ни к полному контролю за каждым с помощью новейших средств. Личное саморазвитие перестает и перестанет быть только личным делом, а будет и частью общественного долга.

Вполне понятно, что описанные отношения еще неразрывнее сопряжены с сознанием, поскольку должны осуществляться прежде всего добровольно.

§ 2. Взгляд на общественное сознание и общественное бытие

В 1896 г. во всем мире имелось, быть может, каких-нибудь 50 тысяч человек, которые поддерживали традицию науки в целом, и лишь 15 тысяч человек из них обеспечивали прогресс познания с помощью научно-исследовательской работы. 58 годами позже число людей, активно занимающихся научно-исследовательской работой, составило 400 тысяч, а вообще научных работников — два миллиона. (Сегодня, само собой, эти цифры возросли в несколько раз.)

В этом факте, приведенном одним историком науки [9; 389], прекрасно можно увидеть сложность выделения такой категории, как общественное сознание. В самом деле, науку традиционно относят к данной сфере, но ведь это гигантская область жизни со своим производством, распределением, особыми группами и слоями, теснейше связанными со всеми прочими областями жизни. А что же есть тогда бытие? Или, может быть, следует делить науку на, так сказать, материальную и нематериальную?

В малом и простом обществе общественное сознание не расчленено и достаточно просто. Но в огромном оно должно быть сложным и дифференцированным. **В качестве общесоциологического закона можно отметить, что едва какие-то формы общественного сознания взрослеют, они ищут возможности материализоваться, а не оставаться на уровне бесформенных чувств и впечатлений.** Разумеется, чувства, впечатления, идеи, не оформленные ясно, — важнейший элемент общественного сознания (см. следующий параграф), но, однако же, они еще не все сознание, а представляя собой некую среду, в которой интеллект общества кристаллизуется. С незапамятных пор общественное сознание материализуется более или менее явно в песнях, мифах, сказаниях; рисунках и статуэтках; пирамидах и храмах, пагодах и святилищах; в книгах, научном оборудовании, зданиях школ, университетов и академий и т. п. При этом, с одной стороны, развивают общественное сознание отдельные, наиболее одаренные люди, а с другой — в создании материальной базы участвуют массы¹⁴⁰.

Другим законом является то, что общественное сознание не просто развивается, но придерживается определенных канонов, форм и традиций. Для поддержания этого тиражирования и распространения необходима специализация. Неудивительно, что колдуны, шаманы, знахари и т. п. появляются на очень ранней стадии у многих народов. Имелись также «говорители законов», сказители,

певцы и т. п. **По мере усложнения общественного сознания специализация переходит в формирование определенной общественной группы или даже слоя, сословия.** Это можно выделить как третий закон. Но раз есть слои, специализирующиеся на чем-то, то они так или иначе участвуют в распределительных отношениях (и других тоже). Для этого необходимы либо поддержка власти (государства, церкви), либо чтобы данный продукт, услуга становились товаром (например обучение детей, книги, фильмы). Все сказанное можно суммировать таким образом, что по мере развития той или иной формы (части) общественного сознания происходит ее усложнение, специализация людей, которые превращаются в определенный общественный слой, а то и сословие, класс. Для существования такой сферы общественного сознания требуется материальная база в виде зданий, храмов, библиотек, типографий и т. п. и определенное производство. Следовательно, каждая форма общественного сознания обретает как бы свой базис. А если это делается на коммерческой основе, то вращение в производительные силы может быть весьма сильным, особенно если производство духовных товаров поставлено на поток. **Мы уже видели: идет постоянная перегруппировка общественной структуры между базисом и надстройкой, а само производство разрастается от все более насыщенных вещей к менее насыщенным.** И так же, как нет резкой грани между базисом и надстройкой, нет ее и между общественным бытием и общественным сознанием. Ведь последнее по мере его разветвления стремится каждую форму превратить в особую структуру. Получается как бы **бытие сознания.** Над ним, в свою очередь, надстраивается его собственное сознание (тех людей и групп, которые занимаются, скажем, отправлением религиозных обрядов, научными изысканиями, литературой и т. п.). Это может делаться как бы в несколько слоев, напоминать слоеный пирог. Подобно тому как человек может делать предметом своего изучения собственную психику, так происходит и в обществе¹⁴¹.

Общественное сознание — основополагающий атрибут, без которого общество, как мы говорили, просто не существует. Оно не может не усложняться по мере развития жизни, хотя и не автоматически. Аналогично закону соответствия распределительных отношений производительным силам существует закон **соответствия общественного сознания общественному бытию.** Множество противоречий и духовных кризисов связано с возникновением такого

несоответствия. Особенно заметно это при внезапных социальных или технологических переменах, когда образ жизни резко меняется. Тогда сознание часто не может, не хочет принять новое, непонятное, нередко неприятное, жестокое, противится ему. Возникает конфликт социальных групп, поколений, правительства и народа и т. п. Не переживаем ли мы сами такой перелом и духовную неуютность в связи с громадными переменами в нашем обществе?

Что же такое общественное сознание? Нередко его представляют только как коллективную психику¹⁴². Но мы видели, что это слишком узко. **Эта категория обобщает, во-первых, систему представлений** общества об окружающем мире, людях и о нем самом, о том, как следует поступать в этой и предполагаемой жизни; совокупность мыслительной, интеллектуальной и духовной жизни общества во всех сферах. **Во-вторых, описывает систему создания поддержания, распространения и развития этой жизни как материальными, так и нематериальными формами.** Следовательно, мы вновь убедились, что всякое деление на сферы, подсистемы и пр. хотя и нужно, однако не только не абсолютно, но достаточно условно, и часть выделенного одновременно находится и в других подсистемах.

Само собой, что далеко не вся духовная, интеллектуальная деятельность индивидов становится частью общественного сознания, а только та, что признается и потребляется обществом. Точно так же, как не всякие действия и отношения становятся социальными.

С одной стороны, по определению, общественное сознание имеет нечто общее для всех и каждого. В этом его первейшая задача: связывать людей в одно целое, индивидуальную психику с общественной. Это достигается, как говорилось, социализацией и самосоциализацией, которые держатся на подражании, постоянной притирке людей, жестких ограничениях и наказаниях за нарушение и т. п. Важное значение имеют и понятия о социальной справедливости, моральности. По словам Дюркгейма, «действие преступно, когда оно оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания» [21; 81].

Но, с другой стороны, общественное сознание неоднородно в нескольких смыслах. В данном случае я хочу сказать о том, что **сознание различных классов, групп и слоев сильно различается.** Здесь ярко проявляется связь бытия и сознания. Образ жизни, общественная роль, кругозор, привычка, воспитание и интересы, а также многое другое — все это накладывает сильный отпечаток на

психологию людей из разных слоев. Хотя, конечно, у каждого это проявляется индивидуально. Очень интересно проследить за тем, насколько общественное сознание соответствует социальному делению общества¹⁴³. Но даже и внутри какой-то социальной единицы можно увидеть различие более мелких групп, последовательно доходя до неповторимости психики каждого человека.

Рассмотрим теперь более подробно соотношение общественного бытия и сознания. «Общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса», — говорил Ленин. И это во многом верно. Неверно упрощать эту связь. Ведь и реальность не прямо охватывается в познании, между ними не прямое (зеркальное) соотношение, а происходит очень сложный и во многом еще не понятный процесс «превращения» реальности в символы, коды и системы научного языка. Соотношение же между общественным бытием и сознанием еще более опосредованное и сложное, чем между индивидуальным сознанием и реальностью¹⁴⁴. Тем не менее, деление общественной жизни на бытие и сознание при всей его условности имеет под собой весьма важные причины. Во-первых, «большую роль играет чреватая конфликтами заинтересованность людей в том, как должен рассматриваться тот или иной важный момент их общественной жизни; как реально существующий или только как нечто кажущееся» [31; 38]. В самом деле, когда коллективизацию объявили переходом крестьян к лучшей жизни, как следовало рассматривать этот вопрос? Или как оценивать реформы сегодня? Как нечто действительно совершающееся или задавая риторический вопрос: «А где они, реформы? В чем они?»

Во-вторых, человек всегда искаженно понимает свою практику, хотя общественное сознание благодаря науке и др. становится более верным¹⁴⁵. В-третьих, надо помнить, что все учреждения и институты в обществе отклоняются от того, что было задумано. Так реальные отношения всегда отличны от того, что записано в законе.

Говоря о связи общественного сознания и общественного бытия, надо хорошо понимать немеханический характер их взаимодействия¹⁴⁶. Связь эта очень долго оставалась непонятной. Важнейшая заслуга Маркса и ряда других философов и социологов (Вебера, Дюркгейма, Манхейма и др.), что они значительно прояснили ее. Немало в этом направлении помог и психоанализ (Юнг и др.). **Можно считать своего рода законом, что чем меньше осознается связка бытия и сознания, тем консервативнее и автономнее последнее**¹⁴⁷. В самом деле.

Вдумайтесь. Если люди считали свое мировоззрение единственно верным, данным от бога, неким откровением, вечной на все времена и в этом, и в иных мирах истиной, то как вообще можно было думать, что эта великая, боговдохновенная идея связана с презренным материальным, суетным бытием? Это были бы страшная ересь и богохульство. Хотя, конечно, отдельные мыслители античности, и Востока, и средних веков в чем-то приближались к такому пониманию. Это было легче, когда сталкивалось много культур, ломались старые представления, рушились авторитеты и т. д. И гораздо труднее — в закрытом и косном обществе с единой идеологией. Было время, когда и нам пытались внушить, что открыты вечные истины.

Сказанное об автономности сознания еще более относится к обществам дикарей, вообще не способных помыслить, что их верования есть искаженное отражение реальности. Страшная власть этих древних представлений над умами кое в чем продолжает жить и сегодня во всякого рода суевериях. Итак, можно сделать вывод: **чем более жестко, консервативно и отдаленно от действительности общественное сознание, тем более оно выступает как комплекс безусловных и не подлежащих обсуждению и смене идей для верующих в них. И тем сильнее оно может в ряде случаев влиять на бытие или даже подменять его. Можно сказать, что, с одной стороны, общественное сознание как бы повторяет структуру общества, но с другой — может само его существенно структурировать.**

Рационально объяснять особенности общественного сознания нередко трудно и потому еще, что в нем нарастают пласты разных времен и эпох — вплоть до самых отдаленных.

Напротив, чем яснее люди понимают, что их знания относительны и зависят от множества причин и достигнутого уровня, тем легче им признать, что существует связь сознания и бытия, хотя весьма сложная и непрямая¹⁴⁸. Сегодня мы можем неоднократно менять свои представления о Вселенной под влиянием каких-то новых открытий и гипотез. Но как трудно приживались идеи Коперника и Галилея! Да ведь сравнительно недавно в науке был мировоззренческий кризис, вызванный переворотом в физике.

С другой стороны, по мере убыстрения темпа жизни связь бытия и сознания становилась очевидной даже людям одного поколения. Мы и сами переживаем перелом и ясно видим и то, что все же реальности новой жизни постепенно изменяют общественное сознание, хотя и достаточно трудно, и то, что старые установки и искаженные представления у политиков и части интеллигенции о том, какие и как проводить реформы, сильно влияют на бытие¹⁴⁹.

Таким образом, в целом можно отметить, что **влияние общественного бытия на общественное сознание тем больше, чем сильнее меняется бытие, чем сильнее осознается такая зависимость и чем больший период и масштаб мы рассматриваем. И наоборот. Чем стабильнее бытие и консервативнее сознание, чем оно монополярнее (чем меньше влияние других культур), тем слабее чувствуется воздействие общественного бытия и тем автономнее общественное сознание.**

Общественное сознание не пассивно, не просто больше или меньше искаженная психикой и мыслительными операциями реальность. **Нет, сознание способно к творчеству. И это его фундаментальное свойство.** Фактически, создавая полностью фантастические, нереальные образы и вещи, оно в этом плане само становится особым бытием, давая людям хотя и иллюзорные, но желанные вещи: мечты, надежды, развлечения и т. п. Это связано с тем, что почти всегда люди не удовлетворены своей жизнью, своими возможностями, реальностью, есть или нет для этого причины. Но фантазия, стремление отрешиться от действительности тем или иным путем есть насущнейшая черта человеческой жизни. Неудивительно, что люди постоянно искали всякого рода одуряющие снадобья и напитки, доводили себя до иступления танцами и другими способами. Фантазия перемешивалась со стремлением объяснить мир. Так рождались мифы и сказки, легенды и вымыслы, былины и т. п. Это стремление уйти из реальности неразрывно связано с тем, что я назвал эстетически-развлекательными отношениями. И поэтому периодами литература, искусство превращаются почти вообще в нереальный или не такой, каков он на деле, мир (вспомним жанр фантастики или абстракционизм в живописи и т. п.). Это становится мощнейшим способом отвлечься от действительности, недаром наиболее популярны фильмы и книги-детективы, ужасы, фантастика и прочее — что так или иначе далеко от жизни.

Это стремление уйти от реального отлично поддается коммерциализации. Сегодня дети с самого раннего детства погружаются в ирреальный мир компьютерных игр и фильмов. Конечно, и раньше ребенок жил в мире фантазии, сказок и книг, но столь живое воплощение образов и способность действовать с ними становятся психически опасными¹⁵⁰. Как и любая крайность, если уход от реальности из временного отдыха превращается в цель существования, он делает людей бездеятельными и отвлеченными от

основы жизни, подобно пьянице или наркоману.

Коммерциализуется между тем все, в том числе и такие, казалось бы, неосозаемые вещи, как мысли, настроения, отношения, деятельность подсознания и т. п. Будь то в социологических исследованиях, психоанализе, воздействии рекламы на подсознание и т. п. Этому способствует и то, что общественное сознание современного общества начинает анализировать себя самое, подобно тому, как это делает иногда сознание индивидуальное.

§ 3. Структура и формы общественного сознания

Традиционно в марксистской литературе выделяли **7 форм общественного сознания: мораль, искусство (эстетическая форма), религия, наука, право, политическое сознание и философия**. Как видно, такое деление связано с различными способами осмысления и регулирования жизни. И это вполне естественно и законно, а потому по традиции живет и сегодня, даже в самых новых учебниках. В общественном сознании выделяются также такие уровни, как социальная психология и идеология. Это тоже достаточно справедливо, как и понимание того, что и сами эти уровни неоднородны и могут быть представлены в под-уровнях.

Оба эти термина весьма многозначны. **Под общественной психологией часто понимают совокупность чувств, представлений, оценок, взглядов на общество и мир, характерных для данной общности на определенном уровне развития. Упрощенно, это взгляды среднего человека. Предполагается также, что разные группы могут иметь существенные особенности своей психологии.**

Вероятно, следует согласиться и с теми учеными (Юнг, Манхейм и др.), которые говорят о коллективном бессознательном¹⁵¹. Речь идет о том, что не всегда даже можно выявить и вычленишь: о напластовании наследия далеких времен и даже предков в животном мире, но оно весьма реально и существенно влияет и позволяет играть на тех чувствах, которые можно назвать «низменными», а иногда на «возвышенных», типа самопожертвования. Следовательно, в общественной психологии весьма много уровней. Нет ничего удивительного и в ее иррациональности¹⁵², поскольку психология вообще не слишком уживается с логикой и разумностью. Это одна из

причин того, что так часто ее трудно вообще связать с какой-то реальностью. Подумайте сами, всегда ли вы можете объяснить свои чувства и переживания ясными причинами?

Под **идеологией** в марксизме принято понимать систему **теоретических взглядов и объяснений** мира и общества, достигнутых к определенному периоду. Но, возможно, чаще этот термин обозначает какие-то господствующие в обществе учения, которые воспринимаются как окончательная истина, аксиома, отправная точка любого рассуждения. В роли идеологии в этом случае могут выступать религия, какое-то политическое или философское учение, иной раз даже математика (например у народа майя или у последователей Пифагора — пифагорейцев). В более свободных или находящихся в кризисе обществах могут сосуществовать и соперничать несколько идеологий, отражающих взгляды и интересы различных социальных групп или партий. В западной науке часто употребляют этот термин в значении «ложного сознания», отражающего социальное положение различных классов.

В соотношении с общественной психологией идеология выше в плане системности и оформленности идей, но психология гораздо шире, поскольку включает в себя очень многое из того, что не может входить в идеологию. Разумеется, и та, и другая тесно взаимосвязаны. Существуют общества строго идеологические, где не только преобладает единственная и обязательная идеология, но где и сама жизнь строится по ней, все ею пропитано. Таковы некоторые религиозные государства, так было при социализме, нацизме и др.

XX век оказался веком идеологий и их столкновений: либерализма, монархизма, коммунизма, фашизма, национализма, фундаментализма, расовых теорий и т. п. Неудивительно, что им посвящено много научных трудов и концепций таких крупнейших ученых, как Манхейм, Арон, Д. Белл и др. Одно время были популярны версии конца идеологий. И действительно, в некоторых смыслах крайние, непримиримые и опасные (нацизм, большевизм) отошли в прошлое. Но в чем-то им подобные (на основе ислама например) еще живы. Хотя в демократических странах единообразия в идеологии быть не может, но там есть некие краеугольные камни духовного единства.

Рассмотрим теперь формы общественного сознания. Разумеется, я смогу лишь сделать некоторые замечания и высказать кое-какие мысли, поскольку системно изложить такой объемный материал, столь сложные и интересные вещи здесь, к сожалению, невозможно. Было

бы странно, если бы со времен Маркса столь мощно развивающееся производство и социальная жизнь не породили бы иных форм общественного сознания. Это противоречило бы и тезису о том, что бытие определяет сознание. **Идет постоянный процесс вызревания и отделения новых форм сознания.**

Исторически наиболее древними были религия, мораль, искусство. Разумеется, в самом зачаточном виде. Право почти полностью совпадало с моралью и религией, а политическое сознание, тем более философия и наука, имелись лишь в потенци¹⁵³. Собственно, последние очень долго были связаны с религией, так же, как, впрочем, и искусство. По-настоящему наука отделяется от религии лишь в новое время, что выражалось в т. ч. в конфликтах церкви и ученых. Между тем изобретение печатного станка сделало литературу достаточно доступной для массового читателя, а следовательно, у нее появились новые возможности. И с этого времени можно считать, что от литературы отделяются публицистика и журналистика и становятся особой формой сознания. Причем они как нельзя более соответствовали духу нового времени с его стремлением все знать, все проверить, обо всем судить. По мере развития промышленности и культуры выделились и такие формы, как **образование и воспитание**. Сегодня все более заметное место занимает новая форма сознания. Она представляет собой сплав искусства, в том числе новых его видов, зрелищных действий, публицистики, агитации, рекламы и т. п. Эта новая развлекательная, зрительская форма, **шоу-сознание**, уходит корнями в незапамятные времена танцев дикарей, соревнований, театров и пр. Но сегодня ее центральный нерв — телевидение и компьютеры¹⁵⁴, хотя и другие способы весьма активны. Следует особо выделить и **производственное сознание** (сегодня также тесно связанное с телевидением и компьютерами), которое отражает гигантские области знания: технологию, практическую науку, организацию производства и сбыта и т. п. (см. Прил. 7, п. 2). Вероятно, можно выделить и иные формы, например экологическую, как предлагают некоторые ученые. Ведь любой оформившийся вид деятельности требует определенного общественного сознания, как мы видели в прошлом параграфе.

В системах общественного сознания на первое место могут выходить различные его формы. Наиболее часто это происходило с религией, и нам известно немало обществ, где последней подчинены все отношения. В некоторых государствах с нового времени важнейшую

роль могло играть право, сфера действия которого в западных странах расширяется и сегодня. В нашем социалистическом обществе преобладало философско-политическое учение — марксистско-ленинская идеология.

Древнейшая часть общественного сознания, религия, прошла путь формирования от самых примитивных верований в возможность магических действий до современных философских и моральных учений. Социальная ее роль активно исследовалась и в целом достаточно хорошо изучена. Однако «как бы ни истолковывали религию, является ли она социальной по своей сути или случайной, одно несомненно: она всегда играла социальную роль» [8; 9]. Эмиль Дюркгейм справедливо считал, что в верованиях общество как бы обожествляет себя, и разным его стадиям присущи различные формы религии. Она сплачивает коллективы на основе убеждений и ритуалов. Но еще раньше было отмечено, что она же может укреплять позиции господствующих групп, власти, увековечивать неравенство и грубые формы эксплуатации. Неудивительно, что некоторые государства, едва оформившись, заимствуют более развитые формы религии, как это было с Русью. Многочисленные и подчас противоречивые функции религии объясняются слишком разными условиями существования, формирования обществ, их взаимодействия, взаимных отношений внутри социальных групп. Разные веры сильно различаются не только своими объяснениями и моралью, но и тем, какое место в них занимают церковная организация, ритуалы и обряды, украшательство, искусство и т. п.

Если религия подавляет другие формы, а ее нормы и понятия пронизывают всю жизнь, то у ее служителей, помимо собственно религиозных, появляются многие другие задачи: хозяйственные, политические, полицейские и т. п., которые могут стать более важными, чем первые.

В свою очередь, при уменьшении роли религии другие элементы могут влиять на нее и формировать с помощью собственных специфических средств¹⁵⁵.

Уже со времен Шопенгауэра в философии утвердилось представление, что проповедовать мораль столь же легко, насколько трудно ее обосновать. Неудивительно, что очень часто моральные нормы преподносились как божественные откровения (типа заповедей Моисея). И действительно, если нет страха за неисполнение норм, то для ряда людей нет и удержу. «Если бога нет, то все дозволено»

(Достоевский). Разумеется, очень много значит стабильность жизненного уклада, окружения. Принижение роли моральных норм и выход на первый план в формировании жизненных целей эгоизма, индивидуализма, погоня за наслаждениями ведут к духовному кризису, и этот кризис весьма остро ощущается в современных обществах, углубляясь еще и полным разрывом с природой. Неудивительно поэтому призывы «отыскать такие идеалы, которые могли бы на глобальном уровне выполнять функции, эквивалентные функциям местных и религиозных мифов, религий и идеологий в здоровых общественных системах прошлого».

Как ни велика роль науки в сегодняшнем общественном сознании, но и она не в силах полностью заменить веру и убежденность в правильности жизни для людей. Значение науки огромно, но огромна и опасность неконтролируемых действий, непредсказуемых исследований, вторгающихся в тончайшую область наследственности, искусственного формирования генов, манипулирования психикой и т. п. Быстро растет и могущество технократов, перед которыми порой огромные массы оказываются бессильными, поскольку первые отгораживаются «сложностью» дела, профессионализмом, кастовостью, особой посвященностью и т. п.¹⁵⁶

Право в его нынешнем понимании возникло сравнительно недавно. В прежние эпохи было мало обществ, в которых бы оно не отступало перед грубой силой. Там, по образному выражению русской половицы, закон выступал в виде дышла. Отлично подходят ко многим обществам и строки Некрасова: «Кого хочу — помилую, кого хочу — казню», «Закон — мое желание!», «Кулак — моя полиция!» Однако по мере развития государства право должно было развиваться тоже.

Долгое время оно оставалось на уровне обычая, т. к. государственный аппарат больше интересовали вопросы дележа собственности или же сбора дани — налогов. Но по мере взросления государства оно начинает чувствовать необходимость урегулирования многих вопросов, которые и оформляются так или иначе в праве (будет ли это запись обычая, перенимание чужих законов, перевод на правовой язык религиозно-моральных норм и т. д.). Очень часто имеется стремление представить нормы права как имеющие высшую природу, в откровении богов (как у вавилонского царя Хаммурапи), или в трудах пророков (как у мусульман в шариате), или же в высшей морали (как у революционеров) и т. п.

В последние века начало формироваться право, которое ставится выше сиюминутных интересов групп, имеющих силу. Как политическое устройство отражает сложный баланс интересов, так право стало отражать правила игры, менять которые не дозволено без строгой процедуры никому. Теснейшая связь норм гражданского и уголовного права с развитием денежного и капиталистического хозяйства несомненна и ясна. Никакое нормальное рыночное хозяйство не будет существовать, если нет органов и процедур, защищающих собственников и предпринимателей. В правовом государстве, по образному определению Жоржа Гурвича, «государство — это маленькое, но глубокое озеро в необъятном море права». Даже обычные моральные вещи там переводятся на язык права.

Однако неоднократно наблюдались переходы от правового или хоть полуправового государства к диктаторскому. В последнем закон выступает как реализация чистой политической воли каких-то групп, тогда как в правовом государстве он есть равнодействующая различных сил (Э. Киннигер). Там, где право лишь оформленные воля и интересы правящего слоя, оно слишком сильно противоречит привычной морали, поэтому не всегда выражается в публичных актах, а весьма часто в тайных, секретных директивах и циркулярах. Здесь сосуществуют, противореча друг другу, формальное право (часто лишь декларация) и фактическое, т. е. масса разнообразных тайных и явных указов, инструкций и т. п., которые не соответствуют друг другу и корректируются политической волей, сиюминутным направлением политики. В СССР существовал именно такой вид права. И, к сожалению, до сих пор наше правительство считает в порядке вещей менять законы, указы и инструкции так часто и тогда, когда оно найдет нужным. Пока такая профанация законодательства, ориентируемого на интересы каких-то групп и личностей, не закончится, в нашем обществе не может быть никакой стабильности.

КРАТКИЕ ИТОГИ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Итак, мы бегло познакомились с основными подсистемами общества, которые можно выделить для всех исторически существовавших обществ, и с их особенностями в зависимости от характера конкретного общества и исторической эпохи. Мы также увидели некоторые механизмы взаимодействия и взаимопроникновения этих подсистем.

В пятой главе речь шла о том, что такое общество, и о разных

способах его исследования. Стало ясно, что, в отличие от общей социологии, изучающей современное общество и малые группы, для анализа социологии истории важнее изучение более крупных образований, то, что я назвал **единицами исследования** (политическими, производственными и т. п.). Эти единицы мы рассматривали в процессе всего изложения. Читатель также убедился, что в некоторых случаях необходимо подчеркивать целостность системы, взаимодействие и взаимозависимость ее подсистем. А в других следует сделать акцент на их иерархичности. В этом случае можно использовать метод выделения **базиса** (географической среды и производительных сил) — **надстройки, общественного бытия — сознания**. Однако такой подход не должен быть жестким. Следует помнить и об относительности деления, и о том, что внутри общественной системы происходят перекомбинации, которые изменяют состав базиса, надстройки, бытия и сознания. Нельзя также забывать и о том, что такое деление на практике неразрывного делается с научной, познавательной целью.

В главе шестой были развернуты мысли о том, что для многих обществ, особенно ранних эпох, роль **географической среды** является, по сути, базисной. Но поскольку эту среду часто представляют только как внешнюю силу, возникает теоретическое противоречие. Его можно разрешить, если считать, что часть осцилированной, вовлеченной в человеческую практику географической среды является и частью (природным уровнем) производительных сил. И чем слабее последние, тем больше роль первой.

Мы увидели также, что структура **производительных сил** сложнее, чем это представлено в историческом материализме. В ней как равноправные элементы следует выделять энергетические источники, средства связи, транспорт и др. Кроме природного, по мере развития производственных сил в них сформировались еще три уровня. Читатель также убедился в том, что сегодня производство затронуло сферы духовной деятельности и становится неразрывным с наукой. Это явление анализируется в теории духовного производства. В составе производительных сил имеется особая **производственная организация**, которая соединяет их с распределительными отношениями и входит сразу и в те, и в другие. Это особая система связи между руководителями и подчиненными внутри производственных единиц и между последними с помощью торговли,

рынка, плана и т. д.

В седьмой главе было показано, что идея о том, будто отношения собственности на средства производства предопределяют распределение благ в обществе, слишком узка, годится только для отдельных случаев и не объясняет многих других. При этом стало ясно, что достаточно распространены ситуации, когда основной момент распределения лежит вообще вне производства (классический случай — военный или колониальный грабеж побежденных). По этой важной причине, что распределение вообще шире экономики, я считал менее правильным использовать термин «экономические отношения» и ввел понятие **распределительных отношений** — как системы распределения в широком смысле слова от производства (где оно обязательно начинается) до потребления. В каждом конкретном обществе ведущими могли стать те или иные механизмы (моменты) распределения.

В восьмой главе мы выяснили, что для существования общества необходим властный центр, и увидели, какие способы осуществления власти выработаны историей, каковы **основы общественного неравенства**, на чем оно держится, как осуществляется и передается новым поколениям.

В этой главе мы убедились, что государство имеет много функций, которые по мере взросления человечества и особенностей конкретных обществ отпочковываются и меняются по значимости. Первоначально государства являлись прежде всего организациями насилия, с помощью которых одни группы навязывали свою волю другим (большинству) и эксплуатировали их. Однако и по сию пору насилие в той или иной мере неразрывно присуще государству.

Государство — это центр общественной системы. Оно никогда не совпадает полностью с обществом, но в одних случаях контролирует только часть отношений, а в других — почти все. От того, какова роль государства, куда сдвинут этот центр власти, очень сильно зависит суть общественной системы.

С политической организацией связан и социальный состав общества. Истории известны разнообразные **социальные единицы**, наиболее часто в государственную эпоху различия между ними подкреплялись законом или обычаем (**сословия** и им подобные). В этом случае люди разных групп имели жестко закрепленные права, обязанности и привилегии. Однако мы убедились, что почти всегда, заметнее или не очень, ясно или нет, но различие в социальном положении выражается

также и в разном доступе к материальным благам, преимуществам в распределении. В некоторых случаях социальное деление идет яснее по признаку обладания благами, собственностью, контролем за распределением и т. п. Тогда можно вести речь о **классах**.

На протяжении всей части я неоднократно показывал, что в каждом конкретном обществе и случае одни или другие сферы, части, элементы выходят на более или менее значимое место. Отдельный параграф был посвящен доказательству невозможности утверждать первенство политической или экономической подсистем для всей истории. Много внимания уделено и тому обстоятельству, что нередко различные единицы, функции, подсистемы, отношения и т. п. не расчленены, неразрывны, перепутаны. Бульшая расчлененность обычно свидетельствует и о большей развитости общества.

Последняя глава была посвящена общественному сознанию и его связи с общественным бытием. Здесь мы увидели, что все многообразие отношений можно классифицировать по-разному, и остановились только на одном ряде: **регулирующие, идеологически объясняющие и эстетически-развлекательные**, которые легче связать с общественным сознанием. А также познакомились с явлением, которое я назвал **самосоциализацией**, и увидели теснейшую связь общественного бытия и сознания, но не зеркальную, а весьма сложную. При этом чем хуже осознается такая связь, тем автономнее и устойчивее, менее подвержено изменениям сознание.

Было прослежено, как по мере развития тех или иных форм общественного сознания оно начинает поиск возможности материализоваться, возникает специализация и вырастает особый слой (сословие, класс и т. п.) людей на базе этой формы. Эти люди включаются в распределительные отношения и общественное производство. Таким образом, общественное сознание не есть только чистые идеи и образы, а представляет собой ряд подсистем меньшего уровня, которые в значительной мере повторяют строение всего общества и имеют свои базис и надстройку, собственное **бытие сознания** и нарастающее над ним сознание и т. д., т. е. своего рода слоеный пирог. Мы увидели также, что форм общественного сознания больше, чем их выделяется в марксизме, и развитие это продолжается.

Таким образом, мы подошли к тому, чтобы увидеть, как это многообразие форм, отношений, групп и различных единиц соотносится с историческим процессом человечества. В третьей части я и попытался построить периодизацию всемирно-исторического

процесса, показать его ход, пути, варианты, а также и его важнейшие этапы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

От автора

В этой части я оказался еще более скован поставленными перед собой задачами. Пытаясь выдержать объем, не затруднить восприятие и учесть уровень знаний молодых читателей, я, конечно, вынужден был об очень многом говорить лишь бегло, ограничиваться отдельными штрихами, а то и вовсе умалчивать, лишь подразумевая это «про себя». Но не следует думать, что я забыл о культуре, выдающихся личностях, особенностях религий или о каких-то иных явлениях и сторонах либо умаляю их значение. Ведь моя задача требует сосредоточиться только на одной линии. Хотя всемирная история может быть представлена целым рядом направлений развития, мне нужно показать исторический процесс, так сказать, выпрямленный, «эстафетный», когда один народ, одно общество, вырвавшись вперед всех, затем как бы передают эстафету другим.

Как биолог, рассказывая о развитии жизни от низших ее форм к высшим, выбирает из гигантского массива материала только ту «тропку», которая ведет к нынешним высшим млекопитающим, так и я прослеживаю лишь магистральный путь, ведущий в «сегодня». Но чтобы его оттенить, бегло показываю также и некоторые тупиковые направления, иллюстрирую «веерность» развития обществ и человечества.

Нужно иметь в виду: реальный исторический процесс не таков, что сначала заканчивается один этап и, когда старое полностью исчезло, начинается второй. Нет, одно накладывается на другое; одновременно разные общества находятся на разных стадиях. И сегодня в мире

представлены все четыре формации разом.

Логика изложения подсказала мне, что сначала необходимо построить систему категорий и терминов, предварить исследование выводами, а лишь потом знакомить читателя с этапами исторического процесса¹⁵⁷.

И последнее. Обращаясь к молодым читателям, хочу предостеречь их: считать, что сказанного здесь достаточно, чтобы понять исторический процесс, нельзя никак. Эта работа — лишь способ облегчить путь к познанию хода истории, лишь краткое изложение одной из возможных теорий, объясняющих и систематизирующих его.

Глава 10. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сначала надо найти основначала, а потом с их помощью осмыслить исторический процесс.

Л. П. Карсавин

§ 1. Введение в проблему. Необходимость особых категорий

Что такое теория исторического процесса? Упрощенно говоря, это концепция, которая объясняет развитие и ход мировой истории, ее этапы и законы, более или менее непротиворечиво упорядочивает огромный поток разноречивых и уникальных фактов, показывает направление в безбрежном океане событий и действующих лиц. Как уже говорилось, здесь всегда есть Сцилла и Харибда — две опасности, подстерегающие ученого. Первая — не сбиться на теоретизирование ради самой теории, игнорируя упрямые факты, противоречащие концепции, объясняя их случайностью, отклонением от нормы, непонятным зигзагом и т. п. Вторая — не встать на позиции, когда объявляется невозможность никаких широких обобщений, создание непротиворечивой и логичной системы, объясняющей хотя бы большинство фактов. Есть смысл отметить, что понятия «всемирная история» и «всемирно-исторический процесс» (далее для краткости — «исторический процесс») — понятия, не совпадающие полностью. Первое гораздо шире второго. В этой части речь идет именно об историческом процессе, его теории. По сути, здесь рассказывается прежде всего об одной линии истории — «генеральной», которая в рамках наших задач выглядит важнейшей. Но «генеральная линия» —

в начальных этапах каждого нового периода — путь нетипичного, поскольку, как уже неоднократно говорилось, переход к новому качеству возможен лишь при складывании особых условий. По мере того как лидеров догоняют другие общества, у них появляются или выявляются и сходства, наиболее заметные в зрелые фазы формаций. Поэтому необходимо говорить также и о типичных чертах обществ в каждом из крупных этапов. Это потребовало от меня введения ряда категорий. Таким образом, теорию исторического процесса удобно строить как бы в особой системе координат. Ось вертикали показывает путь качественного развития («генеральную линию» истории), ось горизонтали — то общее, что можно выделить у разных обществ каждой формации.

Для чего вообще нужна подобная теория? Еще Дж. Вико справедливо утверждал, что «человеческий ум по самой своей природе склонен наслаждаться Единообразием». А кроме этого, должна же быть какая-то общая территория, язык, проблемы и пр. у историков, социологов, философов и других обществоведов. Да и трудно усваивать материал, если он лишен внутреннего логического порядка, условно говоря, «смысла». Наконец, кто может глубоко познать всю историю? В лучшем случае — единицы. А иметь о ней представление должны многие. Поэтому-то очень часто с историей знакомятся именно через теорию истории. И тут видна большая ответственность теоретиков за то, чтобы возможно точнее воспроизвести в своих построениях ее реальный ход.

Конечно, даже неверная концепция (если это не грубая идеологическая догма) все же предпочтительнее, чем отсутствие ее вовсе. Но гораздо лучше система, способная объяснить большинство известных фактов. То, что за истмат, хотя он и устарел, держатся до сих пор, вполне понятно: иначе можно вовсе потерять ориентиры. Но тем важнее создать современные учения, которые в острой конкурентной борьбе или отсеются, или займут свою нишу, или станут в той или иной части общепринятыми.

Как подчеркивалось, когда речь идет о всеобщих чертах и свойствах, концепцию нельзя строить на «эталонном» методе, чтобы выводы были привязаны к обществу-образцу. Здесь нужно обобщить возможно больше случаев и вариантов. Только это общее в одних обществах или процессах заметнее, чем в других. Ведь именно так проявляются законы, а конкретный анализ должен показать те причины, которые делают его проявление в одних случаях сильнее и

ярче, в других — слабее и незаметнее.

Истмат рассматривал законы и категории как нечто неизменное, живущее почти самостоятельно и одинаково прикладывающееся как к общему, так и особенному, как к анализу отдельных обществ и периодов, так и ко всемирной истории. И в этом одна из его главных методологических ошибок. Но очевидно, что, подобно тому, как для разных процессов труда нужны разные инструменты, так и категории, годящиеся для анализа одних законов и решения определенных задач, могут не подходить для изучения других. В то же время желательно, чтобы все категории были родственны между собой. Если сравнить с физикой, то там для измерения массы тела, температуры, энергии или скорости используются разные формулы, законы и таблицы. Но большинство этих характеристик связано между собой особыми формулами. Подобно этому, категории, удобные для историко-социологического анализа, не полностью подходят для исследования законов исторического развития. Но и те и другие понятия должны иметь ясную связь между собой, иначе общая концепция превратится в механическое соединение более мелких теорий.

Итак, хотя к введению новых категорий не следует прибегать без большой необходимости, в данном случае придется, опираясь на прежние, создать целую систему новых, способных описать исторический процесс. В известном смысле, категории — это краткое выражение законов, их «формула». Что же нам следует сделать? Сначала вспомнить, что общего было найдено в структуре и функциях обществ. Затем попробовать определить некую повторяемость в развитии отдельных подсистем, выделить этапы этого развития и то общее (теоретическое), что есть в каждом из них. Образно говоря, перейдем от горизонтального (социологического) измерения к вертикальному (историческому). Помня, что любая теория огрубляет действительность, упрощает ее, надо приложить усилия, чтобы конкретика понесла минимальные потери. Здесь две группы категорий. Первая описывает сходные черты отдельных подсистем обществ на определенном этапе, находя общее в производительных силах, распределительных отношениях, политической системе отдельных обществ и т. д. Это то, что мы чуть выше определили как «ось горизонтали». Вторая — особенности перехода с этапа на этап, т. е. «ось вертикали».

Как можно выводить новые категории, посмотрим на понятия «производительные силы». Оно выделялось потому, что мы

обнаружили во всех обществах наличие сходных элементов и функций, которые представляют взаимосвязанную подсистему и служат для создания жизненно необходимых обществу благ. Но в то же время в строении производства разных периодов есть столь важные отличия, что теоретически пришлось описать их как нарастание уровней. Следовательно, в ходе исторического развития человечества эта подсистема прошла определенные этапы. Однако они прослеживаются именно для всего человечества, а не для каждого общества в отдельности. Ведь многие из них не доживают до нового этапа, не способны перейти на него, просто заимствуют передовую технику и т. п.

Когда мы сумеем определить эти этапы развития производительных сил в формационных рамках, найдем общее в их развитии, движущие силы и закономерности перехода от одного качества к другому, словом, построим периодизацию движения производительных сил во всемирном масштабе, тогда мы и выведем заданную категорию. Об этом следующий параграф.

§ 2. Производительные силы и принцип производства

После сказанного сразу встает вопрос: где то мерило, которое позволяет соотносить стадию развития производительных сил конкретного общества с развитием человечества? Ведь любая периодизация или классификация и нужна прежде всего для того, чтобы можно было сравнить частное с общим, найти в уникальном и своеобразном сходство, роднящее его с другими уникальными и неповторимыми явлениями. Напомню, что истмат так и не сумел отыскать такой критерий, хотя и был близок к этому.

Из предыдущего вам уже ясно, что найти «индикатор», т. е. некий элемент, изменения которого можно положить в основу периодизации производительных сил, невозможно, хотя бы потому, что с каждым шагом вперед в производстве появляются новые элементы. Этот подход не позволяет также приравнять друг к другу разные типы хозяйств: собирательство и охоту, земледелие и скотоводство и т. п. Не годятся и формальные методы.

Я думаю, что только комплексное сравнение производительных сил разных обществ позволит понять некий принцип определения уровня их развития. Решить указанную задачу невозможно без специальной

категории, которая бы описывала *качественные ступени мировых производительных сил*, позволила бы проследить процесс зарождения, развития, победы и упадка каждой из них. Очень важно, что для такой операции в науке уже выработаны понятия, которые позволяют обобщить глубинные сходства в производстве разных эпох и обществ, увидеть определенные рубежи в развитии мирового производства. Это понятия: **присваивающее** хозяйство, **производящее** хозяйство, **индустриальное** производство и современное **информационное** (постиндустриальное и т. п.) производство.

Что общего в приведенных выше понятиях? Каждое название указывает на новое качество, свойство, основу типов хозяйства и производства. По сути, речь идет о том, что направление, структура, отраслевой состав хозяйства и производства меняются **в принципе**, подчеркиваются глубина и системность перемен. Поэтому и категорию, которая описывает эти **четыре** ступени в развитии всемирных производительных сил, качественно различающихся между собой, я назвал **принципами производства благ**.

Слово «**благ**» в названии категории надо пояснить: нельзя ограничиваться только материальными благами, поскольку «духовное производство» нередко является «органическим подразделением» всего производства (В. И. Толстых). Сегодня же это очень большой и все растущий сектор. Таким образом, речь идет, прежде всего, о производстве обычных, типичных благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства, неважно, материальные они или духовные. Оговорив этот момент, в дальнейшем мы будем использовать краткий вариант термина — принцип производства.

Итак, **принцип производства — категория, которая описывает очень крупные качественные ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе**. Каждой формации соответствует только один принцип производства. Каждый принцип производства — особая ступень, поэтому сходство между ними весьма абстрактное, прежде всего в масштабе перемен, их революционности. Границами между принципами производства служат производственные революции: **аграрная, промышленная и научно-техническая**. Эти революции — не просто рубежи, отделяющие один принцип производства от другого, но и четкие показатели начала качественных перемен в мировых производительных силах, которые знаменуют смену принципов производства.

Принцип производства — категория очень высокой абстракции, которая описывает определенный крупный этап развития производительных сил определенной формации (поэтому если речь идет о начальных этапах принципа производства, то арена его действия — группа вы- рвавшихся вперед обществ). Он выделяется на основе **принципиального** (качественно-стадиального) сходства производительных сил разных обществ. Но принципиальное сходство не означает фактического совпадения в укладах, отраслях хозяйства, технике и технологии, а, напротив, предполагает и разные варианты хозяйствования, и большую **амплитуду** в количественных характеристиках.

Каждый принцип производства — это огромная эпоха, важнейшая ступень в развитии человечества. Чтобы яснее понять смысл этой категории, целесообразно указать, какие же изменения происходят при его смене.

I. В самом производстве.

□ Усложняются структура и функции производительных сил, появляются новые элементы и секторы. В производительных силах обществ нарастают как бы новые уровни. Постепенно новые секторы, технологии, подходы, знания становятся ведущими и частично перестраивают уклады прошлых принципов производства.

□ Производительность труда увеличивается многократно.

□ Резко возрастает излишек благ.

□ Переход к новому принципу производства позволяет обеспечить минимумом жизненных благ во много раз большее население¹⁵⁸. Соответственно наблюдается либо его количественный рост, либо (как в современных развитых странах) рост качества и продолжительности жизни.

□ Сильно уменьшается зависимость от природы, и возрастает способность влиять на нее. Принципиально изменяются пределы, поставленные географической средой.

□ Резко увеличивается плотность производственных и экономических контактов между обществами, обмен достижениями, объем потребляемой энергии, информации и прочего.

II. Во всех других сферах жизни.

С отставанием и в разном темпе, но обязательно везде происходят глубокие качественные изменения. Этому позже будет отведено значительное место.

Хотя кое-что из перечисленного может происходить и при смене

принципиально одинаковых хозяйственных занятий (например, при переходе от примитивного земледелия к скотоводству, от развитого сельского хозяйства к ремеслу), в совокупности такие изменения характерны только при смене принципа производства.

Я выделяю четыре принципа производства, разделяемые тремя производственными революциями.

1. **Охотничье-собираТЕЛЬский** принцип производства (или принцип присваивающего хозяйства).

2. **Аграрно-ремесленный** принцип производства (или принцип простого производящего хозяйства).

3. **Промышленный** (индустриальный) принцип производства (или принцип машинного производства).

4. **Научно-информационный** принцип производства.

Необходимо сказать о цикле принципа производства. Я разделил каждый принцип производства на шесть этапов.

1. Первый этап — «переходный» («примитивный»). Он связан с появлением нового принципа производства в одном или нескольких местах, но еще очень неразвитого и несовершенного.

2. Второй этап — «молодости» («роста») — связан с более широким распространением новых видов хозяйствования и укреплением нового принципа производства, который теперь уже господствует во многих местах.

3. Третий этап — «расцвета» — связан со вторым этапом производственной революции, новым качественным рывком, который теперь уже создает основу для создания зрелых форм принципа производства.

4. Четвертый этап — «зрелости» — связан с процессом распространения новых технологий на большинство областей или отраслей. Принцип производства приобретает свои классические формы.

5. Пятый этап — «высокой зрелости» — ведет к интенсификации производства, доведению его потенций почти до предела, за которым уже возникают кризисные явления. За счет преодоления некоторых прежних технических ограничений возникают несистемные для данного принципа производства явления.

6. Шестой этап — «подготовительный». Интенсификация усиливается, появляется все больше несистемных элементов, которые готовят рождение нового принципа производства. Но они еще не складываются в систему. Шестой этап — последний в плане развития

генеральной линии исторического процесса. Далее в некоторых обществах возможен переход к новому принципу производства, и цикл повторяется.

§ 3. Распределительные отношения и тип отчуждения благ и личности

В своем месте мы говорили, что распределительные отношения весьма разнообразны и могут коренным образом меняться даже на одинаковом производственном (техническом) базисе. В то же время в основе этого разнообразия лежат глубинные общие свойства благ — **распределяемости и отчуждаемости**, которые позволяют создать единую категорию.

Очевидно, что изъять и сосредоточить в определенных руках излишек благ, а тем более необходимый продукт, можно, либо совершив над их производителем (владельцем) определенное насилие, либо создав общественные условия, когда он сам будет желать такого отчуждения или быть вынужденным к нему¹⁵⁹. Словом, совершаемые воздействия и насилия с целью отчуждения и присвоения благ очень разнообразны. Однако в любом случае они связаны с уровнем развития производительных сил, количеством населения и благ. Почему? Очевидно, что от изобилия или дефицитности благ, технической способности их запасать, производительности, сложности и квалификации труда и т. п. напрямую зависят и механизмы распределения, и жестокость воздействия. А раз так, то при переходе к более высокому принципу производства неизбежно раньше или позже меняются и принципы распределения, влияния на личности производителя и владельца благ. **Таким образом, основываясь на периодизации принципов производства, можно создать и периодизацию распределительных отношений во всемирном масштабе, выделив в них общие для каждой исторической ступени свойства.**

Я пришел к выводу, что такую категорию можно назвать, исходя из определенной степени насилия и воздействия на владельцев и создателей благ, вообще на общество, **типом отчуждения благ и личности** (в дальнейшем для краткости — **тип отчуждения**). **Это понятие раскрывает единство распределительных отношений**

обществ одного принципа производства со стороны: а) степени насилия и воздействия на людей для перераспределения, отчуждения и циркуляции благ; б) способов закрепления этого порядка; в) характера приспособления личности, общественных слоев и отношений к этому воздействию.

Необходимы некоторые пояснения к термину. Во-первых, понятие «отчуждение» давно используется в философии. Его широко применял Гегель. А Маркс придал ему гуманистический и критический смысл, обвиняя (во многом справедливо) капитализм в том, что тот отчуждает рабочего от средств производства и достойного человека существования. В данном случае я придаю слову «отчуждение» вполне научный смысл, как **способности благ отрываться от своего создателя (хозяина), а личности приспосабливаться к господствующим отношениям.**

В нашей науке также нередко используется понятие «принуждение», например «внеэкономическое» и «экономическое» принуждение. Именно это деление в свое время и дало толчок мне для того, чтобы понять: способы такого принуждения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Однако хотя термин «принуждение» неплох, он все же не охватывает всего комплекса распределительных отношений. Ведь кроме прямого принуждения или его угрозы, существуют также создание условий безвыходности, психологическое внушение, добровольное отчуждение из-за выгоды, понимания долга, ради престижа, развлечения, интереса и т. п. При этом в зависимости от типа отчуждения и вариантов распределения на первые места выходят те или иные из перечисленных способов. К тому же мне хотелось совместить все это с идеей отчуждения личности и сделать основой для периодизации исторического процесса.

Мы уже говорили, что наиболее влиятельные социальные группы или классы стремятся сохранить или усилить выгодные им способы распределения, а для этого «подгоняют» все остальные отношения под себя. Отмечалось также, что в котел распределения попадают не только произведенные, но и иные блага (включая достоинство, престиж, гарантии и т. п.). Все это связано с отчуждением, т. е. изменением, подавлением, приспособлением и т. п. личности человека. Либо полностью (рабство, крепостничество, каторжные работы и т. п.), либо частично: отдельные стороны, качества, характеристики (здоровье, свобода, жизненный выбор, свободное время, узкая специализация, монотонный, изнуряющий труд,

неудобства и т. п.). Идет особая **социализация**, а в худшем случае уничтожение или физическое и моральное уродование. Это относится не только к производителю или собственнику (пользователю), у которого отбирают блага, но и вообще, в той или иной мере, ко всем членам общества, поскольку в распределении активно или пассивно участвуют все. Такое отчуждение, приспособление личности дают возможность перераспределять блага, а в стабильных системах также способствуют социальному порядку и воспроизводству распределительных отношений. Отсюда понятно стремление прежних обществ определить место всех и каждого в социальной иерархии, производстве, закрепить его не только за данным индивидом, но и его потомками.

Каждому принципу производства соответствует свой тип отчуждения: принцип присваивающего хозяйства — **доэкономический тип отчуждения**; простого производящего — **внеэкономический**; машинного — **полуэкономический**; научно-информационного — **экономический**. Разумеется, каждый из них имеет свои подтипы и варианты.

§ 4. Способ производства и отчуждения, формация исторического процесса и другие категории

Несомненно, связь между производительными силами и распределительными отношениями столь тесна, что для ряда научных задач целесообразно рассматривать их как единый комплекс. Но, как мы видели, тесная связь существует и между категориями «принцип производства» и «тип отчуждения». Теоретическую модель, выражающую это единство, я назвал **способом производства и отчуждения благ и личности**, для краткости: **способ производства и отчуждения** или еще короче — **способ производства**¹⁶⁰.

Соответственно принципам производства и типам отчуждения **способов производства также четыре**. В полном обозначении они должны включать в себя название двух сторон единства:

присваивающего производства и доэкономического отчуждения;
простого производящего производства и внеэкономического отчуждения;
машинного производства и полуэкономического отчуждения;
научно-информационного производства и экономического отчуждения.

Но для краткости я буду их называть по принципу производства или иногда по типу отчуждения.

Способ производства в марксизме признавался основой, «скелетом» соответствующей ступени развития общества. Вместе же с социальной, политической и духовной сферами (надстройкой) все это именовалось **общественно-экономической формацией**. Данная категория, так же, как и ряд других, неправомерно прикладывалась как к конкретному, со всей его спецификой, обществу, так и к абстрактной модели этапа исторического процесса¹⁶¹. Такое представление (во многом неосознанное) живо и по сию пору.

Сохраняя этот привычный и достаточно удачный термин, я еще раз подчеркиваю: в моем понимании **эта категория уместна в масштабе гораздо более широком, чем одно или даже группа тесно связанных обществ, поскольку она объединяет наиболее общие черты всех главных подсистем конкретных обществ данного способа производства**. Она, следовательно, описывает определенные, огромные этапы исторического процесса в наиболее общем, абстрактном виде. Другими словами, она нужна для того, чтобы упорядочить исторический процесс в нашем познании. Соответственно способам производства **общественно-экономических формаций также четыре**. Хотя соотношение производства и социально-политической сферы, общественного бытия и сознания может быть в каждом обществе различным, для периодизации взята за основу идея доминирования производительных сил и первичности общественного бытия. Отсюда вся периодизация строится вокруг принципов производства. Однако еще раз подчеркиваю, что данные категории, в т. ч. формация, — это теоретические конструкции. Даже если они удачны и опираются на естественные признаки, прямо накладываться на общество данного периода не могут. Необходимо уточнить подэтап и подтип, выявить специфику и использовать ряд иных правил соответствия. Обозначать я их буду по номерам и для краткости называть просто «формация».

Но есть ли возможность в обществах хотя бы и одного способа производства обнаружить сходство в различных политических и социальных системах, культуре и т. п.? Я не сомневаюсь, что есть, но, разумеется, оно будет очень абстрактным. Общее в политической жизни обозначается категорией «**тип политической организации общества**»; в социальной сфере — «**тип социальной организации общества**»; в этнических отношениях — «**тип этнической**

организации общества»; в общественном сознании — «тип общественного сознания».

В моей концепции важное место занимает и такая категория, как **«основное противоречие способа производства»** (или кратко — «основное противоречие»). Оно проявляется по-разному в каждом обществе и, кроме того, принимает существенно иной вид на каждой стадии способа производства. По сути, это комплекс противоречий, объединенных весьма абстрактной формулировкой. Иногда оно выражается и как противоречие между взаимосвязанными обществами (колония — метрополия и др.). **Основное противоречие относится не только к способу производства, но и ко всей формации.** При этом длительное время после перехода к новому способу производства главным остается преодоление **остаточного противоречия** прежней формации, но, конечно, уже преобразованного, приобретшего иные формы. Об этом, а также о том, как возникает, созревает и разрешается основное противоречие, мы скажем в последующих главах.

Глава 11. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Проблема остается проблемой классификации, проблемой продуманной иерархии обществ. И никому не уйти от этой необходимости, притом с уровня материальной жизни.

Ф. Бродель

§ 1. О разных подходах к периодизации истории.

Формации и цивилизации

Забегая вперед, в главе 10 я уже наметил схему периодизации исторического процесса. Теперь ее следует обосновать. **Периодизация** — неизбежный момент и основа объяснения истории, и попытки ее построить мы наблюдаем еще с античности. Задача любой периодизации не только в исторической науке (а, например, в геологии) — упорядочить материал во времени (хронологически). При этом надо найти основания, которые могли бы в определенной степени объяснить целое, весь комплекс проблем и фактов, помочь найти место любого явления на этой шкале времени. Как и

систематизация (классификация), периодизация основывается на том, чтобы находить общее в огромном количестве частных, а затем объяснять конкретное через общее. Оба вида обобщения тесно связаны между собой и дополняют друг друга. Однако их следует различать. Систематизация требует разбить все многообразие явлений определенной области на группы со сходными признаками. При этом ее меньше интересуют этапы развития процесса во времени. Зато именно это и призвана делать периодизация¹⁶². Смысл и назначение периодизации исторического процесса — объяснить, какие этапы прошло человечество в своем развитии и каковы главные черты каждого этапа. А также найти основания, которые помогли бы определять уровень развития конкретного общества, выявлять его особенности и сходство с другими, находящимися в данной фазе.

Главная проблема любой периодизации — из каких основ исходить. При этом, если не меняется объем материала, нельзя на одной странице использовать одни критерии, а на следующих — другие. Но, конечно, когда всю систему пытаются охватить через часть ее проявлений, неизбежны натяжки, сложности, определенные несоответствия. **Это цена, которую платит наука за возможность обобщения.** Отсюда должно быть ясно, что не бывает абсолютно правильной периодизации и остальных неверных. Все они страдают определенными несоответствиями с реальностью. И чем они подробнее, тем яснее это видно. Однако количество и значение таких исключений, натяжек и пограничных случаев может сильно колебаться при разных подходах. И тот, кто нашел естественное и прочное основание, делает большой шаг вперед, открывает перед наукой новые горизонты, новые пласты исследований. Существует много периодизаций истории, исходящих из самых разных посылок¹⁶³. Было бы слишком сложно даже бегло разбирать их.

Чтобы лучше оттенить суть моей периодизации, я разделил бы их все на две группы. К первой отнесу те, которые в основу деления на периоды кладут неэкономические моменты: культуру, религию, способы мышления, политические организации общества и т. п. Таковы, например, системы О. Конта, К. Ясперса и многих других. Вторая группа основывается на том или ином экономическом моменте. Для меня же из них особенно интересны те, которые строят периодизацию на развитии производительных сил. Именно к таким подходам с 40-х годов XX века усилился интерес в западной науке. Заметную роль здесь сыграли работы К. Кларка, У. Ростоу, Р. Арона,

Дж. К. Гэлбрейта, Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского, Ж. Фурастье и др. Это вдохновляло и многих историков усиленно разрабатывать вопросы экономической истории и вообще наметило перелом в прежней философии и социологии истории, уделявших главным образом внимание политике и культуре. Обострился и интерес к марксизму как первопроходцу подобных периодизаций. Но в целом, как уже сказано, в западной науке меньше придают значения глобальным вопросам, предпочитая теории среднего и меньшего действия.

На основе анализа качественных изменений в производстве в последние десятилетия возникло немало периодизаций истории. Каждая из них заслуживает уважения и внимания. Однако, на мой взгляд, во всех или в большинстве из них есть определенные пороки, снижающие их научную ценность. Главное же, как мне кажется, они служат не столько для объяснения самого исторического процесса, сколько для анализа каких-то сегодняшних или даже завтрашних проблем. То есть они — своего рода просто некий фон, которым оттеняются злободневные вопросы. Неудивительно, что многие периодизации недостаточно проработаны, подробны, логически увязаны с общей теорией исторического процесса. Встречаются и такие недостатки: 1) нет четкого критерия для выделения периодов или, напротив, критерий слишком формален. Более обоснован подход, когда в основу деляния кладут отраслевой признак: аграрное общество, индустриальное, пост- (после) индустриальное. Но возникает слишком много исключений; 2) часто нет соответственной проработки категорий, объяснения движущих сил процесса; 3) нередко делу мешают погоня за сенсационностью, крикливость в ущерб научности; 4) большинство периодизаций кладет в основу трехчленную схему. Одни пропускают эпоху охоты и собирательства, объединяя ее в аграрной или доиндустриальной стадии¹⁶⁴, другие, напротив, объединяют прежнюю промышленную с современной в единую индустриальную фазу.

В марксистской литературе также существуют расхождения по вопросам периодизации, в частности по количеству формаций. О «пятичленной теории» уже много говорилось. Те, кто придерживается идеи азиатского способа производства, нередко говорят о шести формациях. Но в обоих случаях нет связи между уровнем развития производительных сил и формациями. Более правы те, кто объединяет рабовладение, феодализм и азиатский способ, а также другие

варианты в единую вторую докапиталистическую формацию. Слишком абстрактны и исходят из иных, чем экономические принципы, схемы трех, двух и даже одной формации [см. подробнее 6; т. 1. С. 234–237].

Сложностей при построении периодизации исторического процесса множество. Одна из главных в том, что идет постепенное сближение отдельных обществ в общечеловеческое единство. При этом народы, государства постоянно умирают и рождаются. Никто из них не проходит всех этапов, и уж тем более нет обществ, всегда самостоятельно переходящих от формации к формации. Поэтому я веду речь именно о периодизации исторического процесса человечества или (на ранних стадиях формации) авангардной ее части. В последнее время в нашей литературе стала очень популярной теория цивилизаций А. Тойнби. Мне бы хотелось кое-что сказать о ней в связи с проблемой периодизации исторического процесса. Во-первых, подчеркну, что у Тойнби представлена не периодизация, а классификация исторических обществ, которые он объединяет в своего рода таблицу культур, цивилизаций. Во-вторых, не охватывается весь исторический процесс, поскольку отброшены доцивилизационные (все догосударственные и многие раннегосударственные) общества. Мало внимания уделено промышленным обществам. Фактически, если использовать терминологию советской историографии, это период (и то не весь) рабовладельческой и феодальной формаций, или, по моей периодизации, второй тоже не полностью и частично третьей формации. Таким образом, важно подчеркнуть, что теория цивилизаций не может опровергать теорию формаций уже потому, что они находятся как бы в разной системе координат. Само собой, что Тойнби исходил совсем из других посылок, чем сторонники экономических подходов. Он считал, что культура не только глубже экономического и политического аспекта, но и фундаментальнее [40; 82], и соответственно делил описываемые общества на группы по ведущей религии и культурному родству¹⁶⁵.

Я привел уже достаточно доводов в пользу выбранного мною подхода, чтобы повторяться. Замечу только, что сложившиеся культурно-религиозные единства и стереотипы, особенно периода второй формации, действительно часто окрашивают все в свои тона и могут быть исключительно устойчивыми и консервативными (и даже сегодня противиться мощному воздействию научно-технического

прогресса). Однако, на мой взгляд, первой задачей теории исторического процесса является необходимость объяснить, почему происходят изменения и переход к новому качеству, как именно они происходят. А уж затем проанализировать, почему это случается не со всеми обществами. А тот факт, что с ростом производительных сил и контактов всемирно-историческое развитие ускоряется, теория цивилизаций объяснить как раз не в состоянии.

Подход Тойнби годится для того, чтобы показать причины стабильности, консервативности ряда государств и цивилизаций. Это вытекает из его философского взгляда на историю как на процесс расцвета и упадка замкнутых в своей основе цивилизаций, а не как на процесс постепенного сближения человеческих обществ и культур¹⁶⁶.
Разумеется, вопрос о неспособности каких-то обществ к выходу на качественно иное развитие — один из важнейших, и я также уделяю ему значительное внимание. И думается, что ряд идей Тойнби и некоторые его подходы могли бы здесь помочь. Я полагаю также, что как дополнительная характеристика структуры отдельных формаций — цивилизационный подход может быть плодотворным.

§ 2. Некоторые замечания о смене способов производства

Хотя речь идет об историческом процессе всего человечества, однако нельзя забывать, что он складывается из движения отдельных обществ. Поэтому целесообразно сделать ряд предварительных замечаний, которые помогут лучше понять соотношение общего и частного. В данном параграфе под переходом к новому я главным образом подразумеваю переход к новому принципу производства (и соответственно способу производства) или этапу внутри него.

1. Любое общество (государство, цивилизация) не проходит всех фаз, свойственных мировой истории. Постоянно происходят рождения, исчезновения, слияния, разделы и т. д. Таким образом, общемировое развитие и жизнь отдельного общества не совпадают. Лишь когда переход к новому совершается впервые, в каком-то одном месте, общее и местное сближаются. Следовательно, и модель исторического процесса прямо неприменима к истории отдельного общества.

2. Важно понимать, что рождение нового качества в каком-то одном месте есть суммирование многих достижений этого и других обществ плюс исключительно благоприятные условия. Сказанное объясняет,

почему в дальнейшем передовое общество отстает: его успех часто базируется на каких-то геоисторических моментах (выгодное положение, богатства природы, торговые пути и т. п.).

С другой стороны, многие общества самостоятельно вообще не могут, не в силах перешагнуть тот или иной рубеж. Это вполне понятно: когда общество приобретает зрелые черты и формы, поменять их чрезвычайно трудно¹⁶⁷. И то, что было преимуществом в один период, может стать тормозом в другой, а тот способ, которым преодолели прежнее противоречие, сам становится препятствием в дальнейшем. Так, полная хозяйственная свобода, за которую столетиями ратовали в Европе, в первой половине XX века стала источником разрушительных экономических кризисов и потребовала контроля и ограничения со стороны государства.

3. В истории человечества — **и это очень важно понять** — не было еще случая, чтобы одно и то же общество первым вступало хотя бы в две формации (не говоря уже о том, чтобы быть постоянным лидером), поскольку «пробежать» всю формацию впереди не удастся. И, напротив, обычна ситуация, когда, вырвавшись на одном историческом этапе, общество или государство застревает в своем развитии, отстает и становится объектом добычи или внешнего воздействия. Проследить, однако, эту историческую «эстафету» не всегда просто, поскольку некоторые ее звенья нам совсем не известны или мало известны.

Описывая процесс, мы как бы комбинируем историческое движение многих в одну ветвь, чтобы выделить некоторые закономерные черты перерастания одного способа производства в другой. Но в каждом конкретном обществе наиболее зримыми могут оказаться совсем иные процессы, чем общетормационные¹⁶⁸. Ведь если оно стоит на другой, не самой перспективной ветви развития, его движение приобретает особые черты.

4. Возникшее в одном месте новое затем разными путями перенимается другими, тем более что для перехода к этапу зрелости необходима определенная среда, состоящая из ряда обществ более-менее одного уровня развития, соперничающих между собой. При этом переход к новому осуществляется обычно не в одной, а в ряде попыток, хотя не все они могут быть известны. Так, методом проб и ошибок нащупываются наиболее перспективные пути и способы существования. Развитие формации никогда не идет по одной линии, поскольку новое всегда выступает в ряде вариантов и только время

определит, что станет «мостиком» в будущее. Лучшие шансы выиграть это соревнование у более молодого, гибкого, способного перенимать достижения у других обществ. Но даже и там переход к новому нередко связан с сильными потрясениями. Все это проявления **важнейшего закона истории — закона неравномерности развития.**

5. Необходимо оговорить по меньшей мере два варианта перехода к новому качеству: самостоятельный и путем заимствования. Поскольку же заимствования могут быть самыми разными, то комбинаций здесь множество: от почти самостоятельного до полностью заимствованного.

С точки зрения теории случай самостоятельного перехода к новому, так сказать, естественный. Он позволяет нам выявить те причины, которые и позволили данному обществу сделать рывок, а также при сравнении понять, как влияют заимствования на переход к новому. Это также помогает объяснить, почему явления, которые были эффективны в обществах-первопроходцах, не приживаются в тех, которые приходится «тащить» в новое, почему возникает «несовместимость крови»¹⁶⁹.

6. Потенциальной движущей силой развития, способной перерасти в реальную, служит то, что в любом обществе технические возможности производительных сил всегда используются не полностью. Так проявляется закон соответствия производительных сил и распределительных отношений в обычном состоянии. Какая-то часть людей не работает, имеются резервы, известны более рациональные приемы труда и т. п. Это, наряду с несовершенством отношений, сознания, войнами, кризисами и прочими социальными недостатками, определяет степень расточительности общества, которая обычно тем больше, чем богаче природная среда и легче добывать средства существования.

Но в определенные моменты воздействие этого закона становится ощутимым и кризисным. Например, когда новое уже появилось и несколько окрепло, но его распространению мешают старые отношения. Постепенно это расхождение становится критическим, что ведет либо к разладу, либо к застою общества. Есть и другие формы проявления этого закона. Таким образом, движение в пределах одного принципа производства представляет собой как бы чередование спокойных и переходных эпох, длительной стабильности и кризисов.

Ситуации, когда по каким-то причинам жить по-старому уже нельзя и перед обществом стоит задача как-то решить затруднение, Тойнби

удачно назвал «вызов-и-ответ». От характера ответа зависит очень многое¹⁷⁰. Весьма частый ответ — попытка экстенсивного расширения (распашка целины, переселения, завоевания и т. п.).

Если же это затруднительно или невозможно, вероятен переход к интенсивному типу: специализации, заимствованию передовых технологий, повышению производительности труда и др. На стадиях ранних, молодых чаще преобладает первый путь (в период расцвета может быть комбинированный), на более зрелых — возможен и второй.

7. Как сказано, теоретически можно выделить для каждого способа производства особое основное противоречие. На самом высоком этапе развития принципа производства оно обостряется. Ведь уже формируются элементы и даже отдельные структуры будущего принципа производства.

Попытки дать простор этому новому в конце концов в каких-то отдельных местах и частях ломают основное противоречие (а с ним и старые общественные отношения и формы).

8. Однако они устраняются далеко не сразу. Поэтому общество, только вступившее в новый принцип производства, еще во многом похоже на общество, дошедшее до высшей стадии старого принципа производства. Но разница, и качественная, уже есть. В одном случае — это доведенное до предела возможностей старое, а в другом — зародившееся новое. Так, беременная женщина на первых месяцах внешне еще не отличается от той, какой была до зачатия, но в ней уже растет новая жизнь.

9. На первых стадиях нового способа производства производительные силы пока еще не достигли главных своих возможностей. Ведь прошел только первый этап производственной революции, а расцвет производительных сил связан со вторым ее этапом, который и приводит к созданию соответствующего способа производства, отношений и огромного излишка благ, что отличает между собой низший и высший принципы производства.

Отсюда понятно, почему специфическое противоречие нового способа производства проявляется далеко не сразу. На ранних этапах главным будет преодоление остаточного противоречия, перешедшего из прежнего способа производства. Конечно, оно постоянно видоизменяется и модифицируется, во многом не похоже на то, как выглядело раньше. Ведь оно преодолевается не сразу, а постепенно, от одной сферы к другой, поскольку одни из них больше, а другие

меньше связаны с производством. Одни легче, а другие труднее поддаются ломке. Можно считать, что в этот период преодолевается остаточное **противоречие уже не столько в способе производства, сколько в формации**. Как именно, в какой последовательности происходит такой слом, зависит во многом и от конкретных особенностей общества. Он может быть как в виде приспособления старых институтов к новым условиям, так и в виде резкого разрыва с традицией. Но в любом случае слишком быстрый слом, вероятно, грозил бы нарушением преемственности.

По мере исчезновения старого противоречия вступает в силу новое, специфическое. Сначала оно неантагонистично, поскольку не требует изменения экономического строя. По мере того как противоречие нарастает, идет как бы его отодвигание, отталкивание. Становясь антагонистичнее, оно модифицируется и меняет свои обличья. Дело усугубляется тем, что возможности расширения все более исчерпываются, а соперничество между обществами становится жестче. Требуется изменение основ, но это может наталкиваться на сопротивление сильных общественных групп. Описанный в пп. 7–9 цикл как бы вновь повторяется, но уже, конечно, на совершенно иной базе.

10. Напомню, что я выделяю в каждом принципе производства 6 этапов: **переходный, молодости, расцвета, зрелости, высокой зрелости, подготовительный**.

11. На стадии расцвета идет быстрый рост, связанный с завершением промышленной революции. В фазе зрелости наступает как бы некое равновесие, соответствие самому себе утвердившегося способа производства. Формируется и ряд его моделей, вариантов, сложившихся в разных обществах, ведь пока не создалась некая среда из ряда обществ, достигших этапа зрелости, кому-либо из них трудно (или даже невозможно) перейти на более высокие этапы.

§ 3. Понятие производственной революции.

Ее теоретическая модель

Хотя западные ученые много сделали для изучения производственных революций, однако этот наиболее четкий критерий для периодизации используется ими недостаточно и непоследовательно. За немногими исключениями сказанное характерно и для отечественной науки. О каждой из производственных революций написано немало. Но как закономерно повторяющееся явление, связанное с коренным

изменением производительных сил, они анализируются слабо. Конечно, не так уж легко провести четкую грань между производственной революцией и просто существенными изменениями в производительных силах, особенно на подготовительной стадии. В целом, однако, ясно, что она ведет к комплексным взаимосвязанным изменениям производительных сил и, в конечном счете, всего общества:

1) данный переворот — начало коренного преобразования жизни, включая численность населения, объем созданного богатства, отношения с природой; 2) появившись в одном секторе, эти новшества не только распространяются количественно, но так или иначе влекут за собой изменения во всех сферах жизни, другими словами — к формационным сдвигам; 3) такой переворот, если он отвечает тому, чтобы быть производственной революцией, не может оставаться местным делом одного изобретшего его общества. Напротив, новое, едва укрепившись, втягивает в свою орбиту все больше людей и земель. Ведь только «наступая широким фронтом», производственная революция может окончательно совершиться в наилучших своих формах, заканчиваясь уже в иных, чем началась, обществах.

В ходе революции возникает несколько (а то и много) моделей. Но побеждают немногие (или даже одна), в которых как бы аккумулируются достижения остальных¹⁷¹. Затем вновь раскрывается «веер». И т. д.

Производственную революцию можно назвать коренным переворотом в производительных силах человечества или ряда обществ, который приводит к смене принципа производства благ и как результат — к смене формаций. Эта революция происходит не одновременно, а представляет собой длительный по времени процесс, по сути, часть периода существования принципа производства, и происходит не в один, а в два этапа. Каждая революция — явление редкое, представляющее собой результат длительного накопления количественных и качественных изменений, крупный перерыв постепенности. Масштабы и сцены событий от раза к разу неизмеримо возрастают. Каждая из них ведет к нарастающему усложнению общественного разделения труда и взаимодействия между обществами.

При этом идет и появление иных методов производства уже известных или подобных благ, и создание совершенно новых, а также усложнение технологических цепочек и вовлечение в процесс

производства новых предметов труда и процессов, форм деятельности. И еще два замечания.

Во-первых, хотя мы и выделяем общие черты, во многом эти революции не похожи и каждая уникальна. К тому же знания о них существенно различны. О первой много предположений, но недостаточно точных фактов. Гораздо больше их о второй, а о третьей можно сделать чуть не помесячные хроники. Но зато она еще не завершилась, и о дальнейших ее моментах можно лишь гадать.

Во-вторых, исключительно важно различать в каждом случае характер рождения нового: самый ли это первый момент или более поздний, но самостоятельно совершенный, или это заимствование. В зависимости от сказанного процессы очень существенно отличаются. Например, в последнем случае время как бы сжимается, пропорции в обществе иные, техническое развитие выше, известен опыт других и т. п.

А теперь перейдем к краткой характеристике самих революций. **Сельскохозяйственная (аграрная) революция**¹⁷² начинается включением земледелия и скотоводства в постоянный производственный процесс и заканчивается устойчивой (в масштабах крупного государства) системой ирригационного (поливного) земледелия с переходом к использованию плуга и тягловых животных. В аграрной революции можно выделить два основных варианта. Первый — ирригационный. Здесь главным моментом была система полива. В таких местах аграрная революция могла совершиться даже без использования металлов. Второй вариант — плужный. Он характерен для местностей, где искусственное орошение не применялось. Здесь много земли без плуга с железным наконечником и упряжных животных (волов, лошадей) не обработать. Второй вариант аграрной революции исторически более поздний. Следовательно, земля и вода становятся главными предметами труда. Что же касается чисто скотоводческих народов, то они на этой базе не могли дойти до завершения производственной революции, поскольку скотоводство (тем более кочевое) не может быть интенсивным, а по сути — экстенсивное занятие.

Итак, по распространенному определению, **сельскохозяйственная революция есть переход от присвоения пищи к ее производству**. Но она также мощно подействовала на общественное разделение труда, на базе чего появились такие отрасли, как ремесло, торговля, водный и сухопутный транспорт. Эти занятия в отдельных обществах (особенно не- больших) могли даже быть главными, но во всемирном

масштабе, конечно, оставались подсобными.

Вторая революция — промышленная. Она начинается в XV–XVI вв. мощным развитием техники и морского транспорта, огромным распространением водяного двигателя и мануфактуры, усложнением мировых разделения труда, торговли, кредита, денежного обращения и т. п. А заканчивается переходом на энергию пара, распространением паровых машин, в т. ч. и на транспорте. Однако и потом (в отличие от сельхозреволюции) каких-то длительных остановок в развитии техники и технологии не было. Суть этой революции объясняют по-разному. Часто говорят о том, что появляется универсальный источник энергии. Можно заострить внимание и на том, что между человеком и предметом труда появляется механический посредник, заменивший руку и инструменты. Но в более общем плане — это **процесс трудосбережения** (о чем будет подробно сказано в своем месте).

Наконец, третья революция началась в 40–50-е годы XX века и продолжается по сию пору. Она получила название **научно-технической**, хотя точнее было бы ее назвать **научно-информационной**. Основные ее результаты, уже теперь огромные, еще впереди. Главные изменения — переход к научно-информационному управлению производством. Как в смысле того, что сборище, обработка, распространение информации становятся частью производства, так и в том, что управление производством базируется на научных основах. Я считаю, что в широком плане эта революция есть **процесс экономии интеллектуального труда**, но об этом в соответствующей главе. Второй этап научно-информационной революции, возможно, будет иметь «биологический» уклон, что приведет к изменениям в отношении к природе (управление природой). Он, судя по сегодняшним научным и медицинским новинкам, возможно, начнется с изменения биологической природы самого человека, то есть первичный прорыв может состояться в области планируемого воздействия на человеческий организм¹⁷³. Поскольку люди — важнейшая часть производительных сил, вполне правомерно считать такое направление и производственным.

Теперь целесообразно построить теоретическую модель производственной революции, не забывая ни об уникальности каждой, ни о вариантности любой из них. Но сначала такое отступление.

Когда я уже осознал, что связывать смену формации необходимо именно с производственными революциями, возникли трудности,

которые я долго не мог разрешить. Мне было неясно, почему переход к сельскому хозяйству и переход к государственности так разнятся во времени. Казалось, что возникновение государств, классов и цивилизации не имеет равноценной производственной базы¹⁷⁴. Нечто подобное, но наоборот, не состыковывалось и с промышленным переворотом.

Казалось, что вся структура капитализма возникла раньше, чем произошла производственная революция. «Хронология событий бесспорна: развившийся в Западной Европе капитализм вызвал сначала политические революции и только затем — промышленную», — считает, например, Л. Б. Алаев. Все это противоречило идее о том, что в основу периодизации нужно класть именно перевороты в производительных силах. Ошибка оказалась в том, что я исходил из представлений, бывших общим местом в нашей науке, но в целом расходящихся с историческими фактами.

В конце концов я пришел к выводам, которые во многом уже изложил в предыдущих параграфах: что производственная революция имеет не один, а два этапа, каждый из которых влечет за собой огромные перемены в обществе; что общество, только вступившее в новую формацию, еще очень сильно напоминает то, каким оно было до первого этапа производственной революции на высшей, подготовительной стадии; что на первых порах главным является прежнее, хотя и измененное противоречие, а лишь в период второго этапа производственной революции и последующий наступают расцвет и зрелость общества и формации, а с ними становится заметным и специфическое противоречие.

Теперь все стало на свои места. Действительно, переход к примитивному земледелию и скотоводству и не мог привести к государственности и цивилизации, поскольку являлся только первым этапом сельхозреволюции. И нет ничего удивительного в том, что охотничье-собирательские и раннеземледельческие общества во многом похожи, раз прежнее противоречие еще не полностью преодолено. Зато со вторым этапом сельхозреволюции (ирригацией и пашенным земледелием) начинается расцвет формации, в т. ч. образование государств и развитие культуры. В свою очередь, капитализм не опережает промышленную революцию, а обретает свои главные черты с ее первым этапом (XV–XVI вв.). А промышленный переворот есть вторая фаза этой революции.

Есть и еще одна ошибка, характерная для наших и ряда зарубежных ученых. Они не хотят связывать НТР с переходом к новой формации.

В то же время порой возрождаются или продолжают жить идеи о некой мифической коммунистической формации. Относительно второго этапа НТР объясню немного позже.

Итак, разберем схему развития производственной революции. Как сказано, нередки ситуации, когда перед обществом встают проблемы, неразрешимые в рамках достигнутого. Этот «вызов» ведет к различным «ответам». Одни из них приводят к консервации и строгой регламентации отношений, другие — к деградации (уменьшению населения, варваризации и т. п.), третьи — к войнам и переселениям. Все варианты играют свою роль в истории. Но нас особенно интересует «ответ», связанный с переходом к более развитым производительным силам. Представим, что такое общество находится в стадии высокой зрелости. Тогда возможен переход в отдельных секторах к более интенсивным и в чем-то новым видам деятельности. Это облегчается в том случае, если развит дух нового. Так, стремление к прибыли, ставшее уже достаточно сильным в XIV–XV вв., толкало европейских предпринимателей к более рациональному использованию труда, обходу цеховых ограничений, наращиванию добычи серебра, меди и ртути в горах Германии и Чехии и т. д. Важно отметить, что, пока этот сектор мал, он как бы не угрожает сложившимся отношениям, даже дополняет их, т. к. отодвигает от них кризис и необходимость реагировать на него. Постепенно частично создается производственная организация или ее важные элементы, которые подготавливают вместе с новинками в технике, технологии, праве и другом производственную революцию¹⁷⁵. При этом такие новшества могут играть на первых порах малую или подсобную роль и только потом станут «локомотивом» развития.

Итак, общество на подготовительной стадии. Новые явления еще не готовы вступить со старым в открытое сражение. Однако конфликт постепенно нарастает. Причин тут много, одна из главных: теперь создается гораздо больше богатства, излишка. А основные общественные отношения не рассчитаны на такое количество. Этот излишек в значительной степени может скапливаться в руках представителей новых секторов, что вызывает недовольство тех, кто имеет политическую, административную власть и своего рода «моральное право» на привилегии. Как всегда, варианты развития обществ на данном этапе различны. В конце концов выявляется и перспективный, в котором появляется, так сказать, решающая деталь. Вокруг нее, как нити вокруг основы, наматываются разнообразные

достижения, заимствованные у других. Это также можно сравнить с магнитом, притягивающим все передовое, недостающее для рывка. Для общества-пионера это колоссально облегчает задачу и не дает уйти благоприятному для общечеловеческого прорыва моменту.

Вначале авангардный сектор, зародыш будущего принципа производства, мал, робок, может быть заброшен, если изменяются условия. Но если они ему благоприятствуют, он укрепляется. Любопытно отметить, что новые явления и отношения скорее возникают в новых же секторах (или не главных), поскольку здесь господство старых отношений слабее, внимания к ним меньше. Так, мануфактуры появлялись не в тех отраслях, где были сильны позиции цехов, а во вновь возникших, поскольку цехи чаще препятствовали новшествам. Механизмы и машины стали применять прежде всего не в старых отраслях, где не было недостатка рабочих рук, а в горном деле. Так же и огораживания в Англии первоначально касались пустошей, болот и пр., и на этих землях рождались первые капиталистические хозяйства. Эти передовые направления впоследствии могут стать локомотивами развития.

Тем не менее переход к новому принципу производства, за определенными исключениями, связан с глубокими кризисами и потрясениями. Причем они могут носить не политический или классовый характер, а проходить в форме таких явлений и бед, в которых как бы нет виноватого. Мы не знаем, каковы были конфликты и потрясения в начале сельскохозяйственной революции¹⁷⁶. Однако переход к промышленному принципу производства в Европе ознаменовался ужасными эпидемиями чумы в XIV в. и гибелью многих миллионов ее жителей. А переход к современному принципу производства — двумя мировыми войнами и рядом экономических кризисов, в том числе и Великой депрессией, а также ужасными революциями. Эти потрясения могут быть или на подготовительной, или на переходной стадиях. Итак, раньше или позже происходит перерастание количества (т. е. множества новых открытий) в качество — **начало первого этапа производственной революции**. Пока изменения не очень существенны, трудно определить момент и вообще факт такого перехода. Это обычно делается ретроспективно, т. е. оглядываясь на пройденный путь, с позиции сегодняшнего дня, законченных процессов.

Первый этап производственной революции, когда совершаются главные, принципиальные, качественные изменения, формируются

производственная организация и элементы нового сознания, в важных моментах преодолевается прежнее противоречие, затем может смениться перерывом в качественных изменениях. Конечно, нет чисто количественного и качественного роста, только экстенсивного и интенсивного путей, всегда сосуществует и то и другое. Но есть разные пропорции. Между этапами производственных революций возникает, следовательно, более или менее длительный перерыв качественных изменений, который ведет их к распространению. Длина перерыва вообще зависит от темпа исторического развития. Чем ближе к современности, тем он короче. И сегодня может оказаться незаметным.

Между двумя этапами производственной революции новый принцип производства растет и распространяется, пока не становится достаточно ведущим, чтобы совершить новый качественный рывок. По природе своей молодой принцип производства на первой стадии экстенсивен: возможность его окончательной победы лежит именно в наиболее широком распространении, чтобы появились разные варианты перехода к зрелости. Да и географический фактор, открывшийся ему, на первых порах кажется необъятным, что потом приводит к истощению ресурсов и необходимости вновь думать о качественном росте.

Итак, первый этап производственной революции соответствует переходной фазе принципа производства, а этап распространения ее достижений — фазе молодости (роста). На этой стадии также нередки кризисы, но теперь несколько иного характера, политического. Новое в экономике, распределении натывается на старые рогадки в виде политической власти, противодействия со стороны уже дряхлеющих, но влиятельных слоев и сил. В чем-то прежнее противоречие уже ослабло, а в чем-то даже усиливается, приобретает более высокие и острые формы.

Этот комплекс противоречий весьма специфичен для каждого общества, поскольку теперь требуется идеологическое обоснование, доказательства правоты и правомерности борьбы за власть, перемены, свободу и пр. Именно на этой стадии происходили ранние буржуазные революции, без которых капитализм не мог бы перейти в машинную фазу. Нечто подобное наблюдалось и в древности, при переходе к государству. Прибавочный продукт позволял выделяться более знатным, выдающимся, богатым, делая их независимыми от первобытного коллективизма. Тогда отрывались от племен дружины

во главе с предводителями, отдельные роды, усиливалась власть вождя и других администраторов. Постепенно новый принцип производства распространяется и на иные сферы, чем те, где он возник. Ему непременно надо «проглотить» прежде недоступные отрасли.

Там, где создались не только производственные, но и общественно-политические, «идеологические» условия, где возник наиболее удобный для прорыва вариант, там совершается переход ко второму этапу производственной революции. Напомню, что для сельхозреволюции — это переход (в зависимости от географического фактора) к поливному или плужному земледелию; для промышленной — переход к паровым машинам и машиностроению.

Мысль о неизбежности нового этапа НТР высказывается и в нашей, и в зарубежной науке. Полагают, что должен создаваться «такой тип производства, который включил бы технологические процессы, аналогичные природным процессам, что означало бы второй акт отрицания в форме новой научно-технической революции. Такая революция подготавливается всем ходом развития науки и техники в наши дни...»¹⁷⁷. Думается, что второй этап НТР неизбежен, хотя, может быть, из-за ускорения исторического развития переход между этапами будет не так заметен, как раньше.

Однако пока она не закончилась, об этом можно только строить предположения. С другой стороны, когда она завершится, закономерности и прежних революций предстанут существенно по-иному.

Два этапа производственной революции — это, так сказать, генеральная линия истории, но в отдельных обществах их может быть меньше или больше. Если перенимаются уже зрелые производительные силы, то не надо проходить первый этап. А в ряде случаев могло быть три этапа. Так, некоторые народы первоначально перешли к возделыванию не злаков, а огородных культур, затем — злаков, а уж потом — к интенсивному земледелию. И вообще, повторим еще раз: вариантов много. В данном случае мы меньше обращаем внимания на них, а больше — на формационное развитие.

Второй этап производственной революции — это период прежде всего качественного роста, который потом может быть вновь сменен количественным (когда необходимо будет расширить сферу приложения новых технологий и способов). Но от революции к революции эти понятия становятся все относительнее. Так, после

машинной революции количественный рост органически сочетался с качественным. А сейчас, или тем более в недалеком будущем, речь может идти, если можно так выразиться, о количестве качества, т. е. о том, насколько радикальнее одни качественные изменения по сравнению с другими.

Переход ко второму этапу знаменует расцвет нового способа производства, когда он наиболее гармоничен в плане отношений между производством и распределительными отношениями. Но здесь уже и становится видимым специфическое противоречие нового способа производства. Однако оно еще не кризисно, поскольку постоянно разрешается в самом цикле развития производительных сил, которые имеют большие возможности для расширения. По мере того как совершается второй этап производственной революции, открывается, так сказать, «смысл» принципа производства, его возможности, «способности» и пределы. Зрелость наступает, когда ведущие отрасли экономики оказались под воздействием второго этапа производственной революции (например, машинное производство охватило не только текстильную, но и большинство отраслей промышленности). **Однако никогда полностью новый принцип производства не покрывает всей экономики, она всегда технологически многоукладна, и уже в третьей, завтрашней, фазе поглощаются позавчерашние способы.**

Стоит сказать немного о понятии «технологический способ производства». Достаточно часто он определяется как особый способ (исторический тип) связи человека с техникой. Обычно выделяется три таких способа: ручной труд, механизированный труд (с превращением орудия ручного труда в машину), автоматизация. Однако чрезмерный упор на технику и перенос решающей ее роли в производительных силах также и на доиндустриальные формации приводит к тому, что производственный аспект исторического процесса раскрывается неадекватно¹⁷⁸. Неудивительно, что не удастся выделить особый тип техники и ее соединения с работником для аграрного производства, поскольку для последнего роль техники не была ведущей.

Также кстати будет заметить, что совершенно неприемлема подмена понятия «производственная революция» другими, более узкими по содержанию, например «техническая революция». Ведь в аграрной революции главный момент отнюдь не технического свойства. И напротив, такой глобальный технический сдвиг, как переход к

обработке металлов (даже железа), во многих обществах не вел к переменам в производстве, сравнимым с переходом к земледелию. Производственная революция обязательно связана с технической, но это не синонимы. Последняя — составная часть первой. Ведь любая производственная революция включает в себя технические перевороты, равно как революции в энергетике, транспорте, передаче информации, а с нового времени — и в науке.

§ 4. Краткая характеристика формаций и некоторые замечания об их смене

В предыдущих частях мы уже говорили о том, что каждой формации соответствуют определенный тип прогресса и уровень производительных сил. Из предшествующих параграфов мы увидели, какие принципы производства и производственные революции связаны с каждой формацией. Сейчас я хотел бы кратко описать их и по другим направлениям, чтобы облегчить дальнейшее восприятие. Эта характеристика включает: взаимодействие с природой; главные движущие силы развития; типы отчуждения благ и личности; тип политической и этнической организации обществ; тип социальной организации обществ; тип общественного сознания; формы передачи информации. Но надо помнить, во-первых, что это самые краткие схемы, обобщающие колоссальное разнообразие, цель которых — помочь обозреть большой материал. Во-вторых, речь тут идет лишь о том, что характеризует формацию в зрелости, поскольку начальные стадии отягощены старым, а поздние — нарождающимся. В-третьих, я старался показать только особенные, специфические явления, характерные для каждой формации. Но одновременно в ней действуют и другие процессы, а также постоянные факторы. Цифры под подзаголовком обозначают номер формации.

Взаимодействие с природой

1. Почти полная зависимость от природы, вся жизнь подстраивается под нее; на базе разных географических условий возникает специализация.
2. Регулярное воспроизводство некоторых природных процессов и окультуривание природы.
3. Достижение огромной независимости от природы. Создание

техносферы (т. е. своего рода технической оболочки Земли).

4. Деятельность человека вызвала экологический кризис и может разбалансировать и разрушить геобиосферу. Необходимость найти гармонию между человечеством и природой.

Главные движущие силы

1. Взаимодействие между человеком и природой. Изменения географической среды привели к расселению людей почти по всей Земле.

2. Войны и другие формы взаимодействия между обществами (торговля, перенимание достижений и т. п.). Эти контакты ускоряют перераспределение излишка продукции, рождение и распространение государственности и цивилизации.

3. Общественно-классовая борьба и внутрисполитическая конкуренция ведут к тому, что общества получают постоянный внутренний источник развития.

4. Потребность в общечеловеческом и региональном единстве, без чего нельзя решить главные проблемы современности (экологическую, отсталости большинства стран, контроля за опасными технологиями и т. п.). Все это ведет к сближению характера экономик, законов, культуры разных стран.

Типы отчуждения благ и личности

1. **Доэкономический.** Называется так не только потому, что собственно экономики еще нет, но и потому, что нет заметного социального и имущественного неравенства, эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных. Но зато есть половоз-растное неравенство.

Существовало отчуждение труда и личности производителя первобытным коллективом в виде господства обычаев, традиций, жестких правил и запретов, требований помощи, подарков, услуг в отношении родственников и соплеменников. Все это лишало людей стимулов к увеличению производства и накоплению излишков. Место человека определялось его половозрастным и родственным статусом, ролью в коллективе, а также авторитетом, личными заслугами или особыми качествами характера.

2. Под **внеэкономическим** понимается отчуждение силой или угрозой ее применения, другими способами, насилующими и парализующими волю и свободу выбора, социальной неправомерностью, регламентацией, слабым ограничением эксплуатации и пр. Экономические рычаги играют подчиненную роль. Наиболее полно внеэкономический характер выражается в военном грабеже, рабстве, крепостничестве. Но были еще «поголовное рабство» (Маркс), касты, сословия и пр. Градация жесткости отношений велики.

3. Вопреки общепринятому мнению, эпоха промышленного производства характеризуется не экономическим, а только **полужономическим** отчуждением. Это очевидно на ранних стадиях (эксплуатация и ограбление колоний, работорговля, сгон крестьян с земли, неограниченная эксплуатация рабочих и т. п.). Но и на стадии машинного производства вне- и экономическое отчуждение сосуществуют. Либо органически связанные (свободный найм наряду с отсутствием норм безопасности, ограничения рабочего дня и труда детей и женщин и т. п.), либо как отдельные секторы (колонии и метрополии, промышленность и крестьянство и т. п.).

4. Получение полных избирательных прав, организованность и борьба рабочих уменьшили рабочий день, дали ограничение эксплуатации и социальное страхование; изменилась роль государства в производстве и поддержании минимального благополучия людей. Развитые страны соревнуются между собой в области уровня жизни и прав граждан. В них сформировался **экономический тип отчуждения**, существуют высокий уровень жизни и определенная уверенность в будущем у большинства населения. Прогрессивный характер налогов, изменение характера безработицы, увеличение доли интеллектуального труда, возможность получать образование и информацию и прочее сводят сферу внеэкономического отчуждения до минимума. Оно еще остается, правда, во многих развивающихся и среднеразвитых странах. И это свидетельствует о том, что данный тип отчуждения еще не раскрылся полностью.

Способы политической и этнической организации обществ

1. Кровно-родственный — соответственно малые коллективы. Возникновение протоэтносов¹⁷⁹ и складывание родоплеменной организации.

2. Рождение государства и открытой политической власти, территориальная форма организации людей. Появление и расцвет не

небольших родов и племен, а народов и народностей.

3. Создание национальных государств и разделение мира на метрополии и колонии (полуколонии).
4. Движение к региональному единству при одновременном росте национального самосознания и национальных государств у народов, стоящих или переходящих к третьей формации. Начало формирования общечеловеческих политических институтов и организаций.

Тип социальной организации

1. Родственно-половозрастной. Слабая специализация и иерархия.
2. Сословно-классовый (ранговый), корпоративный, с неравноправием, имеющим жесткий характер, и закрепляющимся браком и наследованием. Большая специализация, но носящая негибкий характер, слабая подвижность общества.
3. Классово-собственнический (чиновничье-классовый — в социалистических странах). Разделение людей либо по обладанию собственностью, либо по месту в управлении обществом (социализм и др.). Формальное равноправие граждан (гражданско-государственный способ организации общества).
4. Профессионально-информационный, т. е. связанный с образованием и известностью человека. Вместе с другими: по собственности, месту в управлении и т. п.

Тип общественного сознания

1. Примитивно-религиозный.
2. Религиозно-идеологический.
3. Политико-правовой (политико-идеологический для стран, где господствует государственная нерелигиозная идеология).
4. Научно-информационный.

Формы коммуникаций

1. Язык, естественные сигналы (свет, звук и пр.).
2. Письменность, хранение знаний и информации.
3. Печать, электротехнические (телефон, телеграф).

4. Радиоэлектронные.

Мне бы хотелось сделать еще несколько рассуждений и замечаний о смене формаций. И потому, что я сам долго ломал над этим голову, и потому, что недопонимание нижесказанного ведет ко многим теоретическим ошибкам, бессмысленным спорам даже и у весьма видных и умных ученых.

Прежде всего нельзя представлять себе смену формаций как полный отказ от старого¹⁸⁰. Напротив, переход к высшему качеству идет разными путями. Кое-где возникают вовсе новые явления, институты и формы. Это касается как догоняющих обществ, которым надо отбросить старое, чтобы выйти на определенный рубеж, так и обществ-новаторов, которые для решения проблем изобретают оригинальные ответы. Но очень часто новые задачи разрешают, используя уже готовые формы, явления и отношения. Получается, что, с одной стороны, **эволюция расточительна** (и об этом уже говорилось), но с другой — **она экономна**. Полезно вспомнить, что в каждом органе обычно имеется несколько функций, причем некоторые из них ведущие, другие — второстепенные, третьи — лишь в эпизоде или только вероятны. Но такая множественность и открывает возможность «вливать новое вино в старые меха», т. е. поменять их местами по важности или использовать теперь в качестве ведущих прежде второстепенные, а то и вообще потенциальные качества и т. п. Словом, это дает возможность гораздо быстрее отыскивать нужные решения и меньше деформировать общество¹⁸¹.

Сказанное касается многих институтов, но каждый из них имеет внутренние особенности, которые весьма сильно влияют на **приспособляемость**. Иные применимы только к определенным ситуациям, и, используя, история их уничтожает. Другие способны послужить и в каких-то еще вариантах, но «срок эксплуатации» их ограничен. И лишь отдельные, наиболее выдающиеся достижения людей становятся постоянными спутниками обществ. **Но — что крайне важно — содержание их меняется очень сильно.**

Когда какие-то отношения и институты служат, переходя от общества к обществу, от формации к формации, возникает представление, что данные универсальные вещи и сегодня, и в древности — суть одно и то же. Но это так только в широком смысле, в общесоциологическом плане, когда мы хотим найти общее во многом, временно отбрасывая историческое развитие. Такая задача стояла перед нами, например, во второй части. Но если, как сейчас, нам нужно показать формационные

отличия, развитие исторического процесса (не говоря уже о задаче демонстрации исторического разнообразия), надо ясно понимать, что и от общества к обществу, и от периода к периоду, и тем более от формации к формации эти внешне сходные явления не только сильно различаются, но и меняют свое внутреннее содержание, в т. ч. структуру, задачи, отношения с другими сферами и т. п. Особенно важно это понимать в отношении таких универсальных и фундаментальных вещей, как **государство, этнос, собственность** и др. В противном случае неминуемы ошибки, подмены смысла терминов, «модернизации» истории, попытки подогнать ее под схему и т. п.

Разберем сказанное о качественных отличиях в явлениях, объединенных одним названием, на примере налогов. В доиндустриальных обществах они источник содержания государства (прежде всего монарха и его двора), знати, армии. При этом, за достаточно редким исключением, не слишком задумывались о том, как влияет налоговая политика на производство. От общества к обществу виды и размеры налогов сильно отличались. Были и умеренные подати. Но весьма часто налоги превращались в пытку для народа, приводили к запустению, бегству, обнищанию. В целом они носили внеэкономический характер.

Дело меняется в III формации. В период свободной конкуренции налоги с предпринимателей и собственников становятся относительно небольшими, что позволяет капиталу быстрее накапливаться и перемещаться от отрасли к отрасли. Самые важные налоги — импортные пошлины с ввозимых товаров. Однако, принося пользу своим предпринимателям, они могли усложнять жизнь простому люду, вызывая дороговизну. Кроме того, народ испытывал больше тягот, чем богатые люди, потому что подоходные налоги были не прогрессивными, а пропорциональными (а иногда одинаковыми для каждой «души»). Велика роль и косвенных налогов, лежащих прежде всего на менее имущих. Таким образом, здесь налоги носят **полуэкономический** характер. В IV формации они важнейший инструмент экономической политики государства, поощрения или сдерживания экономического роста, привлечения инвестиций, источник социальных пособий. Налоги больше бьют по богатым. В целом они носят **экономический** характер. Итак, видно, что от формации к формации (и само собой, внутри них) налоги меняют свой характер. Подобное можно было бы проследить и в других вещах,

скажем, религии, науке, образовании, праве и т. п. Но мы поразмышляем в **Приложении 8** еще только о таком очень важном и вызывающем неоднозначное отношение институте, как **частная собственность**.

Из сказанного сформулируем важные следствия:

1. При переходе от формации к формации нередки случаи, когда прежние институты сохраняются, а иногда получают как бы новую жизнь.

Такой расцвет произошел, например, с родовым строем при переходе от присваивающего хозяйства к производящему. Видимая преемственность и похожесть этих отношений — один из главных аргументов тех, кто причисляет их к одной формации (первобытно-общинной), подразделяя на ранне- и позднеродовую общину. Однако это явления, относящиеся к разным формациям, так как уже произошла сельскохозяйственная революция и сменился принцип производства. И если взглянуть, то между родовыми общинами охотников (собирателей, рыболовов) и ранних примитивных землевладельцев не так трудно увидеть качественные различия. На некоторые из них я укажу в своем месте.

2. Различные решения сходных проблем, в том числе и возможность приспособить старые отношения для этого, нередко определяют будущее общества. Прекрасное решение для одних задач потом становится непреодолимым препятствием при иных обстоятельствах. В одних условиях преимущество за обществами, способными к сохранению своей структуры, в других — за теми, кто более динамичен. Так, индийская община оказалась исключительным по удачности решением, чтобы сохранить общество и культуру в войнах и политических переворотах. Но теперь, наряду с кастами, она препятствует прогрессу страны.

3. Некоторые решения, найденные для одних случаев, неожиданно становятся универсальными или исключительно удобными для совсем иных проблем, а иногда — исходным пунктом для рывка (как, например, частная собственность) при благоприятных обстоятельствах.

4. Следовательно, не надо полагать, что смена формаций обязательно требует только новых, неизвестных ранее форм и институтов. Тем более на ранних стадиях, когда прежнее противоречие еще не преодолено. Дело конкретного исторического случая — в каких

формах произойдет перемена.

А теперь мы перейдем к рассмотрению отдельных формаций.

Глава 12. ПЕРВАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Эта седая древность при всех обстоятельствах остается для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего, более высокого развития.

Ф. Энгельс

Самой большой трудностью в изучении первобытности остается скудость сведений. По археологическим данным сложно понять общественные отношения, а тем более духовную или политическую жизнь. Во многом помогает этнография, но далеко не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен уже столкнулись с более высокой цивилизацией либо прежде знали лучшие времена, чему свидетельство — остатки более высокой куль- туры¹⁸².

Отмечу, что под первобытностью я понимаю эпоху от появления человека разумного до перехода к сельскому хозяйству, в отличие от общепринятого мнения распространять ее до появления государства.

§ 1. От доистории к истории

Период формирования человека до появления людей современного физического типа (антропогенез) некоторые ученые называют доисторией. Я вполне согласен с ними. Ведь в этом процессе были ведущими биологические факторы, во многом еще сегодня непонятные, тогда как позже — социальные. Главными движущими силами изменений физического облика древних людей были не труд, не совместная деятельность, не религия или какое-то другое общественное явление, а нечто, пока неизвестное. Поэтому этап становления человека нельзя отнести к истории, как — если уместно сравнение — развитие зародыша в утробе матери (при всей важности этой фазы) не относят к истории личности.

Но, конечно, уже у древнейших людей, а тем более у неандертальцев, имелись заметные зачатки хозяйства¹⁸³, общественных отношений, религиозных верований. Неандертальцы довольно широко расселились по планете. Однако их орды, по предположениям, 30–40 тыс. лет назад были истреблены кроманьонцами — людьми современного физического типа. Есть, правда, и ряд других версий по поводу их судьбы.

Поскольку главным отличием человека разумного стали язык и интеллект, он начал искать новые способы закрепления своих достижений в виде создания системы власти и подчинения, кровного родства (в отличие от животных, быстро о нем забывающих), брачных отношений, регулирования распределения пищи, целого ряда обычаев и верований. Однако, вероятно, биологические силы еще долго давали о себе знать. Ведь и зоологический коллективизм, и зоологический индивидуализм препятствовали созданию устойчивых человеческих коллективов (вражда могла вести к распаду, а инстинкты коллективизма мешали выработке социальных норм), ослабляли приспособляемость к меняющимся условиям. Можно предположить, что процесс **преодоления, окончательного перерастания животных инстинктов в социальное регулирование и составлял разрешение остаточного противоречия доистории на первых этапах первобытности.**

Относительно времени появления человека разумного следует сделать пояснение. До сравнительно недавнего времени общепризнанным рубежом считался период 35–45 тыс. лет назад. И сегодня такой точки

зрения придерживаются многие первобытники, особенно в России. Однако в западной (особенно американской) антропологии и археологии активно разрабатывается идея о том, что происхождение Homo sapiens гораздо древнее, чем предполагалось, и возраст человека разумного колеблется в диапазоне от 60 до 200 тыс. лет. Эти взгляды сначала базировались на результатах молекулярно-биологических исследований, а затем в Восточной и Южной Африке были обнаружены и стоянки, которые археологи приписывают древнему человеку разумному. Число этих стоянок пока невелико. Эти раскопки, таким образом, делают местом появления человека разумного не Европу, а Африку. Результаты археологии по сравнению с молекулярной биологией несколько омолодили Homo sapiens и поместили его появление в диапазон от 60 до 130 тыс. лет, а в среднем 90–100 тыс. лет.

Однако многие из тех, кто поддерживает идею о том, что человек разумный появился гораздо раньше, чем думали прежде, справедливо сомневаются в том, что эти люди имели членораздельную речь. В то же время, начиная с периода 45 тыс. лет назад, то есть с прежней даты появления человека разумного, его стоянки в Европе, без сомнения, свидетельствуют, что в этот период (45 тыс. лет назад) и речь, и зачатки культуры уже появились. Другими словами, можно предположить (я сделал это в одной из своих работ), что в период условно от 150 до 45 тыс. лет назад хотя и появились люди, физически похожие на человека разумного, однако они еще не были в полной мере Homo sapiens, поскольку не обладали речью. По-видимому, у них имелась физическая возможность говорить, но для того чтобы такая возможность перешла в реальность, потребовались десятки тысяч лет и какие-то особые причины, о которых можно лишь догадываться.

§ 2. Географическая среда и производительные силы

Первое, что нужно понять, — в древности природа была намного щедрее нынешней, уже истощенной. Даже в новое время, когда европейцы столкнулись с первобытными народами, большинство из них жило в условиях, где не требовалось чрезмерных усилий изо дня в день, чтобы обеспечить себя пищей¹⁸⁴. И хотя некоторые племена обитали на скудных территориях, скорее всего лишь особые условия (враги, непреодолимые преграды и т. п.) загнали их туда, хотя прежде

они знали лучшие времена. Культуру, которую они имели, в этих местах создать было невозможно, едва сохранить. Но ведь многие тысячи лет назад планета была населена в десятки раз реже. Так кто бы выбирал плохие места, когда были хорошие? Конечно, голод и другие бедствия время от времени случались везде. И не следует также думать, что люди жили только в райском климате. В холодных районах жизнь, понятно, была непростой. Но главное, там водилось великое множество дичи и рыбы.

Второй важнейший момент: размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни и прочее — словом, почти все исключительно, целиком зависело от окружающих природных условий. Ясно, что с их переменной жизнь могла меняться резко, либо нужно было переселяться, чтобы на новых местах приспособляться, изобретать, перенимать. Это и было той силой, которая постепенно меняла лицо Земли, двигала развитие.

Ряд ученых полагает, что уже многие неандертальские коллективы жили оседло. То же касается и орд кроманьонцев. На некоторых поселениях археологи находят остатки костей десятков тысяч (!) убитых животных (лошадей и др.). Значит, здесь люди жили долго и большими коллективами. Это объяснялось не только тем, что добычи было много, но и тем, что часто для охоты требовались коллективные усилия. И предположение о том, что древние люди, будучи не в состоянии прокормиться на одном месте, постоянно кочевали, подобно некоторым, известным этнографам первобытным народам, неверно. Да и вдумайтесь. Могли ли язык, общественное сознание, социальные нормы и многое другое появиться, если бы люди не жили длительное время относительно стабильно (имея лишь сезонные перекочевки) и достаточно большими (хотя бы в сотню-другую человек) коллективами? А ведь выработка этого социального и есть главное на первых этапах первобытности. И именно тогда, в условиях создания достаточно сложной системы управления и власти, мог начаться процесс этногенеза, т. е. формирование примитивных этносов.

Скудость данных не позволяет говорить не то что о какой-то хронологии в стадиях присваивающего принципа производства, но вызывает и серьезные колебания относительно числа этих стадий. Дело в том, что уровень развития таких народов в огромной степени зависит от того, насколько щедрa природа и насколько большие коллективы объединились¹⁸⁵. Ведь чем больше орда, тем сложнее управление ею и соответственно

неравенство. Без сомнения, в течение долгих тысячелетий множество обществ расцвело, может быть, даже достигало раннеклассового уровня, чтобы потом остановиться в развитии, или быть уничтоженными, или полностью изменить свой образ жизни: например, в результате неоднократного наступления и отступления ледников. Кто скажет, сколько раз заново открывали одно и то же, сколько достижений сгинули вовсе? Но из бесконечных эпизодов подъема и упадка, бесчисленных переселений, рождений и смертей народов, изменений образа жизни тысяч и тысяч первобытных племен и орд на протяжении десятков тысяч лет медленно заселялась Земля, накапливались достижения, делались новые открытия, пока не произошел коренной переворот в отдельных точках, откуда новый принцип производства начал свое триумфальное шествие. Ведь даже и для следующей формации все это весьма характерно, хотя и в меньшей степени. Все же, думаю, целесообразно считать и в присваивающем принципе производства те же шесть этапов.

Гадая о том, что точно знать невозможно, рискну предположить, что многие общества могли относительно быстро пройти первые два этапа (переходный и молодости), но потом застревали на этапе расцвета или зрелости, пока изменившиеся условия не уничтожали или не деформировали их. Ведь чтобы прийти к более высоким этапам, нужно много условий: определенная плотность населения и достаточно тесные контакты с соседями, уменьшение свободных изобильных территорий, накопление технических и иных знаний и умений и др. Все это в отдельных районах могло быть только в уже достаточно близких к нам периодах.

Рассмотрим этапы. **I и II, переходный (от животного мира) и этап «молодости», «роста»**, характерны тем, что орудия труда еще весьма несовершенны¹⁸⁶. Но изобилие природы давало людям возможность специализироваться на каких-то занятиях, хотя специализация могла быть еще слабой или очень расточительной. Например, загонная охота (на копытных), когда за одну охоту гибли десятки животных. Нередко для этого устраивали поджоги степей и саванн. **III этап — «расцвета»**. И на первых двух, но, вероятно, еще более интенсивно на этом этапе происходит расселение людей, нередко в более суровые, но обильные дичью места. Одновременно идет приспособление к ним и изобретение новых орудий труда: лодок, гарпунов, острог. А также множество иных новшеств и усовершенствований: использование освещения, одежда из шкур (до сих пор удивляющая удобством и сохранением тепла), примитивные, но теплые жилища и т. д. Совершенствуются и приемы охоты¹⁸⁷, а с этим растет специализация¹⁸⁸, умение полностью использовать природные дары. На этой стадии люди вполне способны защитить себя от хищников, охотиться на крупных зверей, обеспечить достаточное, а то и обильное

питание.

Переход к стадии зрелости был, очевидно, небыстрым. В одних местах люди так и жили более-менее оседло, в других приходилось в связи с оскудением природы менять образ жизни¹⁸⁹. А с этим усовершенствовались орудия труда. Появляются копьёметалки¹⁹⁰. Еще более важным стал лук. Он был незаменим в лесу и для мелкой дичи¹⁹¹. С ним успешно соперничали у других народов духовые трубки (особенно с ядовитыми стрелками), метательные палки типа бумерангов и др. Распространено применение растительных ядов, в т. ч. и для рыбной ловли. Изобретение таких орудий было огромным шагом вперед. Теперь люди могли заселять места, где прежде прокормиться или жить большими коллективами было сложно. Гибкая общественная организация позволяла племени распаться на мелкие группы или семьи, чтобы в определенные периоды сходиться вновь. Охотники использовали весьма изощренные способы, например, австралийцы поджигали степь, чтобы на этом месте выросла трава и пришли кенгуру. К стадии зрелости относятся также многочисленные специализированные собиратели, которые удивляли позже своими поразительными знаниями о свойствах многих растений и трав.

Но нередко сохранялась возможность жить относительно стабильно, с сезонными перекочевками, а то и вовсе оседло. И если климат был подходящим, то изобретались или усовершенствовались способы заготовки пищи впрок: соление, копчение, вяление, заморозка, консервирование и т. п.

На этой стадии, как сказано, общество могло застрять надолго или навсегда: слишком все было отлажено, чтобы легко перестроиться¹⁹².

На стадии зрелости окончательно формируются все институты и отношения первобытности, а главное противоречие обозначается вполне отчетливо. Но оно еще не кризисно, постоянно разрешается в ходе жизни или отодвигается за счет расширения (или регулирования численности населения например).

По мере увеличения плотности населения и накопления различных достижений во всех сферах люди некоторых мест стали переходить к стадии высокой зрелости. Возможность такого перехода напрямую зависит от того, насколько климат позволял накапливать и запасать пищу и символы богатства (например шкуры, особые раковины, кости и т. п.), сколько времени и как удобно это можно было хранить, отчуждать и т. п. Например, в жарком поясе делать это сложнее, а если дичь или рыба под руками круглый год, то чего же ее запасать?

Однако там, где такие условия имелись и когда подобных развитых коллективов становилось больше, основное противоречие становилось острее, а расслоение общества выше, также росли контакты между племенами и случались войны.

Этой стадии соответствуют народы — собиратели урожая и ряд охотничьих и рыболовных племен, особенно Севера. В последнем случае перекочевки были главным образом сезонные (несколько раз в год), а природа позволяла запастись впрок как пищу, так и шкуры и кое-что другое. Тут появляются и первые транспортные животные — ездовые собаки и соответственно сам транспорт — сани. Собиратели урожая использовали самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саго, тропические плоды, корнеплоды и т. п. За такие угодыя могли быть и кровопролитные сражения. Важно отметить, что эти народы изобрели много орудий труда и приемов, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зерноотерки, выпечку муки, емкости для хранения, печи и др. Возможно, что именно у таких народов позже началось приручение животных. Но охота и другие виды деятельности сохранялись. Надо отметить, что в любом случае количество населения там было ограничено возможностью прокормиться.

На этой стадии уже начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление средств и богатств в руках руководителей и удачливых людей. Благоприятные природа и обстоятельства у отдельных народов позволяли этим процессам заходить весьма далеко.

Народы — собиратели урожая кое в чем начинают помогать растениям¹⁹³. Эти приемы известны даже охотникам. Когда же возникают случаи истощения угодий, или быстрого роста населения, или каких-то других изменений, эти навыки начинают совершенствоваться. Тогда народы переходят к шестой, подготовительной стадии, где они уже на полдороге к тому, чтобы стать земледельцами и животноводами. Но это все еще очень зыбко, неустойчиво, не играет решающей роли и, если отпадает необходимость, может исчезнуть. Однако при создании определенных благоприятных возможностей перерастает в самое примитивное сельское хозяйство.

§ 3. Основное противоречие

Долгое время господствовало мнение, что первобытный человек был, говоря словами Ленина, совершенно подавлен трудностью борьбы с природой и, по сути, всегда голоден. Эта, на первый взгляд, разумная мысль при проведении полевых исследований у первобытных народов оказалась совершенно ложной. Выяснилось, что, за исключением некоторых народов, очутившись в довольно трудных условиях обитания, даже там, где природа не слишком уж баловала дикарей (таких, как австралийцы или бушмены), эти люди обеспечивают себя пищей в среднем за сравнительно короткое время. Это не означает, конечно, что они всегда сытые, греются на солнышке, но это значит, что уровень их приспособления к природе настолько достаточен, что они могут за 3–5 часов (а то и меньше) охоты или собирательства обеспечить себя пищей. И если добытого хватало на последующие дни, никто не спешил «на работу». Трудовая нагрузка часто была очень неравномерной. Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (при сезонных миграциях животных и рыб, сборе урожая дикорастущих растений). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин обычно была более равномерной, чем у мужчин.

В свое время этнограф М. Салинз в книге «Экономика каменного века» на примере бушменов, австралийцев и других племен убедительно доказал, что эти народы могут, но не хотят создавать излишки продуктов и вещей. Это получило название «парадокса Салинза»¹⁹⁴, потому что опровергало расхожую мысль о том, что первобытные люди с трудом обеспечивают себя пищей. Однако это не парадокс, а скорее основополагающее условие жизни коллективов этой формации. И чем более благоприятна природа, тем меньше потребности работать. Недаром жители благодатных саговых островов считали всех других слишком суетливыми. В одном рассказе Дж. Лондона индейцы удивляются белым, как людям, которые не хотят спокойно жить и не беспокоиться о завтрашней пище. Хотя дикари периодически сталкивались с голодовками и другими неудачами, но это, с их точки зрения, было терпимо (или объяснялось злыми кознями врагов). Предвидеть кризисы никто не мог. В обычное же время все так или иначе были сыты.

В этом я и вижу основное противоречие первого способа производства: **производитель имеет возможность, но не хочет и не считает нужным производить существенно больше, чем требует сиюминутная потребность. Он не стремится к постоянному**

накоплению пищи и других благ. Но амплитуда различий в этом отношении у разных народов была очень большой¹⁹⁵.

Посмотрим, почему первобытные люди считали накопление бессмыслицей. Во-первых, многие просто не умели запастись пищей, тем более что часто и климат слабо позволял это делать (все портилось, гнило и т. п.). Если же отсутствовала сезонность в занятиях, то в запасах не было никакого резона: свежее мясо всегда предпочтут «консервам». Даже на Севере пища слишком уж долго не хранится. Да в этом и нет нужды. Запасы нужны лишь до нового охотничьего (рыболовного) сезона. Во-вторых, отсутствовала общественная потребность. Обмен с другими был редок и слаб. Общество не поощряло жадность, стяжательство. А там, где все же богатства скапливались, наибольшим престижем пользовался тот, кто раздавал накопленное (иногда за много лет) на особых праздниках¹⁹⁶ или устраивал пиры¹⁹⁷. В-третьих, обычаи требовали делиться с родственниками и соплеменниками, что ограничивало стимул производителя. В-четвертых, при кочевках лишний груз был в тягость¹⁹⁸.

Иными словами, отсутствие материальных возможностей для хранения, транспортировки и обмена лишало первобытных людей стимулов к накоплению, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения и сознание жестко ориентировали их на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться.

Каковы проявления этого противоречия на стадиях расцвета и зрелости, когда оно еще не противоположность строя, а, скорее, его составная часть?

Во-первых, огромная расточительность: поджоги саванн и буша, несоблюдение правил «охраны природы», что приводило к гибели животных, рыбы и т. п.

Во-вторых, общество сдерживало инициативу наиболее энергичных своих членов. Это нередко вело к конфликтам, раздорам. Вероятность их возрастала в период голодовок. С одной стороны, «в случае необходимости, при чрезвычайных обстоятельствах охотники могли получить последние куски пищи», и тогда хуже приходилось другим, в одних ситуациях — детям, в иных — старикам¹⁹⁹. С другой — сила могла не уступать праву, сильный мог бросить вызов коллективу.

В-третьих, условно можно сказать, что в данной формации блага, которые производитель отдает родственникам, гостям, распорядителям, слабым и т. п., как бы обмениваются на престиж,

который приобретают наиболее удачливые добытчики, и соответственно более высокий общественный статус²⁰⁰. Последний, правда, повышал и право на получение благ, но в строго определенных пределах. Таким образом, отчуждение во многом могло быть даже приятным человеку, поскольку взамен он получал похвалы, тешил чувство собственного достоинства²⁰¹. Однако престиж нельзя копить как богатство, поэтому, хотя система действовала так, чтобы в обычных условиях хватило всем, она же ставила преграды для развития производства.

В-четвертых, социально труд не был заметно отделен от отдыха. Разумеется, любому дикарю понятно, что лежать на солнышке (или в тени), судачить с товарищами приятнее, чем гоняться за дичью. Речь идет, с одной стороны, о том, что труд не стал уделом слабых и презираемых, а был достаточно почетен, а с другой — что праздность, когда для нее были условия, не воспринималась как порок (как у пуритан, которые хотели бы, чтобы люди работали возможно больше). Напомню, что в этом смысле (а также потому, что человек не отделен от природы) я и употреблял понятие **доэкономический тип отчуждения**.

На стадиях высокой зрелости, и особенно переходной, основное противоречие обострялось. Ведь появлялся заметный излишек благ, который можно было запастись (например копченая рыба, дикорастущее зерно и др.). Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения, которые пытались подогнать под привычные «стандарты». Это могло вызывать усиление власти администраторов — распорядителей общественного богатства. В одних случаях они стремятся как бы законсервировать общественные отношения, в других — напротив, расшатать их в свою пользу. Но в любых обстоятельствах это означало усиление противоречия между новыми обстоятельствами и установками и старыми отношениями и правилами, возможные конфликты между руководителями и рядовыми членами.

Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обладание этими территориями. А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Излишек благ так или иначе приводит к поиску и выделению **престижных благ**, таких, которые удобны в хранении и отчуждении и

есть предмет зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Такими были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, лодки, сети, раковины, зубы животных и т. п. А следовательно, растет неравенство, появляются сокровища, усиливается разделение труда в обществе. Словом, общество уже не то, но отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, имущественного неравенства, возможности передавать богатство потомкам и т. д.²⁰² В этом и состоит обострившееся противоречие. Так или иначе оно отодвигается, частично разрешается, но большинство путей развития данного способа производства ведет в тупик, пока история не нащупала возможность перехода к сельскому хозяйству. Но и потом основное противоречие долго еще чувствуется даже в земледельческом обществе, что выражается во всякого рода уравнилельных обычаях и традициях, в первобытном расточительстве на пиры, праздники и т. п. Личное богатство и административно-политическая власть вождей устанавливаются медленно.

§ 4. Общественные отношения и организация общества

Известные этнографии общества присваивающего хозяйства очень сильно различаются между собой. Однако многие исследователи находят в них немало общего, отмечают, что на сходный вызов нередко был и сходный ответ.

Коллектив в целом хотя и не без конфликтов, но достаточно эффективно через традиции, обычаи и прямое влияние подчиняет и примиряет требования и желания отдельных людей и групп. В известном смысле тип отчуждения можно назвать также и **равнообеспечивающим**, но **неравным**, поскольку различия были достаточно заметными. Фактически распределение благ не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале, пищи должно быть достаточно, чтобы накормить всех²⁰³. Для этого существовали специальные правила дележа добычи. Они в каждом племени могли быть особыми и зависели от разных причин (в т. ч. от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то даже худшую. Нередко главарь, старейшина, вождь и т. д. первый делил добычу и брал себе самый

лучший кусок (печень, сердце и т. п.). Такие обычаи уменьшали конфликты по поводу раздела, выполняли роль социальных гарантий для слабых, но, конечно, вели к определенной хитрости со стороны добытчиков, чтобы соблюсти свой интерес²⁰⁴. Очень важными для ряда народов и характерными чуть не для всех были обычаи дележа с гостем, правила пользования чужим и т. п. Во многом эти и другие порядки казались predetermined, альтернативы им не мыслилось. Стало быть, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли, подобно тому как это постоянно бывает в семьях или в коллективах, где все получают более-менее одинаково. Итак, **доэкономический тип отчуждения характерен тем, что от производителя отчуждается** весь или часть добытого им продукта, который потом делится так, чтобы, с одной стороны, поддержать весь коллектив, а с другой — воспроизводить те элементы неравенства, что утвердились в каждом обществе. Такими были различия по полу и возрасту, когда, например, мужчины средних лет могли работать меньше, а получать больше, чем молодежь. В лучшем положении нередко находились колдуны, которые пользовались внушаемым ими страхом. Некоторая часть доставалась в виде подарков администраторам. Но в целом неравенство не носило чрезмерного характера.

Хозяйственные и семейные единицы порой совпадали, чаще нет. На какой-то сезон несколько семей объединялись в особую группу, затем состав ее участников менялся. Но бывали и более жесткие правила подобных объединений. Собрание (главы родов, семей, выборных и т. п.) нередко распределяло охотничьи (по сбору растений, рыболовные) угодья на сезон, чтобы не возникало конфликтов и соперничества. Другим без необходимости не следовало туда ходить, и были даже особые правила предупреждения о нарушении границ. Строже карались такие проступки со стороны отдаленных родственных групп и тем более чужаков. Но многое зависело от способа хозяйствования. Положение человека в обществе характеризовалось тремя основными моментами: местом в половозрастной лестнице, разнообразными ролями родственника и его общественным статусом, основанным на личных заслугах и качествах характера (авторитет и общественная должность).

Эти моменты очень существенны для любого первобытного общества, но их значение могло быть различным. В некоторых обществах доходило до сильного антагонизма между мужчинами и женщинами,

между молодежью и «стариками» (т. е. людьми определенного возраста).

Сложность вступления в брак для молодежи ряда австралийских племен соседствует с тем, что старики имеют нередко несколько жен. Это порой вызывает конфликты или супружеские измены. Возрастное и половое неравенство часто выражается в том, что женщинам и молодежи запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. **Инициации** (особые испытания юношей, реже девушек), иногда исключительно жестокие, — это метод и отсекания слабых (порой недовольных), и воспитания в нужном духе, даже устрашения. Во всяком случае, это довольно эффективный способ ослабления конфликта поколений.

Тиранию родственных обязанностей, которой человек повязывался еще до рождения (и, соответственно, привилегию эксплуатировать родичей), трудно себе представить²⁰⁵. Родственников нужно было не только поддерживать материально, но и брать их сторону в ссорах и конфликтах²⁰⁶. Счет родства был весьма сложен и для неспециалиста сегодня малопонятен. Крайне важными являлись брачные правила и запреты вступать в брак с людьми из определенных родов и групп (т. н. брачные классы). Сами браки могли превращаться в важнейший канал установления хороших отношений и экономических контактов между общинами, родами и племенами. Где-то главными могли быть симпатии мужчин и женщин, где-то их не принимали во внимание и вопросы о браке решали старшие.

Общественное положение, престиж поднимали человека в глазах соплеменников, могли давать ему больше прав или привилегий в материальном положении. Но нередко это сопровождалось и усилением обязанностей, требований щедрости. Такая двойственность, вообще свойственная в чем-то выделяющимся людям, была весьма характерна для древнего общества. Нередко общественная должность становилась тяжким грузом, и не все ее домогались или могли выдержать²⁰⁷. Конечно, за престиж всегда есть определенное соперничество, но оно, очевидно, редко перерастало в острые формы. Ведь в обычных условиях власть не была тиранической, а привилегии — слишком значительными. Просто не было материальной основы для такой власти. Дело меняется, когда появляются большие запасы и излишки, требуется постоянная должность для решения хозяйственных дел и споров, рождается

возможность существенно выгадывать для себя и для более близких себе людей. Иными словами, злоупотребления могли быть, но для них было мало экономических и общественных условий, а следовательно, люди и меньше к ним стремились.

Личные особенности, заслуги, склонности играли большую роль в этом обществе, в чем-то даже более важную, чем в остальные эпохи. Ведь коллективы были небольшие, а общественные права от рождения — равные. Кого-то боялись из-за его вспыльчивого, бешеного характера, кого-то любили, о ком-то молва ходила во многих племенах. В целом типы характеров не очень сильно отличаются от любых других, включая и нынешнюю, эпох²⁰⁸.

Особенно выделялись колдуны и знахари, которые были загадочными, таинственными, знали больше других и могли легко, согласно поверьям, погубить человека. Но также и вылечить, поэтому к ним обращались за помощью. Колдуны обладали большой психологической и моральной властью, некоторые из них пользовались ею во благо, другие — во зло или своекорыстно²⁰⁹. Но чтобы стать колдуном или знахарем, нужны были особые данные характера и знания, которые в некоторых племенах приобретались долгими годами учебы и испытаний, специальных инициаций колдунов.

Конечно, сильные характеры, выдающиеся личности могли себя в каких-то вопросах противопоставлять обществу, общественному мнению²¹⁰. Но в целом господство коллектива было достаточным. Оно выглядело, по выражению Ж. Бурдо, как анонимная власть, проявляющаяся в господстве определенных верований, представлений, обычаев. Все это в главном и определяло поведение индивида, и слишком частого вмешательства персональных авторитетов не требовалось, хотя без них, конечно, не обходилось.

Но было бы совершенно неправильно представлять первобытное общество как тоталитарное, с казарменной дисциплиной и всесторонним контролем за личностью²¹¹. Надо учитывать, что особого аппарата принуждения не было. Но зато его успешно заменяли внимательность, любопытство и сплетни сородичей. Огромную роль играло общественное мнение. Насмешки, оскорбления, возможно, бойкот и т. п. — все это в маленьких коллективах — грозное оружие²¹². Жесткого регламента жизни также не было, люди в основном сами распределяли свое время, кроме того, что подпадало под запреты, церемонии, обязательные дела. Многое, разумеется, зависело от размеров коллективов и формы

хозяйствования. Там, где общины были большими, а охота, скажем, коллективная, неизбежны иерархия и более сильная власть (в виде совета старейшин, малого совета и т. п.), которая обладала даже зачатками аппарата принуждения²¹³. В отношении провинившихся наказания подчас были строгими: изгнание, а иногда и убийство или особое колдовство, которое должно было, по мнению туземцев, умертвить приговоренного (у австралийцев это называлось «отпеть»).

Требовалась власть и при разборе жалоб, споров, конфликтов, ссор. Но поскольку иных, чем общепринятые, примеров было немного (к тому же они осуждались), это само по себе уменьшало отклонения. Тем более, что разорвать отношения с общиной могли лишь очень твердые и уверенные в себе люди, а уходить всегда было страшно. Но решительных или неуживчивых это могло не пугать²¹⁴. Без сомнения, расколы, отделения больших семей или групп и уход их в другие места, кровавые разбирательства не были исключением, но и не являлись правилом. Словом, в этих обществах не было «жесточкой обусловленности, всегда одинаковой реакции личности или коллектива в целом на те или иные поступки индивидов или общественные события» [5; 171]. Но, поскольку многие племена существовали очень долго без заметных изменений, можно сделать вывод, что в основном они выработали механизмы согласования интересов коллектива и личности.

У дикарей были нередки ссоры и драки как внутри племени, так и с представителями других групп и племен по различным поводам. Но были и определенные способы избегания и предупреждения их²¹⁵.

Первобытные коллективы — общества обычно эгалитарные, т. е. это объединения равных в социальном положении людей, у которых нет различий в зависимости от того, в какой семье они родились или каким имуществом владеют. Частная собственность развита слабо, даже личная могла быть весьма условной²¹⁶. Лишь с увеличением излишка и обмена она начинает делать весьма робкие шаги, но в целом можно сказать, что вся история человечества до капитализма — это история утверждения частной собственности.

При переходе на высшие этапы равенство могло существенно нарушаться. Как в отношении того, что власть вождей и старейшин усиливалась и эти должности могли уже наследоваться, так и в том плане, что начинают выделяться более значимые, знатные роды, которые постепенно оттесняют других от принятия решений. Кроме того, увеличивается и имущественное неравенство. А при частых

войнах возникает рабство военнопленных. Но и в этих обществах уравнительность чувствуется очень сильно.

§ 5. Общественное сознание

Сознание первобытных людей буквально пропитано примитивной религией. И эта вера в одушевленность различных вещей, в то, что можно повредить или помочь человеку с помощью магии, другие фантастические идеи — бесспорно, главный элемент их общественного сознания и способ его выражения (оформления). Поэтому тип общественного сознания первой формации я называю **примитивно-религиозным**. Конкретные же верования весьма отличаются у разных народов. Они меняются, хотя и медленно, в зависимости от степени развитости обществ. В соответствии со значением этих представлений, как сказано, могла быть очень большой и роль колдунов и знахарей.

Все другие элементы общественного сознания связаны с примитивной религией²¹⁷. Но не полностью. Так, производственное сознание — это, прежде всего, огромные практические сведения об окружающей природе и свойствах растений, повадках животных. Можно выделить и нерелигиозное искусство, создаваемое первобытными художниками, поэтами, композиторами. Ценились и художественно сделанные вещи: копья, одежда, изделия из кости и т. п. Подобные «особенно искусные художники часто получали заказы от соплеменников и выполняли их за определенное вознаграждение, материальное или какое-либо иное» [5; 132].

Как сказано, обычно дикари обладали весьма большим досугом²¹⁸, поэтому очень ценили различные развлечения, особенно танцы, причем выдающиеся плясуны пользовались большим уважением. Кроме того, могли быть популярны, а нередко даже и получать вознаграждение искусные комедианты, музыканты и прочие артисты и творцы. Уже выделялись и ораторы, способные убедить совет, спорящих и враждующих, вызвать мир или ссору между родами и племенами, обвинить или оправдать кого-либо. Очень важную роль в жизни играли обряды.

Напомню и о таком первейшем и важнейшем моменте духовной жизни, как язык. Без его возникновения немислимо общественное сознание²¹⁹, но, разумеется, он развивался и совершенствовался вместе с последним и всем обществом²²⁰.

Мораль была тесно связана с хозяйственной деятельностью. Чем лучше мужчина метал копье или стрелял из лука, добывал дичь, а женщина искала съедобные растения и вела хозяйство, тем больше это ценилось в общественном мнении. Напротив, неумехи осмеивались. У чукчей слово «неумеха», например, было худшим оскорблением. Как и в любом стабильном обществе в любую другую эпоху, хорошим полагалось соблюдение правил и обычаев, а плохим — их нарушение. Поощрялись такие качества характера, как щедрость, помощь родственникам, а также выносливость и терпеливость, особенно к боли. Иначе мальчики могли не пройти испытаний и никогда не стать мужчинами. Слабость и трусость презирались беспощадно. Одобрялись выдающиеся умения, которые шли на пользу общине. Напротив, те качества, которые позволяли человеку не считаться с коллективом и внушать другим страх, хотя, возможно, уважались, но не считались хорошими.

Пожалуй, этнография больше, чем что-либо, изучала именно первобытную религию. Обычно среди народов присваивающего хозяйства выделяют **анимизм**, то есть веру в то, что у каждого человека есть душа, которая может покидать его тело (временно во сне, а после смерти — постоянно). С этим связаны и идеи о переселении душ. Разумеется, весьма примитивные (см. Прил. 10). Люди также полагали, что души имеют животные и растения, а то и неживые предметы. Учение о душе — колоссальный шаг в развитии всей интеллектуальной жизни. Вместе с соответствующими нормами и ритуалами — своего рода непреодолимая стена между человеческим и животным миром.

Весьма распространен также **тотемизм** — представления о родстве с определенными животными и растениями (например, что медведь, волк, сова и т. п. являлись предками данного рода или племени). В этой связи существовали различные пищевые запреты, например, нельзя есть мясо этого животного вообще или в определенное время; искупительные обряды, когда люди просят простить их за то, что они убили тотемическое животное, и т. п. Имелись также священные предметы и даже места (центры), куда посторонним запрещено приходить (за нарушение их могли и убить). На более поздних стадиях появляются представления об индивидуальных тотемах некоторых выдающихся людей. Отдельные племена верили уже и в более абстрактные вещи, переходя «к почитанию тотемистических божеств и т. н. всеотцов»²²¹, но у них «представления о возникновении рода

человеческого и природы до чрезвычайности бедны содержанием [27; 94].

Очень распространенной является **магия**, то есть представления о том, что различными действиями можно навредить или помочь человеку. Особенно если использовать какие-то предметы, связанные с ним (типа волос, ногтей, одежды и т. п.). У австралийцев почти все несчастья и смерть от неясных причин приписывались таким магическим обрядам²²². Г. Кунов отмечал, что именно смерть, прежде всего смерть, пробудила чувство страха в человеке [27; 32], и неудивительно, что многие первобытные народы страшатся мертвых. Однако культа почитания предков у них нет. Он также считал, что формы религии развивались следующим образом: из первоначального почитания духов возникает почитание предков, а из последнего, в свою очередь, в дальнейшем культ природы [27; 144]. Появляются боги, олицетворяющие природные явления, а там уже прямой путь к единому богу. Но культ предков связан уже обычно с примитивными крестьянами и с формированием патриархальной семьи, отцовского права.

При всей фантастичности религиозных представлений иногда невозможно понять их происхождение, в целом все же связь их с основными занятиями, идеями о справедливости, доблести и пр. проследить можно.

Посмотрим теперь, чем отличается примитивно-религиозный тип общественного сознания от более развитого, религиозно-философского (религиозно-этического), хотя сходство и родство между ними весьма ощутимо. Если сравнивать эти верования с такими поздними религиями, как буддизм, христианство, ислам, то бросится в глаза, помимо прочего, слабая связь первобытной религии и морали. Это еще достаточно видно и в языческих религиях (у тех же греков). И возможно, что такая слабая связь двух форм общественного сознания и определяет то, что у диких народов почти нет истинной душевной религиозности, а скорее, и прежде всего, — строгая ритуальность. Люди, как им кажется, окружены неясными, страшными и невидимыми силами, но на которые можно подействовать определенным способом²²³.

Есть и многие другие отличия, вот некоторые из них. Во-первых, за отдельными исключениями, нет веры в богов и тем более в единого бога. Зато есть идеи, что силами природы можно управлять с помощью известных действий и что колдовством любой может

навредить любому. Они еще долго живут и после первобытности, сохраняясь до нашего времени. Во-вторых, верования и представления обычно не определены, не систематизированы и не канонизированы, как это будет в следующей формации. Поэтому в религиозном сознании первобытности трудно выделить слои. Зато они четки в следующую эпоху. Есть низший пласт, в который перешли идеи первобытности (о магии, приметах, духах и т. д.), средний — наиболее распространенные религиозные идеи и обряды и высший — «идеология» — в виде философии, теологии и т. п. В-третьих, общественный слой людей, ведающий культом и обрядами, только-только формируется, тогда как в позднейший период складываются целая религиозная система и организация со сложной структурой и иерархией. В-четвертых, материальная основа религии сельскохозяйственных и тем более государственных обществ во много раз больше. Чего стоят только жертвы десятков быков и тем более храмы, пирамиды, великолепные книги, иконы и т. п.

В заключение параграфа отмечу еще такой важный факт общественного сознания, который связан с различиями по полу. У одних племен они меньше, у других выражены резко²²⁴. В последнем случае могут быть и идейные обоснования этого, выводы о разной природе мужчин и женщин²²⁵.

Глава 13. ВТОРАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

...Из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства.
Томас Бокль

§ 1. Преодоление противоречия прежней эпохи. Переходные общества

Итак, мы видели, что общества на последних стадиях присваивающего

принципа производства находят способы создания и хранения излишка продукции. Но сильному расслоению, имущественному неравенству, беспредельному накоплению богатства как способам разрешения основного противоречия жестко препятствовали обычаи, традиции и нежелание перемен со стороны большинства. Одни коллективы вообще не сумели справиться с этой проблемой, другие избрали путь перехода к сельскому хозяйству. Но иногда разрешение этого противоречия оказывалось возможным и на базе присваивающего хозяйства. Сейчас мы рассмотрим подобный вариант.

В этом плане характерно рассуждение профессора Э. Геллнера: «Моя собственная концепция мировой истории очевидна и проста: три великие стадии развития человечества — охотничье-собираТЕЛЬская, аграрная и индустриальная — определяют круг проблем, которые нас интересуют, но не решают их». Но далее он заявляет: «Но в целом определение типа обществ по имеющейся экономической базе не оправдывает себя» [17; 40].

Чем же он обосновывает эту идею? Геллнер пишет: «Если верить Джеймсу Вудберну, важнейшее структурное изменение происходит уже внутри некоторых категорий обществ охотников и собирателей, где одни предпочитают немедленный результат в виде полученной продукции, а другие ориентированы на получение ожидаемых, «отсроченных» результатов экономики охоты и собирательства... Необходимость выполнения разнообразных задач с течением времени развивает умение мыслить и действовать, что впоследствии обеспечивает постоянное разделение обязанностей в процессе производства. Если это так, то значит, некое величайшее изменение общественной структуры предшествует происшедшему переходу к производящей экономике» [17; 240, 241].

Иными словами, здесь говорится о следующем: 1) уже в ряде обществ присваивающей экономики происходит накопление пищи и богатства, а не потребляется все сразу; 2) в результате усложняются разделение труда и общественная иерархия; 3) раз так, то, по сути, переход к новому обществу не связан с сельским хозяйством, а может быть и на ином производственном базисе; 4) следовательно, идея о том, что для перехода к высшей формации нужны революционные изменения в производительных силах, «не оправдывает себя».

Я позволю себе не согласиться с Геллнером. И отмечу: именно в том и заключается обострение противоречия, что некоторые очень

существенные изменения в обществе, связанные с ростом производства, натываются на устоявшиеся отношения, в результате чего в обществе наступает застой или упадок. Однако в части обществ это противоречие так или иначе разрешается. Причем естественно, что первоначально такие попытки происходят на базе старого хозяйства. Ведь прежде чем произойдет переход к новому принципу производства, должен появиться целый спектр различных ответов на эту задачу, а среди них, возможно, родится наиболее перспективный. И то не с первых попыток. Поэтому не столь удивительно, что уже у некоторых охотничье-рыболовных племен происходят большие перемены в способах распределения и в социально-имущественном неравенстве. Я приведу один из таких примеров, а потом дам ему дополнительное объяснение.

Возьмем некоторые племена Северо-Западной Америки, допустим, тлинкитов. Они охотились на морского зверя и ловили лососевых, шедших в местные реки на нерест. У них существовало различие между богатыми и бедными, было много рабов (по некоторым данным, до 30% от всей численности жителей). Владелец раба мог убить или продать его, передать по наследству. Часть добычи отдавалась вождю, который обладал большой властью. Передки были войны, в том числе и за рабов. У этих индейцев получили развитие ремесло (плетение, ткачество), торговля, и даже имелись деньги в виде пластин меди. Таким образом, хотя уравнивательные традиции среди свободных были здесь еще очень велики, в целом перед нами уже не первобытное, а, скорее, варварское общество. Оно даже, думается, в чем-то опережало в развитии примитивных земледельцев²²⁶.

На первый взгляд (но лишь на первый), этот факт опровергает мою идею о том, что преодоление основного противоречия возможно только на базе производственной революции и что именно принцип производства — тот признак, который позволяет отделить одну формацию от другой. Стало быть, представляется удобный случай внести в теорию уточнения.

Почему именно принцип производства в конечном счете становится «локомотивом» для всех остальных формационных изменений и дает возможность преодолеть противоречие? Потому, прежде всего, что, изменяя всю хозяйственную жизнь, он создает гораздо больший излишек (в разы) основных жизненных благ, чем раньше. **И в конечном счете именно объем, качество, характер и удобство хранения этого излишка и определяют в огромной степени**

уровень развития общества.

Однако такой избыток по сравнению со средним для формации может создаваться и на базе старого принципа производства за счет изобилия природы. А если к этому добавятся и исключительно благоприятные условия (удобства хранения, обмена и др.) для его накопления и распределения, то может произойти частичное преодоление противоречия и соответствующее развитие общества²²⁷. Но дело-то в том, что исключительные условия потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и главное — **не способны быть предметом заимствования и распространения для других**. А следовательно, по многим причинам направляют развитие в тупик²²⁸. **А переход к новому рубежу для человечества и даже сравнительно небольшой его части предполагает именно широкую природно-производственную основу и такие способы и предметы труда, которые весьма распространены или могут быть распространены**. Новый принцип производства, достигнув определенного уровня, в отдельных местах начинает мощно расширяться. И на базе возникновения ряда вариантов в конце концов находит дальнейшие способы для качественного роста.

Сказанное о возможности за счет **особых природных и иных условий перейти к более высоким общественным отношениям, чем это обычно свойственно данному принципу производства, — вообще характерное явление исторического процесса, один из (в данном случае тупиковых или полутупиковых) путей развития**. Некоторые ученые такое изобильное присваивающее хозяйство называют **аналогом** производящего. Нечто подобное мы наблюдаем и в некоторых торговых или захватнических государствах древности и средневековья, где изобилие благ и доходов приводит к появлению элементов капиталистического общества. Это относится и к третьей формации. Так, колоссальные природные богатства в СССР (особенно нефть и газ) позволяли нашему руководству проводить социальную политику, во многом не характерную для этого способа производства. Это же касается и ряда нефтедобывающих стран Ближнего Востока. Но вернемся к сельскому хозяйству. Мы не знаем, как именно перешли к земледелию. Но по этому поводу есть несколько достаточно вероятных предположений. Этнографии известно много примеров, когда охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ народы старались помогать природе в выращивании растений, в том числе окультуривая и поливая почву. При этом, если люди осознают благотворность

новинок, при соответствующих условиях раньше или позже неизбежен качественный рывок. Предполагают, что дикие злаки стали культивировать впервые на склонах Палестины²²⁹. Когда именно, сказать непросто. Скорее всего правы те, кто относит это на период 12–9 тыс. лет назад. Но есть и более ранние (или поздние) датировки. Таким образом, земледелие впервые возникает у каких-то народов — собирателей урожая. Что же касается скотоводства, то тут меньше ясности. Есть предположения, что обе формы возникли почти одновременно у тех же народов²³⁰.

Однако охота и собирательство еще долго преобладали, затем старые и новые секторы могли стать равными. Подобное общество описывает у индейцев намыквары Леви-Строс. У них это четко различалось по сезонам года. Своеобразия же при переходе к новому принципу производства в зависимости от климата, щедрости природы, от выращиваемых культур и от другого было очень много.

Следующая ступенька — когда сельское хозяйство, хотя и примитивное, количественно преобладает. Уравнительности еще хватало: совместные работы, общие запасы и т. п. На этом этапе люди в целом стали работать больше, чем раньше, а производитель был заинтересован в ре-зультатах своего труда сильнее. Особенно когда участки земли делились между семьями, у которых оставалась и основная часть урожая²³¹.

В этом заключался важный шаг по пути разрешения прежнего противоречия. Но главные способы его устранения, на мой взгляд, были иные. С развитием сельского хозяйства резко увеличивается и население, а также соответственно размеры родов и родовых общин²³². Как следствие, между ними появляется неравенство, образуются более и менее богатые и влиятельные коллективы. В руках отдельных родов порой скапливаются значительные богатства. При этом общая собственность часто подавляла индивидуальную. Распоряжались совместным имуществом главы родов, тем самым приобретая большую власть и значительные возможности. Таким образом, в этой части прежнее противоречие преодолевается все решительнее. Появляются также отцовское право и возможности передачи имущества и власти по наследству.

В руках же вождя племени сосредоточивается и тем большая экономическая сила: ведь они распоряжались достоянием ряда коллективов и в частности урожаем с общих полей. В усилении

позиций выделившегося меньшинства важную роль играл обмен с другими общинами. Он позволял обойти многие традиции и запреты. В отношениях с другими племенами он чаще носил характер прямой торговли, между родами одного племени или близких племен чаще — обмена подарками, что получило название «престижной экономики». Еще важнее была война. Военный грабеж, образно говоря, являлся таким сепаратором богатства, который позволял перерабатывать сливки на масло. А вместе с этим росла роль воинов и военных вождей. Немалое значение имели ремесла и торговля, появление земледельческих поселков. Таким образом, накапливались условия для перехода к интенсивному земледелию, образованию государства и окончательному преодолению прежнего противоречия.

§ 2. Развитие и упадок родового строя.

Догосударственные политические формы

Именно в период примитивного сельского хозяйства родовые отношения переживают свой расцвет. Их значение возрастает даже по сравнению с прежней эпохой. Причин тому несколько. Во-первых, оседлость стала гораздо большей, а поселки постояннее. Во-вторых, число людей возрастает в несколько раз, а вместе с тем родство отдаляется, и идет разбивка не только на отдельные роды, но и сами они приобретают весьма сложную структуру, складываясь иногда из десятков более мелких коллективов. В-третьих, резко возрастает имущественно-хозяйственное значение такого коллектива как собственника и распорядителя угодий, общего богатства. Если поля обрабатывались не посемейно, а сообща, то могли быть и общие дома, с комнатами для отдельных семей. Главами родов чаще были мужчины.

Во многих случаях счет родства велся по материнской линии, муж приходил в род жены и имел там не так много прав. В целом противоположность мужчин и женщин в чем-то даже возрастает. У многих племен зафиксировано существование отдельных мужских и женских домов, своего рода клубов. Но по-прежнему сильный пол чаще оставался в привилегированном положении. А в связи с общим ростом богатства могло усиливаться многоженство. В период же разложения родового строя почти везде окончательно переходят на счет родства по отцовской линии, а роль мужчин, глав семей, возрастает.

Как уже сказано, значение руководителей родов было большим. Они

всячески заботились о том, чтобы поднять престиж своей группы. Для этого использовались такие способы, как подарки, раздача имущества и т. п. Потерянное при таких действиях в целом могло возмещаться ответными дарами, а также возможностью за счет увеличившегося престижа и полученных общественных должностей вновь собрать богатства. Однако по разным причинам часть родов выпадала из такого соревнования, другие же — возвышались. В более выгодном положении находились те кланы, во главе которых стояли военные вожди, администраторы, иные выдающиеся люди.

В ряде обществ возникали обычаи, согласно которым преимущество получала только одна линия рода. Очень ярко это проявлялось на многих островах Полинезии (Гавайских, Тонга и других). Там в знатных родах старший сын (брат) имел более высокий ранг и статус, чем остальные. Причем и статус других сыновей (братьев) был неравен между собой и зависел от старшинства. Еще больше разрыв оказывался между сыновьями братьев, т. е. между двоюродными братьями. Такие обычаи укрепляли неравенство между родами и линиджами, вели к образованию ранних сословий. Между знатью и простонародьем здесь были очень большие различия.

Неравенство между родами могло возникать по разным основаниям. Одно из самых распространённых — различия между первопоселенцами и поселившимися позже.

Так постепенно шло формирование привилегированных родов, члены которых становились родовой знатью, а позже на этой основе появились примитивные, но жесткие сословия²³³. Иногда такие аристократические кланы вообще переселялись в особые поселки (позже становившиеся городами), а вместо себя оставляли своего рода управляющих, которые взыскивали с других долю аристократов.

По мере же дальнейшего роста населения усиливаются как конфликты и споры между родами внутри племени, так и межплеменные связи и столкновения. Все это ведет к увеличению власти тех, кто выполняет общественные задачи, регулирует споры, стоит над родами и над их главами. Власть руководителя племени (вождя) становится все более самостоятельной, а его экономические возможности — огромными²³⁴. Это уже совсем не похоже на положение вождя в прежних охотничьих или бедных переходных обществах²³⁵.

Важную роль в появлении неравенства стало играть рабство. Рабов давала война, иногда обмен. Но в целом на этом этапе такой труд обычно не играл существенной хозяйственной роли, скорее наличие

невольников повышало престиж их владельца. Чаще использовались рабыни для ведения домашнего хозяйства или как наложницы.

Рост неравенства между родами и внутри них, появление родовой знати и примитивных сословий, усиление независимости главы племени и передача этой должности в основном внутри его клана, рабство и участвовавшие войны — все это и многое другое свидетельствовало о разложении родового строя. Этнографы зафиксировали и некоторые особые явления в этом отношении. Одними из самых интересных, на мой взгляд, являются т. н. мужские (реже женские) тайные союзы. Они объединяли членов разных родов для запугивания людей и получения материальной выгоды или даже с целью установления власти²³⁶.

Но все же родовая система была настолько сильной и зарегулированной, что сломать ее изнутри было практически невозможно. Основательно эксплуатировать родичей, изменить уравнительную психологию оказывалось не так-то просто. К тому же власть и собственность передавались не детям (то есть не по прямой линии), а часто старшему родственнику, что мешало сосредоточению их в одной семье. Лишь постепенно, по мере перехода к интенсивному земледелию или в связи с сильным перемешиванием населения, родовая община заменялась **соседской**, крестьянской. Когда же над общинами надстроилось государство²³⁷, родовой строй окончательно стал уходить в прошлое, хотя его остатки («пержитки») еще долго чувствовались.

Ранние государства возникли не на пустом месте, им предшествовали тысячи лет политического развития и разнообразные промежуточные политические формы.

Нередко примитивные земледельцы и скотоводы жили небольшими семейными группами (от нескольких человек до двух-трех десятков). Бывали и большие коллективы, но и они обычно не превышали 80–100 человек. Это были или небольшие общины, или так называемые **локальные группы**, которые имели более подвижный состав, чем общины. Во главе таких объединений мог стоять «вождь», но власть его была невелика и редко передавалась по наследству. Наиболее важные дела чаще всего решались коллективно. Размеры и стабильность сообществ сильно зависели от природных условий.

По мере развития сельского хозяйства размеры поселений росли. Порой это уже были настоящие деревни в сотни человек. Если здесь жили представители в основном одного рода, то его возглавлял

главный в роде (старейшина, вождь). Но такие большие роды делились на части (линиджи, сегменты родов, большесемейные хозяйства), среди которых уже имелось некоторое неравенство, поскольку одни части или линии рода признавались более знатными, чем другие. Соответственно руководитель всего рода чаще избирался из более знатных семей или линиджей.

Однако часто родовые группы были небольшими: несколько десятков человек. В таких случаях в поселке могли жить представители разных, но близких между собой родов. Нередко там имелись и люди из более отдаленных или чужих родов. Их статус мог быть меньшим, чем у коренных жителей и тем более первопоселенцев. Такие поселки иногда возглавляли так называемые **бигмены** (от английского *big man* — большой человек). Люди эти могли выделиться по разным основаниям: из-за мудрости, воинской доблести, умения скопить богатство и быть щедрым. Они обычно отличались не только выдающимися личными качествами, но и энергией, что и позволяло им поддерживать свой престиж среди со-племенников. Ведь часто бигмены были только неформальными лидерами, то есть их не выбирали на определенные должности (например, вождя), и они не могли передать по наследству свое положение. Особенно известны бигмены у меланезийцев и среди некоторых племен папуасов на Новой Гвинее. Это были богатые и энергичные люди, которые активно участвовали в дарообмене и торговле (иногда продукты и товары водным путем перевозились за сотни километров). Они организовывали престижные пиры, которые время от времени устраивала деревня для соседей. Это было очень важным делом, поскольку от масштабов таких праздников зависел престиж всей деревни.

По мере развития производства, обмена и увеличения плотности населения возникали и более крупные объединения. Иногда это были большие поселки и даже города, в которых жили многие сотни и даже тысячи человек. Во главе такого «города» мог стоять вождь или «царь», но власть его обычно не была действительно самодержавной. Большую, нередко решающую роль играли органы самоуправления, вроде древнерусского веча. Население могло быть сборным, стекшимся с разных мест. Но потомки первопоселенцев нередко выступали в роли аристократии, как это было, например, в Древнем Риме. Города также могли образовываться из поселений нескольких или даже нескольких десятков родов (так было на побережье

Гвинейского залива в Африке, у ацтеков в их столице Теночтитлане). В подобном случае возникали отдельные кварталы, населенные теми или иными родами. В таких ситуациях различные должности, например, судей, полицейских, иногда оказывались не выборными, а наследственными.

Население родовых коллективов разрасталось в племена, но они часто были еще очень аморфными. Во главе их не было ни вождей, ни других руководителей. Эти племена представляли собой главным образом не политическую, а этническую и культурную общность близких родов и линиджей. Однако в случае войны такое племя могло объединяться для совместных действий.

Вообще относительно понятия «племя» существует очень много разноречивых мнений. Во-первых, следует выделять племя как культурную общность, внутри которой люди считают себя потомками единого предка или героя. Части племени связаны между собой сложными брачными и родственными отношениями. Такие племена были у ряда охотников и собирателей (например, австралийцев) и у многих земле- дельцев и скотоводов. Иное дело племена, возглавляемые вождем, который имеет крепкую власть. Такие племена объединяют от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Тут уже существует значительное неравенство по знатности и/или богатству²³⁸.

Известный американский антрополог М. Фрид называл такое общество **ранжированным**, поскольку оно делится на несколько различающихся между собой слоев, имеющих разный статус (ранг), а также неравный доступ к ресурсам (например, престижным и дорогим благам). Это общество уже сильно отличается от того, что было у охотников и примитивных земледельцев, которое тот же Фрид называл **эгалитарным**, то есть обществом равных²³⁹.

Такое племя во главе с **наследственным** вождем представляло собой политическую единицу, которая в науке получила название **вождества**²⁴⁰. Его вождь объединял вокруг своего поселения несколько других, и возникала как бы двухуровневая структура управления. Но иногда вождество образовывалось в одном крупном поселении. Нередко одно племя могло быть разбито на два и более вождеств, или, наоборот, вождество включало в себя больше, чем одно племя. В пользу вождя выполнялись некоторые повинности, ему делали подарки. Он также мог сосредоточивать в своих руках торговлю или другие престижные занятия (некоторые виды ремесел, например). Такой вождь часто считался обладающим особой магической (сакральной) силой. Власть

вождя пока еще держалась на традиции, страхе, вере в его особые свойства, его богатстве и силе его родни, а не на специальном аппарате чиновников.

Вождества часто воевали между собой. В результате завоеваний образовывались так называемые **сложные вождества**, которые включали в себя несколько обычных. Сложные вождества достигали размеров в десятки тысяч человек. Их верховные вожди все более напоминали царей и королей. М. Фрид называл такие общества **стратифицированными**, поскольку они часто делились уже на четкие слои (страты): знать и престоноардье.

§ 3. Образование государства

Вождества могли прямо перерасти в ранние государства. Однако порой общество развивалось, в нем появлялись знать, имущественное неравенство, рабы и неполноправные, но государством оно не становилось. Пытаясь объяснить такие явления, некоторые ученые²⁴¹, в том числе и я, пришли к выводу о том, что постпервобытные общества не развивались одинаковыми путями. Наряду с формированием ранних государств появлялись и такие политии, которые были сравнимы с государствами по объему и сложности устройства, но не имели государственных политических институтов (например, крепкой центральной власти, или аппарата управления, или чего-то другого). Такие негосударственные общества, которые можно сравнить с государством по сложности и выполняемым функциям, я назвал **аналогами раннего государства**²⁴². Подобных аналогов было много среди кочевников, независимых городов и объединений крупных сельских общин, больших племенных союзов. Взять, например, Галлию (территория современной Франции) накануне ее завоевания Римом в I веке до н. э. Галлы не создали государства, но их уровень развития по ряду показателей был выше многих раннегосударственных обществ, например, храмовых городов Междуречья в начале III тыс. до н. э. или Руси в IX веке²⁴³.

Некоторые из этих аналогов так никогда и не стали государством. Другие превратились в него, но уже на достаточно высоком уровне развития, поэтому они перешли сразу к крупному государству (а не к малому или среднему по размерам)²⁴⁴.

О различных теориях происхождения государств мы уже говорили во

второй части. Ряд ученых, таких как Генри Классен, совершенно справедливо указывают, что для образования государства требовались следующие условия: а) общество должно стать достаточно крупным (самые мелкие государства должны были иметь население, по крайней мере, от 5 тыс. человек и выше); б) внутри общества должно уже сложиться неравенство, появиться слои управляющих и управляемых; в) производство должно давать достаточно прибавочного продукта, чтобы содержать элиту; г) наличие религии (идеологии), объясняющей и оправдывающей политическое и социальное неравенство.

Большую роль в процессе складывания государств играли города как центры религиозных культов, крепости, резиденции вождей, места ремесла, торговли и богатств.

Однако такие же изменения происходили и в некоторых негосударственных обществах, уже сравнимых с ранними государствами по сложности, но еще не имеющих нужной политической системы, которые я называл аналогами государства. Вы это только что видели на примере галлов. Поскольку такие общества считают догосударственными, а не равными по сложности государству (как фактически обстоит дело), это сильно затрудняет решение вопроса о том, какие же условия нужны для появления государства.

Анализируя эти теоретические сложности, я пришел к выводу, что можно говорить о двух принципиальных случаях перехода к государству. Первый, когда государства образовались, так сказать, «вертикально», то есть от догосударственных обществ сразу к государственным. Второй (вероятно, более частый), когда государства образовывались «горизонтально». Он связан с тем, что сначала догосударственные общества переходят на новую стадию развития, однако только в форме аналогов раннего государства. А уже потом сам аналог трансформируется в государство.

Переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации, такими как прекращение изоляции, возникновение военной или иной угрозы, успешные войны, резкое увеличение роли торговли, внутренние конфликты. Все это может служить толчком для существенных изменений в управлении и политическом устройстве²⁴⁵. Но думается, что среди факторов такого резкого изменения жизненных условий война, завоевание или опасность быть завоеванным, несомненно, занимают первое место. Так, очень многие древнегреческие города, включая Афины, возникли

путем так называемого **синойкизма**, то есть собирания людей из небольших поселений в более крупные. Это было связано, в первую очередь, с военной опасностью или боязнью нападения пиратов.

Мы не знаем точно, как образовались самые первые государства (в Египте, Месопотамии и других местах). Считается, что при их образовании роль войн была меньше, поскольку очень важной была хозяйственная роль высшей власти. Однако и постоянные войны за соперничество между мелкими политиями в долинах Нила или Тигра и Евфрата также сыграли очень важную роль в превращении их в ранние государства. В дальнейшей истории (по мнению многих ученых) роль войн в процессе формирования государств стала еще большей. Вариантов образования государств в результате войн было много. То от племен отрывались военные дружины во главе с предводителем и захватывали себе царства. То, переселяясь, варвары покоряли какие-то территории. То, встав во главе союза племен, удачливый главарь окончательно подчинял их себе. Очень часто кочевники покоряли оседлых земледельцев.

Постепенно увеличиваясь и укрепляясь, государство становится, с одной стороны, само гигантским накопителем богатства, которое употребляет на различные, прежде всего военные, цели. А с другой — оно выполняет роль механизма, позволяющего одним группам получать привилегии и блага в ущерб другим. Таким образом, новая формация вступает в этап, в котором начинают проявляться ее собственные противоречия.

Вместе с появлением государств и усилением роли войны как инструмента политики и распределения тысячи новых племен и народов насильно вовлекаются в цивилизацию.

§ 4. Производительные силы и географическая среда. Основное противоречие

Разумеется, производство второй формации колоссально отличается от первой. Заметно удлиняются технологические цепочки, используются новые материалы (например глина, кирпич, металлы), делаются многочисленные изобретения вроде колеса, паруса и т. п. Меньше стала и зависимость от природы. Но все же она остается огромной, а на первых порах — исключительной.

О начальных этапах развития этой формации, когда распространилось примитивное, экстенсивное земледелие, а люди обходились палкой-копалкой или мотыгой, я уже говорил. Это также период появления ремесел²⁴⁶.

Следующим этапом и одновременно второй стадией сельскохозяйственной революции стал переход к орошаемому (иригационному) земледелию. Сначала использовали воду ручьев, прудов, затем научились регулировать разливы больших рек и рыть каналы, запастись водой на засушливый период. Затем в очагах поливного земледелия изобрели плуг и возможность использования для пахоты быков. Этот гигантский шаг особенно важным оказался для тех районов, где земледелие было дождевым (богарным). Только с появлением упряжных животных²⁴⁷ и плуга (да еще с металлическим лемехом) в основной части Европы и других местах мог совершиться второй этап сельхозреволюции. И только с ним туда пришла цивилизация. Интенсивное земледелие связано в первую очередь с зерновыми. Из многих культур наибольшее значение имели пшеница, рожь, овес, рис и кукуруза (см. Прил. 11).

В период утверждения примитивного сельского хозяйства и перехода к интенсивному идет процесс отделения от него собственно скотоводства. Особенно мощно это происходило после приручения лошади, верблюда и создания повозок, чтобы перевозить скarb. Скотоводы заселили и освоили огромнейшие пространства, ставшие периферией цивилизации, куда она постепенно распространялась. И откуда постоянно степные народы, наделенные мощной жизненной энергией, вторгались в цивилизованные земли.

С переходом к интенсивному земледелию резко, взрывным образом, возросло население Земли, составлявшее теперь десятки миллионов человек. Оно продолжало расти на протяжении всей истории, несмотря на регулярные неурожаи, голодовки, эпидемии и войны.

Итак, третий этап (расцвета) производящего принципа производства — это переход к интенсивному земледелию, отделение скотоводства, рост ремесла и торговли и их отпочкование от сельского хозяйства. Появление первых городов.

IV этап (зрелости) означал дальнейшее развитие и специализацию сельского хозяйства (иригация в масштабах большого государства; трехполье, виноградарство, садоводство и т. п.), значительное увеличение числа ремесел. V — высокой зрелости: создание систем город — пригородное сельское хозяйство, специализация торговли и

появление промышленности, рост денежного хозяйства, собственнических и арендных отношений на земле. VI — подготовительный — новое в сельском хозяйстве: многополье, правильный севооборот, товарность и пр.; образование промышленных зон и появление мануфактур, новой техники, производств, мощное развитие международной торговли и ее специализация. Отсюда прямой путь к промышленной формации. Но не забывайте про вариантность и специализацию.

Существенно изменяли пропорции заимствования, завоевания и т. п. Так, у ряда государств, которые активно эксплуатируют периферию или соседей, роль производства усекается, ведь у них его вполне заменяют либо военная сила, либо удачное географическое положение.

Скажем несколько слов еще о городах, ремесле и торговле. Основа последней — различия в природных богатствах, специализация сельского хозяйства и ремесла. Уже с очень древнего времени появляются торговые пункты на пересечении важных транзитных, сухопутных и водных путей, которые могли вырастать в торгово-промышленные узлы. Однако в большинстве своем города выполняли иные задачи. С появлением профессиональных воинов и управителей они становятся административными центрами, куда стекается знать. Нередко они были крепостями, центрами политической или религиозной жизни. Так или иначе обычно города господствовали над сельской округой, эксплуатируя ее с помощью или силы, или денег. Почти всегда в них в большем или меньшем количестве присутствовали ремесленники и торговцы. Но лишь в Европе, начиная с X—XI веков, города стали появляться очень быстро именно как центры ремесла и торговли и вся их внутренняя жизнь складывалась вокруг этого. В течение нескольких столетий они выросли и окрепли, создали новые общественные слои, подготовившие рождение буржуазии²⁴⁸.

Сформулируем основное противоречие данного способа производства. **Это противоречие между возможностями для роста производства и населения, развития специализации, технического совершенствования, разделения труда, расширенного воспроизводства, с одной стороны, и внеэкономическим отчуждением, регулированием деятельности и потребления, лишением производителя стимулов к расширению хозяйства, к производительному использованию богатства — с другой.** Говоря

иначе, внеэкономически отчуждалось много прибавочного труда, который либо превращался в непроизводительное богатство, либо транжирился и служил источником паразитизма. Личная инициатива сдерживалась. Удобство для власти и высших групп эксплуатировать и держать в подчинении население вело к консервации данных отношений, нередким попыткам отобрать у производителя и собственника все, что только можно.

Разумеется, выражалось и проявлялось это многообразно. И из всех вариантов при разрешении данного противоречия наиболее удачными оказались те, где внеэкономическое отчуждение было мягче и сочеталось с экономическим, как в Западной Европе.

Перечислим некоторые из проявлений основного противоречия.

— Война и грабежи постоянно разрушали созданное, губили население²⁴⁹, препятствовали накоплению и стабильности.

— В обществах, где не освободились от родовых обычаев, продолжали мешать уравнивательные тенденции, отсутствие права наследования, всякого рода традиции, разоряющие крестьянина (круговая порука, пышные похороны, свадьбы, помощь многочисленной родне и т. п.).

— Там, где внеэкономическое отчуждение было жестким (рабство, крепостничество), производитель вообще лишался стимула к развитию и, напротив, стремился к тому, чтобы меньше работать или скрыть накопленное. Такая система могла существовать либо на постоянном притоке невольников, либо на запрете земледельцу покидать господина. Отсюда технический застой и жалобы на лень рабов, бегство крестьян. Свободное же население считало труд позором.

— Сильно влияло регламентирование производства (рабочий день, заработок, приемы работы) и потребления. Нередко законы строго оговаривали, какому званию что носить, есть, пить и т. п. Религия и обычаи почти повсеместно не одобряли накопление, стремление к прибыли, а напротив, щедрость и праздность.

— Важнейший момент: слабое поощрение частной собственности²⁵⁰, особенно в виде капиталов (денег, товаров и пр.). Собственник был лишен нужной защиты, неприкосновенности, стабильности. Все это усугублялось недостатком удобных способов накопления, сохранения и циркуляции благ.

— Отметим огромное непроизводительное потребление. Государство гигантские средства и труд тратило на военные цели, строительство, содержание двора и т. п. Земельные собственники и местные

правители содержали тысячи прихлебателей, соперничали в роскоши друг с другом. Церковь увлеклась украшательством и т. п. Итак, данный принцип производства почти везде, а в ряде мест особенно, был способен создавать большой излишек благ. И если бы последний хоть в значительной своей части использовался производительно, а хозяйственная инициатива поощрялась, то развитие шло гораздо быстрее. К сожалению, такое отмечается сравнительно редко. И только когда Европа сумела перейти к системе, где часть экономики могла под военной и политической защитой государства развиваться несколько более свободно и самостоятельно, начался процесс наращивания производства и переход к промышленной революции. Конечно, на протяжении всего периода хозяйство развивалось. Но медленно, неровно, с откатами, с драматическими распадами государств, уменьшением населения, утратой достигнутого. Мало кто из власть имущих видел главное свое достоинство в росте производства и поощрении частного собственника. Но очень многие — в военной славе, роскоши и забавах.

§ 5. Общественные отношения и устройство обществ

Во второй части мы уже рассмотрели, какие распределительные отношения характерны для внеэкономического типа отчуждения. Градаций здесь много, и экономические моменты соседствуют с внеэкономическими. Но последние всегда более важны.

Наиболее яркими формами являются рабство и крепостничество. При этом рабство в классическом виде (когда раб — полная и бесправная собственность владельца, а невольники составляют основу рабочей силы) являлось, скорее, исключением. В основном рабовладение было более или менее важным составным элементом.

О военном грабеже не буду повторяться. К нему примыкали пиратство и разбой. Бывало, что община эксплуатировала общину (как в Спарте). Весьма типичной формой являлись налоги (о них уже шла речь в § 4 гл. II). Одни жесткие внеэкономические формы могли делать менее нужными и другие. Так, кастовый строй в Индии способствовал относительной стабильности и умеренности в налогах, меньшему распространению принудительного труда. Зато для ряда восточных и американских обществ он был очень характерен. Социальное неравноправие, всевозможные запреты, привилегии и

регулирование играли важную, порой важнейшую роль. Это дополнялось психологическим насилием со стороны жрецов или церковников, давлением идеологии и морали.

Посмотрим, как изменилось положение человека в обществе. Родовые связи продолжали играть весьма важную, но уже подчиненную социальную роль. Их постоянно ломали переселения, войны, перемешивание народов, рабство, пиратство и т. п.²⁵¹ Семья становится низовой ячейкой общества. В ней велика власть отца и мужа, который в исключительных случаях даже имеет право убить или продать в рабство своих домочадцев.

Положение человека характеризовалось, во-первых, тем, в какой конкретно группе²⁵², а во-вторых, в каком сословии, слое, касте и т. п. он находился. Это и определяло его права и обязанности, образ жизни. Разумеется, и внутри групп, и внутри слоев была своя сложная иерархия. Личные и общественные отношения могли сливаться²⁵³. Тогда крестьянин должен был работать именно на этого феодала, рыцарь — служить именно этому сеньору и т. п. В этом случае имелась тенденция к более жесткому внеэкономическому отчуждению.

Известны общества, вроде индийского, где считалось, что человек никак не может изменить свою судьбу (карму). Другие открывали гораздо больший простор для личной инициативы. Но в целом и вертикальная, и даже горизонтальная мобильности были слабы. Роль богатства также колебалась, но оно мало где являлось главным само по себе. Предполагалось, что скорее богатство — атрибут знатности, не признавали престижа за разбогатевшими простоллюдинами.

В этот период очень ярко стремление к тому, чтобы тем или иным способом закабалить целые слои и сословия²⁵⁴. Немало тому способствовали и войны. Ведь они — и постоянная опасность, и необходимость жить в коллективах, отгородясь стенами, и потребность в сильной власти, а также и источник славы и добычи. Они породили важнейшее разделение труда в обществе: на военных профессионалов и простой народ. В ряде случаев воины и становились главным сословием, которое должны были кормить и обслуживать остальные. Нередко военных как высший слой с успехом заменяли жрецы. В централизованных монархиях ведущей силой могло стать и чиновничество. Однако не везде должности чиновников считались престижными. В ряде арабских стран на них назначали в основном иностранцев. В зависимости от устройства общества военную службу

могло нести только какое-то одно сословие. Так, в Индии это была обязанность кшатриев, а другие варны не имели отношения к оружию. И в Европе целые периоды воевали только сеньоры. Но часты и моменты, когда основное население обязывалось военной службой, и она из почетного занятия становилась весьма тяжелой и обременительной повинностью²⁵⁵.

Государственные формы постепенно взрослеют. В процессе постоянного соперничества держав идет поиск новых способов и типов объединения людей и земель. Очень много мелких и мельчайших государств. На их фоне особенно выделяются гигантские империи. Однако они внутренне непрочны: то отделяются покоренные народы, то перестает подчиняться администрация провинций, то не удается укротить родно повелителя, то возникнет династийный кризис (вообще характерный для монархий этой формации), а с ним тяжелые смуты. Непросто управлять завоеванным миром. Поэтому важнейшая проблема — создать наиболее крепкое и цельное государство. Кое-где это удается на долгие века. Однако периодически распадаются и самые устойчивые монархии на мелкие, враждующие между собой уделы. И такое междувластие продолжается порой целые столетия, доводя хозяйство до истощения. Наблюдается и противоположная тенденция: постоянное стремление одной или нескольких держав к региональной или даже мировой гегемонии. Они достигают гигантских масштабов. Достаточно вспомнить Персидское царство Ахеменидов, Римскую империю, Арабский халифат, необозримые земли, покоренные монголами.

Наиболее характерна для этой эпохи самодержавная власть. В период перехода к новому времени самой совершенной формой оказалась монархия со строго узаконенным порядком передачи власти наследнику и переставшая считать свое государство частной собственностью: кроить ее между детьми, отделять на приданое и т. д. Возникает идея национального суверенитета. Однако в Европе феодальное представление, что страна не более как имение государя, господствовало очень долго. Республиканская форма правления, хотя и послужила впоследствии образцом для нового времени, не только существовала за некоторыми исключениями на небольших территориях, но раньше или позже изживала себя.

В течение тысячелетий идет очень мощный этнический процесс. Возникают из небольших общин и племен крупные народности, насчитывающие порой многие миллионы людей. В ряде мест они

достигают сравнительно высокого уровня за счет централизованного государства, единой культуры. Однако история больше напоминает кипящий котел и плавильный тигль, в которых перекипают и переплавляются одни народы за другими. Некоторые успевают оставить заметный или яркий след, многие исчезают бесследно. Расцветают и умирают языки. Часто иноземцы становятся господами, чтобы потом подчинить себе покоренных и этнически или, наоборот, растворяются среди них. Начиная же с первых веков новой эры уже можно различить предков многих нынешних народов.

§ 6. Общественное сознание

Подобно производству, политике и другим сферам, общественное сознание от примитива дикарей шагнуло к высотам письменной культуры, грандиозным религиозным и моральным концепциям, не утратившим своего значения и сегодня. Но уже культура и религия ранних земледельцев и скотоводов существенно отличались от охотничье-собираательных обществ²⁵⁶.

Развитие религиозных представлений шло от почитания предков и домашнего очага к обожествлению сил природы. Эта вера называется язычеством и оформляется в различных мифах и легендах. Они затем часто служат основой литературы и вообще письменной и изобразительной культуры. Наиболее яркий пример — творчество древних греков и индийцев. Реже языческая религия тесно связана моральными нормами и требованиями²⁵⁷. (Пожалуй, виднее это у индусов.) Это происходит лишь с переходом к монотеистическим религиям, верой в единого и благого бога. Поставленные на божественный пьедестал, имеющие значение долга перед всевышним, моральные нормы теперь начинают значить намного больше, чем просто требования обычая. В некоторых обществах роль такой веры играли возведенные в ранг государственных философско-моральные учения, своего рода предтеча идеологий. Таково было, например, конфуцианство в Китае²⁵⁸. Поэтому-то я и говорил об общественном сознании этой формации как о **религиозно-философском (вариант — религиозно-этическом)**.

Религиозная форма не только преобладала, но и окрашивала все в свои цвета, при этом часто культура, по выражению Геллнера, выступала

как едва заметный придаток религии [17; 288]. Постепенно шло собрание под эгидой последней всех отпочковавшихся и вновь появившихся форм сознания: искусства²⁵⁹, философии (превращающейся в богословие), науки, литературы и др. И это неудивительно, поскольку письменная культура сосредоточивается в руках прежде всего духовенства (или, как вариант, чиновничества).

Крайне важно воздействие религии на общественное устройство: появляются могущественные и влиятельные слои жречества, духовенства. В некоторых случаях они превращаются в ведущее экономически и политически сословие или класс. Отсюда влияние на право²⁶⁰, собственность, политику²⁶¹, устройство государства и пр., не говоря уже о браке, быте, морали.

Но прежде чем верования достигли высокой степени, должно было появиться письмо, ставшее основой культуры и выделения сравнительно небольшого слоя грамотных людей²⁶². «Люди книги», служители церкви, приобретали новое огромное преимущество перед простыми, темными крестьянами.

Изобретение письменности изменило почти все: не только религию или литературу, но и управление государством, право, вызвало к жизни науку, подняло философию, заложило начало государственной идеологии, создало систему образования и университетские центры; донесло до нас имена настоящих (или легендарных) создателей произведений искусства, философско-этических и религиозных систем. Последнее позволяет теперь нам различать в общественном сознании и индивидуальные черты.

Конечно, культура носила не только религиозный, но и светский характер. В городах-государствах и республиках искусство, философия, наука могли выполнять гражданскую роль: политическую, идеологическую, воспитательную, развлекательную. Так было в Афинах и Риме, а также и в некоторых итальянских республиках XIII–XVI вв. (см. Прил. 12). Отсюда пошло Возрождение, ставшее вместе с Реформацией основой общественного сознания раннего капитализма. В Китае и некоторых других монархиях культура ставилась на службу политике, прославляя государей, героев и т. п. Не забудем и о любовной теме.

Религиозная терпимость была в разных обществах весьма различной (да и в одних и тех же колебалась в разные периоды). Многообразие направлений и сект в Индии поддерживалось общей основой и кастовой системой. Определенная терпимость была и в Китае.

Пожалуй, наиболее строго подходила к отклонениям христианская церковь, создавшая различные способы борьбы с инакомыслием и весьма изобретательные формы пропаганды (миссионерства). Очень известный и интересный эпизод составляет идейная (и политическая, конечно) борьба пап и светских государей Европы за первенство, положенное еще работой св. Августина «О граде божьем» в IV в. н. э. Складывание жестких религиозных форм породило внутри них ереси. Особенно много их было в христианстве. Некоторые из них стали как бы предвестниками и подготовкой к Реформации XVI в. Единые религии раскалываются. Одновременно идет столкновение религий. Особенно известна и драматична борьба «креста и полумесяца», продолжавшаяся долгие века.

В заключение отметим появление группового сословного, классового и т. п. сознания, в некоторых случаях даже имеющих собственную идеологию. Напомню также, что говорилось в § 5, гл. 12. В общественном сознании формируется несколько уровней. Нижний, связанный с народной бесписьменной культурой, еще очень тесно переплетен с языческими и доязыческими представлениями (то, что называется суевериями). А высший — это философско-богословский уровень, кое-где предтеча науки, а где-то и на самом деле наука, отправная точка ее развития в новое время.

Глава 14. ТРЕТЬЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения вместе взятые.

К. Маркс, Ф. Энгельс

Капитализм для своего развития требует определенной стабильности общественного устройства, а также определенного нейтралитета, или слабости, или потворства государства.

Он строит обмен на соотношении силы в такой же и даже в большей мере, нежели на взаимности потребностей...

Ф. Бродель

§ 1. Запад и Восток.

Переход к новому способу производства и преодоление противоречия прежней эпохи

Уже в XII–XIII вв. в ряде стран Европы возникли серьезные перемены в экономике, общественных отношениях и культуре, которые затем перешли к качественному росту и переходу к новому принципу производства. Об этих изменениях будет сказано дальше. Теперь же целесообразно остановиться на одном из самых дискуссионных вопросов: почему прежде отстававшая от Азии (Востока) Европа опередила ее?²⁶³

Тема эта необъятна. Высказывались самые разные причины, многие из которых, бесспорно, заслуживают внимания, в том числе: отличие географического положения (и климата) этих регионов и, как следствие, большее значение моря для Европы; молодость Европы и дряхлость Азии; наследие античности (включая римское право и большее уважение к частной собственности); Великие географические открытия; особенности устройства европейских государств, небывалый рост европейских городов как центров ремесла и торговли, что нехарактерно для Азии; благоприятная географическая среда для сельского хозяйства в Азии и, как следствие, гораздо большее население, чем в Европе; христианство, которое создавало единое культурное пространство в Европе; постоянные набеги кочевников на Азию и многое другое²⁶⁴.

Разумеется, такой вопрос не решить однозначно и мимоходом.

Поэтому я лишь выскажу несколько собственных мыслей по этому поводу (без всякой претензии на полноту и окончательность ответа). Часть из них в развитие того, что уже высказывалось другими, часть — оригинальных (см. также **Прил. 8**).

Кроме общетеоретического вывода о том, что из многих путей какие-то являются тупиковыми и что скорее к переходу в новое качество способны более молодые общества (о чем говорилось в § 2, гл. 11), посмотрим на конкретные причины.

Начнем с того, что население в Азии было гораздо большим, чем в Европе. В XVII в. один европеец отмечал, что в Китае «не было ни пяди земли, даже крохотного уголка, который бы не возделывался» [12; т. 1; 164]. И это при том, что там на юге собирали два, а то и три урожая, и скота было мало. Поэтому вместо навоза на поля в качестве удобрений вывозили человеческие нечистоты (в том числе и из городов). В результате внешнего и внутреннего мира и доведения хозяйства до полной интенсификации в первой половине XIX в. население достигло там, по некоторым данным, чуть не 300 млн человек! Вдумайтесь. Это больше, чем жило в бывшем СССР или сейчас в США. Во Франции же в начале XVII в. при населении в 20 млн человек казалось, что она перенаселена; «полна доверху», по выражению современника [Там же; 66].

А вот в Англии в это время всего жило 5 млн человек. Но ведь именно там произошла машинная революция! А первая буржуазная революция победила в Нидерландах, в которых жило где-то 3 млн человек. Следовательно, нужны были определенные пропорции в территории, населении, наиболее благоприятные для перехода к новому. Восток в них не вписывался²⁶⁵.

Чтобы кормилось такое большое население, необходимо было крепкое государство с ослаженной администрацией или иные жесткие системы (вроде индийских общин). При нарушении государственного механизма возникали сбои, рушилось хозяйственное управление и начиналась деградация. И выход виделся вновь в укреплении государства. Эти циклы прекрасно известны. Следовательно, государства (община и т. п.) были хороши для поддержки стабильности, но являлись тормозом в движении к новому, зажимая частную собственность и хозяйственную инициативу. Подобно античному рабству, избыточное население также вело развитие в тупик.

Другой важной особенностью, на которую мало обращают внимания,

является та, что западная цивилизация начинала с более высокой технической базы, чем восточные страны, а по ряду причин ко второму тысячелетию н. э. механизация труда оказалась там выше, чем в Азии в то же время. О чем речь? Более суровый климат и недостаток населения привели к тому, что здесь гораздо больше использовали лошадей и тягловый скот для самых разных работ, чем в Азии²⁶⁶, где активно эксплуатировали дешевый труд людей. Необходимо также вспомнить, что в средневековой Европе отсутствовало рабство, обязанности по отношению к сеньорам были ограничены, а в городах крепостного права вообще не существовало. Сказанное, с учетом того, что содержание работника стоило дороже (отопление, зимняя одежда и пр.), чем в теплых краях, в целом способствовало большему применению трудосберегающих механизмов и приспособлений, скота. Следовательно, в Европе были хуже условия для принудительного труда и лучше — для трудосбережения.

В XIV в. ее поразило бедствие — чума. Она, по некоторым подсчетам, унесла четверть европейского населения. Добавили свое войны и восстания. Встала проблема, как быть с дефицитом рабочей силы. Кое-где ее решали усилением крепостничества. Но во Франции, в Англии и других местах пошли по пути фактического освобождения крестьян. Труд стал более свободным, а следовательно, трудосбережение более выгодным²⁶⁷. Неудивительно, что именно с XIV в. процесс создания и усовершенствования различных механизмов (прессов, колес, мельниц, сукновален и т. п.) ускоряется. Это облегчалось многовековыми традициями ремесла, достаточным количеством искусных металлургов и механиков. Данные обстоятельства, наряду с общественными условиями, способствовали тому, что капитал искал новые пути обогащения как в торговле и поиске новых путей в богатые страны, так и — что в нашем случае особенно важно — в развитии техники и способов организации работ.

Многие исследователи отмечают особенности европейских городов как центров промышленности и торговли, которые экономически господствовали над сельской округой и фактически образовывали промышленно-торговые зоны²⁶⁸. Хотя здесь создавалось еще не так много валового продукта, но надо понимать, что это были, во-первых, наиболее престижные и дорогие товары и услуги, в которых как бы концентрировалось богатство. Во-вторых, эти вещи являлись наиболее выгодными, поскольку при обмене давали прибыли гораздо больше,

чем обычные, рядовые. Поэтому-то, в-третьих, в эти отрасли устремлялась в надежде разбогатеть или увеличить состояние наиболее энергичная и способная часть населения. А стоит развиваться такому стремлению в обществе, как процесс начинает идти сам собой. Тем более что, хотя и в Европе нередко пытались регламентировать производство и потребление (например боролись с роскошью), условий для этого там было меньше, чем на Востоке. Хотя бы потому, что в ряде стран чиновничество оказалось сравнительно слабым.

Бродель отмечает важное отличие средневекового города от античного. Последний был центром небольшого государства, в котором сельские и городские жители имели равные права. В самом же городе активно использовали рабов, в том числе и в ремесле. Иная ситуация в Европе второго тысячелетия. Город отделен от внешнего мира стенами, его власти самостоятельны во внутренних делах. Население не очень большое, пополняется наиболее энергичными выходцами из села. Среди горожан не только нет рабов, но даже крепостные, попав сюда, становятся юридически свободными.

Существуют и другие особенности европейского города, прежде всего стоит отметить следующее: **значительную самостоятельность во внутренней жизни и распределении благ и отсутствие у многих городов заботы о внешней политике, безопасности** (насколько это было возможно в то время). В городских же республиках самостоятельная внешняя политика раньше или позже затрудняла экономическое развитие. Указанные особенности создали во многом совсем новую комбинацию: по сути, политическая сфера начинает отделяться от экономической, перестает ее подавлять. А раз экономика (причем не паразитическая, а в целом производительная) начинает обретать самостоятельность, с одной стороны, и перекладывает безопасность на власть, с другой, — она развивается гораздо быстрее и свободнее. Причем — в отличие от более богатого Востока — значительная часть прибавочного продукта вновь вкладывалась в производство, в том числе и в новые отрасли. И на определенном этапе такое расширение стало нормой, а производительные силы получили способность к саморазвитию²⁶⁹. Следовательно, с одной стороны, имелись частная собственность в хорошо выраженных юридических формах и стремление владельцев капитала к прибыли, а с другой — возможность вкладывать средства именно (но, разумеется, не только) в производство и связанную с ним

торговлю. Ведь — как уже сказано — сама по себе частная собственность может быть и паразитической. Однако рост промышленности на базе частнособственнического интереса — дело иное. Это и явилось двигателем развития Европы.

Конечно, препятствий описанному процессу хватало и в Европе: цехи, сеньоры, правительства, войны и т. п. Но первоначальный толчок связан именно со свободными городами, хотя отделение экономики от политики шло не только по этой линии. В связи с постепенным переходом земель в собственность дворян последние получают экономические выгоды, но зато в результате объединения королевств теряют политическую самостоятельность.

Разумеется, существовали и иные причины превосходства Запада. Но нам уже пора обратиться к первым этапам машинного производства.

Процесс развития городов, ремесла, торговли и технического совершенствования вплотную подводит ряд европейских обществ в XII–XIV вв. к промышленной революции²⁷⁰. Основное противоречие в этот момент сильно дает себя знать. Общество ищет способы его отодвинуть, скомпенсировать с привычными отношениями или, напротив, законсервировать. Избыточное богатство требует приложения. Но как? Вновь ли на расточительство, роскошь, войны или во все большей мере в торговлю и промышленность?

Раньше всех переход к новому начался в итальянских государствах: Венеции, Генуе, Флоренции и др. Богатство там было огромным, и создавалось оно прежде всего благодаря выгодному географическому положению за счет монопольной торговли пряностями с Востоком, банковского обслуживания папской курии и т. п. Конечно, развивалась и промышленность, в частности мануфактуры. Но в целом основа прогресса была непрочна: исключительность положения, которая впоследствии исчезла. Однако Италия дала очень много для рождения нового способа производства, особенно в денежном обращении (вексель, бухучет, развиты формы кредита и т. п.), а также была родиной первых мануфактур.

Уже с XIII–XIV, но особенно в XV — начале XVI в. бурно развивалась Германия. Здесь также очень много значила торговля (города Ганзы и др.), но было и крайне важное отличие: мощно росла горнорудная промышленность (добыча серебра и других металлов). А вместе с этим появилось много новых механизмов, машин, изобретений, зримо проявился процесс трудосбережения. Дальнейшее развитие немецких

земель в XVI в. затормозили Реформация и гражданские войны, а в XVII — европейская 30-летняя война. Непреодолимым препятствием стало отсутствие централизованного государства. Капитализм рос также в Южной Франции, Швейцарии и других местах.

В Нидерландах (нынешние Бельгия и Голландия) наряду с торговлей очень распространились мануфактуры по переработке шерсти, а также лов рыбы (сельди), деревообработка и кораблестроение. По-иному дело обстояло в Португалии и Испании. И там было много городов, росла торговля. Но главную энергию они направили на поиск новых земель, что привело к Великим географическим открытиям и совершенно изменило лицо мира²⁷¹. Но богатства Америки не пошли им впрок. Ограбление колоний и сверхприбыли монопольной торговли (с Новым Светом и Востоком) в конечном счете предопределили их отставание в будущем.

Итак, в XV–XVI вв. вместе с первым этапом промышленной революции и Великими географическими открытиями целый ряд стран Европы перешел к новым принципам и способам производства. Основное противоречие во многом было сломано: укрепилась частная собственность на землю, денежные и иные капитальные средства, а государство стало больше уважать права собственников. Торговля переставала быть непочетным занятием. Деньги и в торговле, и в промышленности все время находились в обороте, делали новые деньги. Крайне важно, что крепостное право в основном уже было уничтожено, а крестьяне становились лично свободными. Появилась тяга к нововведениям в быту и хозяйстве. Были, конечно, и другие изменения.

§ 2. Производительные силы.

Географический фактор и колониализм

Как уже сказано, начиная с XII–XIII вв. в Европе идут значительные перемены в банковском, кредитном и денежном деле. Вместе с прогрессом мореплавания, ростом мануфактур, товарности сельского хозяйства расширяются масштабы торговли и ее специализация. Сначала очень маленький, новый сектор постепенно становится все заметнее и влиятельнее. В результате меняется, хотя и очень трудно, с откатами и повторами ошибок, отношение к частной собственности и техническому развитию²⁷². В XV–XVI вв. идет первый этап

производственной революции²⁷³. Появляется множество машин, механизмов и приспособлений на мускульной, водяной и ветровой энергии. Конечно, эта революция — явление гораздо более широкое, чем только перемены в технике. Но последние особенно важны. Значительным толчком к ним послужило изменение в характере войн. С изобретением огнестрельного оружия потребовалось гораздо больше металла и возникли новые способы его получения и обработки (домны, механический молот, различные сверлильные и металлообрабатывающие станки на водяной энергии и многое другое). Невозможно перечислить все технические новинки. Отметим разнообразные прессы, особенно печатный, изобретенный Гутенбергом. Уже с XII в. шла механизация с помощью водяного колеса (сначала нижне-, а потом и верхнебойного — весьма удобного и мощного): на бумажных мельницах, для раздувания горнов мехами в металлургии, в XIV в. — для опускания молота, на лесопильнях, в XV — для вытягивания проволоки, в прядильных машинах и т. п. [43; 85]. Уже формируются общие теоретические представления об устройстве механизмов, чему свидетельство — выход таких книг, как «Различные хитроумные машины» в конце XVI в. в Париже²⁷⁴.

Можно считать, что в конце XV — первых десятилетиях XVI века в отдельных местах сложилась примитивная, но уже именно промышленность. Приведу длинную выдержку о свинцово-цинковых копях в Верхнем Гарце в Германии для доказательства сказанного.

«Вода угрожала подземным выработкам и одновременно давала энергию для их осушения, заставляла горняка изобретать все новые устройства, способные смирить мощь воды и заставить ее служить горному промыслу. Так появились насосные и штанговые водоотливные машины, приводные механизмы для транспортировки руды, толчеи, где руду измельчали и отделяли от пустой породы, воздуходувки для пла- вильных и кузнечных печей, кузнечные молоты и приводившие все эти механизмы в движение водяные колеса... Не было в мире другого места, где бы многочисленные оригинальные устройства, использующие энергию воды, соседствовали друг с другом теснее, чем в Верхнем Гарце.

Одним из первых приспособлений для откачки воды была водоотливная машина с черпаками, установленная в 1535 г. на руднике Вильдеман и работавшая от водяного колеса. Ее называли «Хайнцем»... Прежде кожаные ведра с водой передавали друг другу стоявшие на лестницах водоносы, а подъем воды в бурдюках

осуществлялся с помощью ручной лебедки или конного ворота... Без непрерывно работавших водоотливных машин эксплуатация рудника была невозможна». Такие машины заменяли сотни лошадей и десятки водоносов²⁷⁵.

Приведу еще несколько фактов, чтобы показать масштабы зарождающегося принципа производства. Так, в богемских Рудных горах большой славы достиг Санкт-Иоахимсталь, основанный в 1516 г. Найденные там руды оказались так богаты, что уже через 11 лет (!) в этом горнячком городке имелось свыше 14 тыс. жителей, вдвое больше, чем в это же время в Лейпциге и Эрфурте. Таковы были масштабы промышленности перед ремеслом!

В колониях масштабы иной раз были еще больше. Использование процесса амальгации, то есть особого способа получения серебра с помощью ртути, резко увеличило производство серебра в Мексике и в Южной Америке. Американской ртути не хватало, и ее везли из Европы. В конце концов груз попал на боливийское нагорье в знаменитый город Вильям-Империаль-де-Потоси у «серебряной горы». В XVI веке этот город стал гигантским хозяйственным центром, превосходившим Рим, Лондон и Мадрид. В нем насчитывалось свыше 120 тыс. жителей. В Европу потекли сотни тонн золота и тысячи — серебра. И без такого мощного притока драгоценного металла рост мировой торговли, а с ней и новой промышленности был бы невозможен или крайне ограничен.

В XVII в. после первого этапа промышленной революции наступил период, давший меньше технических достижений, но зато быстро распространявший их по миру в комбинировании с передовым в денежном обращении, торговле, праве и т. п. В XVIII веке в Англии начинается второй этап промышленной революции, приведший к созданию машинной индустрии (о причинах британского лидерства см. **Прил. 13**).

Разные стадии этой производственной революции отличаются и географической базой. В XV–XVI вв. она достаточно узка и слабо освоена. Иное дело XVIII в. Мир предстает гораздо большим и организованным. И без этого огромнейшего расширения географического фактора капитализм не состоялся бы. Он активно начинает питаться соками внеэкономического отчуждения: присасывается к восточным государствам, развивает работорговлю, основывает необозримые плантации с принудительным трудом, делает рабами преступников и бродяг, прямо грабит (как в Индии) другие

страны. А с развитием машинного производства колонии становятся рынками сбыта, что порой влечет трагические последствия. Так, ввоз хлопковых тканей в Индию привел к гибели огромного числа ремесленников, контрабанда опиума в Китай подорвала здоровье миллионов его жителей и вызвала позорные войны. Рабство в США было свергнуто только силой, но приниженное положение негров оставалось.

Наконец, новейший этап (со второй половины XIX в.) — время активнейшего захвата колоний и внедрения в полуколонии, в которых капитал ищет выгодных приложений (терзаются Китай, Персия, Южная Америка и т. д.). Он начинает проникать в дикие места: север, пустыни, джунгли. До 50–60-х гг. XX века главные колониальные страны цепляются за свои империи.

Стоит остановиться на вопросе: в чем же сущность обоих этапов промышленной революции, таких разных и непохожих? Проблема эта сложна и спорна хотя бы потому, что производственные и экономические процессы крайне разнообразны и взаимосвязаны. Существует много мнений, каждое по-своему верное. Так, например, Бернал говорил о переходе от продовольственного к энергетическому хозяйству [см. 9; 284]. Н. Винер — о замене человека и животных как источника энергии машинами. Можно указать и на другие важнейшие процессы. И все же, мне кажется, что обобщения эти недостаточно широки. Например, в мануфактуре подчас не было новых механизмов, но зато разделение труда доводилось до совершенства. Поэтому я думаю, что правильнее было бы обобщить все изменения так: **шла экономия человеческого труда (и работы животных) в самых разных сферах и формах.** И энергии, и сложного труда с заменой его простым, и повышение производительности труда путем механизации, рационализации, и экономия сложного труда в учете (подсчет, хранение и перевозка денег упрощаются с векселем, кредитом, банками и др.). И в иных формах.

Каковы же основные этапы третьего принципа производства? Если не забывать, что это мировой процесс, помнить об условности дат и плавности переходов, то дело выглядит так. Первый, как сказано, XV–XVI вв. Новый сектор еще не преобладает. Следующий — вторая половина XVI — первая половина XVIII в. Период роста и молодости, когда в некоторых странах новый сектор уже ведущий²⁷⁶. С 30-х годов XVIII в. в Британии начинается второй этап промышленной революции и третий (расцвета) — принципа производства, которые

завершаются где-то через век, в 30-е годы XIX в. С этого времени до 90-х годов XIX в. — фаза зрелости, которая перерастает в стадию высокой зрелости, длящаяся примерно до Первой мировой войны 1914 г. И, наконец, последняя, подготовительная стадия продолжалась до середины XX в.

Итак, в 30-е годы XVIII в. в Англии начался новый подъем развития техники и машин (в ткацком деле, прядении и др.). Но особенно важным был перелом 60-х годов XVIII в., связанный с использованием паровых машин вместо водяных. Применение пара сделало человека более независимым от природы. Поскольку теперь необязательно было строить фабрики у воды или рыть к ним протоку, они стали расти как грибы. Особенно быстро создавались предприятия, изготавливающие хлопчатобумажные ткани с помощью не так давно изобретенных механических ткацких станков. Постепенно паровой двигатель полностью вытеснил водяной²⁷⁷. Возникает мощная отрасль — машиностроение. А изобретение парохода и паровоза совершило такой переворот в наземном (и закончило в водном) транспорте, без которого расширение капитализма было немисливо. Когда в 30-е годы XIX в. промышленный переворот в Англии в основном завершился, производительные силы стали, по образному выражению Геллнера, испытывать страшную, непреодолимую жажду экономического роста [17; 68]278. Окончательно разрешается прежнее противоречие и растет собственное, специфическое.

Дальнейшие перемены в производстве я опишу лишь отдельными штрихами. Мощно развивается химическая промышленность, происходит революция в сталеплавлении, начинают использовать электрическую энергию. В конце XIX в. электроэнергетика, наряду с добычей и переработкой нефти, начинает заменять уголь. Создаются станок за станком, машина за машиной. Телеграф, телефон связали мир. С двигателями внутреннего сгорания появились транспорт и машины, способные действовать автономно: автомобиль, танк, трактор (последний вызвал переворот в сельском хозяйстве). Электродвигатели изменили лицо фабрик, быт.

Наконец в начале XX века создаются самолет, искусственные материалы, автоматы разных видов (станки и оружие). Развитие техники потребовало концентрации промышленности, новых способов организации производства (конвейер, ГОТ и т. п.). А все это готовит переход к новому принципу производства и научно-технической революции. Не переставала удивлять фантастическими открытиями в самых разных областях знания и наука (см. также **Прил. 14**).

§ 3. Основное противоречие. Социализм

Основное противоречие третьей формации — это противоречие между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом распоряжения имуществом, присвоения благ и принятия важнейших экономических решений — с другой²⁷⁹. Иными словами, порядок распоряжения производительными силами подчиняется интересам извлечения прибыли или благополучия отдельных групп и корпораций (будь то монополии, министерства, союзы промышленников, профсоюзы и т. п.)²⁸⁰. Но поскольку все компоненты производства очень тесно взаимосвязаны, каждое частное изменение в нем, предпринятое в лично-корпоративных целях, может отражаться на многих или даже на всем обществе, иногда весьма болезненно.

Следствий этого противоречия много. Наиболее известными можно считать **экономические кризисы перепроизводства** (при социализме, напротив, дефицит благ). Они при быстром техническом прогрессе есть своего рода естественная форма частичного разрешения противоречия внутри способа производства. Кризисы, по определению Маркса и Энгельса, — это «возмущение современных производительных сил против современных производственных отношений».

Отметим и следующее:

1. Основной производитель юридически свободен, но он отчужден от средств производства: не только не собственник их, но и никак не может ими распоряжаться. Работодатель же не заинтересован в сохранении его здоровья и нравственности, поскольку рабочий не его капитал, он как бы дается ему даром. Между тем вся тяжесть воспроизводства и обучения рабочей силы перекладывается на общество. Это приводит к новому в истории явлению — массовой и постоянной безработице (при социализме она заменяется дефицитом рабочих рук, низкой производительностью, своего рода скрытой безработицей). Расточительство, вообще свойственное любому производству, в этой форме проявляется исключительно наглядно.
2. Принцип частной собственности ведет к классовому делению и, как следствие, к острой общественной борьбе. А наращивание экспорта — к международным трениям. Бремя же поддержания внешнего и внутреннего мира полностью возлагается на общество.
3. Наблюдается постоянное стремление пользоваться общим ради

частных выгод, желание поставить государство себе на службу, частный интерес вознести над общим.

4. Очень распространены случаи хищнической эксплуатации колоний, земель, природы, ресурсов, людей.

Важно, однако, отметить, что, в отличие от прежних эпох, производительные силы стали самовозрастающими, а взаимосвязь экономик выросла многократно. Поэтому случаев полного застоя почти не было. Вопрос состоял в том, какой путь более прогрессивен и менее разрушителен. Как и всегда, натываясь на возникшее препятствие, способ производства ищет возможности продолжить рост, обойти его за счет развития вширь. Иногда это прогрессивно (например, освоение земель Америки, новых месторождений, в том числе золота в Австралии, Калифорнии, Аляске). Иногда расширение внеэкономически эксплуатируемой периферии — реакционно²⁸¹.

Известны случаи усиления эксплуатации трудящихся: удлинение рабочего дня, занижение расценок, обман и т. п. Россия и ряд других стран дают в этом отношении много примеров. Естественно, что в этом случае технический прогресс замедляется. Нередко капитализм паразитирует на дешевом крестьянском труде своей или чужих стран, даровом сырье и рабочей силе колоний и полуколоний, принудительном ограничении торговли²⁸².

Наиболее перспективным оказалось направление совершенствования техники и технологии, интенсификации производства, повышения квалификации рабочих, роста образования. Такой путь вел к уменьшению внеэкономического отчуждения, большему политическому равенству и в конце концов к необходимости ограничения всевластия частной собственности, развитию социального страхования и переходу к иному типу отчуждения. В XX веке появился новый способ организации машинных производительных сил: **социализм**, связанный с резким креном в сторону внеэкономического отчуждения, особенно на первых своих этапах. В этом строе проявились и некоторые черты будущего: социальное обеспечение, планирование, государственное регулирование экономики и другое. Но они основывались на слишком примитивной производственной базе. Если природное богатство позволяло, то временно уровень жизни мог быстро расти²⁸³. Но источники развития внутри общества были слабы.

Есть несколько моделей социализма, причем некоторые в разной степени совмещают черты коммунизма и капитализма.

Как и любая идеология, это учение не являлось внутренне логичным, непротиворечивым (о чем я уже много раз говорил). Его сила была в убеждении. В умеренных дозах оно влияло положительно, устраняя наиболее жесткие формы эксплуатации, призывая государство вмешиваться в дела социальной защиты и обеспечения, требуя прав для рабочих.

Но на практике социализм оказался очень тяжелым, жестоким и тупиковым путем, хотя и позволял быстро провести индустриализацию.

Разумеется, Россия вполне обошлась бы и без такого крутого поворота истории. Но такова оказалась ее судьба. И как раньше она уберегла Европу от монголов, так и теперь — от трагического эксперимента.

§ 4. Общественные отношения и устройство обществ.

Общественное сознание

Как уже сказано, вопреки распространенному как в нашей, так и в западной науке мнению, в III формации существует не экономическое, а лишь **полуэкономическое отчуждение**²⁸⁴. Разумеется, данная категория не означает какого-то математического равенства вне- и экономических форм. Важнее сам принцип их сосуществования, невозможности обойтись друг без друга, взаимное переплетение и дополнение. Это достаточно очевидно, когда капитализм только выходит из феодализма. Однако потребность во внеэкономическом отчуждении сохраняется почти до самого конца, неожиданно находя свое «второе издание» в принудительном труде социализма и нацизма. Это объясняется также и тем, что, во-первых, машинный сектор в экономике сосуществует с другими, в которых слаба механизация; а, во-вторых, сам уровень техники еще долго позволял внеэкономические методы эксплуатации, если на пути этого не становилась организованная борьба рабочих.

Я полагаю, что, если человека лишили возможности зарабатывать на жизнь иным путем, чем наниматься на работу, и перед ним постоянно стоит угроза голода, холода и нищеты; когда нет никаких социальных гарантий, права на отстаивание своих интересов в юридически оформленном товариществе, а работодатель не несет ответственности за вред здоровью, смертельные случаи, когда рабочий день не ограничен, а также можно эксплуатировать малолетних детей и т. д. и

т. п., тогда, несмотря на внешнюю свободу трудовых отношений, нельзя вести речь об экономическом типе отчуждения, а именно о **полуэкономическом, сочетающем вне- и экономические варианты в их неразрывности.**

Способов такого соединения немало. Это и географическая отдаленность типа метрополия-колония, и соседство свободных и рабовладельческих штатов (как в США)²⁸⁵, и более жесткая эксплуатация крестьян, чтобы кормить города, как в СССР, Китае, и полное бесправие трудящихся при внешней свободе, и привилегированное положение рабочих одних специальностей (групп, местностей, национальностей) по сравнению с другими. Надо помнить и о тяжелом положении десятков миллионов мелких производителей, которые, чтобы выжить, вынуждены заниматься самоэксплуатацией (Гэлбрейт), порой еще более тяжелой, чем эксплуатация.

Наряду с этими моментами надо отметить и полное устранение регламентации (чем и как заниматься предпринимателям), и свободу экономической деятельности, перемещений для трудящихся, многое другое, чего не знал или чему препятствовал прежний порядок. А постоянно растущая потребность во все более квалифицированных работниках уменьшала внеэкономическое отчуждение, требовала введения всеобщей грамотности, устраняла наиболее жесткие формы эксплуатации. Разумеется, как и всегда, выявились более и менее прогрессивные пути²⁸⁶.

На первых этапах самым важным было утверждение незыблемости, святости и неприкосновенности частной собственности и всего с ней связанного. В результате она, как своеобразный экономический магнит, стала принуждать к труду сама по себе. Одновременно формировались общественные классы буржуазии и наемных рабочих с многочисленными прослойками и группами. На сцену вышли классовые конфликты, и революции стали символом XIX и начала XX века.

Тем или иным путем шло мощное сокращение крестьянства по двум линиям: постоянное переселение в города и расслоение на предпринимателей, наемных рабочих и свободных фермеров. Вся история капитализма — это также и история эмиграции в Америку, Австралию и другие места.

Очень важно отметить невиданное развитие права. Теперь не традиция, не обычай, не старина, не знатность даже, а именно принятые государством законы и исполняющие их органы (суды и пр.)

начинают определять жизнь общества, регулировать осуществление публичной власти, имущественные споры, отношения и многое другое. Идет переход к правовому государству, которое все меньше вмешивается в частные дела. Создается то, что назвали гражданским обществом. Одновременно выясняется наиболее перспективный путь соединения политической и этнической организации — национальное (с единой светской культурой) государство. Параллельно общества переходят к демократии. Там, где были соответствующие традиции, она оказалась наиболее совместима с капитализмом, в других странах устанавливается с трудом.

Все большая взаимная зависимость экономик заставляла искать пути регулирования международных отношений. Это и борьба с работорговлей, и различные международные конгрессы (Венский, Берлинский), конференции и соглашения о разделе сфер влияния, и постоянные переговоры по торговым и иным экономическим вопросам, и различные международные политические, культурные, научные и иные объединения. После Первой мировой войны стремление регулировать международный порядок приобретает более организованный характер и появляется даже постоянный орган — Лига Наций. Но силы, ратующие за мир и безопасность на планете, были еще слабы.

Одновременно мы наблюдаем развитие явления, идущего из прежних эпох: попытки установления всемирной или региональной гегемонии. Это выразилось и в колониальном разделе мира. Длительное превосходство Англии привело к тому, что значительная часть Земли стала как бы отделениями этого капитализма: Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия, наконец Индия, Канада. Бывшие испанские колонии также попадают под влияние Великобритании. Борьба за мировую гегемонию достигла своей кульминации в Первой и особенно во Второй мировой войнах, а далее в противостоянии сверхдержав.

Новое в положении человека кратко можно выразить тремя линиями. Во-первых, все большее юридическое равенство и меньшее вмешательство в частную жизнь. А отсюда определенная независимость. А также свобода занятий, эмиграции, предпринимательства, творчества и т. п. Все это открывало невиданные возможности для проявления своих способностей. Важно отметить и постепенное распространение политических прав, в т. ч. и среди женщин.

Во-вторых, статус человека все больше зависит теперь от его имущественного положения. Деньги становятся основным социальным признаком, а следовательно, общественная мобильность возрастает. Вместе с удачей, предпринимательской сметкой, возможностью получить образование и т. п. миллионы людей поднимаются по социальной лестнице.

В-третьих, усиливается стремление объединиться в профессиональные, по интересам или иные группы для улучшения своего положения, прежде всего материального. Это всевозможные кружки, партии, профсоюзы, клубы и т. п., а также акционерные общества²⁸⁷.

Меняется общественное сознание. Его тип можно охарактеризовать как **политико-правовой (политико-идеологический)**. Рассмотрим его подтипы. В связи с созданием правового государства с конституционным режимом (т. е. сложной системой сдержек и противовесов), уменьшением его задач право как бы подчиняет себе все остальные формы сознания. Закон кажется теперь естественным, незыблемым, нерушимым. Здесь формируется **политико-правовой подтип сознания**. Напротив, в условиях диктатуры происходит гигантский рост влияния государства. Политические представления основываются на убеждении, что руководство может все, решает за каждого, а человек — слуга государства. Это **политико-идеологический подтип сознания**²⁸⁸.

Роль религии еще очень велика, хотя успехи науки в этот период постоянно уменьшают ее. Абсолютное большинство людей в той или иной степени религиозно. Однако как всемогущая идеология религия уступает место другим. Она все больше становится, с одной стороны, частным делом человека, с другой — проникается веяниями иных форм и уровней сознания (права, политического, научного и т. п.).

В период третьей формации происходит очень важный процесс формирования наций, т. е. **этно-политических сообществ (единиц), объединенных общим языком (в котором роль диалектов уже слаба) на базе единой письменной культуры и литературного общенационального языка; системой образования, средствами связи и транспортом; общими политическими формами, историческими судьбами, традициями, культурно-религиозными особенностями, законами, правительствами и пр.** Нация — это не народность в виде родственных племен или бесчисленных автономных деревенских мирков. Это организм, в котором кровь

бежит быстро, новости узнаются в короткие сроки, есть обратная связь с центром, идет постоянное перемешивание слоев и групп и т. д. А так, то огромную роль в национальном единстве играют идеологии (одна или несколько, если они классово-групповые), а также их создатели, распространители и хранители: интеллигенция, средства массовой информации, работники образования и культуры.

Известно много различных идеологий. Одна из распространенных, особенно в XIX — начале XX века, — **либерализм**²⁸⁹. Однако связанная с ним уверенность во всемогуществе права и роли рынка оказалась поколеблена революциями, мировыми войнами, Великой депрессией.

Но, пожалуй, наиболее распространенная идеология, лежащая в основе многих крайностей, — **национализм**, т. е. вера в превосходство своей нации и необходимость для нее лучшей доли. Это вело к всевозможным конфликтам. Национализм многолик. Он выражается и в идеалах свободы, когда нация борется за независимость, и в идеях «бремени белого человека», и в призывах к агрессии, и в стремлении прославить родной народ, и т. д. Это и форма национального самосохранения и эгоизма, и обоснование борьбы за преуспевание своей страны, и навязанная всем классам воля господствующей группы, и способ объединения людей.

Геллнер не без основания определяет его «как течение, стремящееся соединить культуру и государство, обеспечить культуру своей собственной политической крышей, и при этом не более чем одной» [17; 104]. Говоря иначе — в идеале национализма, — нация должна иметь свое государство и собственную культуру. А поскольку границы не совпадают с расселением народов (к тому же часто перемешанных), возникают бесконечные попытки подчинить себе меньшие нации или, напротив, отделиться. Можно также согласиться с Геллнером, что «небывалый накал национализма в девятнадцатом и двадцатом столетиях есть отражение и следствие индустриализма — способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период» [Там же. С. 6].

Во второй половине XIX — начале XX в. национализм вылился в захват колоний и борьбу за их передел, а затем и в Первую мировую войну.

В своих крайних формах национализм нередко выступает в виде **империализма** (стремления силой распространить свое влияние и оружием решать споры), **шовинизма** (нетерпимости к другим

нациям), **милитаризма**. Родствен ему и **расизм**. В известном смысле **нацизм** и **коммунизм** тоже можно рассматривать как особые формы национализма, приведшие планету ко Второй мировой войне. Но, разумеется, об этих наиболее известных идеологиях нужен особый разговор.

Не хватает места, чтобы говорить о других формах сознания. Но надо помнить о том, что наука — это постоянно растущая область, которая с каждым десятилетием оказывала все большее и большее воздействие. В результате мир не перешел к научному способу сознания. Неизменно росло значение информационного сознания: газет, книг, журналов, связи. Нельзя не отметить небывалый взлет литературы и искусства. Их достижения, возможно, не превзойдем ни мы, ни наши потомки. Искусство этого периода во многом идеологично, нравоучительно. Вероятно, в этом его сила и притягательность. Но все мощнее становится пласт развлекательного. Сказанное, наряду с распространением образования и вообще знаний, делает общество иным: восприимчивым к новому, стремящимся учиться, более однородным в культурном плане, хотя различия в этом отношении между слоями, классами и группами колоссальны.

Глава 15. ЧЕТВЕРТАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: В НАЧАЛЕ ПУТИ

Что касается материального развития, новый экономический порядок предполагает переход от национального планирования на уровень планирования наднационального... Чтобы в достаточной степени ответить на эти мировые нужды, ресурсы планеты должны быть использованы бережно.

Г. Ван дер Вее

§ 1. Кризисы первой половины XX века и частичное разрешение противоречия прежней эпохи. Производительные силы и экологический кризис

Переход к новому принципу производства и производственной революции не идет гладко, а сопровождается сильными кризисами и потрясениями. В конце XIX в. производительные силы достигли пределов роста, дальше которых они могли бескризисно развиваться

только при изменении распределительных отношений, при хотя бы частичном разрешении прежнего противоречия. Переход к тому, что в нашей науке описывалось как империалистическая стадия капитализма, по сути, довел обобществление производства до предела, между тем как способ принятия решения и присвоения в главном оставался прежним²⁹⁰.

Обострившееся основное противоречие проявилось в разных формах. С начала века экономические кризисы становились все разрушительнее, пока не достигли такой силы, что поставили западный мир перед угрозой краха или огромного социального взрыва. Первая мировая война стала результатом в том числе и накопившихся экономических противоречий²⁹¹. Поиск способов преодолеть болезни общества вылился в чудовищные социальные эксперименты социализма и фашизма, во Вторую мировую войну, которая ясно показала неизбежность перестройки мирового порядка²⁹².

Великая депрессия 20–30-х гг. подорвала веру в чудодейственность рынка, в то, что хозяйство наладится само собой.

В 30–40-е годы в результате борьбы с кризисами и военной регламентацией промышленности были найдены пути преодоления основного противоречия. Главную роль в этом играла регулируемая государством рыночная экономика. **После войны Соединенные Штаты первыми указали дорогу в новый (научно-информационный) принцип производства и экономический тип отчуждения**²⁹³. Начавшаяся в 50-е годы НТР окончательно втянула эту страну в IV формацию

Почему именно в США впервые начался такой переход? Как всегда, налицо сплав особенностей и закономерностей. Это было технически самое передовое общество. По существу, производственная революция началась в США раньше других: в 20–30-е годы небывалым распространением электротехники, автоматизации, новых видов связи и т. д. (см. также **Прил. 14**). Однако кризисы сдерживали ее. Важно, что война способствовала росту ее экономики, а послевоенная разруха в мире была американцам на руку. Но среди многого другого, возможно, самое главное было то, что для перехода к новому принципу производства требовались свобода от колоний, а также территория и внутренний рынок гораздо большие, чем отдельные европейские страны.

Таким образом, **основное противоречие было прорвано и частично разрешено. Теперь при сохранении силы рынка государство**

регулировало народное хозяйство планированием, налогами, заказами, вмешательством в дела банков, контролем за обращением денег, стимулированием спроса, ограничением промышленных конфликтов и т. д. Все это делало развитие более ровным и смягчало кризисы, которые становились гораздо менее болезненными²⁹⁴. То, что они еще случаются, лишь свидетельствует об остаточном противоречии, о конфликте, по выражению Гэлбрейта, между планирующей и рыночными системами. И безработица изменила свой жестокий характер. А различные социальные программы делают роль внеэкономического отчуждения все менее заметной.

Европа и Япония вступили в новый принцип производства позже, в 50–70-е годы, когда оправались от войны. Для Европы важнейшим этапом была интеграция в ЕЭС.

Рассмотрим кратко главные новшества в производительных силах²⁹⁵:

— вовлечение новых видов энергии и все более полное использование старых;

— создание искусственных материалов с заданными свойствами;

— перенос основы тяжести экономики на услуги, в т. ч. интеллектуальные и коллективные;

— создание искусственного интеллекта (компьютеров), а на этой базе новых исключительно производительных средств связи, общений, информации;

— по сути, информация в самых разных видах становится новым видом энергии и материалов, поскольку с ее помощью создаются ценности;

— экономика ориентируется на товары длительного пользования и блага, связанные с развитием (или псевдоразвитием) и развлечением личности: спорт, медицина, отдых, туризм и пр. Все это требует более-менее стандартных условий жизни и отношений по всей планете;

— управление обществом и государством стало очень сложным, отсюда быстрый рост и товарность гуманитарных наук.

Развитие производительных сил и средств информации идет под знаком НТР. Не вдаваясь в обсуждение крайне сложного вопроса о ее сущности, я бы кратко определил ее так. Это **экономика сложного и интеллектуального труда в производстве, науке, информационном деле и др.** В этом плане она как бы продолжает курс промышленной революции. Но ведь НТР (как уже говорилось), скорее всего, первая (или начальная, если процесс непрерывен) фаза более мощной

производственной революции, которая, как представляется, должна перерасти во всплеск экономии энергии в самом широком смысле слова: и труда, и природы, и ресурсов, и здоровья, и др.²⁹⁶.

Но в целом очень вероятно, что эта революция станет революцией «управляемых систем», иными словами, широким развитием способности планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами, включая безотходность производства. И в НТР уже налицо эти черты, но только не столь четкие.

Весьма возможно, что нынешнее время — это как раз перерыв между указанными двумя этапами, связанный с широчайшим распространением новых техники, технологии, образа жизни, форм связи и информации²⁹⁷.

С середины 80-х годов вместе с появлением или достаточно широким распространением удобных в обращении компьютеров, средств связи и прочего, *мир стал вступать в этап количественного распространения новшеств.* Ведь большинство из сегодняшних технических и электронных чудес не являются принципиально новыми. Но они представляют собой самые разнообразные комбинации новшеств предшествующего периода, доведенных уже до определенной степени совершенства и рассчитанных на неспециалистов. Поэтому они распространяются в массовом количестве, круто изменяют лицо мира, быт и прочее. Новые секторы с учетом, конечно, международного разделения труда становятся в некоторых странах ведущими.

В то же время ряд открытий в области генетики и медицины, а также принципиально новые поколения компьютеров, еще не столь радикальных, чтобы начать новый виток изменений, но крайне важных в качестве составных частей будущего, возникают на глазах. *Весьма вероятно, что где-нибудь в 10–20-е годы XXI века начнется второй этап научно-информационной революции (или революции управляемых систем).*

Открывшийся в последние десятилетия простор для роста производства резко обострил кризис, который давно назревал, — **экологический**. Он усиливается и указанным новым типом отчуждения. Жизнь человека объявлена священной, смертность уменьшается, и, как следствие, население Земли выросло колоссально. А поскольку господствует — и справедливо — убеждение, что человек должен жить достойно и богато, нагрузки на природу стали

невиданными. Бедные страны вовлекаются в мировой экономический процесс, но поскольку их главное богатство — природное, они стремятся эксплуатировать его как можно быстрее.

Важнейшая опасность в том, что отсталые государства выбирают моделью своего развития европейско-американскую, которая сформировалась именно в условиях безудержной эксплуатации природы. А если не хватало таких ресурсов у себя, то использовали богатства других. Но в тот период это не являлось серьезным испытанием для планеты, вовлечение же в подобный процесс стран с населением в миллиарды способно подорвать экологию²⁹⁸.

Крайне опасно и то, что экономическое соревнование приняло просто сумасшедшие темпы. Это усиливает нежелательную диспропорцию, когда наибольшие богатства создаются в странах, где население почти не растет, и увеличивается бедность там, где оно, напротив, быстро прибавляется. Все сложнее проблема отходов, мусора, свалок и т. п. Таким образом, **став независимыми от частных ограничений природы, люди столкнулись с ограниченностью ее возможностей в целом. Ведь нарушение даже отдельных звеньев ломает общее экологическое равновесие.**

Ситуация выглядит так. Если бы геобиосфера могла выдержать еще столетие такого высокого экономического и демографического роста, то земляне за это время методом проб и ошибок выработали бы способы контроля над населением и производством. Но очень вероятно, что планета не вынесет такой нагрузки²⁹⁹. Следовательно, человечество с точки зрения своей безопасности не имеет права не контролировать общепланетарные процессы. Тем более, что если прежде гибель одной цивилизации могла компенсироваться как бы запасными вариантами, то теперь вариант лишь один.

Вряд ли возможно убедить оставшие страны не торопиться догонять передовые, как последних — задержать свое развитие. Но можно рассчитывать на выработку таких договоренностей, которые постепенно поставили бы экономический и демографический рост под контроль. Другая задача — стремиться форсировать именно экологически безопасные или даже природовосстановительные отрасли (туризм, насаждения лесов, создание национальных парков и т. п.). По сути, желательно было бы создать систему мировых и региональных бюджетов, фондов и банков (типа МВФ, МБРР), которые бы оказывали определенную материальную, техническую, специальную и прочую помощь слаборазвитым странам в деле

восстановления экологического равновесия, отказа от наиболее варварских методов природопользования и т. п. И одновременно давили бы на тех, кто не хочет это делать, подобно тому как принуждают в проведении экономических реформ.

Наконец, необходима пропаганда умеренности. Если бы в развитых странах постепенно перешли к более скромной жизни, то и остальные могли бы перескочить через этап расточительства. Тем более что там много соответствующих традиций умеренности.

§ 2. Глобальные проблемы человечества

Есть смысл кратко суммировать проблемы, которые получили название общечеловеческих и глобальных, поскольку полностью в рамках одной страны они неразрешимы.

Длительное время наибольшую угрозу представляла возможность термоядерной войны. Однако в связи с распадом СССР и Варшавского договора она уменьшилась. Но все еще сохраняется, поскольку не исключены ошибки или попадание такого оружия в руки реакционных режимов и террористов. Но и любая, даже небольшая по масштабам война, кроме всего прочего, таит в себе угрозу перерасти в крупный конфликт, нарушает стабильность и вредит природе.

На сегодняшний день самой большой и опасной проблемой является истощение и разрушение природной среды, нарушение внутри нее экологического равновесия в результате растущей и плохо контролируемой деятельности людей.

Исключительный вред приносят производственные и транспортные катастрофы, которые ведут к массовой гибели живых организмов, заражению и загрязнению Мирового океана, атмосферы, почвы. Но еще большее негативное воздействие оказывают непрерывные выбросы вредных веществ в окружающую среду. Отрицательные последствия нарушения экологии многообразны. Во-первых, сильное влияние на здоровье людей, тем более разрушительное, что человечество все сильнее скучивается в городах, где концентрация вредных веществ в воздухе, почве, атмосфере, непосредственно в помещениях, а также шумов и других воздействий (электричество, радиоволны и пр.) очень высока.

Во-вторых, исчезают многие виды животных и растений и появляются новые опасные микроорганизмы. В-третьих, ухудшается ландшафт, плодородные земли превращаются в свалки, реки — в

сточные каналы, изменяются местами водный режим и климат. Но самой большой опасностью грозит глобальное изменение (потепление) климата, возможное, например, из-за увеличения в атмосфере углекислоты. Это способно привести к таянию ледников. В результате под водой окажутся огромные и густонаселенные районы в разных регионах мира. Есть, конечно, и иные опасности, например «озоновые дыры», через которые на Землю проникает губительная для живого радиация. О многих негативных вещах никто еще просто не догадывается или же они малоизвестны, хотя, возможно, именно в них-то и таится главная беда. Таким образом, увеличение объемов производства и отсутствие координации, договоренностей могут привести к непредсказуемым проблемам, решить которые будет трудно или даже невозможно.

Экологическая проблема теснейше связана и с рядом других. **Это проблема перенаселения планеты.** Число землян растет стремительно. А ведь каждый человек потребляет большое количество различных природных ресурсов. Мало того, этот рост приходится прежде всего на слабо или недостаточно развитые страны. Однако они ориентируются на развитые государства, где уровень благосостояния очень высок, а количество потребляемых каждым жителем ресурсов огромно. Если представить, что все население Земли (основная часть которого сегодня живет бедно, а то и голодает) будет иметь уровень жизни, как в Западной Европе или США, наша планета просто не выдержит. Но и полагать, что всегда большинство землян будет прозябать в нищете, невежестве и убожестве, несправедливо, негуманно и неправильно. Быстрое экономическое развитие Китая, Индии, Мексики и ряда других многонаселенных стран опровергает такое предположение.

Следовательно, выход один — ограничение рождаемости с одновременным и уменьшением смертности, и повышением качества жизни.

Однако ограничение рождаемости наталкивается на множество препятствий. В их числе реакционные общественные отношения, огромная роль религии, поощряющей многодетность; примитивные общинные формы хозяйствования, при которых многодетные семьи выигрывают; неграмотность и невежество, слабое развитие медицины и т. д. Следовательно, отсталые страны имеют перед собой тугую узел сложнейших проблем. Например, примитивные методы ведения сельского хозяйства (скажем, поджоги саванны) ведут к вредному

влиянию на природу и истощают земли, препятствуют повышению урожайности, умножают бедность. Чтобы разрубить этот «гордиев узел», нужны огромные усилия: развитие образования, соответствующие законы и пропаганда, большие капиталовложения, ограничение влияния реакционных слоев и т. п. Но это возможно, только если у власти находятся правительства, понимающие ситуацию и имеющие волю ее переломить. Однако сплошь и рядом в отсталых странах правят те, кто собственные или племенные интересы ставит выше государственных, невежество масс используют для своекорыстных целей (в том числе войн, репрессий и прочего), роста вооружений и подобных вещей. Поэтому, хотя некоторым странам и удастся за счет тех или иных причин (открытых ценных природных ископаемых, влияния соседей, удачных политических обстоятельств) самим выходить из тупиков, большинству это не по силам без сильного внешнего влияния.

Большой разрыв между группой богатых стран (жителей которых иногда называют «золотым миллиардом») и массой бедных и беднейших породил и еще одну проблему: «Север — Юг». Она называется так, потому что большинство развитых стран находится на Севере планеты, а бедных — на Юге. Последние часто причинами отсталости в этих странах объявляют эксплуататорскую политику западных правительств и монополий. Определенная доля истины тут есть хотя бы потому, что почти все эти страны прежде были европейскими колониями или полуколониями. И сегодня нередко цены на продукцию слаборазвитых стран занижаются, а крупные корпорации вмешиваются в их политику и, подкупая чиновников, уклоняются от соблюдения законов и норм охраны природы. Но это не главные источники зла. Коренные причины медленного развития лежат в архаичности их порядков и пороков общественного строя: отсутствии сплоченных наций, межплеменной вражде, господстве паразитических и культурно отсталых слоев, своекорыстии правящих элит, реакционности духовенства, неуважении к частной собственности и правам людей, слабости внутренних источников развития, недисциплинированности населения и т. п.

Развивающимся странам оказывают различную помощь. И она необходима. Но помощь дает настоящую отдачу только там, где умеют ее использовать по назначению, где стремятся учиться, а не паразитировать. Конфронтация между развитыми и развивающимися странами вредна уже потому, что отвлекает от решения общих задач.

Ведь только в случае, если большинство стран придет к соглашению по ряду вопросов, удастся переломить ситуацию. Между тем в некоторых странах, особенно му-сульманских, под лозунгом борьбы с империализмом устанавливаются религиозно-диктаторские или просто диктаторские режимы (Иран, Ирак, Ливия).

Проблемы экологии, перенаселения и отсталости напрямую связаны и с **угрозой возможной нехватки продовольствия** в недалеком будущем. Сегодня в большом количестве стран из-за быстрого роста населения и недостаточного развития сельского хозяйства голодают десятки миллионов людей, а недоедают около 2 миллиардов. С этим, конечно, можно бороться внедрением в сельское хозяйство современных методов. Однако возможности повышения его продуктивности, по-видимому, безграничны. Ведь увеличение использования минеральных удобрений, ядохимикатов, машин, ирригации и др. ведет к ухудшению экологической обстановки и все большей концентрации вредных для человека веществ в пище. С другой стороны, развитие городов и техники выводит из оборота много плодородных земель. Поэтому, если будет поставлена цель не просто кое-как накормить многомиллиардное население Земли, а кормить его качественно, то при достижении какой-то предельной цифры численности землян физическая нехватка пищи может стать реальностью.

В крупных городах всех стран мира существуют такие проблемы, как замусоренность, преступность, плохие жилищные условия, безработица, тунеядство и наркомания и т. п. Но в развивающихся странах нищета, антисанитария, нищенство, безработица, болезни, неграмотность наличествуют в чудовищных масштабах. Особенно вреден недостаток хорошей питьевой воды. По мнению экспертов ЮНЕСКО, это важнейшая причина множества эпидемий и заболеваний. Рост контактов между странами вызвал к жизни и такую проблему, как **международный терроризм**, тем более что он фактически поддерживается и некоторыми странами. Не меньшим злом являются международная **мафия** и особенно **наркомафия**, отравляющая здоровье десятков миллионов людей и создающая питательную среду для преступности, заболеваний.

Существует ряд других проблем, иногда менее заметных, но не менее важных. Одной из них является расхождение между многочисленными изменениями в материальной жизни и способностью психики и физических возможностей людей

соответственно приспособиться к ним. Это ведет к многочисленным последствиям: росту психических и иных заболеваний, обращению к мистике; катастрофам из-за ошибок в управлении; падению морали, росту индивидуализма, преступности, в том числе организованной; нарушению преемственности между поколениями и т. п. (Об этом я уже неоднократно говорил.) Следовательно, оптимизация темпов экономического роста — важнейшая задача.

Итак, этот краткий обзор должен был показать, что судьбы всех стран мира сближаются, и эта тенденция стремительно развивается.

§ 3. Сегодня и завтра: основное противоречие современной эпохи

Новая формация еще только в начале пути. Одни страны вступили во второй этап, когда новые секторы (электроника, связь, научные и интеллектуальные услуги и др.) с учетом, конечно, международного разделения труда становятся ведущими. При этом крайне важно региональное экономическое и политическое объединение в Европе и в некоторых других местах. Иные государства — лишь в переходной фазе. А большинство еще не дошли до зрелого индустриального развития или едва перевалили через него. Поэтому — если следовать логике тех закономерностей, о которых шла речь в этой части, — сейчас пока устраняется остаточное противоречие прежней эпохи. Надо только еще раз подчеркнуть, что, частично разрешаясь, видоизменяясь, прежнее противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже врастает в будущее, носит черты и старого, и нового, сильно не похоже на то, как оно выглядело раньше.

Как мне представляется, прежнее противоречие, разрешившись в национальном масштабе, проявляется теперь уже в региональном и планетарном. Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частно-корпоративными (или в лучшем случае национально-корпоративными). А значит, возникает противоречие между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальным эгоизмом. Оно выражается по-разному, как мы видели это в предыдущих параграфах. Но стоит повториться.

Во-первых, в использовании природы. Она одина на планете, но эксплуатируют ее порознь и чаще всего варварски. Укрыться в

национальном доме от экологических проблем невозможно. То же касается и безопасности производства, где любая катастрофа отдается далеко от места происшествия. Следовательно, необходимы какие-то договоренности, органы и нормы, а также шкала ценностей в региональном и планетарном масштабах.

Во-вторых, экономический тип отчуждения в условиях мировой экономики натывается на отсталость большинства стран и огромную роль там внеэкономических и полужкономических форм отчуждения. Это ведет к конфликтам между богатыми и бедными державами, невозможности решить коренные вопросы экологии, безопасности, общемирового регулирования, попыткам перенести вредные производства в слаборазвитые государства.

В-третьих, необходимо некоторое выравнивание уровней развития, жизни и культуры районов мира. Ведь при столь тесных контактах невозможно победить болезни, наркоманию, бороться с преступностью и терроризмом, нелегальной эмиграцией и массой других социальных бед- ствий в самых развитых странах, если в большинстве мест планеты процветают голод, нищета, некультурность, невежество, реакционные режимы, болезни и пр.

В-четвертых, чтобы быстрее преодолеть отсталость, нужно сделать эти страны более привлекательными для иностранного капитала и технологий, туризма и пр. А для этого следует двигаться по пути совмещения стандартов жизни, законов, подходов к природопользованию и экономической деятельности в возможно большем числе стран. То же касается и политических режимов.

Надо сказать, что человечество уже заметно продвинулось в направлении уменьшения опасности истребительной войны и войн вообще, борьбы с терроризмом, выработки правил мировой торговли, помощи странам, испытывающим кризисы, защиты прав человека и многих других вопросах.

Но в целом мир еще в начале пути в создании механизмов регулирования общечеловеческих интересов. Как, в каком направлении пойдет это развитие? Конечно, опасно пускаться в предположения. Да и читатель знает мое скептическое отношение к предсказаниям будущего. И все же сейчас без них не обойтись. Но сначала следует пояснить, что подобных прогнозов множество. Среди них есть очень пессимистичные. Наиболее объективные ученые говорят о вероятности ряда тенденций. Существуют три главные точки зрения на будущее: мрачная, которая предрекает неизбежность

ужасных катастроф; оптимистическая, сторонники которой полагают, что у людей должен проснуться инстинкт самосохранения и до непоправимых последствий дело не дойдет, и средняя между ними, заключающаяся в том, что человечество испытает весьма крупные неприятности, но не погибнет и в конце концов научится регулировать свою деятельность. В зависимости от того, насколько люди сумеют осознать опасность и как удачно сложатся обстоятельства, в той или иной мере вероятна любая из этих тенденций.

Мой взгляд ближе к оптимистическому, хотя надо ясно понимать, что сама собой проблема не разрешится, а затягивание в осуществлении необходимых действий уменьшает шансы на успешное ее преодоление. Поэтому я хотел бы показать один из возможных вариантов развития, который мне кажется весьма вероятным, если, конечно, ведущие державы сумеют вовремя договориться, а не погрязнут в национальном эгоизме.

Разумеется, такой экскурс в грядущее делается не из любви к пророчествам, поскольку знаю, как легко они посрамляются. Нет, просто мне кажется наиболее логичным именно так завершить рассмотрение исторического процесса: сделав самый общий прогноз развития уже сегодня наметившихся процессов. Кроме того, и читателю полезно попытаться заглянуть немного дальше, задуматься о том, что может ждать его потомков.

Я попытаюсь нарисовать некую схему, хорошо понимая, как мало шансов, что реальность будет ей соответствовать. Ведь как уже сказано, законы постоянно модифицируются, а значит, прежнее не может служить надежной моделью будущего. К тому же многие случайности способны спровоцировать экологическую или военную катастрофу. Но все же другого способа, кроме как основываться на познанном, нет.

Думается, что, как ни важно, чтобы в каждой стране усиливали охрану природы, в одиночку проблему не одолеть. А для совместных действий необходимо найти способы подчинения (и совмещения) национальных интересов мировым. Среди возможных механизмов особенно важными могут быть региональные экономико-политические объединения стран, вроде того, что сегодня демонстрирует Европа. Мне даже думается, хотя неизбежны различные варианты такой интеграции, что европейская модель может стать наиболее удачной. Эти объединения способны выработать определенные кодексы и методы природоохранной политики, которые

станут как бы образцом для других. Неизбежны различные договоренности между странами и группами государств. Возможна помощь бедным районам за отказ от варварского использования природы и т. п.

Правоммерно также сказать, что уже и сегодня объединения стран в региональные и прочие организации — это реакция на то, что экономика все более выходит за национальные рамки и все более интернационализируется. Поэтому **можно прогнозировать, что и в дальнейшем (если иметь в виду «генеральную линию» исторического процесса) взаимодействие экономики и политики пойдет в направлении ограничения национального суверенитета в пользу интересов более крупных наднациональных объединений (возможно, союзов этих объединений) вплоть до интересов планетарных.** Но борьба за то, кто и как будет формулировать эти общие интересы, конфронтация между национальными идеологиями, привычками и интересами и наднациональными тенденциями обещает быть острой и, весьма вероятно, даже драматической.

По сути (но не по формам, а по результатам) должна произойти определенная «политическая революция», которая ограничит национальный суверенитет в пользу общемировых интересов.

Можно легко представить, какие политические и идеологические проблемы и конфликты это вызовет. Но другого пути в принципе нет. И лишь тогда по-настоящему начнется вторая стадия НТР (или ее резкое ускорение), которая станет революцией природопользования, природосбережения, природовосстановления и регулирования. А также безотходности и экономии ресурсов³⁰⁰. А с этим наступит и расцвет четвертой формации. Затем последует зрелость, в которой, собственно, и проявится ее специфическое противоречие, которое уже сегодня начинает чувствоваться в самых развитых странах. И оно мне видится так: **противоречие между стремлением производительных сил к безудержному росту, с одной стороны, и необходимостью создать стабильность в жизни людей и общества — с другой; между гигантской сложностью производительных сил регионального и мирового масштабов, с одной стороны, и ограниченностью физических, интеллектуальных и психологических возможностей людей — с другой; между огромным излишком благ, с одной стороны, и необходимостью регулировать потребление — с другой.**

На стадиях зрелости и высокой зрелости, вероятно, найдут способы

уменьшить разницу между богатыми и бедными странами, регулировать численность населения, сумеют несколько выровнять диспропорции между человеком и природой, возможностями экономики и регулированием потребностей. Распределение, думается, будет идти от наиболее богатых стран, регионов и слоев к менее богатым, чтобы создавать общие блага, которые легче контролировать и не столь расточительно потреблять. К числу таких благ можно отнести: здоровые условия жизни, безопасность, уверенность в будущем, уменьшение преступности, хорошее образование, развитие общепользуемой науки, медицины и пр. В результате наступит истинно экономическое отчуждение, когда большинство людей мира будет иметь социальные гарантии на уровне более высоком, чем сейчас в развитых странах. Оговорюсь еще раз, что я рисую не радужную картину. Никогда не возникнет всеобщих гармонии, счастья, довольства. Хватит проблем, противоречий и конфликтов и в будущем. Но я не акцентирую на этом внимание³⁰¹.

В конце концов на стадиях высокой зрелости и подготовительной начинается движение производительных сил в сторону такой экономики, в которой рост будет связан прежде всего с формированием, развитием, восстановлением, адаптацией и т. д. личности и групп людей на базе невиданного взлета наук о человеке и обществе.

§ 4. Общественные отношения и общественное сознание: национальное и общечеловеческое

Что же представляет собой экономический тип отчуждения? Он налицо, когда каждый человек в условиях различных свобод, просто потому, что он человек, может претендовать на определенные социальные гарантии и права (на образование, медицину, защиту, помощь в старости или по нетрудоспособности и пр.). Раз общество имеет гигантский излишек благ, оно способно поддерживать слабых и помогать им обрести себя. Однако, с другой стороны, экономический тип отчуждения — это возможность полностью проявить свои умения, квалификацию, талант и получать во много раз больше, чем просто социальный минимум. Следовательно, здесь огромный стимул, чтобы побудить людей к активности, не прибегая к чрезмерному насилию.

Экономический тип отчуждения, однако, предполагает выход за рамки одного общества, а следовательно, возможность определенных стандартов во всем мире. Сейчас есть значительные остатки полу- и внеэкономических форм отчуждения и в самых развитых государствах, но главные его заповедники — слабо- и среднеразвитые страны. О проблемах выхода из бедности последних уже была речь.

Положение человека четвертой формации характеризуется следующими моментами: все большее значение имеют его образование и квалификация, а также гражданство. Ведь уровень и качество жизни колоссально зависят от того, в каком государстве (или сообществе) живет человек. Но роль частной собственности и имущественного неравенства очень велика.

Люди также стали менее зависимы от участия в группах и корпорациях, усиливается общественная анонимность³⁰². Жители развитых стран все более становятся космополитами, гражданами мира (а в Европейском Союзе (ЕС) и в юридическом плане так), свободно путешествуя, нанимаясь на работу в разных местах и т. п.

Хотя мир демонстрирует множество вариантов политических режимов, в целом дело идет к большей демократии, уважению прав людей и международных норм. Следовательно, налицо рост взаимопонимания и сближения человечества. Этому способствует и сложившийся международный порядок, когда даже небольшие и слабые страны могут спокойно пользоваться своим богатством, не опасаясь агрессии со стороны сильных соседей. Это в чем-то подобно тому, как в прежнюю эпоху разбогатевшие люди стали пользоваться богатством, не боясь притеснений. И это, на мой взгляд, одна из главных причин роста национализма и сепаратизма, когда угроза отделения какой-то части государства становится средством шантажа и давления или прихода к власти честолюбцев.

В связи со сказанным становится более ясным, почему необходимо найти некие надстройки, позволяющие совместить демократию (как внутренний порядок) и подчинение международным решениям. Ведь демократия основана на эгоизме определенных групп граждан. И в условиях невиданной власти тех, кто формирует общественное сознание, не так надежна, как хотелось бы. По-видимому, можно ожидать, что постепенно решения, принятые в международном масштабе, станут более важными, чем внутренние законы. Но это очень трудный и деликатный процесс, учитывая, что сегодня политики часто исходят из сиюминутных интересов.

Вообще же противостояние национального и общечеловеческого все больше принимает характер идеологического конфликта. С одной стороны, человек, привыкая каждый день видеть многие места мира, невольно начинает осознавать себя членом единой семьи, сочувствуя голосам тех, кто ратует за признание человечества новым реальным субъектом права³⁰³. С другой — еще недостаточно предпосылок для более тесного объединения. Даже экологические проблемы пытаются решать в одиночку. Кое-где с определенным успехом. Немалую роль в этом играет и движение «зеленых». В последнее время весьма заметным стало движение так называемых антиглобалистов, которые выступают против усиления интеграции стран и обществ.

Сиюминутные проблемы заставляют пока отмахиваться от грозных предвестников экологической опасности, но раньше или позже ведущие страны поймут, что любые нарушения природопользования в любом месте касаются их кровно, как они уже осознали, что всякий местный конфликт — угроза всему миру. И тогда воздействие (возможно, с чувствительными санкциями) на остальные государства заставит тех втянуться в соблюдение общих правил. Не навредить природе — таков должен быть категорический императив инженеров, предпринимателей, политиков.

Уже осознается необходимость ограничить потребление, темпы роста, расточительство. Однако пока еще эти идеи натываются и на возможность для производства развиваться вширь за счет подъема все новых и новых стран, неудержимо рвущихся стать передовыми и развитыми. А также на косность большинства людей, на эгоизм «капитанов индустрии», правительств и одновременно их бессилие изменить «правила игры». Словом, система еще себя не исчерпала, и по-прежнему господствует идеология экономического соревнования.

А ведь фактически получается, что тот, кто больше всех производит и потребляет, забирает огромную часть общемировых ресурсов.

Теперь несколько слов о формах общественного сознания. Сначала отметим, что налицо их интернационализация. Даже религии начинают искать сближения, забывая о противоречиях. Во всем остальном: науке, искусстве, журналистике, экономике, охране природы, различных движениях — есть тяга к объединению.

Колоссально выросло значение образования, в том числе и как средства выхода слаборазвитых стран из паутины предрассудков, невежества и косности, несовместимых с общемировыми задачами. Ведь оно способно переделать представления миллиардов людей,

особенно молодежи. Разумеется, по-прежнему велика роль права, тем более что различия в законах многих стран становятся на порядок меньше.

Огромная роль науки, которая двигает вперед и знания, и способы их распределения. Сегодня все стало объектом науки. Однако порой она просто вырывается из-под контроля и вкупе с техникой представляет страшную силу. Постепенно главной формой общественного сознания становится научно-информационное сознание. Информация стала, по образному выражению одного ученого, сырьем сегодняшней деятельности.

Важной особенностью нынешней духовной жизни является развлекательность, которая связана с большой свободой и избытком благ и пронизывает все: средства массовой информации, искусство, даже и науку (сенсационность, погоня за внешним эффектом).

Время самых жестких идеологий отходит. Но национализм пока еще весьма силен. И неудивительно, если в последние десятилетия образовалось в результате распада колоний множество стран, и процесс складывания новых государств и наций продолжается. Но можно сказать, что, подобно тому как в XIX веке целые эпохи мог господствовать принцип монархизма (вспомним хотя бы Священный Союз государей Европы в 10–30-х гг. XIX в.), но победа демократии как ведущей в будущем формы правления уже проглядывалась, так и сегодня рост национализма не означает его исторической победы. Стоит отметить, что он имеет большее значение там, где общества еще не вошли в IV формацию или только вступают в нее. В развитых же странах он, хотя и весьма ощутим и даже кое-где выставляется напоказ, все же постепенно — по крайней мере в наиболее существенных моментах — уступает место тенденции к объединению. Так, единая Европа демонстрирует отказ от части национального суверенитета. США пытаются сблизиться с Канадой и Мексикой, семерка ведущих стран каждый год согласовывает свои действия. Кроме того, наиболее агрессивный национализм чаще проявляется со стороны малых и негосподствующих наций, выступая формой их самоутверждения. Безусловно, пока основное противоречие современной формации еще не преодолено, он будет важнейшим фактором международной жизни. В будущем же он станет более спокойным. И, как и религия, национализм, конечно, не уйдет совсем (всегда, даже в футболе, есть «наши» и «не наши»), но просто займет свою нишу, перестанет быть угрозой. Сегодня же, к сожалению,

всякого рода националистические и религиозно-националистические (фундаменталистские) идеологии создают очень болезненные проблемы, которые отражаются во всех уголках мира.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Исходя из того, что общечеловеческие законы развития прямо неприменимы к отдельным обществам, а исторический процесс не сводим к сумме историй всех обществ и народов, мы сделали вывод о

том, что совершенно необходимо разделить применение категорий для всемирного и конкретно-общественного уровней. Тогда такие термины, как «производительные силы», «распределительные отношения» и другие, должны относиться только к анализу отдельного общества, а такие, как «способ производства» и «формация», — только к общечеловеческому уровню.

Такое разделение потребовало ввести еще ряд категорий, которые описывали бы общие свойства тех или иных сфер конкретных обществ одной формации. Это: **принцип производства благ** (т. е. степень общечеловеческого производства); **тип отчуждения благ и личности** (т. е. сходные черты в распределении и отчуждении благ и степени воздействия на личность их владельца и производителя). Выводились также понятия, обобщающие сходства в политической, социальной и этнической структуре обществ одного принципа производства. А сходства в общественном сознании обобщены термином **тип общественного сознания**.

Смена принципов производства связана с совершением трех производственных революций: сельскохозяйственной, промышленной, НТР. Один из главных выводов относительно этих революций: в формационном масштабе они совершаются в два этапа с длительным перерывом между ними. Первый закладывает основу принципа производства, второй подводит его и формацию к зрелости. Мы исходили из важнейшего принципа, что, хотя все части системы взаимозависимы, все же принцип производства более фундаментален, поскольку без его смены не может произойти смена формации в целом. Однако эти перемены происходят не одномоментно, а составляют большую эпоху. На зрелых этапах формации становится наглядно видно и ее собственное **основное противоречие**. При смене принципа производства это противоречие в определенной части разрешается. Но в огромной степени еще остается, превращаясь в остаточное противоречие, которое снимается в течение длительного времени уже в следующей формации.

Историческая система категорий составляет понятие **формации исторического процесса**, которая есть модель развития человечества. Мы выделяли четыре принципа производства и соответственно четыре формации. Первая начинается лишь с момента появления человека разумного. А период антропогенеза следует считать доисторией. Принцип производства этой формации — **присваивающий**; тип отчуждения — **доэкономический** (т. е. не связанный с социально-

экономическим неравенством). Основное противоречие — между возможностью производить больше и отсутствием для этого потребностей и общественных условий. Тип организации обществ — **родоплеменной**; тип общественного сознания — **примитивно-религиозный**.

Поскольку за основание периодизации взят принцип производства, постольку следует считать исходным пунктом второй формации начало аграрной революции (т. е. 12–9, а не 5 тысяч лет назад, как в историческом материализме). В ранние периоды этой формации до окончания второго этапа сельскохозяйственной революции (т. е. до перехода к ирригационному или плужному земледелию) происходят расцвет и разложение родового строя, а с развитием земледелия образуются государства и цивилизации. Во второй формации образуются народности.

Принцип производства — **производящий**; тип отчуждения — **внеэкономический** (связанный с насилием, принуждением и прочим). Основное противоречие — между способностью экономики создавать большой излишек благ и непроизводственным его потреблением. Тип организации обществ — **сословно-государственный**. Тип общественного сознания — **религиозно-идеологический**.

Третья формация связана с началом первого этапа промышленной революции в XV–XVI вв., ознаменовавшегося большими переменами в технике, торговле, специализации. Второй этап этой революции — промышленный переворот XVIII–XIX вв. Принцип производства — **машинный**; тип отчуждения — **полуэкономический** (поскольку наряду с моментами внешней свободы есть много элементов жесткого принуждения). Основное противоречие между тем, что производство становится все более обобщественным, и частно-корпоративным способом распоряжения им. Тип организации обществ — **национально-государственный** (формируются нации, национальные государства и гражданское общество). Тип общественного сознания — **политико-правовой (политико-идеологический)**.

В середине XX в. мир перешел к новой формации. Но она еще в начальных стадиях; поэтому главным остается остаточное противоречие прежней эпохи, а собственное еще только формируется. Принцип производства — **научно-информационный**; тип отчуждения — **экономический**; основное противоречие современности — между общечеловеческими потребностями в единых действиях, вызванными развитием производства, экологическим кризисом и прочим, и

национально-корпоративным эгоизмом. Тип организации обществ — **наднациональный** (переход к наднациональным объединениям вроде ЕС). Тип общественного сознания — **научно-информационный**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О МЕТОДАХ И ПРИНЦИПАХ ЭТОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Говорят, что однажды он (Будда) взял в руку пучок сухих листьев и спросил своего любимого ученика Ананду, есть ли кругом еще листья, кроме тех, что находятся у него в руке. Ананда ответил: «Осенние листья падают повсюду, и их не счесть». И тогда сказал Будда: «Вот так и я дал вам лишь горсть истин, но кроме них есть еще бесчисленное количество других истин, и их тоже не счесть».

Дж. Неру

Наш краткий обзор подошел к концу. К моменту написания данных строк более 20 лет отдал я этим изысканиям.

«В развитии науки бывают моменты, когда одна синтетическая работа, хотя бы она и казалась преждевременной, оказывается полезнее целого ряда важных аналитических исследований, иными словами, когда гораздо важнее — хорошо сформулировать проблемы, нежели пытаться их разрешить», — писал Марк Блок [10; 186]. И это верно. Но бывают и другие моменты, когда необходимо разрешить давно поставленные, но так толком и не решенные проблемы. Именно это я пытался сделать. Меня влекло то «глубинное побуждение охватить и понять целостность Жизни», о котором говорил Тойнби. Поэтому я и поставил перед собой такую трудную цель: создать теорию, описывающую весь исторический процесс.

Но, разумеется, я более, чем кто-либо, понимаю несовершенство моей работы, никак не претендую на полноту и законченность теории, ибо такие претензии лишь свидетельство ограниченности ума. Хочу еще раз процитировать очень понравившиеся мне слова Карла Ясперса: «Истину мы постигаем лишь тогда, когда исследуем не тотальную причинную связь, а определенные причинные связи в их бесконечности» [47; 273]. Иными словами, мы можем постичь лишь часть истины, и только в таком виде она будет нам понятна, охватить целое можно только по кусочкам, частям, мысленно собирая потом их вновь в целое, всегда носящее отпечаток неполноты и субъективизма.

Думаю, и вы поняли, что нельзя «открыть» один или несколько законов, которые определяют весь ход истории. Напротив, число законов и обобщений очень велико и вряд ли даже поддается подсчету. Причем это множество требует, чтобы исследователь или читатель овладел сложным искусством не смешивать уровни обобщения, умел разводить разные по своей теоретической природе вещи.

Ученому кажется, что его несколько увиденных и зафиксированных положений и есть ключ к тому, чтобы безошибочно анализировать общества и историю. Но это лишь один из возможных подходов. Стоит взять материал в другой комбинации, и он способен предстать в ином виде. Однако увидеть этот новый аспект или ракурс, высветить и понять его — великая заслуга, важный шаг вперед. Честь и хвала тому, кто сумеет совместить в концепции возможно большее число таких подходов и сохранить ее цельной. Но нельзя надеяться включить в теорию все.

На протяжении всего изложения я пытался показать, какие методы и почему использовал. Собственно, я считаю, что новый материал трудно объяснить до глубины, если не приоткрывать лабораторию мысли автора. Это излечивает и от распространенной болезни рассматривать методы исследования как нечто неизменное и универсальное, в то время как они прежде всего инструменты анализа, форма изложения, аппарат исследования, лучше или хуже соотносящийся с реальностью.

Поэтому, как вы заметили, я всегда подчеркиваю, что существует не один вариант анализа, а несколько. Одни могут зависеть от конкретных задач исследования, другие — от позиций и склонностей автора, третьи — от исследуемого материала и т. п. Иногда эти подходы дополняют друг друга, иногда противоречат. В любом случае надо вести речь не об абсолютной, а об относительной правоте тех или иных теорий, но от этого не теряющей своей важности. Тот, кто может указать лучший путь, двигает науку вперед, подобно тому как новое изобретение или усовершенствование в технике способствует техническому прогрессу, не отрицая в принципе и старых механизмов. Нет возможности вновь подробно говорить о принципах и методах, которые были использованы мной. Напомню лишь о некоторых.

Достаточно часто, разбирая проблему, по которой есть полярные, но в чем-то по-своему верные взгляды, я приходил к выводу, что снять противоречие возможно, только перейдя на более высокий

теоретический уровень, где нередко удается совместить противоположные взгляды. Это доказывало, что обобщенные конструкции не эталон, а лишь некая модель, которая всегда на практике реализуется в конкретных и разных вариантах. Читатель не забыл также, что я считаю исторические законы не «железными», а нашими несовершенными представлениями о реальности, в которой они и проявляются по-разному: более или менее ярко, заметно, сильно и т. д.

Я все время возвращался к идеям прогрессивных и тупиковых вариантов, исторического эволюционного отбора и многообразия путей развития, модификации исторических законов в связи с изменениями как в объективных моментах, так и в сознании людей. Делая социологический обзор, я останавливался на принципах взаимопроникновения многих сфер, сложности их вычленения. Очень важен принцип, основывающийся на законе подвижности (замены) функций, позволяющий жизни новое развитие отливать в старые, оправдавшие себя формы. Важен и принцип почкования (дифференциации), подчеркивающий, что по мере усложнения общества выделяются новые единицы, функции и т. п.

Нередко всемирно-исторический процесс представлялся мне лабиринтом, в котором очень трудно определить правильный путь от начала до сегодняшнего дня. Я как бы складывал по кусочкам отдельные его этапы из достижений разных обществ. Было видно, как в этой исторической «эстафете» «бегуны», пробежав свою часть пути, в дальнейшем сходили с дистанции или меняли направление. Становились еще понятнее ограниченность любых теорий, упрощающих действительность, и одновременно необходимость поиска все более точных и емких обобщений.

Верю, что труд мой был не бесполезен. А что касается недостатков этой работы, то в качестве оправдания могу лишь привести слова Воль-тера: «При написании истории действуют законы, аналогичные законам всех произведений человеческого ума: много предписаний и мало великих мастеров».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

[к главе 2]

П. 1 (к с. 25, 55). «Все существует (так как оно существует) не потому, что бог произвольно хочет именно такого существования, но потому, что иначе, чем так, он не может проявляться. Познать это, в смирении примириться с этим и быть блаженным в сознании этой нашей тождественности с божественной силой — доступно всем людям» (Иоганн Готлиб Фихте. «Основные черты современной эпохи»).

«Бог есть та сила, действующая позади всех законов, как в царстве природы, так и в истории» (А. Матсон. «Христианское общественное сознание»).

«Только отрешившись от знания близкой, понятной нам цели... мы увидим последовательность и целесообразность в жизни исторических лиц; нам откроется причина того несоразмерного с общечеловеческими свойствами действия, которое они производят» (Л. Н. Толстой. «Война и мир», т. 4).

П. 2 (к с. 25, 57). «Историю делают не мифические законы, как полагал К. Маркс, но живые люди с их эмоциями, страстями, верованиями,

предрассудками и т. д.» (С. Пушкирев).

«Историей правит его величество Случай, история — игра случайного и непредвиденного. Законы причинной связи в истории заменяются возможностью, случаем» (Р. Чаркс, М. Флоринский).

«Исторический факт по своему существу не сводим к закону...» (Р. Арон).

«Никакой закон человеческий и нечеловеческий не направляет ход истории к концу радостному или ужасному» (Р. Арон).

«С нашей точки зрения, не может быть законов истории. Обобщение принадлежит к совершенно иному кругу интересов, который должен быть отделен от интереса к отдельным событиям и их причинному объяснению, составляющему дело истории» (Карл Поппер).

«История не имеет никакого смысла. Признание смысла в истории ведет к историцизму, согласно которому цель истории — бесклассовое общество» (Герберт Маркузе).

«Мы отвергаем любую концепцию «смысла истории», ибо человек — не частный случай диалектики природы. История — это человеческая история только тогда, когда она обладает трансцендентальностью (т. е. переходит из сферы опытного познания в сферу сверхопытного, наиболее общего философского познания. — Л. Г.), т. е. разрывает со своим прошлым» (Роже Гароди).

«Будущее ничем не детерминировано. Его человек встречает как «непредвиденный дар», одновременно он его готовит как деяние, которое необходимо совершить, наподобие поэтического, творческого акта» (Роже Гароди).

П. 3 (к с. 43). Надо отметить, что в 60—80-е годы советские философы много работали над проблемой уровней философско-исторических законов, их иерархии и системы. Но, различая уровни и аспекты исследования, они продолжали видеть общий закон в его частных проявлениях тем же самым, что и в теоретической модели. В результате по большей части это оказались бесполезные, схоластические изыскания. Однако в плане методологии там были и достижения.

Главная причина такого «бегания по кругу», на мой взгляд, заключалась в стремлении сохранить истмат в неизменном виде. И дело было не только в идеологическом давлении и цензуре. И после их отмены очень многие просто не знают, как иначе описывать историю, не могут и не хотят отказаться от привычного. В чисто логическом плане одна из причин такого состояния в нежелании признать

важнейшую ошибку марксизма — сведение более широкой категории производственных отношений лишь к формам собственности, которые определяют пять формаций.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

[к главам 3, 4]

П. 1 (к с. 55). «Люди, более мудрые и ученые, чем я, разглядели в истории последовательность, ритмичность и predetermined тип. Эта гармония скрыта от меня. Я могу видеть только внезапности, следующие одна за другой, подобно набегавшим друг за другом волнам, и только определенные великие факты, в отношении которых ввиду их уникальности не может быть сделано никаких обобщений; у историка есть только одно надежное правило: в развитии человеческих судеб он должен признать игру случайностей и непредвиденного» (Г. А. Фишер).

П. 2 (к с. 55). «В ней (всемирной истории. — Л. Г.) тот необходимый момент мирового духа, который есть в данное время его ступень, получает свое абсолютное право, и живущий в этом моменте народ и его дела получают свое исполнение, и счастье, и славу» (Гегель).

П. 3 (к с. 55, 88). Впервые достаточно научно с применением новых методов исторического исследования взгляд на историю как на реализацию таких же вечных, как в природе, законов изложил Джамбаттиста Вико, итальянский мыслитель XVIII в., во многом опередивший науку своего времени. По мысли Вико, все народы, независимо от расы и географических условий, проходят одни и те же ступени развития, а в изменениях форм семьи, собственности, производства, политического строя, языка, мышления у разных народов существует полный параллелизм. Из «звериного состояния» народы переходят в «век богов», затем в «век героев» и наконец «человеческий век». После такого восхождения по трем ступеням наступает упадок и история повторяется вновь, но, правда, с более высокой отметки. И соответственно такой Вечной Истории протекают во времени все остальные Истории наций в их возникновении, движении вперед, упадке и конце.

Но то, что для XVIII в. было передовым, в XIX, а тем более в XX в. уже совсем не отвечало известным данным.

П. 4 (к с. 62). Движущие силы можно вообще рассматривать через законы диалектики. В самом деле, разве борьба двух сильных, претендующих на гегемонию держав (например, Рима и Карфагена в III в. до н. э.) не есть проявление единства и борьбы противоположностей с точки зрения всемирно-исторического процесса? То же касается и борьбы варварства и цивилизованных государств; между кочевниками и оседлыми народами; между различными религиями и т. п. А разве накопление различных технических изобретений в XV–XVII вв. не привело к промышленному перевороту в Англии в XVIII в., являя собой переход количества в качество? И таких примеров бесчисленное множество! Так же, как и примеров проявления закона отрицания отрицания. Например, борьба с торговыми монополиями, существовавшими в XVII–XVIII вв., увенчалась победой принципа конкуренции, чтобы потом на новом витке спирали привести к новым, уже промышленно-финансовым монополиям и борьбе с ними. Но, разумеется, законы диалектики слишком общи, чтобы удовлетвориться только ими.

П. 5 (к с. 75). «...В отношении к движению юные поколения играют роль только плодородной почвы, на которой скоро поднимаются семена преуспеяния. Семена же эти бросаются на плодородную почву гениями» (Белинский).

П. 6 (к с. 75). «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, чем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка». «Сердце царево в руке божьей». «Царь есть раб истории». (Л. Н. Толстой. «Война и мир», т. 3).

П. 7 (к с. 75). Х. Раппопорт пишет [см. 35; 43, 44, 47], что вопрос о личности допускает три различных решения. «Первое решение. Личность есть, сравнительно говоря, самостоятельный и важнейший фактор исторического развития. Личность есть исходный пункт, цель и рычаг исторического процесса. История существует для личности, личность — ее носитель и двигатель».

«Второе решение... в объяснениях каждого конкретного элемента, исторического движения, которое дает марксизм, условия производства играют решающую роль, а человеческая личность либо значительно стусшевывается, либо вовсе игнорируется».

«Третье возможное решение вопроса об историческом значении личности представляет комбинацию или примирение субъективной и объективной точек зрения. Личность есть как причина, так и продукт

исторического развития... это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» Однако, по мнению Раппопорта, оно должно быть дополнено и другими теоретическими положениями, которые в конце концов делают его взгляд ближе к первой точке зрения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

[к главе 4]

П. 1 (к с. 88). Известный английский историк Эдвард Карр, автор многотомной «Истории Советской России», писал по поводу отказа западных историков от идеи прогресса: «В XIX в. британские историки почти без исключения рассматривали ход истории как проявление принципа прогресса: они выражали идеологию общества, находившегося в состоянии необычайно быстрого развития. Для британских историков история была полна смысла, поскольку им с ней было по пути. Теперь, когда история пошла по «неверному» пути, вера в осмысленность истории стала ересью. После Первой мировой войны А. Тойнби сделал отчаянную попытку заменить теорию линейного развития истории циклической теорией — характерной идеологией общества, находящегося в состоянии упадка. После его неудачи британские историки большей частью просто разводят руками и заявляют, что в истории вообще нет никакой закономерности». И добавляет: «Знаменательно, что все наши новейшие пророки упадка, наши скептики, которые не видят в истории никакого смысла и считают, что прогресса нет, принадлежат к той части света и к тому классу общества, которые играли ведущую роль в развитии цивилизации в течение нескольких поколений. Для них вряд ли может служить утешением то, что эта роль теперь перейдет к другим».

П. 2 (к с. 92). Как я уже говорил, мое мировоззрение формировалось под влиянием марксизма и в критике его. Я принимал идею рассматривать уровень производительных сил как критерий развития, но видел и много трудностей в ее логическом проведении. Особенно сложно было оценить с этой точки зрения сталинскую индустриализацию, построенную на крови, костях и голоде. С одной стороны, без сомнения, факт создания тяжелой промышленности,

переход к индустриализму был налицо. С другой — цена и военнотюремная направленность такого прогресса не позволяли его считать таковым. Исследуя этот вопрос, я убедился, что подобное довольно характерно для более ранней истории, и пришел к мысли ввести понятие «тип прогресса». Затем я понял, что общечеловеческий прогресс — существенно иное, чем прогресс в отдельных обществах, направление развития которых может оказаться тупиковым. Именно так было с социализмом. Очевидно, что с точки зрения мировой истории сталинская индустриализация не прогресс, поскольку ее методы являлись устаревшими и жестокими, а результаты — опасными для других. Не подходило это под прогресс и с точки зрения морали передовых стран.

С национальной же точки зрения признать этот период полным откатом назад или застоєм нельзя. Движение вперед все же было. Но следовало бы ввести разграничение между абсолютным и относительным прогрессом. Абсолютный прогресс был, но в XX в. почти нет стран, которые бы вовсе не развивались. XX век — не средневековье! Относительный же прогресс можно будет увидеть, только когда наше общество полностью переболеет старым и начнется подъем. Когда это будет, когда мы выйдем из кризиса, корни которого в тех 20–30-х годах, не знает никто! Может статься, что к этому времени Россия отстанет от передовых стран гораздо больше, чем в 1917 году. Тогда относительного прогресса отметить нельзя. Очевидно также, что цена этого «самопожирающего» прогресса была столь высока, что он потерял всякий смысл.

Нам, россиянам, есть чем гордиться в своей истории, но есть и о чем горько сожалеть. Остается утешаться только тем, что наш опыт послужил предостережением другой части человечества, обогатил его отрицательными последствиями опасных социальных экспериментов, показал, чего следует остерегаться.

П. 3 (к с. 106). Ж. Лакруа в 1962 г. заявил в книге «История и тайна»: «Прогресс умер, и его труп отравляет атмосферу».

«Технический прогресс больше виноват. Он в некоторых аспектах является фактором регресса. Там, где он способствует созданию изобилия продуктов, он становится негативным. Есть люди, которые умирают с голоду. Но есть люди, которые умирают от того, что много едят, или много пьют, или же много курят...» (Ренэ Седийо). «Настало время для формального узаконивания «превентивной технологии» в качестве научной дисциплины. Этим новым научным

направлением должны заниматься экономисты, юристы, технологи, ученые. Они будут объединять весь цикл: исследования, открытия, внедрение, распространение и воздействие технологии. Это позволит, с одной стороны, улучшить науку, с другой — успокоить людям душу. Можно с уверенностью предсказать, что промедление с узакониванием «превентивной технологии» в качестве научной дисциплины плохо отразится как на науке, так и на будущих переменах в обществе» (Рут Дэвис).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

[к главе 6]

П. 1 (к с. 122). У известного немецкого географа и этнографа Фридриха Ратцеля есть своего рода программное заявление: «Все, что народы земли проявляют в смысле различия сил, в конце концов объясняется различием в положении, климате и почве». Разумеется, это грубое преувеличение, но под ним есть и довольно твердое основание. Иначе не объяснить не только многие исторические факты и явления, но и то, что подобные высказывания делали весьма солидные и уважаемые ученые. Так, Томас Бокль в своей «Истории цивилизации в Англии» писал, что жизнь и судьбы народов определяются четырьмя главными факторами: климатом, почвой, пищей и ландшафтом. Он подчеркивал, что «из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства». Из русских ученых особое значение географической среде придавали Л. Мечников и некоторые другие. Идеи решающей роли географической среды в том или ином варианте возрождаются время от времени.

П. 2 (к с. 137). Следует отметить очень важный момент тесной связи эффективности производства и личностных качеств работников. Часто уровень техники и технологии превышает их моральные, психологические и интеллектуальные возможности. Что там говорить о современном производстве, когда еще в Древнем Риме жаловались на то, что рабам нельзя доверять сложные орудия труда.

«Ныне все больше осознается то обстоятельство, что самая прекрасная техника и технология имеют КПД 20–30 процентов из-за неразвитости человека... Но при этом, как правило, стараются решить проблему за счет совершенствования техники», — справедливо отмечается в одной из книг о духовном производстве. Тем более это верно для отсталых и

развивающихся стран, где уровень сознания остается на крестьянско-ремесленном, а то и первобытном уровне. Нередко там не могут запустить технику или она работает вполсилы, портится, дает брак, происходят аварии. Предприниматели жалуются на недисциплинированность и неприученность рабочих к постоянному интенсивному труду, прогулы (особенно в связи с многочисленными семейными или общественными праздниками), неисполнение приказов и т. п.

Напротив, там, где население дисциплинировано, имеет хорошую мораль, приучено к труду, общество получает возможность сделать экономический рывок. Успехи стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, а также Китая и др.) и мощный приток туда иностранного капитала неразрывны с морально-психологическими качествами населения, его мировоззрением и т. п.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

[к главе 7]

П. 1 (к с. 154). Я бы хотел несколько остановиться на такой важнейшей категории политической экономии, как стоимость. Она описывает общественные отношения по поводу того, как оценивается товар при обмене его на деньги или другой товар. Марксизм различает стоимость и цену (как превращенную стоимость), многие другие направления считают эти понятия синонимами. Вокруг категории стоимости разгорались нешуточные страсти. Трудовая школа, вершину которой представил Маркс, утверждала, что стоимость товаров бывает только трудовой и она в целом соответствует либо количеству труда, на него затраченного, либо нормальному для данного общества количеству труда для такого производства. Из идеи трудовой стоимости возникало много проектов уничтожения денег, введения т. н. «трудовых денег» и тому подобных утопий, которые при попытках их реализовать постоянно проваливались.

Были и другие в той или иной степени верные подходы. Так, некоторые экономисты, исходя из предпринимательской практики, полагали, что стоимость образуется из фактических затрат и ожидаемой средней прибыли. Не лишены были некоторого обоснования и психологические теории (предельной полезности и др.), которые определяли стоимость как психологическую готовность покупателя и продавца купить и продать товар за определенную цену.

В самом деле, голодный человек может отдать за хлеб во много раз больше, чем в других условиях, так же, как находящийся в безвыходном положении продавец продаст вещь за бесценок. Но ясно, что в огромных товарных потоках действуют в основном иные законы формирования цен. Имела основания и идея факторов производства (Сэй), согласно которой стоимость создается не только трудом, но и другими факторами производства: капиталом и землей. Хотя надо заметить, что с развитием науки, разделения труда, социальной сферы факторов производства становится много больше.

Но наиболее распространенной являлась теория спроса и предложения, которая определяла цену (стоимость) как результат спроса и предложения (что на графике выглядело бы как пересечение их кривых). Естественно, что конечная цена часто не совпадает с предложениями производителей и желанием покупателей. Эта теория, однако, будучи весьма практичной, все же не объясняет природы процесса образования стоимости, а лишь регистрирует его. Я не отношу себя к специалистам экономической науки. Однако, не разобравшись в этом вопросе, я не мог быть уверен в верности своей концепции распределительных отношений. Найдя его решение, я убедился в том, что иду по правильному пути. Но предварительно, признаюсь, мне весьма долго пришлось штудировать «Капитал», а также ряд работ западных экономистов и по истории политэкономии.

В чем мне видится ограниченность указанных подходов к определению стоимости? Главное в том, что все школы исходили из предположения, что процесс обмена (и образования стоимости) социально нейтрален, т. е. обусловлен самыми разными причинами, но только не характером общества, в котором происходит. Это тем более странно, что, например, Маркс определял стоимость именно как общественное отношение. А ведь мы уже говорили, что несправедливость изначально заложена в любом обществе. Правда, в каждом обществе характер неравенства и несправедливости может быть особым. Следовательно, все ведущие отношения, включая и образование стоимости, носят отпечаток этой социальной несправедливости.

Общество нельзя рассматривать как социально нейтральное поле, а надо учитывать влияние различных социальных единиц и групп на законодательство и политику, экономику и распределение бюджета; юридические и фактические преимущества одних перед другими. Справедливости ради следует сказать, что уже в XIX в. и еще больше в

XX некоторые ученые так или иначе стали включать в процесс образования стоимости те или иные социальные факторы. Особенно это относится к французским экономистам и социологам (Ф. Перру и другие). Были интересные наблюдения и среди историков (например, у Ф. Броделя). Но цельной теории, которая помогала бы использовать категорию стоимости, в социологии истории не было.

Когда я сам стал предпринимателем, мой собственный опыт постоянно подтверждал верность моих теоретических выводов. Экономисты, следовательно, как бы игнорировали то, что образование стоимости во многом заранее предопределено всей совокупностью экономических, социальных и политических отношений. Но вдобавок еще они исходили из условий свободной конкуренции, которой в большинстве известных историкам обществ не было. Политэкономы часто отбрасывали в сторону реальные политические факторы, которые влияли на образование стоимости. Даже налоги, хотя любой предприниматель скажет вам, что едва ли не прежде всего он просчитывает именно налоги. Но если ученые-экономисты на самом деле жили в обществе свободной конкуренции, то я-то жил при социализме и не мог не видеть, что цены образуются по команде правительства.

Конечно, исследователь, который изучает экономические процессы современного ему общества, многим из сказанного может пренебречь. Но я-то хотел иметь теорию стоимости, которая годилась бы для анализа всей социологии истории, поэтому данные выводы были для меня важнейшими. В докапиталистических, социалистических и даже в ряде капиталистических стран существовали монополии, регулирование цен государством, неэквивалентный обмен и пр. и пр., чего нельзя было не учитывать, как нельзя не принимать во внимание, что и сегодня в процессе образования стоимости всеми своими действиями участвует государство, делая производство и торговлю сложнее или проще, дороже или дешевле, престижнее или нет.

В конце концов я пришел к выводу, что **стоимость — это один (иногда очень важный) из видов распределительных отношений**. И понять ее вне комплекса этих отношений сложно, поскольку она неизбежно отражает особенности всей системы распределения.

Весьма важным был и вопрос, тесно связанный с предыдущими, о том, образуется ли собственно стоимость в производстве или же в обращении, т. е. в процессе обмена. Маркс утверждал, что, поскольку стоимость имеет трудовую природу, она возникает именно в

производстве, а в обращении ничего подобного быть не может. Однако это не вязалось с бесчисленными фактами неэквивалентного обмена, завышения или занижения цен и т. п. Другие школы — предельной полезности или спроса и предложения — стояли как раз за то, что стоимость возникает в обращении. Они более правы, хотя и неполно раскрывают суть дела.

Мне картина видится следующим образом. В производстве возникает то, что можно назвать потенциальной стоимостью. Но общество (в лице его части, группы, представителя и т. п.) еще должно признать ценность произведенной вещи. А это происходит далеко не всегда, иначе не было бы сбоев со сбытом или ажиотажного спроса. Таким образом, когда потенциальная стоимость в процессе обращения превращается в стоимость и цену, то эти величины могут существенно не совпадать. Говорить, что стоимость возникает в производстве, все равно как утверждать, что оценка на экзамене выводится уже в процессе подготовки к нему. Все знают, что уровень подготовки и оценка тесно связаны, но все также понимают, что слишком многое зависит от конкретной ситуации на экзамене и многого иного.

П. 2 (к с. 157). В своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» А. Смит отмечал, что налог может брать или удерживать из карманов народа гораздо больше, чем он приносит казначейству, четырьмя следующими путями: во-первых, собирание его может требовать большого числа чиновников, вымогательства которых могут обременять народ добавочным налогом, во-вторых, он может затруднять приложение труда населению и препятствовать ему заниматься теми промыслами, которые могут давать средства к существованию и работу большому множеству людей. Обязывая людей платить, он может этим лишать или даже уничтожать фонды, которые бы дали возможность с большой легкостью делать эти платежи. В-третьих, конфискациями и другими наказаниями... он может часто разорять их (людей, пытающихся уклониться от налога. — Л. Г.) и, таким образом, уничтожать ту выгоду... от приложения капиталов. Неразумный налог создает большое искушение для контрабанды, а кары за контрабанду должны усиливаться в соответствии с искушением. В-четвертых, подвергая людей частым посещениям и неприятным расспросам сборщиков налогов, он может причинять им много лишних волнений, неприятностей и притеснений. Пусть читатель приложит эти ошибки и глупости налогообложения к современной нашей жизни, чтобы ему стало ясно, на каком уровне в

этой области мы находимся.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

[к главе 8]

П. 1 (к с. 164). Российскому гражданину весьма полезно прочитать те замечания, которые Арон делает о молодой демократии. «Известны конституционно-плюралистические режимы, которые разлагаются из-за того, что у них нет еще глубоких корней в обществе...

Первая, простейшая, самая распространенная трудность, связанная с укоренением режима, — это несоблюдение конституционных правил. В конце концов регламентация правил соперничества отдельных лиц, групп, партий — отличительная черта этих режимов. Любое насильственное нарушение правил не что иное, как неуважение к сущности самого режима». Арон также отмечает, что делу сильно вредит экстремизм, когда «многие (если не все) партии склонны выставлять экстремистские требования. Но для жизнеспособных режимов необходимо, чтобы породившие их партии действовали в соответствии с законами».

«Вторая помеха укоренению режима обусловлена тем, что олигархия использует в своих целях конституционные формы действий. На каком-то начальном этапе вовсе не плохо, что всю тяжесть власти несет один правящий класс, наделенный соответствующим самосознанием... Однако важно, чтобы олигархии всерьез благоволили таким государственным формам, содействовали развитию общества и ведению хозяйства на разумных началах. Опасаться же приходится того, что олигархии, настроенные против подлинного соперничества партий и, следовательно, против упразднения собственных привилегий, станут использовать конституционные формы в корыстных целях... Конституционные методы, формальное уважение свобод личности могут переродиться в орудие сохранения отживших привилегий. В таком случае режим находится в состоянии разложения, точнее говоря, он еще не воплощает своей идеи, потому что абсолютная власть правящего меньшинства противоречит назначению режима. Есть и другие сложности...» [3; 137–9].

П. 2 (к с. 184). Я приведу выдержку из книги Каутского о том, как различалась классовая борьба в древнем мире в зависимости от особенностей государственного и общественного устройства.

Оговорюсь только, что, поскольку марксисты, в т. ч. и Каутский, понимали под классовой борьбой главным образом активные действия угнетенных классов, утверждения об отсутствии такой борьбы на Востоке, на мой взгляд, неверны. Действительно, многих ее форм там не было, но были иные, менее организованные, заметные, жесткие. «В больших государствах Востока, как правило, борьба трудящихся классов за улучшение их участи была невозможна. Хотя там были налицо большие классовые противоречия, однако лишь в исключительных случаях дело доходило до борьбы между высшими и низшими классами. Лишь случайно и под влиянием специальных причин происходили там взрывы классовых противоречий, происходили восстания, продиктованные отчаянием и не имевшие никакого смысла и никаких шансов на успех. Их обычным итогом было кровавое подавление, после чего участвовавшее в восстании население оказывалось в более худшем положении, чем прежде. И даже в тех немногих случаях, когда дело обстояло иначе, эта борьба приводила в лучшем случае лишь к смене нескольких правящих лиц или к отмене какого-либо особенно стеснительного нововведения, не приводя ни к каким существенным изменениям.

Совсем иначе дело обстояло в свободных государствах Греции. Здесь мы видим не только наличие классовых антагонизмов и случайные вспышки восстаний, но постоянную классовую борьбу, которая ведется с большой настойчивостью и которая, несмотря на отдельные неудачи, приводит в общем к непрерывному постепенному подъему низших классов, к подъему демократии. Классовая борьба делается здесь жизненным элементом существования государства. Участие в такой борьбе не только было далеко от того, чтобы считаться предосудительным, а наоборот, оно превратилось в выполнение гражданского долга. В Афинах со времени Солона был в силе закон, согласно которому каждый, кто при взрыве внутренней борьбы не примыкал ни к какой партии и не защищал ее с оружием в руках, лишался своих гражданских прав» [24; 334 – 5]. В другом месте он делает еще одно интересное замечание: «Господствующая часть граждан (в Афинах и Риме. — Л. Г.) думала лишь о том, чтобы эксплуатировать государство, а не о том, чтобы ему служить» [24; 359].

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

[к главе 9]

П. 1 (к с. 191). Побуждение людей к самосовершенствованию видно в ряде религий и философий, особенно Востока, но это же относится и к некоторым учениям античности. В христианстве также утверждалось, что человек путем самосовершенствования может достичь святости и особого высшего состояния души. Отсюда всякого рода схимники, отшельники, пустынники, столпники и т. п. Разумеется, лишь небольшое меньшинство людей воспринимало эти вещи как дело жизни, хотя иногда уход в монахи становился массовым.

Исторически все же получилось так, что вершин совершенствования и самосовершенствования человеческого духа и тела достигли лишь в некоторых сектах и общинах Востока (в основном в Индии и в буддистских странах). Благодаря целенаправленным занятиям люди могли обрести гармонию духа и тела. Но само собой, что пройти такие сложные испытания могли лишь немногие. На Западе в конце средних веков был избран иной путь решения социальных вопросов: через подъем производства, ликвидацию политических и социальных пут. Это привело к победе над, казалось бы, вечными проблемами голода, нищеты и т. п. Однако теперь в развитых странах остро ощущается разрыв между материальным изобилием и духовной бедностью масс. Отсюда в последние десятилетия большая тяга к описанному выше наследию Востока: методы лечения, восточные единоборства, философии, этические и религиозные учения, йога, различные способы самоконтроля и саморегулирования, даже взгляды на секс и т. п. Быть может, такой синтез даст положительный результат?

П. 2 (к с. 202). Мы уже говорили о связи производства и нравственности (морали): см. Прил. 4, п. 2. Посмотрим на примере Японии это еще раз, чтобы убедиться, что культура, традиции и т. п. часто порой неразрывно связаны с производством и распределением. А также, чтобы понять: успехи японцев объясняются не только их чисто организационными или техническими удачными решениями, но и умением этой нации органически соединить современное производство с особенностями своего духовного склада. Привожу цитаты из книги М. Моритани «Современная технология и экономическое развитие Японии» (Пер. с англ. М., 1986).

«Применительно к каждой стране можно сказать, что все технологии и все виды выпускаемой продукции в конечном счете являются отражением ее культуры. И японская технология глубоко связана с

национальной культурой, образом жизни и природными условиями» (с. 73). «В Японии между рабочими нет языковых барьеров. Культурная и этническая однородность японцев настолько глубока, что зачастую рабочие понимают друг друга без слов. Такая однородность — божий дар для японской индустрии» (с. 89). «Сущность духа «самураев» в современных корпорациях — это отношение к своей конкретной работе как к призванию. При таком отношении организация дела — важнее, чем ее сегодняшние результаты — прибыль. Даже в отраслях, не имеющих перспективы к дальнейшему росту, живо стремление сохранить дело и преодолеть трудности. Когда в какой-либо отрасли появляются признаки застоя, ее фирмы не спешат сдавать позиции, управляющий сохраняет приверженность, даже привязанность к делу как таковому, выработанную долгими годами практической работы... Именно эта приверженность конкретному делу питает успехи Японии в техническом обновлении» (с. 85). Автор также поясняет, что военное сословие самураев сделало физические занятия доблестью, что отразилось и на отношении к фабричному производству. И сейчас большинство выпускников японских колледжей идут в отделы, занятые именно производством, что считается почетным, в отличие от Европы, где производственная деятельность в среде элиты не пользуется большим уважением. Он также говорит, что в мандариновском Китае ведущее сословие шеньши презирало физический труд, что было одной из причин отсталости страны в конечном счете и одним из отличий Японии и Китая.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

[к главе 11]

П. 1 (к с. 242). Я бы хотел рассмотреть, каковы различия между частной собственностью второй и третьей формаций. Для этого обращусь к идеям работы Л. С. Васильева «История Востока»¹, которые требуют, на мой взгляд, дополнительного уточнения и развития.

Васильев много раз сравнивает развитие Востока и Европы и приходит к выводу, что главным моментом, «мутацией», определившей в конечном счете превосходство Европы, было появление в античной Греции частной собственности. В Афинах она впервые стала

поддерживаться государством, что привело к ее укреплению, развитию и юридическому оформлению. А поскольку Западная Европа наследовала с греко-римской традицией и более развитую частную собственность, у нее создались хорошие возможности для рывка. Сказанное, бесспорно, правильно и очень важно. Так же верно и то, что в обществах второй формации с развитой частной собственностью многое обстоит по-иному, чем у соседей: могут раскрепоститься личность, начаться взлет культуры, появиться некоторые элементы капитализма (особенно в денежном обращении) и т. п.

Но — при всей их важности — это такие изменения, которые не влекут смены формации, что и доказывает история Афин и Рима. Поэтому идея Васильева полностью не объясняет, какие же причины подтолкнули Европу к развитию промышленности, машинной техники, капитализма и переходу к новой формации в XIII–XVI вв., почему произошел промышленный переворот в Англии в XVIII в., окончательно поставивший барьер между Востоком и Западом. По поводу комплекса этих обстоятельств говорится в § 1, 2, гл. 14. Здесь же я хочу подчеркнуть лишь одну из главных причин перехода Европы к новой технической базе и принципу производства: **в частной собственности в ряде стран к этому времени на первое место стало выходить качество, которое у ее античной «родственницы» имелось лишь в зачаточном состоянии, а с этим изменилась суть данного института.** Поясню сказанное.

Само по себе наличие частной собственности еще не гарантирует от застоя, паразитизма, регресса и пр. Если взять, например, страны древнего и средневекового Востока, то общеизвестно, что она появилась там довольно давно и существовала, лучше или хуже развитая, в различных формах почти везде. Но главная политическая и экономическая власть сосредоточивалась в руках государства, которое с помощью налогов, принудительного труда и т. п. отчуждает основную прибавочный продукт. Такую нерасчлененность в нашей науке нередко называют властью-собственностью (Васильев широко пользуется этим понятием). Причем правительство, хотя и допускает развитие частной собственности, но сдерживает ее, не заинтересовано в усилении таких собственников. В случае же ослабления государства (как четко показал Васильев) частная собственность не ведет к прогрессу, а, напротив, становится разрушительной силой. Она пытается заменить собой власть в деле эксплуатации и присвоения

прибавочного продукта, но другие государственные задачи на себя не берет (поскольку это противоречит природе капитала, лишь сегодня начинающего понимать выгодность затрат, например на социальные гарантии, образование и пр.). Итак, власть-собственность начинала превращаться в собственность-власть, где собственность выходила на первое место, но обычно в своем паразитическом виде. Слишком долго так продолжаться не могло: государство усиливается и ограничивает собственников. Это характерно и для Востока, и для Запада, и для России.

До перехода к капитализму частная собственность выполняла следующие основные задачи — аккумуляции богатства, одного из механизмов эксплуатации, посредническую, торговую. Нередко она и вовсе становилась паразитом, например в ростовщичестве, или беря на откуп государственные налоги, или давая займы монархам, или приобретя права на монопольную деятельность, или присасываясь к знати — словом, сотрудничая с ведущей силой в деле внеэкономического отчуждения. Производственное же ее значение было скромным. И это неудивительно. Ведь капитал устремляется прежде всего в те секторы, где прибыль наибольшая, а условия наилучшие. А это бывало при сотрудничестве с государством, особых условиях торговли и т. п.

Следовательно, частная собственность, особенно в товарно-денежной форме, всегда обладает рядом важнейших свойств: стремлением к инициативе, расширению, поиску наиболее прибыльных вложений. Но в условиях, когда существуют сильно государство, поддерживающее традиционный строй, либо всевластие феодалов, либо рабовладение; когда нет потребности расширять производство, экономить труд либо отсутствуют условия для этого, частная собственность играет важную, но в целом подчиненную и ограниченную роль. И выйти за ее пределы она не в состоянии.

Для древнего и средневекового миров известно много и чисто торговых государств, где частная собственность в ее товарно-денежной форме, наиболее близкой капиталистической, была высоко развита. Но ведь обычно это баснословно прибыльная, уникальная, монопольная торговля, за которую неизбежно разгорались борьба и войны с конкурентами. И тогда раньше или позже политические и военные проблемы оттесняли экономические. А бывало, что огромный приток средств приводил к паразитизму и приостановке развития. Но

главное — такая экономика держится на совершенно особых геоисторических условиях и потому неповторима в других местах. Исчезают эти условия — сокращается и мощь торгового государства, а то и вовсе меняется характер хозяйства.

И все же именно в таких местах в конце концов должен был начаться и начался процесс перехода к новому способу производства. В некоторых странах Европы торговый капитал стал перерастать в промышленный. Но для этого потребовалось все то, что необходимо для рождения нового качества: сочетание многих условий, определенное время, ряд моделей, из достижений которых в конечном итоге и вылепилась прогрессивная. О причинах перехода к промышленной революции уже говорилось и еще будет сказано. Подчеркну лишь одну из неперенных: разделение экономической и политической сфер. Частной собственности нужна была политическая и юридическая защита, при этом устанавливался определенный баланс: государство не позволяло слишком грабить собственников и менять правила игры, собственники не могли подменить государство, разложить его.

Каков же вывод? **Мысль Васильева о «мутации» частной собственности в античности необходимо развить. В новое время произошла вторая «мутация», без чего немислим был переход к третьей формации. Правильнее даже говорить о целом ряде «мутаций» от Ита- лии XIII–XV вв. через Германию и Голландию до Англии XVIII в., в результате которых частная собственность соединилась с производительным капиталом. Только тогда она становится основной и движущей силой постоянного количественного и качественного роста экономики, трудосбережения, новых способов хозяйствования. И так, разница между частной собственностью второй формации, когда прибыль идет на накопление сокровищ, паразитизм, расточительство, и третьей — промышленной — должна быть вам ясна.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

[к главе 12]

(К с. 261). Вот что рассказывает наш российский путешественник о языке племени яномаи (оно живет у истоков реки Ориноко в Южной Америке), в котором провел некоторое время: «...Здравствуйте, до свидания, спасибо, будьте любезны, пожалуйста — этого нет. Я тебя вижу — и зачем говорить «здравствуй»? Ты ушел и ушел. Степени

превосходства: замечательный, очаровательный, восхитительный — нет. Есть хорошо и плохо. Если я хочу сказать «очень», произношу междометие «ыхм». Если мне понравилась женщина, говорю «ыхм», и здесь целая гамма моих чувств. Что остается? Самые простые вещи — сядь, встань, иди сюда, да, нет...

Допустим, я сижу у костра. Подходит индеец, встает у меня за спиной. Я продолжаю смотреть на пламя. Он тяжело вздыхает, как бы обозначая свое присутствие, я киваю головой. Он садится рядом. Если бы подошел наш соотечественник, он бы сказал: «Старик, привет. Не спишься? Мне тоже не спится. Погода классная, да? О чем вообще ты думаешь?» И начался бы этот поток. Здесь все очень просто и предельно понятно. Как говорят мои друзья чукчи: зачем язык обзагубить» («Комсомольская правда» от 22 июня 1995 г.).

Но, разумеется, как и все люди, дикари весьма любят поболтать, хотя для выражения многого их язык беден. Однако здесь важны общие воспоминания, совместные действия, о которых достаточно только напомнить. Ведь и сегодня друг может сказать другу: «Помнишь того придурка в синих шортах?» И они могут долго хохотать или ругаться по поводу только им известных воспоминаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

[к главе 12]

(К с. 262). Например, некоторые племена австралийцев ясно не осознают связи между половым актом и беременностью женщины. По их представлениям, женщина беременеет, когда в нее переселяется дух кого-то из умерших (предков, сородичей). Поэтому те женщины, которые не желают беременности, стараются как можно быстрее пробежать места захоронений, чтобы духи не успели попасть к ним внутрь.

Подобные представления существуют и в других местах. Так, жители Тробрианских островов (район Новой Гвинеи) «глубоко верили, что муж не связан биологически с детьми своей жены. По их убеждению, беременность происходит лишь по одной причине: дух-родственник замужней женщины вселяет в ее тело духа-ребенка. Кенкель объясняет это следующим образом: «Жители Тробрианских островов вступали в контакт с иностранцами, и им известна «болтовня

миссионеров», утверждавших, что зачатие происходит в результате полового сношения и мужчина играет важную роль в продолжении рода. Они считают эту «теорию» совершенно бессмысленной и приводят вполне убедительные, но не всегда логически обоснованные доводы, доказывающие ее полную нелепость. Например, упоминалось несколько случаев, когда мужа не было дома более года, и, вернувшись, он находил в доме новорожденного младенца. Вместо того чтобы обвинить жен в измене, считавшейся среди жителей островов серьезным преступлением, мужа искренне радовались, что боги-духи посетили дом в период их отсутствия. Один муж, оказавшийся в такой ситуации, считал это веским доказательством того, что половые сношения абсолютно не связаны с рождением!» [37; 395].

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

[к главе 13]

(К с. 278). Надо отметить, что многие общества были не способны дойти до второй фазы сельскохозяйственной революции из-за того, что начали разводить «тупиковые» культуры (то же касается и специализации животноводства). Ведь иные сельскохозяйственные народы, по сути, занимались огородничеством, разводя тыквы, горох, огурцы, капусту, бобы и т. п. Конечно, в копилку человечества вошли все культуры и животные, но «локомотивными» оказались лишь некоторые. «Если и есть на Земле, — пишет Васильев, — самостоятельные — иные, кроме ближневосточного, — центры неолитической революции, то в Евразии это именно юго-восточно-азиатский: здесь археологи нашли следы раннеземледельческих культур едва ли не большей древности, чем ближневосточные. Однако существенная разница в том, что земледелие в этом регионе было представлено выращиванием клубне- и корнеплодных (особенно таро и ямс), но не зерновых». И далее он отмечает, что «эта разница не только колоссальная, но и в некотором смысле роковая по результатам...» Клубни не только уступают зерну по полезным свойствам, но их, особенно в жарком климате, не сохранишь долго. В результате этот вариант сельскохозяйственной революции не привел к результатам, даже близко сопоставимым с ближневосточными» [14;

296—7].

Иное дело, скажем, кукуруза или рис. «Маис — определенно чудесное растение. Он быстро формируется, и фактически его зерна бывают съедобны даже еще до того, как созрели. Урожай в сухой зоне колониальной Мексики составлял сам-семьдесят — сам-восемьдесят». Но были и гораздо более высокие урожаи. «В той же Мексике в жарких и умеренных районах удается даже получать два урожая — риего (с орошением) и темпораль (за счет осадков)» [см. 12, т. 1; 177—8].

Рис — исключительная культура в том смысле, что земле не требуется отдыхать, а следовательно, можно было постоянно и все более интенсивно использовать каждый клочок. В Китае постепенно основной житницей стал юг, где умудрялись собирать два, а иногда и три урожая (в промежутках между двумя рисовыми еще какой-нибудь злак).

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

[к главе 13]

(К с. 286). Жорж Дюби говорит о культуре таких итальянских республик, как Флоренция: «Высшая культура здесь не была теологической. Она была практической, гражданской, светской, основанной на римском праве, преподававшейся в университете в Болонье, опиравшейся на расчет, а в своих вершинных проявлениях — на учение Аристотеля...» «Действительно — и в этом проявлялся новый дух — рукой художника больше не водили служители Церкви. Ею водили теперь государственные мужи. В центральной Италии во главе городского управления стояли деловые люди. Их нравы еще были суровыми, они рукоплескали Данте, славившему строгость древних флорентийцев и порицавшему склонность к роскоши у их потомков». «Память о свободе Рима питала эту гражданскую идеологию. Ее воплощением были предпринимавшиеся работы по украшению города, которые доверялись художникам, избранным на основании конкурса, и были призваны чтить культ единственной богини — богини города» [20; 206, 207, 211].

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

[к главе 14]

(К с. 296). Это, несомненно, спорный и трудный вопрос, так что, как иронизирует Э. Тоффлер, никто точно не знает, почему же совершилась промышленная революция. И как всегда, когда впервые происходит переход к новому качеству, налицо неповторимое сочетание внутрен- них и внешних факторов, а также особенностей предыдущего развития. В числе последних: меньшее распространение крепостного права и раннее его уничтожение; более подвижные социальные перегородки, в т. ч. возможность дворянам заниматься коммерцией; значительное развитие частной собственности и правовых отношений; удачно проведенная (без гражданской войны) реформация и др. Об оптимальных пропорциях территории и населения мы уже говорили. Очень важны островное положение и внешняя безопасность. Бесспорно, Британия выиграла и от войн в Европе (поскольку из разных стран туда переселялись мастера), и от географических открытий. Возможность «лишним» людям уезжать в колонии рано дала толчок в направлении экономии труда. Наконец, огромна роль успешных политических революций XVII в., превративших ее в конце концов в конституционную монархию, открыв беспрепятственный путь для капитализма. Англичане сумели победить свою главную соперницу — Голландию. Таким образом, к XVIII в. Англии удалось решить главные внутренние и внешние проблемы, чтобы начать невиданный рывок.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

[к главе 15]

(К с. 298). Посмотрим, каковы предпосылки научно-технической революции, созданные в подготовительный этап (первая половина XX в.). Во-первых, на заводах вместо общего парового появились индивидуальные электродвигатели; во-вторых, колоссально распространяется элек- троэнергия и открывается ядерная; в-третьих, множится число машин- автоматов и невиданно внедряется стандартизация, а с ней и научная организация труда; в-четвертых, новые виды связи и изображения: кино, радио, первые телевизоры.

Радио позволяет связать любую точку планеты, управлять на расстоянии. В-пятых, изменения в транспорте: автомобили, самолеты, первые ракеты. В-шестых, искусственные материалы. Наконец, в годы Второй мировой войны в США создают первый мощный компьютер. Плюс к сказанному: невиданное укрупнение предприятий, мощнейшее развитие военной техники, науки, расширение вмешательства государства в экономику, рост образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Американская модель»: с будущим в конфликте / Под общей ред. Г. Х. Шахназарова / Пер. с англ. М., 1984.
2. Антология экономической классики: В 2 т. М., 1993.
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. М., 1993.
4. Арон Р. Мнимый марксизм / Пер. с фр. М., 1993.
5. Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.
6. Барулин В. С. Социальная философия: В 2 частях. МГУ, 1993.
7. Бергер П. Капиталистическая революция / Пер. с англ. М., 1994.
8. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр. М., 1994.
9. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. М., 1956.
10. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр. М., 1973.
11. Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. Смоленск, 1993.
12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. / Пер. с фр. М., 1986.
13. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1993.
14. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1993.
15. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1993.
16. Власюк В. И. Идеализм современного материализма. Основы теории общественного развития. М., 1994.
17. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. М., 1991.
18. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
19. Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. М., 1969.
20. Дюби Ж. Европа в средние века / Пер. с фр. Смоленск, 1994.

21. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. М., 1991.
22. *Карнап Р.* Философские основания физики / Пер. с англ. М., 1971.
23. *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993.
24. *Каутский К.* Материалистическое понимание истории / Пер. с нем. Т. 2. М.; Л., 1931.
25. *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. М., 1980.
26. *Куличи Ф.* Тысяча огней / Пер. с ит. М., 1969.
27. *Кунов Г.* Возникновение религии и веры в бога / Пер. с нем. М., 1921.
28. *Лабриола А.* Очерки материалистического понимания истории / Пер. с ит. М., 1960.
29. *Леви-Строс К.* Печальные тропики / Пер. с фр. М., 1984.
30. *Липс Ю.* Происхождение вещей. Из истории культуры человечества / Пер. с нем. М., 1954.
31. *Лукач Д. К.* Онтология общественного бытия / Пер. с нем. М., 1991.
32. *Манхейм К.* Идеология и утопия. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. М., 1994.
33. *Моуэт Ф.* Люди оленьего края / Пер. с англ. М., 1963.
34. *Неру Дж.* Открытие Индии: В 2 кн. / Пер. с англ. М., 1989.
35. *Раппопорт Х.* Философия истории в ее главнейших течениях. СПб., 1899.
36. *Рассел Б.* История западной философии: В 2 т. / Пер. с англ. Новосибирск, 1994.
37. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. М., 1994.
38. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
39. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / Пер. с фр. М., 1987.
40. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. М., 1991.
41. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии / Пер. с англ. М., 1990.
42. *Фишер С.* и др. Экономика / Пер. с англ. М., 1993.
43. *Чайлд Г.* Прогресс и археология / Пер. с англ. М., 1949.
44. *Шницерман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
45. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерк морфологии мировой истории. Т. I / Пер. с нем. М., 1993.
46. *Юнг К.* Психология бессознательного / Пер. с нем. М., 1994.
47. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ 13

§ 1. Философия и история 13

§ 2. Социология и социология истории 19

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Глава 2. О ЗАКОНАХ ИСТОРИИ 24

§ 1. Вопрос из категории «вечных» 24

§ 2. Поиски решения проблемы 26

§ 3. Понятие общественного закона 30

§ 4. Некоторые основания общественных законов 39

§ 5. Об уровне законов 43

§ 6. Характер законов. Закономерность и случайность 46

§ 7. Типы законов 52

§ 8. Краткие итоги 53

Глава 3. О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ 55

§ 1. Подходы к проблеме	55
§ 2. Понятие движущих сил истории, их классификация и характеристика	57
§ 3. Историческая эволюция и внутреннее развитие	63
§ 4. Шаги истории. Обзор исторического развития	68
§ 5. О роли личности в истории	75
§ 6. Краткие итоги	86
Глава 4. НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И ЕГО КРИТЕРИЙ	
§ 1. Введение в проблему. Сложности и противоречия теории прогресса-регресса	87
§ 2. Понятие прогресса. Его законы и типы	92
§ 3. Критерий прогресса	96
§ 4. Производительные силы и прогресс в отдельных обществах	101
§ 5. Несколько замечаний о прогрессе сегодня	104
§ 6. Краткие итоги	106

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА (социология истории)

От автора 108

Глава 5. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ И СПОСОБАХ ЕГО АНАЛИЗА	
§ 1. Понятие общества	110
§ 2. Некоторые подходы к анализу структуры общества	111
§ 3. Другие способы анализа структуры общества: сферы общественной жизни; базис и надстройка; общественное бытие и общественное сознание	116
Глава 6. ПРИРОДНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВА	
§ 1. Понятие географической среды	122
§ 2. Географическая среда и производительные силы	126
§ 3. Понятие производительных сил	130
§ 4. Структура производительных сил и взаимодействие структурных элементов	134
§ 5. Производственная организация общества	138
Глава 7. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ РОЛЬ	
§ 1. Введение в проблему	144
§ 2. Понятие распределительных отношений	148
§ 3. Распределительные отношения как система. Их главные виды	153
Глава 8. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ОБЩЕСТВА	
§ 1. Общество и государство. Государство как центр	160

общественной системы	160
§ 2. Соотношение политической и других подсистем общества	167
§ 3. Основы общественного неравенства и социальное деление общества	171
§ 4. Этнический момент в политической и социальной организации общества	178
§ 5. Классы и другие социальные единицы. Их взаимоотношения и соотношения	181

Глава 9. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ 188

§ 1. Краткая характеристика общественных отношений	188
§ 2. Взгляд на общественное сознание и общественное бытие	192
§ 3. Структура и формы общественного сознания	199

Краткие итоги второй части 205

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

От автора 208

Глава 10. ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 209

§ 1. Введение в проблему. Необходимость особых категорий	209
§ 2. Производительные силы и принцип производства	211
§ 3. Распределительные отношения и тип отчуждения благ и личности	215
§ 4. Способ производства и отчуждения, формация исторического процесса и другие категории	217

Глава 11. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 219

§ 1. О разных подходах к периодизации истории. Формации и цивилизации	219
§ 2. Некоторые замечания о смене способов производства	223
§ 3. Понятие производственной революции. Ее теоретическая модель	228
§ 4. Краткая характеристика формаций и некоторые замечания об их смене	237

Глава 12. ПЕРВАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 244

§ 1. От доистории к истории	244
§ 2. Географическая среда и производительные силы	246
§ 3. Основное противоречие	251
§ 4. Общественные отношения и организация общества	255
§ 5. Общественное сознание	260

Глава 13. ВТОРАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 265

§ 1. Преодоление противоречия прежней эпохи. Переходные общества	265
--	-----

§ 2. Развитие и упадок родового строя. Догосударственные политические формы	270	
§ 3. Образование государства	275	
§ 4. Производительные силы и географическая среда. Основное противоречие	278	
§ 5. Общественные отношения и устройство обществ	281	
§ 6. Общественное сознание	285	
Глава 14. ТРЕТЬЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА		288
§ 1. Запад и Восток. Переход к новому способу производства и преодоление противоречия прежней эпохи	288	
§ 2. Производительные силы. Географический фактор и колониализм	294	
§ 3. Основное противоречие. Социализм	298	
§ 4. Общественные отношения и устройство обществ. Общественное сознание	301	
Глава 15. ЧЕТВЕРТАЯ ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: В НАЧАЛЕ ПУТИ	306	
§ 1. Кризисы первой половины XX века и частичное разрешение противоречия прежней эпохи. Производительные силы и экологический кризис	306	
§ 2. Глобальные проблемы человечества	311	
§ 3. Сегодня и завтра: основное противоречие современной эпохи	314	
§ 4. Общественные отношения и общественное сознание: национальное и общечеловеческое	319	
Краткие выводы третьей части	323	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О МЕТОДАХ И ПРИНЦИПАХ ЭТОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	325	
Приложения	328	
Литература	347	

Гринин Леонид Ефимович
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

(Опыт философско-социологического анализа
некоторых общественных законов
и построения теории всемирно-исторического процесса)

Пособие для студентов по социальной философии и социологии
Издание 3-е, переработанное и дополненное

Ответственные за выпуск: **Л. Е. Гринин, Л. Н. Ситникова**
Редактор **Л. Н. Ситникова**
Корректоры: **М. С. Бельская, С. М. Орешкина**

Издательство «Учитель»
400067, Волгоград, п/о 67, а/я 32

Сдано в набор 9.01.2003. Подписано в печать 9.04.2003. Формат 60х84/16.
Гарнитура Таймс. Бумага газетная. Печать офсетная. Физ. печ. л. 22.
Усл. п. л. 20,46. Тираж 4000 экз. Зак. 2

Набрано и отпечатано во ФГУП «ИПК «Царицын»
400131, Волгоград, Привокзальная площадь, 2